

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кошелева Полина Юрьевна

**Проект «испанского брака» Карла Стюарта в контексте европейской
политической культуры раннего Нового времени**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Дмитриева О.В.

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4
Обзор источников	15
Обзор литературы	63
Глава 1. Матримониальная стратегия в контексте внешней политики Якова I	92
1.1. Яков I в роли международного арбитра и миротворца (1603 – 1618)	93
1.2. Парламент 1614 г.: реакция на матримониальную политику Якова I	98
1.3. Переговоры об «испанском браке» в контексте первого этапа Тридцатилетней войны	106
1.4. Оценки перспективы «испанского брака» в парламенте 1621 г.	111
1.5. Общественная реакция на происпанскую политику Якова I	119
1.6. Процесс переговоров: выработка условий и действия посредников	124
Глава 2. Визит Карла Стюарта «инкогнито» и официальные церемонии при дворе Филиппа IV	130
2.1. Итинерарий Карла Стюарта в статусе «инкогнито»	130
2.2. Церемониал испанского двора и проблема визита «инкогнито»	143
2.3. Торжественный въезд принца Карла в Мадрид	150
2.4. Участие принца Карла в публичных обедах испанского двора	157
2.5. Религиозные церемонии испанского двора	165
2.6. Охота и другие светские развлечения королевского двора в Испании	180
Глава 3. Условия «испанского брака» и дипломатический церемониал на завершающем этапе переговоров	197
3.1. Религиозный аспект переговоров в Мадриде и отношение папы римского к проекту «испанского брака»	197
3.2. Визит «инкогнито» и проблема обмена дарами	204
3.3. Возвращение Карла Стюарта в Лондон	210
Глава 4. Художественные собрания и патронат: опыт знакомства Карла Стюарта с коллекциями испанских Габсбургов	222

4.1. Коллекция Алькасара	228
4.2. Оружейная палата Мадрида – символ победоносной Испании	230
4.3. Монастырь Дескальсас Реалес – благочестие и власть	233
4.4. «Восьмое чудо света» – Эскориал	240
4.5. Приобретения принца Карла: покупки и подарки.....	243
Глава 5. Итоги поездки принца Карла в Мадрид и реакция.....	250
английского общества.....	250
5.1. Диалог короля и парламента после неудавшегося «испанского брака»	251
5.2. Реакция английского общества на несостоявшийся «испанский брак»	257
5.3. «Игра в шахматы» Томаса Мидлтона – политическая аллегория на англо- испанские отношения в период правления Якова I	265
Заключение.....	278
Список источников и литературы.....	286
Список источников:.....	286
Список литературы:.....	294
Приложение 1.....	333

Введение

Содержание научной проблемы. Настоящая работа посвящена проекту англо-испанского брачного союза между принцем Карлом Стюартом и инфантой Марией Анной. Особое внимание в контексте изучения международных отношений Англии и Испании в первой четверти XVII в. уделяется личной поездке Карла Стюарта в Мадрид «инкогнито» в феврале 1623 г., которая стала кульминацией переговоров и знаменовала новый этап внешнеполитической стратегии сторон.

Визит принца в Мадрид стал частью происпанской линии внешней политики Якова I, которую он проводил в течение всего своего правления. Обращение к этому казусу, беспрецедентному для англо-испанских отношений эпохи раннего Нового времени, позволяет затронуть ряд важных проблем данного периода. В рамках изучения истории международных отношений это, в первую очередь, события Тридцатилетней войны, которая развернулась в Европе в первой четверти XVII в. Принятие Фридрихом Пфальцским, зятем короля Якова, короны Богемии из рук чешских «мятежников» привело к осложнениям в отношениях Англии с австрийскими Габсбургами. В свою очередь, испанские Габсбурги, с которыми уже велись переговоры о матримониальном союзе между наследниками, поддержали Фердинанда II, лишившего Фридриха земель Пфальца. Именно вопрос об этих землях стал краеугольным камнем переговоров о браке и причиной вынужденного вовлечения Англии в общеевропейский конфликт.

Визит принца Карла в Мадрид интересен с точки зрения особенностей европейской дипломатической практики. К тому времени была развита система резидентных и ординарных посольств, а при дворах строго соблюдался дипломатический церемониал, который стал важной составляющей политической культуры эпохи. Личным появлением в Мадриде «инкогнито» Карл нарушил устоявшуюся практику и тем самым способствовал изменениям в характере дипломатического общения между

Англией и Испанией. В то же время отклонение от сложившейся традиции позволяет четче определить, что считалось нормой в дипломатической практике первой половины XVII в.

Проект брака между католичкой и протестантом отсылает к европейским конфессиональным противоречиям XVI – XVII вв. Римская курия в лице папы римского Павла V и его преемника Григория XV оказывала большое влияние на католические страны. Брак между английским принцем и испанской инфантой был возможен только с согласия курии и при соблюдении ряда условий, способствовавших улучшению положения английских католиков и возвращению утраченных позиций папы римского в Англии. С другой стороны, проект англо-испанского союза вызывал острую реакцию в английском обществе, поскольку толерантность по отношению к католикам порождала опасения протестантской части населения.

Несмотря на миротворческие стремления Якова I, англо-испанское сближение вызывало серьезные дискуссии в парламенте и способствовало усилению противоречий между королем и парламентариями. Английская интеллектуальная элита выражала сомнения в правильности политики Якова I и транслировала эти идеи посредством полемической памфлетной литературы и театральных постановок, которые стали действенными инструментами политической культуры эпохи.

Актуальность избранной темы определяется важностью изучения истории международных отношений эпохи раннего Нового времени. Начало XVII в. – это период формирования современных международных отношений и искусства дипломатии, а также принципов взаимоотношений между нациями, образования устойчивых коалиций и системы «европейского баланса». Англо-испанские переговоры первой четверти XVII в. являются важным фактором в европейской политике периода Тридцатилетней войны, поэтому их изучение необходимо для понимания специфики эпохи и предпосылок формирования Вестфальской системы международных отношений.

Наряду с этим актуальность темы исследования обусловлена вниманием современной исторической науки к проблемам политической культуры в самом широком понимании, в частности, к вопросам репрезентации власти в сфере дипломатии, механизмам и способам поддержания межкультурного диалога, символическим языкам общения, роли ритуалов и дипломатического церемониала в придворной культуре.

Степень разработанности темы. Тема англо-испанских отношений лежит на пересечении разных исследовательских полей, что требует привлечения большого количества работ по истории международных отношений и развитию дипломатии, а также исследований, посвященных политической истории правления Якова I и политической культуре начала XVII в. (см. раздел «Обзор литературы»). На данный момент исследования в области политической культуры, коммуникации королевской власти и двора переживают подъем. Интерес к этим проблемам проявлялся и в обращении к проекту союза Карла Стюарта и инфанты Марии, получившему в исторической литературе название «испанский брак». Тем не менее, англо-испанские переговоры о браке наследников ранее изучались преимущественно с точки зрения событийной истории: в контексте международных отношений эпохи Тридцатилетней войны и миротворческой стратегии Якова I, а также в рамках отношений между английскими католиками и протестантами. В данной работе, благодаря новому подходу к изучению «испанского брака», были выявлены ранее неизученные аспекты, важные для понимания общеевропейских тенденций в дипломатии и церемониале.

Научная новизна исследования состоит в подходе к изучению составляющих европейской политической культуры сквозь призму англо-испанских отношений первой четверти XVII в. и казуса личного визита английского наследника к испанскому двору. Появление монаршей особы при дворе другого государя «инкогнито» дает возможность проанализировать роль личности во внешней политике, особенности

европейской дипломатической практики, конфессиональные противоречия, особенности придворного и дипломатического церемониала, формы и язык символического диалога двух наций и стереотипы восприятия ими друг друга, способы репрезентации власти, а также значение публичной демонстрации монарших художественных коллекций.

В ходе работы мы расширили источниковую базу исследования, привлекая не только источники личного происхождения - письма и сообщения участников событий, жизнеописания и дневники их современников, но и источники, отражающие нормы церемониала испанского двора – регламенты и ордонансы, а также транслирующие общественное мнение парламентские дебаты, памфлеты и пьесы. С их помощью были выявлены новые сферы научного интереса в изучении «испанского брака»: проблема «итинерариев власти», дипломатических и религиозных ритуалов, вписанных в репрезентационную стратегию правителей XVII в. Особое внимание уделено символическому языку художественных коллекций, архитектуры и «королевских пространств», нацеленному на формирование идеального образа просвещенного государя. Обращение к англо-испанским переговорам и личному визиту Карла Стюарта в Мадрид позволяет по-новому взглянуть на способы реализации власти, роль двора в ее репрезентации и церемониальные особенности придворного этикета. Синтетический взгляд на проект «испанского брака» дает рассмотреть его как явление властной коммуникации на разных уровнях с использованием единого символического языка.

Методологические основы исследования. В основу методологии исследования были положены критический анализ источников и принцип историзма, историко-системный, историко-сравнительный, ретроспективный и хронологический методы. Важное методологическое значение для данной работы имел микроисторический анализ, который дал возможность на основе частного казуса сделать более широкие выводы относительно глобальных проблем эпохи. Поездка Карла Стюарта в Мадрид «инкогнито», которую

можно считать отклонением от принятых норм дипломатического и придворного церемониала, высвечивает фундаментальные основы, характеризующие европейскую политическую культуру эпохи раннего Нового времени.

Политическая культура является частью общей культуры и включает те ее элементы, которые связаны с общественно-политическими институтами и политическими процессами.¹ Это широкое понятие имеет множество составляющих: философские, религиозные и исторические идеи и представления, политические теории и мифы, политические языки, способы выражения общественного мнения, стереотипы, а также политические практики – ритуалы, церемониал, формы символического диалога и репрезентации власти. В данной работе на примере «испанского брака» изучаются представления короля и общества о внешнеполитических целях и задачах Англии первой четверти XVII в., различные практики политического общения, выраженные в дипломатическом протоколе, церемониале двора, формах репрезентации власти, символическом диалоге двух наций и стереотипах восприятия ими друг друга.

Таким образом, **объектом исследования** является поездка Карла Стюарта в Мадрид в 1623 г. «инкогнито», а **предметом исследования** выступают особенности европейской политической культуры первой половины XVII в., рассмотренные сквозь призму «испанского брака».

Цель работы состоит в том, чтобы дать всестороннюю оценку проекта «испанского брака», а также личного визита Карла Стюарта в Мадрид в 1623 г. с точки зрения развития дипломатии и особенностей европейской политической культуры эпохи раннего Нового времени.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

¹ Культура политическая : [арх. 15 июня 2024] // Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004 — 2017. — URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2121009 [дата обращения 22.11.2024].

- ❖ выявить стратегические интересы и политические цели Англии и Испании, обусловившие их сближение, а также побудительные причины личного визита принца Уэльского в Мадрид;
- ❖ дать оценку поездке Карла «инкогнито» с точки зрения ее эффективности как инструмента дипломатии;
- ❖ проанализировать, как визит «инкогнито» повлиял на порядок дипломатического приема и установить, был ли он отражен в нормах испанского церемониала;
- ❖ изучить спектр и характер публичных светских и религиозных церемоний при испанском дворе, их семантику и роль в репрезентационной стратегии испанской стороны и место в ритуальном диалоге Англии и Испании;
- ❖ выявить характер итинерариев принца Карла как частного и как официального лица в контексте изучения «итинерариев власти»;
- ❖ установить, были ли у английской стороны возможности реализовать собственную репрезентационную стратегию при мадридском дворе;
- ❖ проанализировать реакцию английского общественного мнения на планы «испанского брака».

Хронологические рамки работы охватывают период правления Якова I в триедином королевстве Англии, Шотландии и Ирландии с 1603 по 1625 гг., так как все эти годы король следовал миротворческой стратегии, частью которой стала его происпанская политика. Стараясь наладить отношения между христианами, а также прекратить военные действия в Европе, Яков долгие годы стремился к сближению с Испанией и старался закрепить его посредством брачного союза наследников. Именно пример англо-испанских отношений этого периода и путешествие принца Уэльского в Мадрид становятся репрезентативными для выявления особенностей политической культуры раннего Нового времени.

Теоретическая значимость. Данная работа важна для понимания англо-испанских отношений первой четверти XVII в., а также специфических параметров европейской политической культуры эпохи раннего Нового времени. Обращение к прецеденту «испанского брака» и личной поездке английского наследного принца в Мадрид «инкогнито» позволяет уточнить представления об особенностях дипломатии, церемониала дворов, средств репрезентации власти в эпоху раннего Нового времени.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании, в том числе при подготовке лекционных курсов и семинаров по истории Англии и Испании XVII в., истории международных отношений, политической и конфессиональной истории раннего Нового времени, а также для написания обобщающих трудов.

В основе **структуры работы** лежит проблемно-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения. Во **введении** сформулированы основные цели и задачи диссертации, предмет и объект исследования, обоснована актуальность и научная новизна работы, установлены ее хронологические рамки, охарактеризована методологическая база и определены положения, выносимые на защиту. **Первая глава** посвящена матримониальной стратегии Якова I, связанной со сближением с Испанией, и реакции на нее в парламентах 1614 и 1621 гг. Во **второй главе** мы обращаемся непосредственно к поездке Карла Стюарта в Мадрид и его пребыванию при дворе испанского короля Филиппа IV. В особенности нас интересует столкновение церемониала испанского двора с особенностями визита английского принца «инкогнито». В **третьей главе** внимание обращено к условиям брака и к дипломатическим церемониям завершающего этапа переговоров (обмену дарами, официальному возвращению). В **четвертой главе** работы мы сосредоточились на опыте знакомства Карла Стюарта с коллекциями испанских Габсбургов и рассмотрели проблему

художественного коллекционирования как инструмента репрезентации власти. Наконец, **пятая глава** посвящена итогам поездки принца в Мадрид и реакции английского общества на проект «испанского брака». В **заключении** изложены основные выводы и подведены итоги исследования.

Положения, выносимые на защиту:

- После начала Тридцатилетней войны проект «испанского брака» воспринимался Яковом I как единственный способ мирным путем решить проблему Пфальца и избежать втягивания Англии в общеевропейский военный конфликт.
- В ходе англо-испанских переговоров ярко проявилась роль личностного фактора в международных отношениях раннего Нового времени. В то время как проект «испанского брака» вызывал негативную реакцию английского общества, нашедшую выражение в публицистике, а также в парламентских дебатах 1614 и 1621 гг., Яков настаивал на продолжении переговоров. Желание принца Карла ускорить их ход повлекло за собой личную поездку в Мадрид - уникальный случай в англо-испанских отношениях XVI-XVII вв. Беспрецедентным был и избранный формат поездки «инкогнито».
- Визит «инкогнито» представлялся англичанам эффективным инструментом дипломатии. Он позволил принцу добраться до Мадрида, посетив французский двор, без значительных временных и финансовых затрат, а также провести серию неофициальных встреч с Филиппом IV в «маргинальных» пространствах. Однако поездка в статусе частного лица не гарантировала безопасности наследника престола и в итоге привела к дополнительным расходам: отправке в Испанию кораблей со свитой, парадными облачениями и дарами.
- Визит «инкогнито» был новацией, нарушавшей сложившуюся дипломатическую практику. В отношении «инкогнито» французский двор показал гибкость, разрешив Карлу сохранить выбранный статус, в то время как испанский двор придерживался

традиций и проявил бóльшую консервативность. Испанская сторона, приверженная строгому придворному церемониалу и не заинтересованная в скорейшем завершении переговоров, быстро восстановила контроль над ситуацией, переведя визит в статус официального. Водоразделом стала церемония торжественного въезда Карла в Мадрид, воспроизводившая королевскую коронационную процессию и вовлекавшая его в публичное пространство двора и столицы. Универсальный язык символической коммуникации, высокий уровень приема, оказанного принцу, создавали иллюзию возможного успеха брачных переговоров.

- Итинерарии Карла в официальном статусе испанская сторона подчинила собственной репрезентационной стратегии, а также цели возможного обращения принца в католичество. Его знакомили с «королевскими пространствами» Габсбургов, дворцовыми резиденциями и монастырями, имевшими важное символическое значение и демонстрировавшими величие испанской монархии и ее единство с католической церковью.
- Официальное пребывание принца Уэльского при дворе Филиппа IV привело к фиксации этого казуса в нормах этикета испанского двора 1647 г. как модели для приема «иностранным суверенным принцем» в Испании.
- В нарушение дипломатической традиции обмен дарами состоялся только по завершении переговоров. Благодаря щедрым прощальным дарам Карл поддержал свой престиж и укрепил систему «вертикальных» и «горизонтальных» связей с широким кругом испанских политических деятелей, придворных, представителей знати. Попытками принца реализовать собственную репрезентационную стратегию стали публичный обед, данный им в день Святого Георгия, а также демонстрация испанцам английских военных кораблей при его отъезде.

- Опыт ознакомления Карла с художественными собраниями испанских Габсбургов, а также способами их публичной демонстрации оказался важен с точки зрения формирования стратегии визуальной пропаганды будущего короля.
- Провал переговоров привел к резкой смене внешнеполитического курса Англии: подготовке к вступлению в войну и заключению союза с Францией. Большую роль в этом сыграли воинственная риторика принца и герцога Бэкингема, негативные оценки ими приема в Испании и якобы пережитых «унижений», высказанные в парламенте. Анти-испанские настроения были поддержаны депутатами парламента, публицистами, драматургами, выразившими мнение широких слоев общества.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на трех международных (Москва) и четырех всероссийских конференциях (Ижевск, Ярославль, Санкт-Петербург) в течение 2019 – 2024 гг. Основные положения диссертационной работы изложены в следующих публикациях:

1. Кошелева П.Ю. «Игра в шахматы» Томаса Мидлтона и англо-испанские отношения в период правления Якова I // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 2. С. 61 – 73. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.2.38004 (1 п.л., IF по РИНЦ – 0,215)
2. Кошелева П.Ю. Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами // Вестник МГИМО-Университета. № 16 (1). М., 2023. С. 29 – 51. DOI 10.24833/2071-8160-2023-1-88-29-51 (1,5 п.л., IF по РИНЦ – 1,438, SJR – 0,242)
3. Кошелева П.Ю. Итинерарий английского «инкогнито»: принц Карл Стюарт в Мадриде (1623) // Средние века. 2023. Вып. 84(4). С. 150 – 173. DOI: 10.7868/S0131878023040086 (1,5 п.л., IF по РИНЦ – 0,178, SJR – 0,171)

4. Кошелева П.Ю. Памфлеты «*Vox populi*» Томаса Скотта как средство анти-испанской пропаганды в Англии начала XVII века // Клио. Том 12, № 204. СПб., 2023. С. 51-58. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_12_51 (1 п.л., IF по РИНЦ – 0,119)
5. Кошелева П.Ю. Проект «испанского брака» и путешествие Карла Стюарта в Мадрид «инкогнито» в 1623 г. // Путешествия европейских правителей в XVI – XVII веках / под ред. В.В. Шишкина. СПб., 2024. С. 229 – 251. (1,5 п.л.)
6. Кошелева П.Ю. Итинерарии принца Карла Стюарта в Испании (1623) // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы XI-й Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых, Ижевск, 24 – 25 октября 2023 / сост., отв. ред Д.В. Пузанов. Ижевск, 2024. С. 52 – 58. (0,3 п.л.)
7. Биянова П.Ю. Происпанский поворот во внешней политике Якова I // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура Материалы VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 2020. С. 242 – 247. (0,3 п.л.)
8. Биянова П.Ю. Проект испанского брака и внешняя политика Якова I // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIX всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (11–13 ноября 2019 г.). СПб., 2020. С. 610 – 618. (0,5 п.л.)

Обзор источников

Обращение к теме «испанского брака» потребовало привлечения широкого круга источников – преимущественно нарративных и документальных. Наиболее значимыми и информативными для реконструкции поездки принца Карла в Мадрид стали письма и сообщения участников событий, а также жизнеописания и дневники их современников. Общественная реакция англичан на происпанскую политику Якова I ярко проявилась в памфлетах, трактатах, пьесах и парламентских дебатах изучаемого периода. Для изучения традиций придворной культуры испанского двора и пребывания принца Карла Стюарта в Мадриде были привлечены регламенты и ордонансы, фиксирующие нормы церемониала. Перечисленные источники дополняют друг друга и создают общую картину, позволяющую всесторонне рассмотреть «испанский брак», и дающую возможность осмысления особенностей политической культуры раннего Нового времени.

Самой многочисленной группой источников стали письма участников и современников событий за период 1622 – 1623 гг. Письма – это эпистолярный материал неофициального характера, который относится к повествовательным источникам личного происхождения. Переписка во многом близка к мемуарам и дневниковым записям, однако она фиксирует события не с целью сохранить память о них для самого пишущего и его потомков, а для того, чтобы информировать о них конкретное лицо – адресата. Как справедливо отмечает А.Д. Люблинская, письма – это лучшее зеркало общественной жизни во всей ее непосредственности и злободневности.² Они ценны для исследователя тем, что позволяют реконструировать не только непосредственный ход событий, но и политический и психологический климат изучаемой эпохи. Несмотря на субъективность писем, в данном случае переписка принца Карла, короля

² Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 316.

Якова I и их современников позволяет судить о маршруте, ходе поездки, настроениях и целях участников переговоров, переменах в их умонастроениях. Письма содержат отчеты и рассуждения, написанные по горячим следам участниками событий, и помогают взглянуть на переговоры о браке с точки зрения очевидца.

Письма короля Якова I Стюарта являются информативным и репрезентативным источником для изучения поездки принца Карла в Мадрид. Как известно, король оставил богатое эпистолярное наследие, в котором нашли отражение многие проблемы его правления. Большая часть оригинальных писем дошла до наших дней и хранится в государственном архиве в Лондоне (Public Record Office), а также в Британской библиотеке. Кроме того, часть из них попала за границу: в США, Францию, Италию, Испанию и др. С помощью писем Яков общался с членами семьи, фаворитами, министрами, послами. В некоторых письмах описывались политические события, давались инструкции по поведению адресата в различных ситуациях. Основной массив изученных посланий, направленных Яковом принцу Карлу и герцогу Бекингеу в Испанию, хранится в Британской библиотеке,³ в Харлейяновской коллекции манускриптов (Harleian collection).⁴ Коллекция состоит из 7639 томов, а также 14 236 свитков, хартий, законодательных актов и других документов.⁵ Письма Якова I, отправленные Карлу и Бекингеу в 1623 г., составляют манускрипт

³ Наиболее авторитетной публикацией писем короля Якова I является издание Дж. Аккрига, выполненное в 1984 г. В нем указано, что письма под номерами 189, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216 (нумерация Дж. Аккрига) хранятся в Британской библиотеке. - *Letters of King James VI and I* / Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. Berkley etc.: Univ. of California press, 1984.

⁴ Харлейяновская коллекция получила свое название по имени ее создателя – английского политического деятеля сер. XVII– нач. XVIII веков Роберта Харли. Он был одним из величайших коллекционеров своего времени. Его потомки продали коллекцию в фонды Британского музея в 1753 г. за 10 тыс. фунтов.

⁵ Sims R. *Handbook to the library of the British museum*. London, 1854. P. 30.

под номером 6987.⁶ Однако одно письмо из этой серии (номер 209) попало в Лансдаунскую коллекцию (Lansdowne) в том под номером 1238.⁷ Она была создана на базе манускриптов, собранных английским государственным деятелем XVIII в., членом партии вигов Уильямом Петти, первым маркизом Лансдауном. Можно предположить, что маркиз приобрел это письмо, так как оно принадлежало перу короля. Еще одна группа из четырех писем⁸ короля находится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета, они включены в 73 том Таннеровской⁹ коллекции манускриптов.¹⁰

Письма короля были опубликованы в нескольких вариантах. Одним из первых восемнадцать писем Якова издал Генри Эллис в «Оригинальных письмах-иллюстрациях английской истории» (*Original letters illustrative of English History*) в первой половине XIX в. Продолжателем дела Эллиса в 1848 г. стал британский литературовед и издатель Джеймс Орчард Холливел–Филипс.¹¹ Он включил 83 письма Якова в двухтомное издание «Письма короля Англии». Год спустя, в 1849 г. Джон Брюс опубликовал «Письма королевы Елизаветы и короля Шотландии Якова VI»¹². Во всех этих публикациях было сохранено архаичное написание слов, что давало

⁶ Harley E. A catalogue of the Harleian collection of manuscripts purchased by authority of parliament, for the use of the publick; and preserved in the British museum. Vol. 2. London, 1759.

⁷ Лансдаунская коллекция была куплена Британским музеем в 1807 г. Она широко известна благодаря хранящимся в ней государственным бумагам периода Нового времени, а также благодаря иллюминированным средневековым рукописям и геральдическому материалу.

⁸ Письма под номерами 193, 203, 204, 208 (по публикации Дж. Акригга).

⁹ Свое название она получила по фамилии собирателя данной коллекции – епископа Томаса Таннера. Он сохранил значительное число ценных книг и манускриптов, которые завещал передать в Бодлеанскую библиотеку после своей смерти. Его коллекция в основном состоит из церковных документов XVII века, включая переписку церковных деятелей. Кроме того, в ней сохранилось множество документов, относящихся к истории Англии XVI – XVIII веков, к гражданской войне и периоду междоусобицы 1640-1660 гг. В коллекции также содержатся материалы по Кембриджскому университету и некоторые сведения по отдельным личностям и семьям (например, сведения о семьях графства Норфолк и Суффолк и др.).

¹⁰ Hackman A. Catalogi codicum manuscriptorum bibliothecae Bodleianae. Pars quarta. Oxford, 1966. P. 369.

¹¹ Letters of the Kings of England / Ed. by J. O. Halliwell. London, 1848.

¹² Letters of Queen Elizabeth and King James VI of Scotland / Ed. by J. Bruce. 1849.

возможность судить об особенностях письменного языка, характерного для начала XVII в.

Современное издание писем короля было опубликовано в 1984 г. профессором университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада) Джорджем Акриггом (G.P.V. Akrigg).¹³ Оно содержит 227 наиболее важных и показательных писем Якова, которые он оставил в течение своей жизни, начиная с ранних лет и вплоть до своей кончины. Многие письма были опубликованы Акриггом впервые. Важно отметить, что Джордж Акригг в данном издании по большей части не сохранил оригинального внешнего вида писем, для лучшего понимания читателей опубликовав их на современном английском языке.¹⁴ Так как Яков был шотландцем, он довольно часто использовал слова, свойственные англо-шотландскому диалекту. Хотя Акригг в публикации изменил написание слов и скорректировал пунктуацию, он полностью сохранил синтаксис и построение предложений, которые были характерны для писем короля. Большая часть опубликованных писем сохранилась в подлинных рукописях¹⁵, что добавляет ценности изданию, выполненному по ним. Джордж Акригг в своей вступительной статье обращает внимание на то, что многие ранние письма Якова датированы им самим, однако более поздние часто не имеют датировки, заставляя издателя делать попытки собственных датировок на основе описываемых событий.¹⁶

Разумеется, письма Якова I нельзя рассматривать отдельно от ответных писем принца Карла и герцога Бекингема. Наиболее полная публикация писем, речей и прокламаций короля Карла I была выполнена сэром Карлом

¹³ Letters of King James VI and I / Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. Berkley etc.: Univ. of California press, 1984.

¹⁴ Akrigg G.P.V. Introduction // Letters of King James VI and I... P. 36.

¹⁵ Около всех изученных писем стоит пометка «holograph». Это означает, что сохранились автографы каждого из этих писем, и издатель пользовался именно ими при создании публикации.

¹⁶ Akrigg G.P.V. Op. cit. P. 36.

Петри.¹⁷ Она охватывает письма Карла с юных лет вплоть до последних дней его жизни. Издание хронологически разделено на шесть частей. К первой части К. Петри относит ранние годы Карла, когда он был принцем (период 1600 – 1625 гг.), ко второй части относится начало его правления, период с 1625 по 1629 гг. Затем выделяется раздел под названием «Личное правление» 1629 – 1640, когда король управлял Англией без созыва парламента. Далее следуют части, в которых собраны письма и речи короля со времен Долгого парламента (1640 – 1646), а завершающим служит раздел под названием «Последние годы, 1646 – 1649». Ввиду обозначенной темы нас интересует именно первая часть – ранние годы принца и его письма, относящиеся к этому периоду. Большинство писем этой части публикации посвящены теме испанского брака¹⁸ и направлены Карлом совместно с герцогом Бекингом королю Якову прямо из Мадрида. Кроме писем королю внимание привлекают письма Карла английскому послу в Испании графу Бристолу¹⁹ и письмо принца папе римскому Григорию XV (под номером 14, от 20 апреля 1623 г.). Как и Дж. Акригг К. Петри приводит точную датировку для каждого письма, однако в его публикации отсутствует информация о месте хранения рукописей этих писем, что представляется серьезным упущением. Именно поэтому мы не можем точно сказать, где хранится каждое из названных писем, однако известно, что часть писем принца Карла находится в Кларендонской²⁰ коллекции Бодлеанской библиотеки. Кроме того, часть писем находится в государственном архиве (PRO) в разделах, посвященных внешней и внутренней политике Якова I.

Богатыми и разнообразными представляются письма других участников и современников событий. Одним из главных действующих лиц

¹⁷ The letters, speeches and proclamations of King Charles I / Ed. by C. Petrie. London: Cassel, 1968.

¹⁸ По нумерации Карла Петри – письма с номера 6 от 22 февраля 1623 г. до письма под номером 30 от 15 ноября 1623 г.

¹⁹ Письма под номерами 27, 28, 29, 30.

²⁰ Кларендонская коллекция собрана Джорджем Вильерсом, графом Кларендоном и отдана в дар библиотеке в 1949 г.

наравне с королем Яковом, принцем Карлом и герцогом Бекингом со стороны Испании является дон Диего Сармьенто де Акунья, граф Гондомар, который в периоды 1613 – 1618 и 1620 – 1622 гг. был испанским послом в Лондоне. Его по праву считают важной фигурой в англо-испанских отношениях, так как именно с его прибытием в Англию активизировались переговоры о браке английского принца Карла и испанской инфанты Марии. Корпус писем Гондомара, характеризующий его деятельность, опубликован на испанском языке.²¹ Тем не менее, в данном издании нет писем, которые имели бы прямое отношение к проекту брака. В публикации Глена Редворта²² в качестве приложения приведено одно из писем графа Гондомара герцогу Бекингу, написанное в сентябре 1622 г. В нем испанский посол убеждает герцога в том, что личная поездка принца необходима для успеха переговоров. Как и большинство писем Якова I оригинал этого письма графа Гондомара находится в Британской библиотеке, в Харлейяновской коллекции.²³ Из переписки Гондомара и Карла нам были доступны лишь два ответных письма принца. Как и письмо Гондомара, они были опубликованы Гленом Редвортом в другой, более ранней работе, относящейся к теме испанского брака.²⁴ Подлинники этих писем хранятся в Королевской библиотеке в Мадриде и помещены в томе 2191, связанном с англо-

²¹ Sarmiento de Acuña D. (conde de Gondomar) Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 1: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 30 de março 1616 - 28 junio 1618. 1936; Idem. Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 2: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 29 de junio 1618 - 22 de mayo 1620. 1943; Idem. Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 3: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar (1613-1614). 1944; Idem. Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 4: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 17 de marzo 1614 - 28 de agosto 1614. 1945.

²² Redworth G. The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match. New Haven: Yale University Press, 2003.

²³ Ibid. P. 171.

²⁴ Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal. Vol. 27. No. 2. 1994.

испанскими отношениями. Одно из них было адресовано принцем Карлом Гондомару в Испанию в сентябре 1622 г. В нем Карл высказывал свое мнение относительно влияния папы римского Григория XV и его разрешения на заключение брака. Кроме того, в этом письме принц Карл выражал свои романтические настроения, связанные с образом инфанты Марии, и убеждал графа Гондомара в своем твердом желании скорее увидеть ее. Что касается второго письма, то оно было написано принцем в начале октября 1622 г. В нем Карл благодарил графа Гондомара за содействие в брачном вопросе и оповещал его о скором прибытии Эндимиона Портера, секретаря принца, с ответом на условия папы и с предложениями Филиппу IV.²⁵

Письма самого Эндимиона Портера, которые он писал своей жене Оливии во время путешествий в Испанию, также являются значимыми для исследования. В работе была использована публикация Доротеи Тауншенд²⁶, в которой представлены не только тексты самих писем, но также подробно изложена биография Эндимиона Портера. Известно, что большая часть писем Портера была конфискована парламентом, когда тот покинул Лондон в 1641 г. Однако, к счастью, часть личной переписки сохранилась и находится в государственном архиве в разделе, посвященном внутренней политике Англии (Domestic State Papers). Некоторые из этих писем были опубликованы Эдвардом Фонбланком в 1877 г.²⁷, но публикация Доротеи Тауншенд является более полным вариантом. Издание разделено на пятнадцать глав, последовательно освещающих события, происходившие с Портером. Наиболее важными для нашего сюжета стали первые четыре главы, описывающие детство и юношество Портера, его женитьбу,

²⁵ Letter II. Charles to Gondomar, September 1622 // Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // *The Historical Journal*. Vol. 27. No. 2, Jun., 1994. P. 408. - (оригинал письма – Biblioteca de Palacio, MS II 2191, fo. 10); Letter III. Charles to Gondomar, October 1622 // Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // *The Historical Journal*. Vol. 27. No. 2, Jun., 1994. P. 409. - (оригинал письма – Biblioteca de Palacio, MS II 2191, fo. 13).

²⁶ Townshend D. *Life and letters of Endymion Porter*. London, 1897.

²⁷ Fonblanque E. *Lives of the Lords Strangford*. London, 1877.

собственно поездку в Испанию с принцем Карлом и возвращение в Англию. Д. Тауншенд приводит полные тексты писем в общем повествовании о жизни Э. Портера, что было распространенным в XIX в. способом публикации источников. Кроме личных дел и выражения большой любви к своей жене Оливии, Портер комментирует в письмах свои миссии, успехи на службе, в том числе рассказывает о продвижении дел в Испании, связанных с браком принца Карла и инфанты Марии. Именно в его письмах мы встречаем сведения о смелых, но иногда необдуманных поступках принца и реакции на них испанского двора.

Очевидцем событий в Мадриде был английский посол в Испании, Джон Дигби, граф Бристоль. Известно, что он несколько лет вел активную работу по выработке условий брачного договора между принцем Карлом и инфантой Марией. Однако стороны не могли найти компромисса, поэтому возможной стала личная поездка Карла. Джон Дигби не знал о намерениях принца и был весьма удивлен прибытием наследника. На плечи посла легли не только переговоры, но и заботы о пребывании принца в Испании. Джон Дигби составил краткий журнал, в котором описывал первые дни пребывания Карла при дворе после торжественного въезда в Мадрид.²⁸ Впервые он был опубликован в 1834 г. Джоном Данлопом в трудах, посвященных Испании 1621 – 1700 гг. Автор публикации решил продолжить дело Роберта Уотсона и Уильяма Томсона, которые выпустили историю правления Филиппа III Испанского.²⁹ Д. Данлоп хотел восполнить лакуну в изучении правления Филиппа IV, поэтому занялся составлением обобщающего труда с использованием источников на испанском, итальянском и французском языках.³⁰ В исследовании автор цитирует

²⁸ Bristol's Journal, transmitted to Secretary Conway // *Memoirs of Spain during the reigns of Philip IV and Charles II from 1621 to 1700* / Ed. by J. Dunlop. Vol. I. Edinburgh, 1834. P. 75 – 78.

²⁹ *The history of the reign of Philip the Third, King of Spain* / Ed. by R. Watson, W. Thomson. In 3 vols. L., 1783.

³⁰ Preface // *Ibid.* P. 7 – 9.

отрывки из источников, а иногда приводит их целиком. Так получилось и с журналом Бристоля, который был помещен Данлопом во вторую главу, посвященную «экспедиции» Карла, принца Уэльского, в Мадрид. Текст журнала доступен в электронном виде и имеет название: «Продолжение прежнего рассказа о развлечениях, предоставленных Его Высочеству Принцу королем Испании при его дворе в Мадриде».³¹ Мы обратились и к этому варианту публикации журнала графа Бристоля, так как он оказался несколько более полным и имел конкретное название. Важными для исследования оказались и письма Джона Дигби, в особенности те, которые он писал государственному секретарю, Джорджу Кальверту, первому барону Балтимору (1 письмо) и лично королю Якову (5 писем) с конца августа по декабрь 1623 г. после отъезда принца Карла из Мадрида.³² Они были опубликованы в сборнике государственных бумаг под редакцией английского политика Филиппа Йорка, третьего графа Хардвика, который в своем двухтомном издании обратил внимание на самые яркие события эпохи с 1501 по 1726 гг. Опубликованные Йорком письма Бристоля иллюстрируют состояние проекта «испанского брака» после отъезда Карла из Мадрида и дают понять, что союз становился все менее вероятным ввиду смены позиции принца, нерешительных действий англичан и нежелания самих испанцев. Одно из этих писем отправлено за подписью Джона Дигби и ординарного посла в Испании, Уолтера Эштона.³³ Он, как и Дигби, был послом в Испании, однако его миссия по решению проблемы брака не увенчалась успехом. Его письма, написанные в период пребывания в статусе посла в Мадриде и

³¹ A continuation of a former relation concerning the entertainment giuen to Prince His Highnesse by the King of Spaine in his court at Madrid by John Digby, earl of Bristol. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18477.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 12 March 2024].

³² The Spanish match continued. The earl of Bristol's letters // Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols. / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 473 – 523.

³³ Уолтер Эштон – английский придворный и дипломат. С 11 ноября 1619 г. он считался резидентным послом в Мадриде при испанском дворе в ходе переговоров о браке английского принца и испанской инфанты. Вплоть до 26 марта 1625 г. он выполнял свою миссию и уехал из Испании уже после Джона Дигби, графа Бристоля.

опубликованные в общем издании корреспонденции его семьи³⁴, дают лишь фрагментарные сведения об англо-испанских переговорах.

Другим свидетелем усилий по реализации проекта «испанского брака» в Мадриде стал Джеймс Хоуэлл. Потомок знатной и уважаемой уэльской семьи, сам он был беден. Он учился в школе в Хиарфорде, а затем в Оксфорде. Три года Хоуэлл путешествовал по художественным центрам Европы как английский агент стекольной фабрики, а в 1622 г. стал королевским агентом в Испании. Он должен был в интересах Турецкой компании проконтролировать выплату компенсации от испанского правительства за захват одного из их кораблей вице-королем Сардинии.³⁵ Хоуэллу почти удалось исполнить свою миссию, но в марте 1623 стало известно, что в Мадрид прибыл английский принц. Его пребывание при испанском дворе Хоуэлл ярко описывал в письмах своему другу, приближенному принца, Томасу Севеджу. Уже тогда Хоуэлл проникся к принцу симпатией. Позднее, во времена правления Карла I он занимал пост чрезвычайного секретаря Совета, был верным слугой короля и монархии. Первый том писем Хоуэлл опубликовал лишь в 1645 г. Они пришлись по вкусу англичанам, благодаря ясности композиции и живости в описании событий. Из-за своих монархических взглядов после казни короля Джеймс Хоуэлл был заключен в тюрьму «Флит». После освобождения в 1651 г. он продолжил публикацию писем, а после Реставрации монархии стал королевским историографом Карла II. Письма приобрели большую популярность, поэтому постоянно переиздавались и были доступны широкому кругу читателей в том виде, в котором их публиковал Джеймс Хоуэлл. Содержание томов не менялась в зависимости от издания. Для нас наибольший интерес представляют письма, вошедшие в первый том, так как они охватывают период с 1618 по 1632 гг. и описывают активную фазу

³⁴ Tixall letters or the correspondence of the Aston family and their friends during the 17th century. Vol. I. London, 1815.

³⁵ Repplier A. Introduction // Epistolae Ho-Eliauae or the Familiar letters of James Howell. Vol. 1. Boston and New York, 1907. P. 12.

переговоров о браке английского принца и испанской инфанты, поездку Карла в Мадрид, ее последствия и дальнейшие отношения с Испанией. Первый том разделен на пять секций по хронологии: первая секция – с марта 1618 по декабрь 1621 гг., вторая – с февраля 1621 по март 1622 гг., третья – с марта 1622 по сентябрь 1624 гг., четвертая – с декабря 1624 по май 1626 гг. и пятая – с июля 1627 по август 1632 гг. Непосредственное отношение к проекту брака имеют письма 8 – 32 с декабря 1622 по февраль 1623 гг. из третьей секции.³⁶ Ввиду того, что Джеймс Хоуэлл лично готовил письма к публикации, они понятны и легки для восприятия читателя и дают возможность увидеть происходящие события с точки зрения англичанина при испанском дворе.

Кроме того, в распоряжении историков есть свидетельства современников событий, которые остались в Англии и наблюдали за происходящим со стороны. Письма англичан широко представлены в публикации историка XVIII в. Томаса Бирча «Двор и эпоха Якова I». Томас Бирч был членом общества антиквариетов, а также был избран секретарем Королевского общества, в должности которого пребывал с 1752 по 1765 г. Он обладал доступом к официальным и частным коллекциям манускриптов, что позволило ему собрать их в серию. Бирч выбирал не только письма официальных³⁷, но также и частных лиц³⁸ – публицистов и интеллектуалов. После смерти Томаса Бирча все его бумаги были переданы в Британский музей, ныне они хранятся в Британской библиотеке. Его дело было продолжено и выбранные им письма были опубликованы в 1848 г.³⁹ Издание вышло в двух томах и в каждом отмечено, что его выполнил автор «Мемуаров Софии Доротеи», то есть Роберт Фолкстоун Уильямс. В первом

³⁶ Howell J. Familiar letters or Epistolae Ho-Eliaanae. Vol. I. London, 1813. P. 168 – 229.

³⁷ Из официальных лиц можно назвать следующие имена: Роберт Сесил, маркиз Солсбери, Дадли Карлитон, виконт Дорчестер, Гилберт, граф Шрусбери; Уильям, граф Пемброк; виконт Андовер, сэр Томас и сэр Клемент Эдмондс и др.

³⁸ К частным лицам стоит отнести Джона Чемберлена, Джозефа Мида, Мартина Стьютвилля и др.

³⁹ The court and times of James the First. Vol. 1, Vol. 2. London, 1848 – 1849.

томе представлены письма с начала правления Якова I, с 1603 г. до 1616 г., а во втором – с 1617 до конца правления короля – 1625 г. Письма из второго тома оказались важны для изучения активной фазы англо-испанских переговоров и период начала Тридцатилетней войны. Наиболее показательными стали письма английского богослова Джозефа Мида его другу Мартину Стьютвиллю, а также переписка Джона Чемберлена и сэра Дадли Карлитона.

Джозеф Мид, английский богослов, интеллектуал и преподаватель Колледжа Христа в Кембридже, вел постоянную переписку со своим другом и кузеном Мартином Стьютвилем из Далхама, графства Суффолк, около одиннадцати лет, с февраля 1621 по ноябрь 1631 гг.⁴⁰ Подлинники этих писем хранятся в Британской библиотеке в Харлейяновской коллекции (тома 389, 390). Они были приобретены Робертом Харли в 1703 г. при покупке библиотеки английского антиквара Саймондса Дюса, который был родственником сэра Мартина Стьютвиля. Письма Мида посвящены текущим событиям, происходившим в Европе и Англии, в особенности они касаются начального этапа Тридцатилетней войны и английской реакции на нее. В рамках работы мы обратились только к переписке Мида и Стьютвиля за 1622 и 1623 гг., в которой отражены события, связанные с «испанским браком».

Кроме того, интерес представляет переписка Джона Чемберлена и Дадли Карлитона.⁴¹ Джон Чемберлен был младшим сыном члена городского управления Лондона Ричарда Чемберлена и его первой жены Анны. Он был принят в Тринити колледж в Кембридже в мае 1570 г., однако покинул университет, не получив степени. Несмотря на это, его приняли в юридическую корпорацию Грейз-Инн в качестве писца. Известно, что он был членом парламента от Клайтеро в Ланкашире в ноябре 1592 г. и от Сент

⁴⁰ An edition of the letters (1621 – 1625) of the reverend Joseph Mead to sir Martin Stuteville of Suffolk in BL MS Harleian 389. University of Leicester. 1991. P. 11.

⁴¹ Письма Джона Чемберлена и Дадли Карлитона хранятся в государственном архиве Великобритании.

Джерманс в Корнуэлле в октябре 1597 г.⁴² Благодаря своей разносторонней деятельности, Джон Чемберлен имел большой круг влиятельных друзей, интеллектуалов, с которыми вел активную переписку. Письма он писал в течение последних тридцати лет своей жизни. В них ему удалось запечатлеть изменения, произошедшие с Англией от славных времен победы над Армадой до правления Карла I. Наравне с важными государственными и политическими событиями он изображал обычную повседневную жизнь, включая описания двора и города. Чемберлен раскрывал подробности жизни государственных деятелей Англии, включая Дадли Карлтона, Томаса Бодли, Томаса Эдмондса и др.⁴³ Большинство опубликованных писем Джона Чемберлена адресовано сэру Дадли Карлтону (впоследствии виконту Дорчестеру), который был послом в Венеции и Гааге с 1610 по 1625 гг. Вследствие того, что Карлтон долгое время жил за границей, переписка оказалась весьма объемной. На протяжении тридцати лет они регулярно писали друг другу.

Иностранцы, не имеющие прямого отношения к проекту «испанского брака», также высказывали свои соображения на его счет. Наиболее информированные собиратели сплетен и слухов – венецианцы, не обошли стороной интригующее сближение Англии и Испании. Особенно активной была переписка по этому поводу венецианского посла в Англии, Альвизе Валарессо и венецианского посла в Испании, Альвизе Корнера с дожем и сенатом. Письма полностью представлены в календаре государственных бумаг, хранящихся в Венецианском архиве, в электронном ресурсе «Британская история онлайн».⁴⁴ По хронологии нас интересует 17 том, который освещает период с апреля 1621 г. по апрель 1623 г. и 18 том, представляющий события с мая 1623 по апрель 1625 гг. Венецианские послы подробно описывали происходящее в обеих странах, фиксировали ход

⁴² The letters of John Chamberlain. Vol. 1. Westport: Greenwood press, 1979. P. 4.

⁴³ The dictionary of national biography. Vol. IV. London, 1882. P. 478.

⁴⁴ Calendar of State Papers, Venice // British History Online. - URL: <https://www.british-history.ac.uk/series/calendar-state-papers-venice> [accessed 12 March 2024].

переговоров и обсуждали неожиданное путешествие принца в Испанию, которое «вызывает бездну изумления, как чудовищное решение и лабиринт без начала и конца»⁴⁵.

Для изучения итинерария и реконструкции сухопутного пути принца Карла в Мадрид мы использовали записки Томаса Норта, дворянина из свиты Томаса Тёрлби, епископа Илийского, который отправился в качестве посла в Рим в 1555 г. Путевые заметки в конце XVI — XVII в. стали популярным литературным жанром и соединяли в себе элементы других жанров, развившихся на протяжении столетий.⁴⁶ Распространенными стали повествования о дипломатических миссиях, особенно тех, что отправлялись в экзотические места или же в места более известные, но с экстраординарной миссией. Одним из первых описаний путешествия англичанина в Италию, составленных во второй половине XVI в. было «Путешествие послов королевы в Рим в 1555 г.». Послы отправились к понтифику, чтобы просить его от имени английских монархов, Филиппа Испанского и Марии Тюдор, простить грех схизмы и принять жителей Англии обратно в лоно католической церкви и восстановить дипломатические отношения с папским престолом. Сочинение Норта известно в двух рукописях. Одна из них хранится в библиотеке Ламбетского дворца в коллекции рукописей архиепископа Кентерберийского (LPL MS 5076) и является более ранним вариантом, написанным самим автором в 1560-х гг.⁴⁷ Вторая известная рукопись входит в коллекцию Харли из собрания рукописей Британской

⁴⁵ Письмо Альвизе Валарессо, венецианского посла в Англии – дожу и сенату, 10 марта 1623 г. - *Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice*, Volume 17, 1621-1623 // *British History Online*. - URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol17> [accessed 25 July 2023].

⁴⁶ Например, заметки сочетали в себе описания пути в то или иное место, но не сообщали ничего о личном опыте путешественников, рассказы о паломничествах или появившиеся в Средние века итинерарии, в которых описание маршрута, окружавшего путешественников ландшафта, соседствовало с вкраплениями исторических сведений и рассказами о повстречавшихся путешественникам диковинах. - Серегина А. Ю. Путешествие в Рим Томаса Норта (1555): от итинерария к мемуарам путешественника // *Шаги / Steps*. Т. 9. № 1. 2023. С. 187.

⁴⁷ Там же. С. 187 – 188.

библиотеки (BL, Harley MS 252) и опубликована в уже известном нам сборнике государственных бумаг под редакцией английского политика, Филиппа Йорка.⁴⁸ Наибольший интерес представляет путь до Парижа, описанный Нортон точно от города к городу с приблизительной длиной в лигах. Эта информация позволяет нам восстановить привычный сухопутный путь англичан до Парижа и дает возможность предположить, что принц двигался по уже известному ранее маршруту.

Первый опыт переговоров Англии и Испании после продолжительной войны имел место в 1604 г. при подписании Лондонского мирного договора.⁴⁹ Для того, чтобы ратифицировать договор, в 1605 г. в Испанию отправилась большая делегация во главе с лордом-адмиралом Чарльзом Говардом, графом Ноттингемом и новым английским послом в Испании Чарльзом Корнуоллисом. Государственные бумаги, связанные с их поездкой, также стали важными источниками для реконструкции поездки Карла Стюарта. Документы были опубликованы в сборнике, посвященном политическим событиям времен правления королевы Елизаветы I и короля Якова I под редакцией Эдмунда Соуэра.⁵⁰ Публикация была выполнена по оригинальным документам из личного архива английского дипломата и государственного деятеля Ральфа Уинвуда. Миссия Ноттингема широко освещена в сборнике: в нем представлены инструкции для лорда-адмирала⁵¹

⁴⁸ The journey of the Queen's ambassadors unto Rome, anno 1555 // Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols. / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 62 – 103.

⁴⁹ A Treaty of perpetual peace and alliance between Philip III, King of Spain and the Archduke and Archduchess Albert and Isabella on the one side and James I, King of England on the other side // A general collection of treatys manifesto's, contracts of marriage, renunciation and other Publick Papers from the year 1495 to the year 1712. Vol. 2. London, 1732. P. 131 – 146.

⁵⁰ Memorials of affairs of State in the Reign of Queen Elizabeth and King James I collected from the Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood / Ed. by E. Sawyer. In three volumes. London, 1725.

⁵¹ Instructions for the Earl of Nottingham, lord high Admiral of England, employed by his Majesty to the King of Spain, for taking his Oath for Observation of the Peace // Memorials of affairs of State in the Reign of Queen Elizabeth and King James I collected from the Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood / Ed. by E. Sawyer. Vol. II. London, 1725. P. 62 – 64.

и для английского посла⁵², а также доклад⁵³ Чарльза Корнуоллиса членам государственного совета.

Важным и достаточно распространенным источником для изучения истории Англии и Испании XVII в. стали различного рода «сообщения». В испанской историографии такой тип источников известен как «*relaciones de sucesos*», то есть «сообщения о происшествиях». Отчеты о происшествиях появились в XV в. и получили широкое распространение в XVI и XVII вв.⁵⁴ Реляции стали выполнять множество функций: от развлекательной и информационной до пропагандистской и политической.⁵⁵ Среди авторов этих источников были интеллектуалы-гуманисты, служащие королевского двора или местного управления, клиенты знатных семей, владельцы типографий и др.⁵⁶

Пребывание английской делегации в Мадриде и первый опыт знакомства с испанским двором наиболее подробно и ярко описан как раз в такого рода источнике - в сообщении участника экспедиции Роберта Тресвелла, опубликованном еще в 1605 г.⁵⁷ Текст Тресвелла дает представление о привычной встрече высокопоставленных иностранных лиц в Испании, что впоследствии позволит сравнить прибытие принца Карла и его

⁵² Instructions for our Trusty and well-beloved Sir Charles Cornwallis Knt. sent as our Ambassador, to reside with our good Brother the King of Spain // Ibid. P. 64 – 67.

⁵³ Sir Charles Cornwallis to the Lords of the Council, Valladolid, 31st May 1605 // Ibid. P. 67 – 74.

⁵⁴ Ruiz Astriz J., Pena Sueiro N. Presentación. Las relaciones de sucesos: producto y género editorial en la Monarquía Hispánica // Memoria y civilización № 22, 2019. P. 378 – 379.

⁵⁵ Pena Sueiro N. El título de las Relaciones de sucesos // La fiesta. Actas del II Seminario de Relaciones de sucesos (A Coruña, 13-15 de julio de 1998). Sociedad de Cultura Valle Inclán, 1999. P. 293 – 302.

⁵⁶ Pena Sueiro N. Los autores de relaciones de sucesos: primeras precisiones // La invención de las noticias. Las relaciones de sucesos entre la literatura y la información (siglos XVI-XVIII). Università degli Studi di Trento, 2017. P. 499 – 500.

⁵⁷ Treswell R. A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie. - URL: <http://name.umdl.umich.edu/A13959.0001.001>. [accessed 13 March 2024].

прием при испанском дворе с опытом делегации 1605 г. В сообщении также подробно описан путь от порта Ла-Корунья до Вальядолида, который позволяет реконструировать развитие дорожной сети в Испании начала XVII в.

Участник поездки 1605 г. и английский резидентный посол в Испании с 1 января 1605 по 31 октября 1609 гг. Чарльз Корнуоллис оставил еще одно сообщение⁵⁸, заслуживающее внимания. Оно адресовано Джону Дигби, который должен был отправиться в Мадрид в 1622 г. для активных переговоров о браке принца Карла и инфанты Марии. В своем сообщении опытный посол Корнуоллис предупреждает Дигби о том, что в Испании он может столкнуться с невыполнимыми для английской стороны религиозными условиями и влиянием на ход переговоров со стороны папы римского. Более того, смена невесты с инфанты Анны на инфанту Марию говорит о ненадежности обещаний испанцев и их желании при любом удобном случае найти более выгодную партию для представительницы династии. Это сообщение стало частью коллекции, собранной лордом Сомерсом и впервые опубликованной в четырех томах под редакцией Уолтера Скотта в 1748, 1750, 1751 и 1752 гг. соответственно⁵⁹. Кроме сообщения Корнуоллиса в коллекции представлены тексты, связанные с историей Англии, начиная с правления королевы Елизаветы Тюдор и до царствования Анны Стюарт. Сообщения в сборниках распределены по правлениям монархов и расположены в хронологической последовательности, при этом разделены на группы по своему содержанию и направленности. Так как нас интересуют сообщения времен Якова I, то мы

⁵⁸ A Relation of the Carriage of the Marriages that should have been made between the Prince of England and the infant Mayor, and also after with the younger Infanta of Spain // A collection of scarce and valuable tracts, on the most interesting and entertaining subjects: but chiefly such as relate to the History and constitution of these Kingdoms / Ed. by W. Scott. Vol. 2. London, 1809. P. 492 – 501.

⁵⁹ A collection of scarce and valuable tracts, on the most interesting and entertaining subjects: but chiefly such as relate to the History and constitution of these Kingdoms / Ed. by W. Scott. Vol. 1. London, 1809. P. 1.

обратились ко второму тому собрания.⁶⁰ Первая часть сборника состоит из религиозных трактатов, а вторая – из сообщений, посвященных политическим событиям, и в особенности – поездке принца Карла в Мадрид. «Прием лорда Дигби в Испании»⁶¹ неизвестного автора повествует о прибытии Джона Дигби в Мадрид и его деятельности в качестве английского посла по реализации проекта «испанского брака». Другие сообщения, опубликованные в этом сборнике, также имеют непосредственное отношение к поездке принца Карла в Мадрид. Часть из них принадлежит авторству испанского публициста Андреса Альманса-и-Мендоса. Он составил около 34 сообщений за период с 1621 по 1627 гг. Они были опубликованы сразу же после написания и отражали современные автору события.⁶² Шесть из них посвящены поездке принца Карла в Мадрид.⁶³ «Правдивое сообщение и дневник прибытия, великолепного приема, данного королем Испании при его дворе в Мадриде, могущественному принцу Карлу, принцу Великобритании»⁶⁴ представлено на английском языке, так как было переведено в том же году и опубликовано в Лондоне.⁶⁵ Обращение к этим сведениям помогает реконструировать первые недели жизни Карла в Испании и проследить все положительные моменты поездки в статусе «инкогнито», благодаря чему были возможны неофициальные встречи принца Карла и короля Филиппа IV. Подробное описание торжественного

⁶⁰ A collection of scarce and valuable tracts, on the most interesting and entertaining subjects: but chiefly such as relate to the History and constitution of these Kingdoms / Ed. by W. Scott. Vol. 2. London, 1809.

⁶¹ The lord Digby's Entertainment in Spain // Ibid. P. 501 – 508.

⁶² Ettinghausen H. Phenomenal Figures: The best-selling first newsletter attributed to Andres de Almansa y Mendoza // Bulletin of Spanish Studies. Vol. LXXXI, Numbers 7 – 8. 2004. P. 1051.

⁶³ Ettinghausen H. Periodismo de moda en la España de principios del siglo XVII. Andrés de Almansa y Mendoza y el viaje a Madrid del principe Carlos de Inglaterra // Vestir a la Española en las cortes europeas (siglos XVI y XVII). Vol. I / Dir. por J. Luis Colomer, A. Descalzo. Madrid, 2014. P. 419 – 447.

⁶⁴ Almansa y Mendoza A. A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts... Vol. 2. London, 1809. P. 524 – 531.

⁶⁵ Ettinghausen H. Periodismo de moda en la España...P. 444.

въезда принца Карла в Мадрид также представлено в анонимном испанском сообщении «Правдивое сообщение о въезде принца дона Карлоса Английского ко двору Мадрида, пятница, 27 марта 1623»⁶⁶. Для сравнения официального въезда принца Карла в столицу Испании со сходной церемонией испанских королей целесообразным кажется обращение к сообщению о въезде в Мадрид Филиппа IV в день его интронизации.⁶⁷ Символический въезд – важная церемония в репрезентации королевской власти, демонстрирующая право нового монарха на владение территорией и ее жителями. В сообщении подробно представлен маршрут королевского въезда от монастыря Сан-Херонимо через церковь Святой Марии до Алькасара, а также названы сопровождающие процессии, состоящие из придворных, государственных служащих и духовенства. Маршрут короля в городском пространстве символизировал последовательное утверждение его властных полномочий: начало движения церемониальной процессии от монастыря, где до этого проходило богослужение по усопшему монарху, символизировало преемственность власти. Затем в шествии по городу правитель являлся подданным разных званий и сословий, а те принимали его и тем самым подтверждали легитимность его правления. После символического оформления единства правителя и его подданных властные полномочия короля понимались как нечто цельное. Процессия заканчивалась ритуалом освящения его власти в дворцовом храме и вступлением монарха в королевскую резиденцию в качестве полноправного господина Кастильского королевства. Церемония торжественного въезда принца Карла в Мадрид имела похожую структуру за исключением посещения церкви Святой Марии.

⁶⁶ Verdadera relación de la entrada del príncipe don Carlos de Inglaterra en la corte de Madrid. 1623.

⁶⁷ Relacion de las Honras del Rey Felipe Tercero que está en el cielo, y la solemne entrada en Madrid del Rey Felipe Quarto, que Dios guarde. Madrid, 1621. («О [посмертном] чествовании короля Филиппа Третьего, который на небесах, и о торжественном въезде в Мадрид короля Филиппа Четвертого, Богом хранимого»).

Андрес де Альманса-и-Мендоса, известный своей издательской деятельностью, выпустил также 17 писем, отражающих события за период 1621 – 1626 гг. Несмотря на название, по своему содержанию и форме они являются скорее новостными листками, повествующими о современных автору событиях. Наибольший интерес в рамках данной работы имеют три письма – 10, 11 и 12, в которых ярко освещена тема англо-испанских переговоров о браке и пребывания принца в Мадриде. В 11 письме Мендоса особенно подробно описывает католические праздники и церемонии, свидетелем которых стал протестант Карл. В 12 письме публицист обратился к развлечениям, которые были доступны принцу: охота, коррида, турнир на дротиках и др. Мендоса явно показывал преимущества испанского двора: сочетание набожности короля и его окружения с умением достойно принимать гостей и подобающе статусу проводить свободное время.

Интерес к королевским развлечениям, свидетелем и почетным гостем которых стал принц Карл, проявил в своем сообщении Хуан Антонио де ла Пена. Он подробно описал одну из самых популярных среди аристократов Испании игр – турнир на дротиках (Juego de Cañas).⁶⁸ Из названия сообщения следует, что текст был переведен на английский язык с опубликованного испанского оригинала. Автор подробно описывает участников игры, вооружение и количество лошадей. Этому же сюжету посвящено сообщение Андреса де Мендосы⁶⁹ а также сообщение неизвестного автора⁷⁰, в которых

⁶⁸ A Relation of the Royal Festivities, and Juego de Cañas [A tournament of Darting with Reedes after the Manner of Spain] made by the King of Spain at Madrid, the 21st of August thos present year 1623. To honor the Espousal Treaties of the illustrious Prince of Wales with the lade Infanta Maria of Austria, before the Departure of the Prince from the Court towards the Sea-Side, to take shipping for his return into England. Composed by Dr. Juan Antonio de la Penna, native of Madrid. And faithfully translated out of the Spanish printed Copie // A collection of scarce and valuable tracts... Vol. 2. London, 1809. P. 531 – 540.

⁶⁹ Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments, lately giuen to the most illustrious Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the high and mighty Philip the fourth King of Spaine, &c. At the feasts of Easter and Pentecost. Translated out of the Spanish originals printed at Madrid. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18907.0001.001/1:3.4?rgn=div2;view=fulltext> [accessed 13 March 2024].

весьма подробно описана коррида, и в особенности костюмы⁷¹ участников турнира на дротиках, их эффектное появление на площади и личное участие короля Филиппа IV в состязании.

Особое внимание привлекает сообщение Андреса де Мендосы об отъезде принца Карла из Мадрида.⁷² Считается, что Мендоса работал под покровительством Хуана Мануэля Переса де Гусмана-и-Сильва, 8-го герцога Медина-Сидония, который стремился, используя работы публицистов, укрепить союз монархии и аристократии в Испании.⁷³ Перечисление щедрых даров, принесенных в конце переговоров, говорит о том, что в ходе долгих обсуждений стороны все-таки пришли к компромиссу и расстались в добрых отношениях. Более подробный перечень полученных и преподнесенных английским принцем подарков с указанием их стоимости представлен в анонимном сообщении на испанском языке.⁷⁴ Стоит отметить, что сведения Мендосы и анонима относительно количества подаренных предметов несколько разнятся. Вероятно, это связано с тем, что у авторов данных сообщений были разный уровень осведомленности, статус и цели. Мендоса скорее акцентирует внимание на прощальных церемониях и обратном пути принца, в то время как сообщение анонима посвящено непосредственно списку даров.

⁷⁰ Relacion de las fiestas reales de toros y cañas, que la Magestad Catolica, de el Rey nuestro señor, jugó en la villa de Madrid, en 21 de Augusto, por festejar los felicissimos, y dichosos desposorios del Serenissimo Principe de Gales, y la señora Infanta doña Maria. Sevilla, 1623.

⁷¹ «Альманса начинает кропотливую работу в области модной журналистики, когда во всех подробностях описывает одежду, которую носили участники официального выхода». - Ettinghausen H. Periodismo de moda en la España...P. 422.

⁷² Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts... Vol. 2. London, 1809. P. 540 – 550; Almansa-y-Mendoza A. Relacion de la partida del serenissimo Principe de Galia, que fue a nueve de Setiembre deste año 1623. Madrid, 1623.

⁷³ Espejo-Cala C. Andrés de Almansa y Mendoza y el círculo de los duques de medina Sidonia. La identidad del destinatario de las “Cartas” // Memoria y civilizacion 22. 2019. P. 1 – 21.

⁷⁴ Relacion de la salida que hizo de esta villa de Madrid, el serenissimo Principe de Gales a nueve de Setiembre deste año de 1623.

Кроме Мендосы в Испании к интересующему нас сюжету обратился придворный историограф, монах, магистр теологии Франсиско де Хесус. Его высоко ценили при испанском дворе во времена Филиппа III. Филипп IV также относился к нему с большим уважением и поручил ему проверять книги протестантской направленности, которые могли войти в число запрещенных. Он оставил довольно подробное описание событий, касающихся союза Англии и Испании, начиная с 1604 г. по 1624 гг. Известный английский историк XIX в. С. Гардинер обнаружил копию рукописи в библиотеке Британского музея, и сделал ее полный перевод, работая над сюжетом «испанского брака»⁷⁵. Публикация под редакцией Гардинера⁷⁶ состоит из двух частей: испанского оригинала и английского перевода и разделена по годам, что облегчает понимание и ориентацию в источнике для читателя. Несмотря на бесспорно католические воззрения автора, в сообщении не заметны излишне субъективные оценки и негативное отношение к сближению с Англией. Более того, де Хесус довольно точно передает события и не противоречит сообщениям английских авторов и Андреса де Мендосы.

Ряд сообщений, посвященных поездке Карла Стюарта в Мадрид, в сборнике под редакцией Уолтера Скотта логично завершается текстом Джона Тейлора о возвращении принца в Англию.⁷⁷ Автор описывает всеобщую радость англичан и приводит не только подробный маршрут обратного пути,

⁷⁵ Gardiner S. R. Prince Charles and the Spanish marriage: 1617-1623: a chapter of English history, founded principally upon unpublished documents in this country, and in the archives of Simancas, Venice, and Brussels: in 2 vol. London: Hurst a. Blackett, 1869.

⁷⁶ El hecho de los tratados del matrimonio pretendido por el Principe de Gales con la serenissima Infante de España Maria, tomado desde sus principios para maior demostracion de la verdad, y ajustado con los papeles originales desde consta por el maestro F. Francisco de Jesus, predicador del rey nuestro señor. // Narrative of the Spanish marriage treaty / Ed. and transl. by S.R. Gardiner. London, 1869.

⁷⁷ Taylor J. Prince Charles his welcome from Spain; who landed at Portsmouth on Sunday the 5th of October, and came safely to London on Monday the 6th of the same, 1623. With the triumphes of London for the same his happie arrival. And the relation of such Townes as are seiuuate in the wayes to take post horse at, from the Citie of London to Dover, and from Callice through all France and Spainem to Madrid, to the Spanish Court // A collection of scarce and valuable tracts... Vol. 2. London, 1809. P. 550 – 555.

но и список станций, которые встретились принцу по дороге через Францию в Испанию, что дает возможность более детально изучить итинерарий Карла. Возвращение принца в Англию также описано в сообщении «Finetti Philoxenis: несколько избранных замечаний Джона Финета, рыцаря и церемониймейстера двух последних королей, касающихся приема и превосходства, обращения, аудиенции и состязаний иностранных послов в Англии»⁷⁸, опубликованном в Лондоне в 1656 г. В 1623 г. Джон Финет был одним из сопровождающих принца Карла на обратном пути в Англию. Он прибыл в Испанию вместе с графом Ретлендом и должен был сообщить принцу о прибытии кораблей. Финет подробно описывает встречу с принцем, обратный путь и дальнейшие обсуждения, относящиеся к «испанскому браку», в том числе прием нового испанского посла дона Диего Уртадо де Мендосы, прибывшего вместе с Карлом.

Для достойного официального пребывания при испанском дворе король Яков отправил Карлу в качестве свиты молодых английских аристократов. Их путь в Испанию представляется особенно интересным для понимания сложностей путешествий по Испании в XVII в. Подробное сообщение о поездке оставил один из ее участников, Ричард Уин.⁷⁹ Он был членом палаты общин в период с 1614 по 1649 гг., а с 1617 по 1625 гг. являлся служителем личных покоев Его Высочества (*gentleman of the Privy Chamber*). Сообщение о путешествии было написано Уином еще в 1623 г., однако опубликовано было только в 1729 г. английским антикварием, прославившимся изданиями многих средневековых хроник и исторических текстов, Томасом Херном. В своем сообщении Уин подробно описывает путь из Лондона в Мадрид, а также обращает внимание на Испанию, ее ландшафт

⁷⁸Finet J. Finetti Philoxenis: Som choice observations of Sr. John Finnet, knight, and master of the ceremonies to the two Kings, touching the reception, and precedence, the treatment and audience, the punctilios and contests of foreign ambassadors in England. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A85304.0001.001?rgn=main;view=fulltext> [accessed 18 December 2023].

⁷⁹ Sir Richard Wynn's Account of the journey of Prince Charles's servants into Spain in the year 1623 // *Historia vitae et regni Ricardi II*. Oxford, 1729. P. 297 – 341.

и достопримечательности, привычки людей, их традиции и костюмы. «Сообщение о путешествии слуг принца Карла в Мадрид в 1623 г.» оказалось важным для реконструкции обратного пути Карла в Лондон через порт Сантандер, а также необходимым для отражения мнения английских аристократов относительно Испании и ее главных «королевских пространств».

Еще одним представителем свиты принца был Эдмунд Верни, который происходил из семьи потомственных аристократов и королевских приближенных.⁸⁰ Наиболее ценные бумаги и письма этого семейства, начиная с периода правления Генриха VI Ланкастера по правление Карла I Стюарта, были опубликованы Джоном Брюсом⁸¹ в 1853 г. в рамках проекта Кемденского⁸² общества по изданию ранних исторических и литературных материалов, неопубликованных рукописей и редких печатных книг. В своем издании Джон Брюс дает подробные комментарии к приведенным письмам и описываемым в них событиям. Это касается и письма Ричарда Грэхэма⁸³ Эдмунду Верни, датируемого июнем 1622 г. Оба придворных окажутся участниками поездки принца Карла в Мадрид, которое Брюс комментирует с

⁸⁰ Эдмунд Верни был потомком знаменитого аристократического рода Верни. Его основателем был Ральф Верни, который был лордом-мэром Лондона в правление Генриха VI. Эдмунд Верни сначала получил должность при дворе Генриха, принца Уэльского, но после его смерти стал служить его брату, принцу Карлу. В 1623 г. он был отправлен в Испанию в числе других английских аристократов в качестве слуги принца. По возвращении стал членом парламента 1624 г. — URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/verney-sir-edmund-1590-1642> [accessed 13 February 2024].

⁸¹ Letters and papers of The Verney Family down to the end of the 1639 / Ed. by J. Bruce. L.: the Camden society, 1853.

⁸² Общество названо в честь антиквария и историка XVI в. Уильяма Кемдена, который был автором фундаментального труда «Британия» и «Анналов» как первого подробного исторического описания правления Елизаветы I Тюдор.

⁸³ Ричард Грэхэм состоял на службе у герцога Бекингема. В 1623 г. вместе с сэром Фрэнсисом Коттингтоном и Эндимионом Портером он сопровождал Бэкингема и принца Карла в Испанию. С 1626 г. стал членом палаты общин. — URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/graham-richard-1583-1654> [accessed 12 February 2024].

точки зрения проблемы итинерариев и особенностей пребывания английского наследника при испанском дворе.⁸⁴

Некоторые детали о путешествии Карла и Бекингема по Франции можно почерпнуть из мемуаров английского посла Эдварда Херберта, который в этот момент находился в Париже. Свою биографию он писал уже в преклонном возрасте и не опубликовал ее при жизни. Первое издание вышло только в 1764 г., потому что рукопись какое-то время считалась утраченной. После смерти прямых наследников в 1714 г. она была обнаружена в родовом поместье Хербертов Лаймор-Хаус. Впоследствии с рукописи была сделана копия и представлена более широкому кругу лиц. В тексте наиболее интересными для нас являются периоды жизни графа с 1 февраля 1619 г. по 7 сентября 1621 г. и с 24 июня 1622 по 16 июля 1624 гг., когда Херберт был резидентным послом во Франции.⁸⁵ В мемуарах, относящихся к этому периоду, он рассуждал о перспективе сближения Англии и Испании, рассказывал о поездке принца «инкогнито» и собственном опыте путешествия по Франции.⁸⁶

Еще одним ярким жизнеописанием, затрагивающим «испанский брак», является биография Джорджа Вильерса, графа Бекингема, написанная его современником, английским дипломатом и литератором Генри Уоттоном.⁸⁷ Работа была опубликована только после смерти автора в 1642 г., и впоследствии вошла в сборник сочинений Уоттона «*Reliquiæ Wottonianæ*» под редакцией Исаака Уолтона. В биографии Бекингема Генри Уоттон особое внимание уделяет поездке в Испанию, в частности, проблеме итинерария и пребыванию герцога в Париже и Мадриде. В биографии Уоттон упоминает Бальтазара Жербье, агента герцога по покупке и продаже

⁸⁴ Letters and papers of The Verney Family...P. 106 – 113.

⁸⁵ Bell G.M. A Handlist of British diplomatic representatives, 1509 – 1688. L., 1990.

⁸⁶ The life of Edward lord Herbert, of Cherbury (written by himself). Edinburgh, 1809. P. 260 – 273.

⁸⁷ Wotton H. A short view of life and death of George Villers, Duke of Buckingham. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67129.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 16 November 2023].

предметов искусства. Из текста становится известно, что он прибыл в Испанию вслед за герцогом и оказывал ему помощь при изучении испанских коллекций. Сам Жербье также оставил воспоминания, в которых частично затронул поездку в Мадрид.⁸⁸ Он обобщил свой опыт путешественника и коллекционера и представил читателю информацию об особенностях религии и культуры голландцев, немцев, венецианцев, итальянцев, испанцев и французов. Сведения о путешествии в Испанию помещены в девятой секции воспоминаний и дают яркие описания Эскориала, католических церквей, особенностей испанского этикета и традиционных развлечений.

Поездка принца Карла «инкогнито» поднимает вопрос придворного церемониала. Испания славилась соблюдением правил поведения при дворе. Жизнь испанского короля и его окружения была четко регламентирована, а приемы иностранных послов и гостей подчинялись нормам этикета, зафиксированным еще при Филиппе II.⁸⁹ Чтобы проследить истоки формирования испанского этикета необходимо обратиться ко двору герцогов Бургундских. Считается, что именно их церемониал стал основой для испанского.⁹⁰ Самым важным источником, содержащим информацию о церемониале в Бургундии, стало «Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый» Оливье де ла Марша (1425 – 1502 гг.), придворного, который начал свою карьеру с должности пажа, а впоследствии

⁸⁸ Gerbier B. *Subsidium peregrinantibus, or, An assistance to a traveller in his convers with 1. Hollanders, 2. Germans, 3. Venetians, 4. Italians, 5. Spaniards, 6. French: directing him after the latest mode, to the greatest honour, pleasure, security, and advantage in his travells: written to a princely traveller for a vade mecum.* Oxford, 1665. – URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A42641.0001.001/1:1?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 28 April 2024].

⁸⁹ Elliott J.H. The court of the Spanish Habsburg: a peculiar institution? // *Politics and culture in early modern Europe. Essays in Honor of H.G. Koenigsberger* / Ed. by P. Mack and M.C. Jacob. Cambridge, 1987. P. 24; Redworth G., Checa F. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700 // *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1750* / Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co, 1999. P. 43 – 65;

⁹⁰ Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain // Werner Paravicini (Hg.): *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel*, Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart. Ostfildern, 2013. P. 745 – 771.

стал капитаном стражи герцога. За тридцать лет, организуя повседневную жизнь двора, он узнал ее досконально и запечатлел в своих трудах.⁹¹ Оливье де ла Марш составил текст «Описания...» по заказу интенданта Кале, англичанина Вильяма Росса, приближенного короля Англии Эдуарда IV, и окончил работу в ноябре 1474 г. Наиболее полное исследование рукописной традиции трактата принадлежит В. Паравичини.⁹² Он выявил шестнадцать манускриптов, которые разделил на две «семьи» рукописей – с введением и без него. Подробное описание рукописей на русском языке приведено во вступительной статье Е.И. Носовой к изданию «Описания...» 2023 г.⁹³ Первое издание трактата было опубликовано в 1616 г. в Брюсселе в качестве дополнения к «Мемуарам» О. де ла Марша. Трактат о дворе герцога Бургундского неоднократно переводился на другие языки. Особую популярность текст приобрел на Пиренейском полуострове.⁹⁴ Некоторые исследователи считают этот факт доказательством рецепции бургундского придворного уклада во владениях Габсбургов.⁹⁵ Характер информации, которую сообщает трактат, обеспечил ему особое положение в историографии – именно этот источник становится основным для исследователей с момента зарождения интереса к бургундскому двору.⁹⁶ Мы также обратились к тексту трактата, чтобы понять структуру двора, выявить основные должности и обязанности придворных. Впоследствии эти сведения

⁹¹ Olivier de La Marche. Mémoires d'Olivier de La Marche, maître d'hôtel et capitaine des gardes de Charles le Téméraire / pub. par Henri Beaune et J. d'Arbaumont. Tomes 1 – 4. Paris, 1883 – 1888.

⁹² Paravicini W. La cour de Bourgogne selon Olivier de La Marche // Publications Du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes 43, 2003. P. 99.

⁹³ Носова Е.И. Трактат Оливье де ла Марша «Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу смелый»: обстоятельства создания, рукописная традиция и издания // Оливье де Ла Марш. Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый / перевод, статьи и примечания Е.И. Носовой, К.В. Сергейчева. СПб.: Евразия, 2023. С. 46 – 69.

⁹⁴ В Архиве Симанкаса сохранилось целых две рукописи трактата. Они воспринимались не как нарративные тексты, а как документы, которые копировали и использовали наравне с ордонансами, депешами и прочим.

⁹⁵ Costa Gomes R. Usages de cour et cérémonial dans la peñinsule ibérique ay Moyen Age // Les traités de savoir'vivre en Espagne et au portugal du Moyen Age à nos jours / éd. R. Duroux. P. 5.

⁹⁶ Носова Е.И. Указ. соч. С. 72.

помогут осмыслить испанский церемониал и иерархию двора, принятые во времена Филиппа II.

В 1548 г. перед тем как отправиться управлять Нидерландами, принц Филипп по настоянию отца, императора Карла V, помимо кастильского принял и бургундский церемониал, сохранив двойственность правил этикета. Должности при дворе были действенными инструментами для контроля за элитами. Став королем Испании, Филипп II стремился ввести единые правила, утвердив новую модель организации двора испанских монархов, которая нашла отражение в нормах этикета 1562⁹⁷, ордонансах 1570 и 1575 гг.⁹⁸ Тем не менее, деление на Кастильский Дом и Бургундский Дом в отношении норм организации двора и придворного обихода сохранялись. Регламент Филиппа II не претерпевал фундаментальных изменений и поправок вплоть до 1647 г., поэтому на момент прибытия Карла в Мадрид при дворе все еще подчинялись нормам, зафиксированным в 1562 г. (что говорит о традиционализме церемониала). Нормы этикета – это универсальный свод должностных правил, регламент для людей, имеющих определенные обязанности при дворе. Фиксированные нормы этикета дают возможность изучить структуру двора. Формализованный и лаконичный текст описывает установленные правила, выполнение которых является обязательным для всех участников придворной жизни. В данном случае изучение правил этикета необходимо для реконструкции испанского церемониала конца XVI – начала XVII в., выявления изменений, на которые пришлось пойти испанскому двору из-за приезда принца «инкогнито», а также для анализа влияния нового опыта на традиционные правила.

⁹⁷ Etiquetas de palacio estilo y gobierno de la Casa Real, que han de observar y guardar los Criados de ella en el uso y exercicio de sus oficios desde Mayordomo Mayor y Cruados mayores hasta los demas Criados inferiores y funciones de la mysma Casa Real ordenadas año de 1562 y reformadas el de 1647.

⁹⁸ Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain // Paravicini W. La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel, Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart. Ostfildern, 2013. P. 752.

Функции, связанные с приемом иностранных дипломатов, занимали небольшое место в правилах этикета 1562 г., а процедура приема иностранного государя или принца и вовсе не была разработана. Именно поэтому прецедент пребывания английского принца при испанском дворе стал особенно важным в рамках уточнения и расширения правил этикета испанского двора.

Проблему церемониала испанского двора активно разрабатывают многие современные испанские историки. Под редакцией Хосе Мартинеса Мильяна и Сантьяго Фернандеса Конти вышел двухтомный сборник, посвященный монархии Филиппа II. Среди опубликованных во втором томе документов представлена запись норм этикета, принятых в 1562 г.⁹⁹ Они разделены на две смысловые части. В первой представлены основные должности двора согласно бургундскому и кастильскому церемониалу, сформулированы обязанности их носителей и степень их близости к королю. Отдельно выделена королевская конюшня и все слуги, принадлежащие ей, а также штат королевской палаты – должности «камареро майор» (главный камергер) и *sumiller de corps*¹⁰⁰. Вторая часть состоит из инструкций и порядка проведения конкретных церемоний, например, церемонии въезда короля в город, крещения наследников, посещения церкви, религиозных праздников (Богоявление, Сретение, Вход Господь в Иерусалим, Пасха, праздник Тела и Крови Христовых и др.), публичного обеда и др. В рамках нашей работы особое внимание в приведенном перечне придворных

⁹⁹ *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562* // *La Monarquía de Felipe II: La casa del rey* / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Tomo II. Madrid, 2005. P. 835 – 999.

¹⁰⁰ В.А. Ведюшкин, разбирая систему государственного управления в Испании, заметил, что для должности «*sumiller de corps*» сложно подобрать русский аналог. Перевод этого французского по происхождению названия как «спальник» неточен: речь идет о гораздо более широких полномочиях, касающихся личной службы монарху: его пробуждение и отход ко сну, одевание и раздевание, состояние здоровья — все, что имело отношение к обслуживанию тела короля. - Ведюшкин В.А. Система государственного управления в Испании в раннее Новое время (конец XV–XVII вв.) // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 443.

церемоний привлекает описание приема иностранных послов.¹⁰¹ Несмотря на краткость изложения, оно дает возможность определить самые важные составляющие церемонии и выявить ее участников. В регламенте Филиппа II не было конкретных указаний о церемониале приема иностранного наследного принца. Тем более, что у испанцев не было возможности подготовиться заранее ввиду путешествия Карла «инкогнито». Вероятно, этот опыт натолкнул Филиппа IV на мысль о необходимости фиксации нового опыта в существовавший регламент.

Прибытие принца было описано испанским королевским историком и хронистом Хилем Гонсалесом Давила в его труде по истории Мадрида и испанского двора.¹⁰² Работа Давилы разделена на 4 части: первая и вторая посвящены событиям, происходившим в Мадриде со времен завоевания города, третья – Королевскому Дому; а четвертая – советам и учреждениям при дворе.¹⁰³ Именно текст Давилы «Въезд, который совершил при дворе короля Испании Филиппа IV Его Светлость дон Карлос принц Уэльский, признанный король Шотландии, единственный сын и наследник королевств и владений короля Великой Британии, Шотландии и Ирландии – Якова»¹⁰⁴ из третьей части в сокращенном варианте лег в основу раздела «Прием суверенного иностранного принца, что пребывает к этому Двору» в обновленной редакции норм этикета Филиппа IV.¹⁰⁵ Хронист описывает этот казус, так как считает его важным для истории Испании и достойным для фиксации в исторической памяти. В тексте Давилы в отличие от текста,

¹⁰¹ Recivimiento de embajadores que se cubren // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey... P. 965.

¹⁰² González Davila G. Teatro de las grandezas de la Villa de Madrid: Corte de los Reyes Católicos de España, al muy poderoso señor Rey Don Felipe IV. Madrid, 1623.

¹⁰³ Martínez Millán J. La corte de la monarquía Hispánica // Studia historica. Historia moderna, N° 28, 2006. P. 33.

¹⁰⁴ González Davila G. Entrada que hizo en la Corte de Rey de las Españas D. Filipe Quarto el Serenissimo don Carlos Principe de Gales, jurado Rey de Escocia, hijo unico y heredero de los Reynos y Dominios de Jacobo Rey de la gran Britania, Escocia y Irlanda // Teatro de las grandezas de la Villa de Madrid... P. 195 – 197.

¹⁰⁵ Recivimiento de príncipe soberano estranero que biene a estta cortte // Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey... P. 960 – 962.

вошедшего в регламент, сделан акцент на том, что английский принц путешествовал через Францию, была подробно описана первая аудиенция с указанием ее длительности, а также приведены сообщения короля архиепископам и епископам о прибытии Карла в Мадрид. Однако в нем нет сведений о развлечениях, подготовленных для Карла, о его обратном пути и приказе короля Филиппа IV об оказании принцу должного приема во всех городах. Тем не менее, само заимствование из хроники дает нам возможность проследить трансформацию уникального прецедента в норму. Осмысление важности прибытия английского принца в Мадрид превратило запись хрониста, зафиксированную в регламенте, в модель для приема иностранного правителя при испанском дворе. В сообщении Давилы и в сведениях, вошедших в правила, подробно описываются церемония торжественного въезда принца в город и первая официальная аудиенция в Алькасаре, что дает достаточно информации для реконструкции некоторых особенностей пребывания английского принца в Испании.¹⁰⁶

Активная деятельность Филиппа IV по реформированию церемониала долгое время не была оценена по достоинству и стала предметом изучения только в последние десятилетия.¹⁰⁷ В 2015 г. под редакцией испанских историков Хосе Ортал Муньоса и Феликса Лабрадора Арройо вышла публикация ордонансов, принятых Филиппом IV в период его правления

¹⁰⁶ Перевод текста «Прием суверенного иностранного принца, что пребывает к этому Двору» представлен в Приложении 1. Перевод выполнен по изданию *Recivimiento de príncipe soberano extranjero que viene a esta corte // Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647* [AHN. CS, libro 1189, ff. 1r. – 298r.] // *La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti Tomo II. Madrid, 2005. P. 960 – 962.*

¹⁰⁷ Gómez-Centurión Jiménez C. *La herencia de Borgoña: el ceremonial real y las casas reales en la España de los Austrias (1548-1700)* // *Las sociedades ibéricas y el mar a finales del siglo XVI. Tomo I: La Corte. Centro e imagen del poder. Madrid, 1998. P. 11 – 31; Barrios F. Los Consejos de la Monarquía Hispánica en las Etiquetas Generales de 1651 // Homenaje al profesor Alfonso García Gallo. Madrid, 1996. T. II, Vol. II. P. 43 – 62; Samper P., Palmer S. Estilo de servir a príncipes. La cocina y la mesa de un grande de España en el Siglo de Oro // *Trocadero. Revista de Historia Moderna y Contemporánea* 12 – 13. 2000 – 2001. P. 315 – 360.*

(1621 – 1665 гг.),¹⁰⁸ которая стала продолжением трудов Хосе Мартинеса Мильяна и его коллег, подробно изучивших устройство дворов Филиппа II и Филиппа III.¹⁰⁹ Публикация разделена на семь разделов и упорядочена по хронологии. Первый раздел посвящен ордонансам бургундского дома и связанным с ним структурам (часовне короля, служащим двора, королевской конюшни, охраны). Второй – изменениям в кастильском церемониале (общем ведомстве и организации охоты). В третьем представлены новые ордонансы двора королевы и инфантов, а в четвертом – постановления, связанные с этикетом главных придворных учреждений и изменениями в некоторых церемониях. В качестве отдельных частей выделены разделы, посвященные реформам церемониала и двора. Седьмой раздел состоит из документов, касающихся королевских резиденций - Алькасаров в Мадриде и Толедо, резиденций Аранхуэс, Эль-Пардо, Вальсаин, Буэн-Ретиро и др. Все эти документы являются доказательством того, что Филипп IV был более гибким в отношении этикета и церемониала, нежели его предшественники.

Окончательные изменения в церемониале испанского двора были зафиксированы в регламенте 1717 г.¹¹⁰, утвержденном основателем испанской линии Бурбонов, Филиппом V. Нормы этикета, разработанные еще в середине XVII в., стали основой для церемониала новой династии.¹¹¹ Регламент 1717 г. уже более подробно освещал дипломатический церемониал: фиксировал обязанности сопровождающего послов, секретарей советов, регулировал публичное появление посольств при дворе и на мероприятиях, общение с королевской семьей, устанавливал порядок ведения

¹⁰⁸ *Etiquetas y ordenanzas de Felipe IV (1621 – 1665)* / Dirs. J. E. Hortal Muñoz, F. Labrador Arroyo // *La Corte de Felipe IV (1621-1665) Reconfiguración de la Monarquía católica. Tomo 2.* Madrid, 2015.

¹⁰⁹ *La corte de Carlos V* / Dir. J. Martínez Millán. Madrid 2000; *La Monarquía de Felipe II: La casa del rey* / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Madrid, 2005; *La Monarquía de Felipe III* / Dirs. J. Martínez Millán y M.A. Visceglia. Madrid, 2008.

¹¹⁰ *Reglamento del Ceremonial*. - URL: <https://www.protocolo.org/ceremonial/protocolo-diplomatico/reglamento-del-ceremonial.html> [accessed 22 March 2024].

¹¹¹ Barrios F. *Práctica diplomática de la Corte de España. Notas a un reglamento de Ceremonial de 1717* // *Revista de Estudios políticos*, № 62. 1988. P. 166.

переговоров и окончания миссии. Обращение к регламенту 1717 г. дает понять, что в начале XVIII в. дипломатический церемониал усложнился и стал более специализированным. Однако основные церемониальные нормы остались неизменными, что говорит о сохранении принципов этикета Габсбургов, принятых еще Филиппом II, частично реформированных Филиппом IV, и выработанного ими придворного церемониала Испанской монархии.

Общественная реакция на англо-испанское сближение отчасти отражена в так называемой полемической литературе – памфлетах. Изначально памфлет – это короткая книжица, размером в четверть листа, объем которой не превышал тридцати страниц.¹¹² На начальном этапе памфлеты создавались для развлечения – в них публиковали баллады на разные темы. Однако с 1580-х гг. под памфлетом понималось уже несколько иное: доступный, короткий текст, связанный с социальными, политическими и церковными делами. По содержанию памфлет – это литературное произведение, которое нередко в острой и даже сатирической форме критикует какие-либо политические порядки или деятельность институтов, отдельных лиц, а иногда и функционирование определенного общественного строя. Памфлетная литература в изобилии появляется тогда, когда назревают или имеют место социально-политические противоречия. В Англии контроль за содержанием памфлетов начался при Елизавете I, когда их число заметно увеличилось ввиду того, что они стали эффективным средством распространения новостей и пропаганды. В них содержалась актуальная информация о событиях в государстве и в других странах, взгляды на внешнюю политику и отношения с Нидерландами, Францией, Испанией.¹¹³ Пресса стала оружием, с помощью которого можно воздействовать на общество. Разумеется, у создателей памфлетов был и коммерческий интерес:

¹¹² Raymond J. Pamphlets and pamphleteering in early modern Britain. Cambridge. 2003. P. 5.

¹¹³ Ibid. P. 106.

карманные книжицы об актуальных политических событиях быстро продавались в больших количествах.

Памфлет как вид источника весьма субъективен. Факты и события преломляются в нем сквозь призму авторского мировоззрения, проявляющегося через определенную общественную позицию. Кроме того, достоверность сообщаемых в памфлете фактов может быть недостаточной из-за малой осведомленности памфлетиста или ввиду использования ненадежных сведений. Тем не менее, даже измышляя факты авторы памфлетов часто говорили о морали, социальной трансформации и выражали мнение части общества относительно актуальных событий. Большинство авторов памфлетов были образованными членами среднего класса. Иногда личность автора, написавшего памфлет, не указывалась. Как и от мемуаров, от памфлетов нельзя требовать абсолютной исторической точности. Изучения только памфлета недостаточно для раскрытия глубины причин трактуемых в нем исторических событий и явлений, но именно памфлет транслирует основные мысли и настроения автора и той части общества, к которой он принадлежит, относительно современных им событий. Памфлет имел удобный формат, стоил недорого, его было легко найти, то есть он был доступен и понятен широкой аудитории, поэтому со временем стал частью повседневной жизни. Он стал восприниматься как публичная “сцена”, с которой спикер обращается к широкой аудитории. Именно поэтому памфлетисты активно использовали средства эмоционального воздействия на читателя: метафоры и сатиру – иронию, сарказм, гиперболы, что делало рассказ более убедительным для читателя.

Ярким примером английской памфлетной литературы является работа протестантского проповедника Томаса Скотта «*Vox populi*» в двух частях. Этот памфлет был порожден недовольством испанской политикой Якова I и проектом «испанского брака». Томас Скотт был в числе капелланов короля Якова I и имел связи при дворе, в особенности близкие отношения с графом Пемброком, лидером анти-испанской партии. После получения

докторской степени по богословию в Кембриджском университете, с 1620 г. он числился преподавателем в университете Сент-Эндрюс, а также был священником прихода Святого Спасителя в Норидже.¹¹⁴ За период с 1620 по 1625 г. Скотт написал более двадцати пяти памфлетов, став одним из самых известных памфлетистов того времени. В своих трудах он воспроизводил антикатолические и анти-испанские настроения, распространившиеся в Англии с середины XVI в.

Памфлет Скотта «Глас народа или новости из Испании» был впервые опубликован в Лондоне в ноябре 1620 г. Его текст был составлен в 1619 г., в период начала Тридцатилетней войны. Памфлет стал популярен не только в Англии, но и за ее пределами: французская версия была опубликована в 1621 г., девять изданий вышло в Голландии и др.¹¹⁵ Английский текст переиздавался в 1624 г., 1659 и 1679 гг., что говорит о неизменной актуальности тех идей, которые выражал Томас Скотт. В данной работе мы использовали памфлет «*Vox populi*», опубликованный в 1809 г. в сборнике трактатов коллекции Сомерса в разделе исторических сообщений.¹¹⁶ Текст памфлета сопровождается информацией об авторе и подстрочными комментариями по ходу повествования. Памфлет не имеет определенной структуры, а представляет собой диалог между членами вымышленного испанского собрания. В своей работе Скотт претендовал на то, чтобы якобы правдиво рассказать о заседании испанского государственного совета, последовавшего за возвращением испанского посла в Англии, графа Гондомара. Автор памфлета в деталях описывает место собрания, его членов и причины созыва. Ему удается передать все настолько убедительно, что не всякий сможет догадаться о том, что это собрание – выдумка самого Скотта.

¹¹⁴ Álvarez Recio L. Pamphlet Literature and the Anglo-Spanish Match: Thomas Scott's "Vox Populi" (1620) // *Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies* 19. 2009. P. 9.

¹¹⁵ *Ibid.* P. 10.

¹¹⁶ *Vox Populi, or Newes from Spain, translated according to the Spanish copy, which may serve to forewarn both England and the United Provinces how far to trust to Spanish pretenses* // *A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 508 – 524.*

С помощью вымышленного совета он создает иллюзию реальности, но вместе с тем демонстрирует свою убежденность в правдоподобности событий. Анализируя миссию графа Гондомара, Скотт показывает, что Испания желает установления католичества в Англии и распространения власти Испанской монархии в Европе. Содержание памфлета еще в 1620 г. произвело впечатление на короля и общество. Однако Яков I боялся политического резонанса, поэтому пошел на усиление цензуры и преследование подобных сочинений. Узнав об этом, Скотт принял решение покинуть Англию и обосноваться в Нидерландах, где он свободно смог продолжить свою деятельность.

Наибольший интерес в творчестве Скотта после 1620 г. вызывает «Вторая часть гласа народа», которая была опубликована в 1624 г. Этот текст являлся продолжением популярного памфлета «*Vox populi*» и был написан после неудачной поездки принца Карла в Мадрид. В памфлете еще сильнее подчеркивалась необходимость войны с Испанией для сохранения протестантского мира. Как и в первой части, во второй описывается вымышленное собрание представителей испанской знати по поводу действий Испании в Англии и Европе после прекращения переговоров о браке. Скотт еще более убедительно показывает коварство и хитрость испанцев в дипломатии. Он создает яркий текст, который также становится и средством визуальной пропаганды. В отличие от первой части «*Vox populi*» вторая богата иллюстративным материалом. На обложке мы можем увидеть портрет испанского посла в Англии, графа Гондомара. На следующих страницах показано само собрание испанских грандов, а также совет английских католиков, чье положение было в опасности ввиду ухудшения отношений Англии и Испании. Томас Скотт оттачивает свои навыки убедительности: с помощью иллюстраций он привлекает внимание читателей, а форма диалога позволяет более реалистично представить намерения Испании. На

сегодняшний день текст памфлета оцифрован и доступен в своем первоизданном виде.¹¹⁷

Томас Скотт оказался первым, кто решил открыто обратиться к критике происпанской политики Якова в первой части памфлета и оценить причины несостоятельности брака во второй части. Он еще больше убеждает английское общество и своих читателей по всему миру в опасности союзнических отношений с Испанией, что делает его памфлеты средством пропаганды против политики Якова I.

Томас Скотт стал вдохновителем для многих памфлетистов и драматургов. Его антикатолические и анти-испанские идеи оказали большое влияние на творческую и интеллектуальную элиту Англии. Вслед за Скоттом к ним обратился знаменитый драматург времен Якова I Томас Мидлтон. Он родился в Лондоне в 1580 г. Окончив грамматическую школу, поступил в Оксфордский королевский колледж в 1598 г., однако не получил степени. Университетская жизнь укрепила его склонность к драматургии, так как актерское мастерство было частью курса риторики.¹¹⁸ К 1600 г. он обосновался в Лондоне и писал пьесы на заказ. На протяжении десяти-пятнадцати лет Мидлтон написал большое количество успешных комедий на сюжеты, связанные с Лондоном и его жителями.¹¹⁹ Авторству Мидлтона приписывается двадцать пять пьес. Он писал для труппы «Дети Святого Павла» (Children of Paul's) с 1602 по 1606 – 1607 гг. Позднее сотрудничество

¹¹⁷ The Second Part of Vox Populi; or Gondomar appearing in the likenes of Matchiavell in a Spanish Parliament, wherein are discouered his treacherous&subtile practises to the ruine as well of Englande as the Netherlandes. Faithfully translated out of the Spanish Coppie or rather, written by a well-willer to England and Holland [Official site]. - URL: <https://play.google.com/books/reader?id=fghlAAAACAAJ&hl=ru&pg=GBS.PP6> [accessed 20 April 2021].

¹¹⁸ Еще в 1597 г. вдохновившись прозаическими памфлетами, в возрасте 17 лет он опубликовал свою первую работу «Парафразы на Соломона» (“The wisdom of Solomon Paraphrased”). Прежде чем покинуть Оксфорд, он опубликовал несколько стихотворений, определившись в желании сделать литературную карьеру.

¹¹⁹ Например, к этому периоду относятся такие работы как «Осенний семестр» (“Michaelmas Term”), «Как надуть старика» (“A Trick to catch an old one”), «Безумный мир, господа» (“A Mad world, my Masters”).

с Вебстером, Деккером и Роули приносило разнообразие в его работы. Так, например, вместе с Роули он создал трагикомедию «Справедливый поединок» (“A Fair Quarrel”), которая во многом отличалась от привычных ему работ из-за размышлений о чести и этике поединков. Мидлтон также писал трагедии для труппы «Слуги короля» (the King’s Men). Работая одновременно на несколько трупп, он оставался свободным деятелем, не привязанным к одному театру и публике. Его пьесы играли как при дворе, так и в общественных театрах, а с 1620 г. Мидлтон совмещал деятельность драматурга с работой официального хрониста Лондона.

Томас Мидлтон считается одним из самых ярких драматургов времен Якова I. Он стоит в одном ряду с Джоном Флетчером и Беном Джонсоном. Его творчество стало показательным для той эпохи: он работал во всех популярных жанрах – городской комедии, трагикомедии, романтической комедии и трагедии. В своих пьесах он не стремился к морализаторству, однако в них заметна ирония, вызванная пессимистичным взглядом на мир, который не подлежит исправлению, и где зло никогда не бывает окончательно повержено. Неудивительно, что Мидлтон реализовал свой талант и в политической сатире. Примерами такого рода произведений стали «Женщины, остерегайтесь женщин» (“Women, beware women”, 1621 г.), «Оборотень» (“Changeling”, 1622 г.) и интересующее нас в большей степени – «Игра в шахматы» (“A Game at Chess”, 1624 г.). Эта пьеса стала для драматурга впечатляющим успехом, так как была воспринята обществом с особым интересом, в связи с анти-испанскими идеями, выраженными в ней.

Источниками для пьесы послужили памфлеты антикатолической и анти-испанской направленности, которые выходили в связи с недовольством происпанской политикой Якова I. К ним относятся: памфлет Томаса Скотта «Vox populi» (1620), Томаса Робинсона «Анатомия английского монастыря в Лиссабоне» (“The Anatomy of the English Nunnery at Lisabon”, 1624), Джона

Джи «Выход из западни» (“Foot out of the Snare”, 1624) и др.¹²⁰ Эти трактаты подогревали общественное недовольство внешней политикой короля, так как иллюстрировали планы Римской католической церкви во главе с папой римским занять доминирующие позиции в мире с помощью активной деятельности Испании и ордена иезуитов. Мидлтон брал из трактатов и памфлетов целые пассажи и включал их в тексты пьесы. Поводом для создания пьесы стал реальный исторический случай – путешествие принца Карла в Мадрид в 1623 г.

«Игра в шахматы» в отличие от большинства пьес, сохранилась в рукописях лучше, чем в опубликованных текстах. На данный момент известно шесть рукописей. Вариант, написанный самим Мидлтоном, хранится в Тринити колледже в Кембридже, другой - в Хантингтонской библиотеке. Две рукописи, написанные рукой Ральфа Крейна, находятся в Британском музее и Бодлеанской библиотеке.¹²¹ Еще одна рукопись – в Фолджеровской библиотеке. Хотя в ней найдено много ошибок, этот вариант является самым полным. В рамках данной работы мы пользовались текстом пьесы, опубликованным английским редактором Артуром Генри Булленом в собрании сочинений Томаса Скотта.¹²²

Популярность и успех постановки «Игра в шахматы» связан с тем, что пьеса была актуальной политической аллегорией на англо-испанские отношений первой четверти XVII в. Мидлтон высмеивал испанского посла и был ироничен в отношении Римской католической церкви, поэтому пьеса послужила поводом для настоящего международного скандала. Для постановки было выбрано время, когда короля Якова не было в Лондоне. Обычно в течение сезона труппы ежедневно показывали разные представления. Однако «Игра в шахматы», поставленная в известном театре «Глобус» 6 августа 1624 г., была показана зрителям в течение девяти дней

¹²⁰ Middleton T. A Game at Chess / Ed. by J.W. Harper. London, 1966. P. 13.

¹²¹ Ibid. P. 25

¹²² The works of Thomas Middleton / Ed. by A. H. Bullen. Vol. 7. London, 1896. P. 1 – 137.

подряд с большим успехом. Несомненно, пьесу могли показывать и дольше, если бы не запрет властей. На десятый день показа жалоба испанского посла дона Карлоса Коломы дошла до короля Якова: посол был оскорблен очевидными обвинениями в адрес Испании и созданием ее негативного образа. Театр был закрыт, а труппе запрещено играть на сцене. Затем последовал арест самого Мидлтона, а впоследствии запрет писать пьесы, что означало конец его литературной карьеры. Несмотря на серьезные последствия для Мидлтона, пьеса «Игра в шахматы» стала одной из самых популярных у англичан. Тонкая аллегория шахматной партии стала олицетворением игры между Англией и Испанией, где Англия была белой стороной с добрыми намерениями, а Испания – черной стороной, властолюбивой и коварной.

Тем не менее, нельзя сказать, что англо-испанский союз вызывал в обществе исключительно негативную оценку. Доказательством служат сочинения, имевшие явно одобрительное отношение к браку принца Карла и инфанты Марии.¹²³ Самым ярким примером отражения происпанских настроений и выявления преимуществ брака стал трактат М. Дю Валя «Испано-английская роза»¹²⁴, который зафиксирован в реестре книжных изданий 23 июля 1622 г.¹²⁵ Публикацию этого текста обсуждали в переписке современники событий, англичане Джозеф Мид и Мартин Стьютивиль. В письме от 8 июня Мид обращает внимание на латинское издание «розы», ее

¹²³ Stradling J. *Beati Pacifici a Diuine Poem. Written to the Kings Most Excellent Maiestie*. London, 1623. ESTC Citation no: S117913; Tisdale R. *Pax Vobis, or, Changes Tuned in a Latine Hexameter of Peace*. London, 1623. ESTC citation no: S118444; Garrard E. *The Countrie Gentleman Moderator Collections of such Intermarriages, as Haue Beene betweene the Two Royall Lines of England and Spaine, since the Conquest: with a Short View of the Stories of the Liues of those Princes*. London, 1624. ESTC citation no: S102860. - Álvarez Recio L. Pro-Match literature and royal supremacy: the case of Michael Du Val's *The Spanish English Rose* (1622) // Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies, 22, 2012. P. 10.

¹²⁴ Du Val M. *Rosa Hispani Anglica seu Malum Punicum Angl'Hispanicum*. 1622. - URL: https://archive.org/details/bub_gb_MLOvM4BbKkMC [accessed 8 February 2024].

¹²⁵ Arber E. *A Transcript of the Registers of the Company of Stationers in London: 1554 – 1640*. Vol. 4. Gloucester, 1950. P. 76.

английский перевод и сложности с приобретением ввиду ограничения открытой продажи книги.¹²⁶ Несмотря на то, что в оригинале текст был написан на латинском языке, он был обращен по большей части к англичанам.¹²⁷ Автор очень реалистично пишет о том, что женитьба принца на католичке никак не отразится на его собственной вере и вере его народа. Он демонстрирует различные положительные аспекты «испанского брака». Об авторе трактата ничего неизвестно. Считается, что М. дю Валь – это псевдоним, а сам автор как-то связан с испанским послом графом Гондомаром.¹²⁸ Возможно, автор текста скрывал свое настоящее имя, так как опасался враждебной реакции английского общества, настроенного по большей части против союза с Испанией. Символический союз «испанского граната» и «английской розы» нацелен на достижение процветания. Отсылка к общему историческому прошлому (гранат был частью герба Екатерины Арагонской, включенного в английскую геральдическую символику после ее брака с Генрихом VIII), когда Испания и Англия были объединены союзом, наталкивает на мысль о необходимости следовать этой традиции во имя торжества христианского мира, которого так желал Яков I.¹²⁹ То есть, «Испано-английская роза» отражает главную линию английской политики, соответствующей позиции короля. Тем не менее, трактат не приобрел распространения и популярности в Англии, так как идеи, изложенные в нем, воспринимались по большей части враждебно.

Проект «испанского» брака вызвал дискуссии в парламенте. В рамках данной работы мы обращались преимущественно к заседаниям 1614, 1621 и 1624 г., так как в эти годы король Яков старался активно проводить

¹²⁶ Джозеф Мид - Мартину Стьютвиллю, 8 июня 1622 г. // *The court and times of James the First*. Vol. 2. London, 1849. P. 312.

¹²⁷ Demetriou E. Michael Du Val and Count Gondomar: an approximation towards the authorship of the Spanish-English Rose or the English-Spanish Pomgranet (c. 1623) // *Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies*, 14, 2004. P. 56.

¹²⁸ Ibid. P. 63.

¹²⁹ Álvarez Recio L. Pro-Match literature and royal supremacy...P. 13.

происпанскую линию во внешней политике и поддерживал идею брака принца Карла и испанской инфанты Марии. Более того, чтобы выявить общие тенденции в дискуссиях в парламенте и определить те вопросы, которые в большей мере волновали его членов, мы обратились к конституционным документам правления Якова I. Они были опубликованы английским историком Джозефом Тэннером в 1930 г.¹³⁰ Издание представляет собой коллекцию времен короля Якова Стюарта и является продолжением серии изданий конституционных документов Тюдоров, опубликованной в 1922 г. Публикатор делал выборку из постановлений английских государственных институтов. Главная цель Тэннера состояла в том, чтобы обеспечить доступность этих документов для студентов Кембриджского университета и колледжа. Для того, чтобы облегчить понимание, Тэннер сопровождал публикацию своими комментариями и структурировал документы по темам. В начале правления Якова I было поднято два важных вопроса – божественное право короля, то есть, королевские прерогативы, и союз Англии с Шотландией. Именно два этих раздела Тэннер выделяет в качестве первых. Затем следуют документы, которые посвящены религии: отношениям пуритан и арминиан, англичан-протестантов и католиков. Далее публикатор обращается к документам отдельных государственных институтов: государственного секретариата, Тайного совета, Звездной палаты, суда Высокой комиссии и королевских судов. Однако наибольший интерес представляют речи короля в парламентах 1614, 1621 и 1624 гг., а также основные акты парламента по вопросам выборов, законодательной инициативы, налогов и монополий. Отдельную часть составляют документы о парламентских привилегиях, и именно в них отражены необходимые сведения об отношении парламента к испанской политике Якова. Последний раздел публикации посвящен вопросам

¹³⁰ Constitutional documents of the reign of James I 1603 – 1625 / Ed. by J. R. Tanner. Cambridge. 1930.

финансов, где представлены акты о субсидиях королю, согласованных в парламенте.

Джозеф Тэннер старался охватить все правление Якова I (1603 – 1625 гг.), отбирая самые важные конституционные документы, которые характеризуют основные проблемы и их главные решения, принятые на тот момент. Он провел большую работу с объемными источниками - государственными бумагами и актами Тайного совета периода правления Якова I, обращался к парламентским дебатам 1610 г., 1614 и 1621 г., а также к работам Ф. Бэкона и его письмам. Выборка Джозефа Тэннера является довольно полной и показательной для определения основных вопросов, поднятых в Англии в правление Якова I. В рамках нашей темы мы обратились к разделам о парламенте и о финансах, так как в них были отражены позиции членов парламента, их мнение относительно вопросов войны и мира, союза с Испанией и безопасности Англии в рамках внешней политики Якова.

Определив основные темы дискуссий членов парламента на основе конституционных документов, мы перешли непосредственно к парламентским дебатам. Дебаты палаты общин 1614 г. были опубликованы Майей Дженссон в 1988 г. под названием «Деятельность парламента в 1614 г.»¹³¹. Работа над публикацией была начата историком во время написания докторской диссертации, однако впоследствии Дженссон также опубликовала парламентские дебаты 1624, 1626 гг. в четырех томах и дебаты 1628 г. в восьми томах. При подготовке публикации дебатов парламента 1614 г. Майя Дженссон использовала рукописи журнала палаты общин за 1614 г., которые находятся в государственном архиве Великобритании. Кроме того, она обратилась к рукописи Е 237, которая была куплена библиотекой Кеннет Спенсер Ресерч в 1977 г. и являлась компиляцией всех записей парламентских актов за 1614 г. Собрания Британской библиотеки и

¹³¹ Proceedings in Parliament 1614 (House of Commons) / Ed. by M. Jansson. Philadelphia, 1988.

Тринити колледжа также были задействованы при составлении публикации дебатов. Майя Дженссон использовала заметки сэра Натаниэля Рича и коллекции речей и докладов, найденных в национальной библиотеке Уэльса. При создании этой публикации Майя Дженссон старалась сохранить содержание и передать атмосферу дебатов, при этом модернизируя правописание XVII в. Издание дебатов сопровождается критическим вступлением публикатора и описанием источникового материала. Том включает в себя восемь приложений, одно из которых – список с перечислением участников парламента. Собственно текст начинается с публикации доклада испанского посла графа Гондомара королю Филиппу III относительно открытия английского парламента 1614 г. Этот текст представляет большой интерес, так как изучение личности графа Гондомара и его деятельности в Англии играет значимую роль в нашем исследовании. Более того, это донесение позволяет не только узнать о церемонии открытия парламента, но и оценить взгляд испанца на многовековые парламентские традиции англичан и их воплощение в правление короля Якова. За докладом следуют записи дебатов членов палаты общин с 5 апреля 1614 г. до 7 июня 1614 г. За этот период были затронуты проблемы, связанные с долгами короля, вопросы его прерогативы и привилегий членов парламента. Критике со стороны депутатов подверглась внешняя политика Якова I, поэтому обращение к дебатам 1614 г. оказалось важным в рамках изучения общественной полемики по проекту “испанского брака”. Хотя напрямую парламентарии не говорили об этом, в дебатах они не упустили возможности выразить свои сомнения в возможности доверять королю Испании и испанскому послу графу Гондомару. Однако в 1614 г. международная политическая обстановка еще была достаточно спокойной, поэтому парламент больше заботили внутренние проблемы государства. Несколько иное отношение можно заметить в дебатах 1621 г., когда после начала войны в Европе обстановка накалилась. Вопрос о союзе Англии с Испанией имел

тогда принципиальное значение, поэтому парламент 1621 г. не смог обойти его стороной.

Дебаты палаты общин за 1621 г. были опубликованы в 1767 г. в двух томах.¹³² Публикация была сделана с оригинальных рукописей, которые хранятся в библиотеке Колледжа Королевы в Оксфорде. Имя того, кто свел воедино эти материалы неизвестно, однако очевидно, что он был членом парламента, так как подробно приводил реплики депутатов. В издании 1767 г. было несколько изменено написание слов, в соответствии со стандартами XVIII в., в остальном же оно повторяет текст рукописи. Публикация имеет подробное оглавление, в котором отражены вопросы, интересовавшие членов парламента 1621 г. и решения, к которым им удалось прийти. Кроме того, читателю представлены речи короля Якова, адресованные парламенту, речи депутатов и тексты актов. В первом томе публикации наиболее важными для настоящего исследования стали речи короля, дебаты относительно свободы слова и других привилегий парламентариев. Кроме того, мы обращались к обсуждениям законов против “папистов”, то есть рекузантов, католиков, иезуитов, а также к дебатам о патентах и монополиях. Второй том оказался еще более содержательным для освещения мнения общества относительно испанской политики Якова и брака принца Карла с испанской инфантой. Именно здесь были представлены дебаты, в которых горячо обсуждалась петиция королю от палаты общин. В ней депутаты хотели высказать свои опасения относительно усиления влияния католиков в Англии, и в том числе упомянули о запланированном браке принца Карла, который мог только усилить эту тенденцию и способствовать ослаблению протестантизма в Англии. В этих дебатах были представлены аргументы членов парламента, согласно которым королю следовало прислушаться к их мнению и не ограничивать их свободу слова в обсуждении женитьбы их будущего короля.

¹³² Proceedings and debates of the House of Commons in 1620 and 1621. Vol. 1 – 2. Oxford, 1767.

Интересно, что в дебатах палаты лордов за 1621 г. мы не встречаем подобного активного обсуждения вопросов происпанской политики Якова и опасностей, связанных с ней. В тексте дебатов поднимаются темы законов против рекузантов, монополий и налогов. Известно, что при дворе сложилась определенная группа, настроенная анти-испански, однако она не выражала свое мнение открыто, ввиду нежелания противостоять королю. Дебаты палаты лордов 1621 г. были опубликованы С. Гардинером в 1870 г.¹³³

Ситуация несколько изменилась в парламенте 1624 г. После возвращения принца Карла и герцога Бекингема из Мадрида активное нарастание анти-испанских настроений началось именно в палате лордов, так как принц и герцог имели на нее наибольшее влияние. Текст дебатов палаты лордов был также опубликован С. Гардинером в 1879 г.¹³⁴ На титульной странице отмечено, что официально эти заметки сделаны Генри Элсингом, секретарем парламента. В издании Гардинера содержатся дебаты последнего парламента Якова I и второго парламента Карла I. В 1624 г. самыми горячими стали дебаты по плану Бекингема о вступлении в войну для защиты Пфальца, по биллю о монополиях и импичменту Мидлсекса. С первых дней шло активное обсуждение, в котором члены палаты высказывали свое отношение к планам Бекингема по поводу противостояния испанцам. Наиболее информативными для исследования оказались дебаты периода 23 февраля - 5 апреля, так как именно тогда депутатов в большей степени занимали актуальные вопросы внешней политики. Яков I просил совета у палаты лордов относительно дальнейших действий по договору с Испанией и в деле защиты Пфальца. При изучении дебатов в палате лордов становится очевидно, что на тот момент все ее члены были на стороне принца Карла и герцога Бекингема и поддерживали их воинственный настрой.

¹³³ Notes of the Debates in the House of Lords, 1621 / Ed. by S.R. Gardiner. London, 1870.

¹³⁴ Notes of the Debates in the House of Lords. 1621 and 1626 / Ed. by S.R. Gardiner. London, 1879.

Эти же вопросы поднимались на первых заседаниях палаты общин в 1624 г., представленных в публикации под редакцией Филиппа Бекера¹³⁵. Работу над изданием дебатов и решений последнего парламента Якова I начал профессор Роберт Руи в конце 1960-х гг., а продолжил Марк Кеннеди и Йельский центр парламентской истории, во главе с уже известной нам Майей Дженссон. Проект был завершен под редакцией Филиппа Бекера и включил публикацию рукописей из архивов Бодлеанской библиотеки, Британской библиотеки, архива государственных бумаг Хэмпшира, библиотеки Хоутон, парламентских архивов Лондона, библиотеки университета Канзаса и Гарварда. В публикации на каждый день парламентских заседаний представлены выписки из журналов палаты общин и дневников депутатов. Весь текст был опубликован на современном английском языке, но с сохранением вставок на французском, латинском и греческом, как это было в рукописи. Все даты и имена также были сохранены.

Наибольший интерес представляют для нас заседания членов палаты общин с 19 февраля по начало марта, так как именно тогда шли активные обсуждения планов по переговорам с Испанией и возвращению Пфальца. Помимо журнала палаты общин и описания основных вопросов, которые обсуждались в определенный день, Филипп Бекер сделал выборку самых показательных дневниковых записей членов парламента - дневники Джона Говарда, Джона Холлса, Джона Лоутера, Эдварда Николса, Джона Пима, сведения из которых дополняют картину и создают наиболее полное впечатление от происходящего на заседаниях 1624 г. Особенно любопытным нам показалось то, что члены палаты общин были очень хорошо осведомлены о поездке принца Карла в Мадрид и описывали в подробностях его пребывание в Испании. Вся Англия была по-настоящему под впечатлением от этой поездки. Ввиду своей осведомленности, члены палаты общин с легкостью начали обсуждение перспектив англо-испанских

¹³⁵ Proceedings in Parliament 1624: The House of Commons / Ed. Philip Baker [Official site]. - URL: www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl [accessed 23 April 2021].

отношений. Как и палата лордов, они пришли к единому мнению о необходимости прекратить всяческие переговоры с Испанией. В этом вопросе обе палаты парламента были единодушны и стремились убедить в этом короля Якова.

Таким образом, источниковый материал по правлению Якова I, его происпанской внешней политике, поездке принца Карла в Мадрид и реакции на нее общества весьма обширен. Источники отличаются разнообразием, так как отражают восприятие испанского брака в разных слоях английского общества. Богатство источников дает возможность всесторонне изучить происпанскую политику Якова I.

Обзор литературы

Тема англо-испанских отношений лежит на пересечении разных исследовательских полей, что требует привлечения большого количества работ, прежде всего по истории международных отношений и развитию дипломатии, а также исследований, посвященных политической истории правления Якова I и политической культуре начала XVII в.

Поездка принца Карла в Мадрид в 1623 г. интересовала многих исследователей, а проект союза принца Карла и инфанты Марии получил в литературе устойчивое название «испанский брак». Первые исследования, так или иначе затрагивавшие англо-испанские переговоры, по большей части относились к изучению политической истории. Шотландский философ, историк и публицист Дэвид Юм, следуя «торийской» интерпретации недавнего прошлого, обращал внимание на события начала XVII в. с точки зрения сторонников королевской власти. Его работа «Англия под властью дома Стюартов»¹³⁶ фокусировала внимание на личности короля Якова и его действиях, направленных на благополучие Англии и английского народа. Двигателем внешней политики Якова I он считал конфессиональный вопрос, поэтому уделял большое внимание противостоянию католиков и протестантов в Англии и Европе. Юм также затрагивал сближение короля Якова с Испанией и дал общие представления об англо-испанских отношениях начала XVII в. Он представлял поездку принца Карла и маркиза Бекингема в Мадрид как романтическое приключение отважных рыцарей, главной целью которых было заполучить «прекрасную даму». В духе автора первой истории Английской революции, Эдуарда Хайда, графа Кларендона,¹³⁷ Юм считает главным инициатором личного визита принца в

¹³⁶ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т.1 / Пер. с англ. А.А.Васильева. СПб.: Алетейя, 2001.

¹³⁷ The History of Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641, by Edward, Earl of Clarendon / Ed. by W. Dunn Macray. Vol. 1. Oxford: University Press, 1969 (первое издание, которым пользовался Юм - The History of the Rebellion and Civil Wars in England,

Испанию Джорджа Вильерса, маркиза Бекингема и возлагает на него ответственность за переговоры в Мадриде, а также их провал.

С XIX в. изучение «испанского брака» встраивалось в канву обобщающих работ в духе «вигской» историографии, посвященных правлению первых Стюартов¹³⁸. Историки этого направления (Г. Галлам, Ф. Палгрейв, У. Стеббс и др.) разработали концепцию английской истории, согласно которой королевская власть была символом произвола и деспотического начала, а парламент являлся выразителем законных и естественных стремлений общества. При таком взгляде на историю правления Якова I и Карла I оценивались негативно ввиду их стремления к абсолютной власти. Основное внимание историков занимала английская революция и ее предпосылки, связанные с неудачной политикой Стюартов и их неумелым правлением.

Ярким представителем этой школы стал английский историк Самюэль Гардинер. Его работы отвечали общему духу викторианской эпохи, когда особое значение приобрели вопросы внешней политики и ее истории ввиду усиления международной напряженности. Главным предметом изучения для Гардинера стала английская революция 1640 – 1660 гг., предпосылки которой он видел в правлении первых Стюартов.¹³⁹ Гардинер активно изучал парламентские дебаты, акцентируя противоречия между королем и парламентом, что позволило ему проблематизировать «испанский брак», как

begun in 1641, with the precedent passages, and actions that contributed thereto, and the happy end and conclusion thereof by the King's blessed restoration. In 3 vols. Oxford, 1704).

¹³⁸ Hallam H. Constitutional History of England from Henry VII to the Death of George II. 3 vols. L., 1827; Palgrave F. The Rise and Progress of the English Commonwealth. 2 vols. L., 1832; Stubbs W. The Constitutional History of England. 3 vols. Oxford, 1874 – 1878.

¹³⁹ Gardiner S. R. History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war 1603-1642. 10 vols. London, 1894 (первое издание 1883-1884 гг.); Gardiner S. R. History of the Great civil war 1642-1649. 4 vols. London, 1901 (первое издание в 3 томах в 1886 г.); Gardiner S. R. History of the commonwealth and protectorate 1649-1659. 4 vols. London, 1903; Гардинер. С.Р. Пуритане и Стюарты 1603 – 1660 гг. / Пер. с англ. и предисл. А.В. Каменского. М., 2008.

одну из причин столкновений. Его двухтомная обобщающая работа¹⁴⁰ является первой попыткой восстановить событийную канву переговоров о браке принца и инфанты с 1617 по 1623 гг., оценить действия их участников и посредников, а также реконструировать поездку Карла Стюарта в Мадрид в 1623 г.

В первой половине XX в. историю изучали в рамках либерального¹⁴¹ и критического подходов¹⁴². Отечественные историки рассматривали эпоху Стюартов в том же русле, обращая внимание на политическую борьбу в парламенте (А.А. Потехин), тенденции власти к абсолютизму (Н.И. Кареев), значение правовых привилегий парламента (П.Г. Виноградов) и др. В своих лекциях по истории Английской революции А.Н. Савин обратился к опыту взаимодействия Якова I с парламентом и упомянул возбуждавший умы парламентариев «испанский брак».¹⁴³

В первой половине XX в. в английской исторической науке усилилось влияние марксизма. В оценках правления первых Стюартов историки этого направления (К. Хилл, Р. Тоуни)¹⁴⁴ по большей части продолжали «вигскую» традицию и негативно оценивали стремления Якова I и Карла I к абсолютной монархии. Появились и отечественные работы, рассматривавшие испанскую политику Якова I и реакцию на нее в парламентских дебатах. К.И. Меделец в

¹⁴⁰ Gardiner S.R. Prince Charles and the Spanish marriage: Vol. 1, 2: 1617-1623: a chapter of English history, founded principally upon unpublished documents in this country, and in the archives of Simancas, Venice, and Brussels: in 2 volumes. L.: Hurst and Blackett Publishers, 1869.

¹⁴¹ Потехин А.А. Очерки истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах. Казань, 1894; Trevelyan G.M. England under the Stuarts. L., 1904; Кареев Н.И. Западноевропейская монархия XVI, XVII, XVIII веков. СПб., 1908; Виноградов П.Г. Господство права. М., 1911; Кареев Н.И. Две английские революции XVII в. Пг., 1924;

¹⁴² Maitland F.W. The Constitutional History of England. Cambridge, 1908; McIlvain Ch.H. The High Court of Parliament and its Supremacy. New Heaven, 1910; Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937. С. 146 – 222.

¹⁴³ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. Л., 1924.

¹⁴⁴ Hill C. The English Revolution 1640: three essays. L., 1949; Idem. The Century of Revolution, 1603 – 1714. L., 1961; Idem. Puritanism and Revolution. Studies in Interpretation of the English Revolution of 17th century. L., 1958; Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558 – 1641. L., 1965; Tawney R. Business and Politics under James I: Lionel Cranfield as Merchant and Minister. Cambridge, 1958;

своей диссертации осуждал испанскую политику английского короля и считал ее вопиющим противоречием национальным, коммерческим и колониальным интересам английской буржуазии и дворянства.¹⁴⁵ По мнению Медельца, союз с Испанией делал Англию зависимой и способствовал подрыву мира и безопасности в Европе, а, следовательно, вел к нарастанию международной напряженности.

Отход от негативного восприятия правления Якова I и Карла I оказался возможен только во второй половине XX в. в рамках пересмотра истории Англии представителями «ревизионизма», зачинателем которого был Джеффри Элтон. Значительное внимание он уделял исследованию политической и институционной истории Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов, однако не меньшую известность в научном мире ему принесли работы по теории и философии истории.¹⁴⁶ В 1970 г. вышла его «Политическая история: принципы и практика»¹⁴⁷, в которой была обоснована идея о необходимости обновления политической истории и ее основных компонентов, а также был сформулирован главный принцип работы историка – критическое исследование источника, с помощью которого можно воссоздать истинные причины исторических событий. Отрицая родство истории с социальными науками, Элтон противопоставлял индивидуализирующий метод всякой генерализации и социологизированию.¹⁴⁸ Он подверг критике «вигское» видение парламентской истории Англии, опровергая попытки встроить тудоровские и стюартовские сессии в линию развития, которая неизбежно вела к

¹⁴⁵ Меделец К.И. Испанская политика Якова I Стюарта и критика ее в парламентских дебатах (1603 – 1625 гг.). Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. истор. наук. Ленинград, 1950.

¹⁴⁶ Горлова О.Г. Сэр Джеффри Р. Элтон и его взгляды на развитие исторического процесса // История и историки в контексте времени. Вып. 1. Краснодар, 2003. С. 205.

¹⁴⁷ Elton G.R. A High Road to Civil War? // Studies in Tudor and Stuart politics and government: papers and reviews. Cambridge, 1974. Vol. 2. P. 146 – 182; Elton G.R. Political history: principles and practice. L., 1970.

¹⁴⁸ Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021. С. 46.

революционным событиям XVII в.¹⁴⁹ Более того, Элтон предложил взглянуть на парламент в первую очередь как на законодательный орган, который также был местом для контактов власти с социальными элитами, призванными обеспечить интересы монарха и подданных.

Последователем Элтона и одним из ярких представителей ревизионизма по праву считается профессор Йельского и Лондонского университетов, член палаты лордов, специалист по истории XVII в. Конрад Расселл.¹⁵⁰ Он обратился к парламентской истории первой половины XVII в. и пересмотрел оценки правления Стюартов и их отношений с парламентом. По мнению Расселла, разногласия между короной и парламентом были вызваны не появлением конституционной оппозиции, а стали результатом напряженности отношений между королевским правительством в Лондоне и местными общинами в провинциях. Для Расселла был неприемлем «вигский» подход к парламенту через призму противостояния оппозиции короне и ее борьбы за власть, так как, по его мнению, парламентской оппозиции в период правления Тюдоров и Стюартов не существовало. Причиной нараставшего политического кризиса Расселл считает сложность управления триединой монархией Англии, Шотландии и Ирландии на фоне постоянных военных конфликтов на континенте, для ведения которой у Стюартов не было адекватных финансовых средств. Попытки установить мир между Англией и Испанией посредством матримониальной политики разбились о взаимное недоверие обеих сторон. Тем не менее, ревизионистский поворот в историографии способствовал формированию нового образа короля, который стремился к миру внутри страны и за рубежом с помощью *via media*. Поддержание мира стало главной целью Якова I. Именно поэтому изучение

¹⁴⁹ Elton G.R. *Studies in Tudor and Stuart Politics and government*. Vol. 2. Cambridge, 1974.

¹⁵⁰ Russell C. *The crisis of Parliaments. English history 1509 – 1660*. Oxford. 1971; Idem. *Parliaments and English Politics 1621 – 1629*. Oxford, 1979; Idem. *The Addled Parliament of 1614: the limits of revision*. Reading, 1992.

матримониальной политики как инструмента стюартовской дипломатии стало важным для историков следующего поколения.¹⁵¹

Благодаря пересмотру истории раннестюартовского периода парламент начали изучать более детально и очерчивать круг проблемных вопросов, связанных с определенными сессиями¹⁵², без привязок в оценках к концепциям «вигов», марксистов или ревизионистов. Историки конца XX в. стали фокусировать внимание на конкретных, более узких темах, связанных с парламентом и его участием во внешней политике и решении национальных проблем.¹⁵³ Тем не менее, в начале XXI в. исследователи парламентской истории ощутили нехватку обобщений с учетом новых подходов. Этот недостаток восполнил обобщающий труд по стюартовским парламентам с 1603 по 1689 гг. английского историка Дэвида Смита.¹⁵⁴ Смит настаивает на органическом подходе к феномену парламента и выступает за включение парламентской истории в более широкий контекст государственного управления и отношений между королями и их подданными. Темы брака принца Карла и инфанты Марии он касается весьма бегло, давая характеристики и оценки парламентским сессиям 1621 и 1624 гг., на которых обсуждался этот вопрос. Смит отмечает, что личная поездка Карла и герцога

¹⁵¹ Lee M. James I and the Historians: Not a Bad King after All? // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 16. №. 2. Boone, 1984. P. 151.

¹⁵² Moir T.L. *The addled Parliament of 1614*. Oxford, 1958; Notestein W. *The House of Commons 1604 – 1610*. New Heaven and London, 1971; Ruigh R. E. *The Parliament of 1624. Politics and Foreign Policy*. Harvard, 1971; Zaller R. *The parliament of 1621*. Berkley and Los Angeles, 1971; Tyacke N. Wroth, Cecil and the Parliamentary Session of 1604 // *BIHR*, L., 1977. P. 120 – 124; Croft P. *Parliament, purveyance and the City of London, 1598 – 1608* // *PH*, IV. 1985. P. 9 – 34; Adams S.L. *Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624* // *Faction and parliament. Essays on Early Stuart History* / Ed. by K.M. Sharpe. Oxford, 1978. P. 139 – 173; Flemion J.S. *The nature of Opposition in the House of Lords in the early Seventeenth century: a Revaluation* // *Peers, politics and power: the House of Lords, 1603 – 1911* / Ed. by C. Jones and D.L. Jones. L., 1986. P. 5 – 23.

¹⁵³ Kennedy M. E. *Legislation, foreign policy and the “proper business” of the Parliament of 1624* // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 23. No. 1. Spring, 1991. P. 41 – 60; Wormald J. *One king, two kingdoms* // *Uniting the Kingdom? The Making of British History* / Ed. by A. Grant and K.J. Stringer. London, 1995. P. 123 – 132; Wormald J. *James VI and the Identity of Britain* // *The British Problem, c. 1534 – 1707: State Formation in the Atlantic Archipelago* / Ed. by B. Beadshaw and J. Morrill. Basingstoke, 1996. P. 148 – 171.

¹⁵⁴ Smith D.L. *The Stuart Parliaments 1603 – 1689*. London, 1999.

Бекингема в Мадрид оказалась «катастрофической» и привела Англию к войне.¹⁵⁵

Эпоху первых Стюартов с политико-юридической точки зрения изучает доктор исторических наук С.В. Кондратьев. В своих работах он исследует политико-исторический и правовой аспекты истории Англии раннего Нового времени. С.В. Кондратьев обратился к предпосылкам и причинам Английской революции¹⁵⁶ с событийной и правовой точек зрения, а также к особенностям взаимоотношений короля и парламента в правление Якова I и Карла I.¹⁵⁷ Исследователь также занимался теоретическим осмыслением тенденций в развитии исторической науки¹⁵⁸ и анализировал актуальные методологические подходы в изучении международных отношений.¹⁵⁹

Первым в отечественной исторической науке комплексным исследованием английского парламента второй половины XVI – начала XVII вв. как особого института является монография доктора исторических наук О.В. Дмитриевой.¹⁶⁰ Автор рассматривает социальные и институциональные

¹⁵⁵ Ibid. P. 110 – 111.

¹⁵⁶ Кондратьев С.В. Английская революция XVII в. М., 2010; Кондратьев, С. В. Идея порядка в политическом и правовом дискурсе предреволюционной Англии // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Философия / главный редактор Г.Ф. Шафранов-Куцев. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. № 10. С. 29 – 37.

¹⁵⁷ Кондратьев С.В. Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2015. Т.1. №1(1). С. 137 – 144; Кондратьев С.В. Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии: стереотипный образ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 419. С. 138 – 142.

¹⁵⁸ Кондратьев С.В. Над правдою слезами обольюсь, или маргиналии на полях последних книг о судьбах отечественной исторической науки // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2011. С. 210 – 217.

¹⁵⁹ Девятков А.В., Кондратьев С.В., Макарычев А.С., Чувильская Е.А. Проблематика образов в международных отношениях: методологические подходы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Философия / Ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. № 10. С. 24 – 30.

¹⁶⁰ Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021.

параметры парламента, а также его основные функции в контексте политической культуры (идей, представлений, мифов, ценностных установок, "политических языков" и практик, присущих обществу в тот или иной ранний период). Обращение к парламентским дебатам, ритуалам и процессуальным нормам позволяет исследовать политическую ментальность английского общества елизаветинской и раннестюартовской эпохи.

Историки-ревизионисты также предложили новый взгляд не только на историю парламента, но и способствовали переосмыслению событий первой половины XVII в., сформировали интерес к личностям и механизмам принятия политических решений, а также обратили внимание на двор как институт власти.

В середине XX в. к феномену «королевского двора» обратился авторитетный немецкий историк и социолог Норберт Элиас. В своей монографии на примере французского королевского двора XVII-XVIII вв. он исследует такой общественный институт, как «придворное общество» – включавшее короля, членов его семьи, приближенных и слуг, которые все вместе составляют единый механизм, функционирующий по строгим правилам.¹⁶¹ Автор показывает, как размеры и планировка жилища, темы и тон разговоров, распорядок дня, размеры расходов и другие стороны жизни придворных заданы положением относительно королевской особы и стремлением сохранить и улучшить его. Королевский двор был единой системой господства и важным инструментом контроля над элитами. Прослеженные Элиасом характеристики придворного общества вполне применимы к любому европейскому двору. Личная жизнь аристократии тесно переплеталась с политической. Участие в исполнении придворных ритуалов стало важной составляющей жизни знатных людей, было индикатором их влияния на политику государства, а также служило условием

¹⁶¹ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002.

существования незыблемой власти монарха. Труд Элиаса стимулировал интерес исследователей самых разных стран к феномену двора.

Признанным лидером нового поколения исследователей королевского двора Англии раннего Нового времени стал Дэвид Старки, который обратился к изучению роли двора как властного института и занялся анализом окружения короля, его личных отношений с придворными и системой патронатных связей. Эти теоретические аспекты изучения придворной культуры Стюартов имеют чрезвычайно важное значение для понимания англо-испанской политики, роли происпанской и анти-испанской партий при дворе, а также влияния на внешнеполитическую ситуацию конкретных личностей, находящихся в близком окружении короля (например, испанского посла графа Гондомара). Благодаря исследованиям Д. Старки значительно большее внимание, чем раньше, английские историки стали уделять двору как институту власти, а также роли монарха и его двора в формировании политической культуры раннего Нового времени.¹⁶² Американская исследовательница Линда Леви Пек продолжила эту тенденцию и обратилась непосредственно ко двору Якова I: системе патроната, придворных должностей и придворной культуре.¹⁶³

Британские историки обратили внимание не только на английский двор, но также начали изучать особенности функционирования европейских дворов, наибольший вес среди которых имел испанский. Большое значение приобрело изучение испанского придворного церемониала¹⁶⁴ ввиду того, что

¹⁶² The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400 – 1800. / Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson, 1977; The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. Harlow, 1987; Culture and politics in Early Stuart England / Eds. K. Sharpe, P. Lake. Basingstoke, 1994; The Stuart court and Europe: Essays in politics and political culture / Ed. by R. Malcolm Smuts. Cambridge, 1996; The royal image: representation of Charles I / Ed. by T. N. Corns. Cambridge, 1999; Peck L.L. The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 2005.

¹⁶³ Peck L.L. "For a King Not to be Bountiful Were a Fault": Perspectives on Court Patronage in Early Stuart England // Journal of British Studies. Chicago, 1986. Vol. 25. №1. P. 31 – 61.

¹⁶⁴ Elliott J. H. Philip IV of Spain: Prisoner of the Ceremony // The Courts of Europe: Politics, patronage and royalty / Ed. by A.G. Dickens. L., 1977. P. 169 – 189; Brown J., Elliott J.H. A palace for a king. The Buen Retiro and the Court of Philip IV. New Heaven and London: Yale

он был одним из самых тщательно разработанных в Европе XVII в. Многие зарубежные и отечественные исследователи отмечают, что он сформировался благодаря влиянию бургундского¹⁶⁵ церемониального регламента и традиций кастильского двора¹⁶⁶. В последнее время особенно преуспели в разработке проблемы церемониала двора испанских Габсбургов историки из Испании. Профессор Мадридского автономного университета Х. Мартинес Мильян изучает историю королевского двора в Мадриде и истоки появления церемониальных норм.¹⁶⁷ Он опубликовал труд по придворной культуре

university press, 1980; Elliott J.H. The court of the Spanish Habsburgs: a peculiar institution? // *Politics and Culture in Early Modern Europe: Essays in Honour of H.G. Koenigsberger* / Ed. by Ph. Mack, M.C. Jacob. Cambridge, 1987. P. 5 – 24; Nader H. Habsburg Ceremony in Spain: The Reality of the Myth // *Historical Reflections, Culture, Society and Religion in Early Modern Europe: Essays by the Students and colleagues of William J. Bouwsma*. Spring 1988. Vol. 15, No. 1, P. 293 – 309; Redworth G., Checa F. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700 // *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1750* / Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co, 2000. P. 43 – 65.

¹⁶⁵ Armstrong. C. A. J. The golden age of Burgundy. Dukes that outdid kings // *The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400 – 1800.* / Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson, 1977. P. 55 – 75; Paravicini W. The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe? // *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age* / Ed. by A. Birke et al. Oxford, 1991. P. 69 – 102; Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ла Марша // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып.1. М.; Спб., 2001. С. 121 – 136; Она же. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в. // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 177 – 199; Noel C.H. La etiqueta borgoñona en la corte de España (1547 - 1800)* // *Manuscripts* 22, 2004. P. 139 – 158; Носова Е.И. В поисках уникального: бургундский двор и его французский прототип // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2016. Вып. 6 (50); Асейнов Р.М. При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века / отв. ред. Ю.П. Крылова. М., 2019; Крылова Ю.П. Порядки и беспорядки при дворе бургундских герцогов и не только // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / Под ред. О.С. Воскобойникова и О.И. Тогоевой. М., 2021. С. 175 – 189.*

¹⁶⁶ Labrador Arroyo F. La influencia de la Casa de Castilla en la organización de la Casa de las Reinas hispanas // *Evolución y estructura de la Casa Real de Castilla. Vol. I. Madrid, Polifemo*, P. 1 – 35; Hortal Muñoz J. E. The role of dynastic households at early modern courts // *Virtus. Journal of Nobility Studies*, 21. 2014, P. 213 – 218.

¹⁶⁷ Martínez Millán J. La corte de la monarquía Hispánica // *Studia historica. Historia moderna*, № 28, 2006. P. 17 – 61; Idem. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain. From Philip the Handsome (1502) to Ferdinand VI (1759) // Paravicini W. *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart, Ostfildern (Thorbecke) 2013 (Beihefte der Francia, 73), P. 745 – 771.*

эпохи Карла V¹⁶⁸, а также, работая совместно Ф. Конти, М. Висеглия и другими сотрудниками междисциплинарного Университетского института «Королевский двор в Европе», изучил двор Филиппа II и Филиппа III.¹⁶⁹ Последователями Мартинеса Мильяна в анализе особенностей двора Габсбургов стали Ф. Лабрадор Арройо и Э. Ортал Муньос из университета Хуана Карлоса, работающие в рамках научного центра «Придворное общество и культура». Они обратились ко двору Филиппа IV и изменениям в нормах этикета в эпоху его правления.¹⁷⁰ Особой темой в работах Э. Ортал Муньоса стало исследование «королевских пространств» (дворцов, парков и резиденций) как символа власти монарха и репрезентации его могущества.¹⁷¹ Значительный вклад в изучение придворной культуры испанского двора вносят К. Трапага¹⁷², М. Риверо¹⁷³, М. А. Васкес Монассера¹⁷⁴, Д. Квилес

¹⁶⁸ La Corte de Carlos V. Vol. 1. T. 1—2: Corte y gobierno / coord. J. Martínez Millán, C.J. de Carlos Morales; Vol. 2. T. 3: Los consejos y los consejeros de Carlos V / coord. C.J. de Carlos Morales; Vol. 3. T. 4—5: Los servidores de las Casas Reales / coord. S. Fernández Conti, J. Martínez Millán. Madrid, 2000.

¹⁶⁹ La Monarquía de Felipe II: La Casa del Rey / dir. J. Martínez Millán, S. Fernández Conti. Vol. I—II. Madrid, 2005; La Monarquía de Felipe III: La Corte. Vol. I—IV / dir. J. Martínez Millán, M.A. Visceglia. Madrid, 2008.

¹⁷⁰ Labrador Arroyo F. La formación de las Etiquetas Generales de Palacio en tiempos de Felipe IV: la Junta de Etiquetas, reformas y cambios en la Casa Real // La Casa de Borgoña: la casa del rey de España. Bélgica: Leuven University Press, 2014. P. 99 – 128; Hortal Muñoz J.E. La unión de la Corte, la Casa y el Territorio en la Monarquía Hispana de los siglos XVI y XVII: las Guardas Reales y los Sitios Reales // Revista Escuela de Historia, Vol. 16. №1. 2017.

¹⁷¹ Hortal Muñoz J.E. La integración de los Sitios Reales en el sistema de Corte durante el reinado de Felipe IV // Libros de la Corte, 8. Spring – Summer 2014. P. 27 – 47; Idem. Royal Sites as Core Element of Early Modern Monarchies: Social Integration in Seventeenth-Century Castile // Royal Studies Journal. Vol. 9. №2. 2022, P. 162 – 181; Idem. The Regulation of Private Spaces: The Codification of the Royal Chamber of the Spanish Monarchy in the Seventeenth Century // The Court Historian. Vol. 28. №1. 2023. P. 18 – 31.

¹⁷² Trapaga Monchet K. La transformación institucional de la Cámara Real de la Monarquía hispana durante el siglo XVII // La reconfiguración de la Monarquía Católica: el reinado de Felipe IV (1621-1665) / Dir. por J. Martínez Millán y J. E. Hortal Muñoz. Madrid, 2015. P. 317 – 439.

¹⁷³ Rivero M. Olivares: Reforma y revolución en España (1622-1643). Arzalia, Madrid, 2023; Idem. La España del Siglo de Oro. Madrid, 2023.

¹⁷⁴ Vázquez Manassero M. A. Coleccionar «sciencia» en la corte española durante el siglo XVII: entre el conocimiento, el entretenimiento y la representación del poder // Espacios del coleccionismo en la Casa de Austria (ss XVI y XVII) / Ed. F. C. Cremades. Madrid, P. 139 – 162.

Альберо¹⁷⁵ и другие члены научной группы «Придворная культура и общество в Европе».

В контексте изучения феномена «двора» отечественные ученые-медиевисты обратились к теоретическому осмыслению природы власти. Труды Н.А. Хачатурян,¹⁷⁶ О.В. Дмитриевой,¹⁷⁷ В.В. Шишкина,¹⁷⁸ М.А. Бойцова,¹⁷⁹ Е.А. Кирьяновой¹⁸⁰ и Е.Э. Караваевой¹⁸¹ в рамках работы научной группы «Власть и общество»¹⁸² знаменовали возрождение научного

¹⁷⁵ Quiles Albero D. El estudio de la corte y el estilo de vida cortesano en la Educación Secundaria // La Historia Moderna en la Enseñanza Secundaria. Contenidos, métodos y representaciones / F. García Gonzalez, C.J. Gómez Carrasco, R. Cózar Gutiérrez, P. Martínez Gómez. Cuenca, 2020. P. 579 – 588.

¹⁷⁶ Хачатурян Н.А. Современная историография по проблеме королевской власти в средневековом обществе // Средние века. Т. 58. М., 1995. С. 144 – 149; Она же. Тема Королевского Двора в исследованиях отечественных медиевистов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда №3/36. М., 2004. С. 106 – 118. Она же. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008; Она же. Королевский Двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Электронный научно-образовательный журнал История. Т.11. 2020.

¹⁷⁷ Дмитриева О.В. Яков I – вождь краснокожих. Британский имперский проект и церемонии символического утверждения суверенитета англичан в Новом Свете // Поблекшее сияние власти / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2006. С. 84 – 107. Она же. Елизавета Тюдор. М., 2012; Она же. «Золотой век» английского двора: эволюция придворной культуры от Генриха VIII до Карла I // "Золотой век" английского двора: от Генриха VIII до Карла I. М., 2012. С. 22 – 47; Она же. Корона и парламент: политика ритуала // Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI - начала XVII в. М., 2021. С. 113 – 215.

¹⁷⁸ Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004; Он же. Французский королевский двор в XVI в. СПб., 2018.

¹⁷⁹ Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М., 2008; Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; Он же. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2012. С. 162 – 193.

¹⁸⁰ Кирьянова Е.А. «Зримый образ Бога»: Королевская власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного» правления Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 71. №3-4. 2010. С. 225 – 242; Она же. Образы Карла I Стюарта в политической полемике начального периода Английской революции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011.

¹⁸¹ Караваева Е.Э. Власть, дипломатия и культура при дворе Генриха VIII Тюдора. М., 2018.

¹⁸² Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2004;

интереса к проблеме механизмов властвования, королевского двора как института и значению придворной культуры. Внимание ко двору Стюартов проявили представители петербургской школы, базирующейся на кафедре истории Средних веков Института истории СПбГУ. Публикации С.Е. Федорова¹⁸³ стали первыми в российской медиевистике трудами, изучавшими конкретные сюжеты функционирования двора при первых Стюартах. Активное обращение к придворной тематике выразилось в публикации монографий С.Е. Федорова¹⁸⁴ и защите кандидатских диссертаций его многочисленных учеников.¹⁸⁵ Особый интерес вызывают работы В.А. Ковалева, который в ходе изучения королевского церемониала ранних Стюартов обращался к проблеме репрезентации власти при Якове I¹⁸⁶ и бегло касался проблемы «испанского брака».¹⁸⁷

Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006; Искусство власти. Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб., 2007; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008; Придворная культура эпохи Возрождения / Отв. редакторы Л.М. Брагина, В.М. Володарский. М., 2014; Золотой век европейской монархии. Политическая культура Средневековья и раннего Нового времени / Под ред. И.И. Варьяш, А.Ю. Серегиной. СПб., 2019.

¹⁸³ Федоров С. Е. «Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 1996. № 1. С. 89 – 99; Он же. Бытовое поведение стюартовской аристократии // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. № 10. С. 130.

¹⁸⁴ Королевский двор в Англии XV–XVII веков / под ред. С. Е. Федорова. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Том 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011; Федоров С.Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб., 2018.

¹⁸⁵ Эпохе Стюартов посвящены работы В.С. Ковина «Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625 гг.» (СПб., 1999), М.А. Буланакowej «Знатная женщина и стюартовское общество в Англии XVII в.» (СПб., 2002), Е.И. Эциной «Идейно-политические основы раннестюартовской монархии» (СПб., 2006), В.А. Ковалева «Королевский церемониал ранних Стюартов» (СПб., 2006), С.В. Бурова «Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых – тридцатых годов XVII века» (СПб., 2009), И.Г. Моиссева «Орден Подвязки в конце XVI – начале XVII века». (СПб., 2011).

¹⁸⁶ Ковалев В.А. Королевские выезды в правление Якова I Стюарта (1603–1625). Организация и финансы // Университетский историк: альманах / под ред. А.Ю. Дворниченко. Вып. 4. СПб., 2005. С. 72–84; Он же. «Возрожденный Соломон». Религиозный церемониал при Якове I // Из истории и культуры средних веков и раннего Нового времени: сб. статей. СПб., 2006. С. 74 – 82; Он же Придворные маски в правление Якова I: репрезентация власти и создание династической мифологии // Власть, общество и

В рамках изучения стюартовского двора в европейской историографии появился целый ряд работ, посвященных эпохе Якова I и его окружению.¹⁸⁸ Джордж Акригг¹⁸⁹, Глен Перри¹⁹⁰, Роджер Локьер¹⁹¹, Кевин Шарп¹⁹² и Малколм Смутс¹⁹³ отходят от сугубо негативных оценок правления первых Стюартов и обращают внимание на положительные характеристики правления и миротворческие стремления Якова. Одной из недавних работ, касающихся личности короля Якова Стюарта стала монография английского историка Полин Крофт.¹⁹⁴ Автор считает негативную оценку правления Якова, данную еще современниками короля (Э. Уэлдоном, А. Уилсоном и Ф. Осборном) субъективной и незаслуженной. Крофт настаивает на том, что абсолютистские идеи короля ничем не отличались от идей большинства европейских монархов того времени. Наряду с внутренней политикой автор обращает большое внимание на матримониальную стратегию Якова на

индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 527 – 553; Он же. Иниго Джонс: архитектор стюартовского мифа власти и лондонская *via triumphalis* / Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2, История. Вып. 4. СПб., 2012. С. 53 – 59; Он же. От театра к ритуалу: символические образы королевской власти в придворном театре Якова I Стюарта, трехчастная модель и формирование мифологии династии // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 9. СПб., 2012. С. 162 – 187.

¹⁸⁷ Ковалев В.А. Зло из-за моря: образы испанцев в памфлетной войне 1623–1624 гг. // Стратегии визуализации и вербализации социокультурных практик. Казань: Информационно-издательский центр «Культура», 2012. С. 85 – 110.

¹⁸⁸ Bingham C. The making of a king. New York: Doubleday, 1969; Fraser A. King James VI of Scotland and I of England. London, 1974; Lee M. Great Britain's Solomon. Urbana: Chicago Univ. of Illinois press, 1990; Bevan B. King James VI of Scotland and I of England. London, 1996; Patterson W. P. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997.

¹⁸⁹ Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the court of king James I. New York, 1967.

¹⁹⁰ Parry G. The Golden Age Restored: The culture of the Stuart Court, 1603 – 1642. Manchester, 1981.

¹⁹¹ Lockyer R. Tudor and Stuart Britain, 1471 – 1714. London, 1964; Idem. The Early Stuarts: a political history of England, 1603 – 1642. New York, 1989.

¹⁹² Faction and Parliament. Essays on Early Stuart History / Ed. by K. Sharpe. Oxford, 1978; Sharpe K. Politics and Ideas in Early Stuart England: Essays and Studies. L., 1989; Idem. The personal rule of Charles the First. New Heaven, 1992; Idem. Remapping Early Modern England. The Culture of Seventeenth-century Politics. Cambridge, 2000.

¹⁹³ Smuts R.M. Court culture and the origins of a royalist tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987; The Stuart Court and Europe. Essays in Politics and Political Culture / Ed. by R. Malcolm Smuts. Cambridge, 1996.

¹⁹⁴ Croft P. King James. Basingstoke, 2003.

международной арене и конкретно на «испанский брак». П. Крофт замечает, что в поездке принца Карла в Мадрид был политический смысл, однако он не был воспринят англичанами, и этот визит представлялся им абсурдной авантюрой. Автор оправдывает политику Якова, ставя ему в заслугу стремление урегулировать общеевропейский конфликт.

Окружение короля, причастное к устройению брака принца, также стало предметом особого изучения. Появились работы английских и испанских историков, посвященные жизни и деятельности при английском дворе Френсиса Коттингтона¹⁹⁵, Эндимиона Портера¹⁹⁶, Бальтазара Жербье¹⁹⁷, Роберта Коттона,¹⁹⁸ герцога Бекингема,¹⁹⁹ графа Гондомара²⁰⁰ и собственно самого Карла I.²⁰¹

В связи с оживлением интереса к сближению Англии и Испании в XVII в. как английские, так и испанские исследователи продолжили дело Гардинера и вновь обратились непосредственно к поездке принца Карла в Мадрид. Первые работы конца XX в.²⁰² стимулировали появление новых подходов к интерпретации визита принца в Испанию. Обобщающий труд,

¹⁹⁵ Francis Cottington, the prince's secretary, also knew Spanish well // Martin J. H. Caroline Courtier: The Life of Lord Cottington. London: Macmillan, 1973; Fernández Suárez R. Francis Cottington su correspondencia inédita con el Conde de Gondomar (1616-1619) // ES: Revista de filología inglesa. №. 7. 1977, P. 69 – 116.

¹⁹⁶ Huxley G. Endymion Porter: The Life of a Courtier, 1587–1649. London: Chatto and Windus, 1959.

¹⁹⁷ Philip I.G. Balthasar Gerbier and the Duke of Buckingham's pictures // Burlington Magazine, 99, 1957. P. 155 – 156.

¹⁹⁸ Sharpe K. Sir Robert Cotton, 1586 – 1631. History and politics in Early Modern England. Oxford, 1979.

¹⁹⁹ Дюшен М. Герцог Бекингем. Жизнь замечательных людей. М., 2007. (издание на французском языке – 2001 г.)

²⁰⁰ Oyarbide Magaña E. The myth of the black knight: subverting the image of count Gondomar in Early Modern England. // Vides, 2014. P. 11 – 17.

²⁰¹ Sharpe K. The Personal Rule of Charles I. London, 1992; Kishlansky M. Charles I. An abbreviated life. L., 2014;

²⁰² Puyuelo y Salinas C. Carlos de Inglaterra en España: un príncipe de Gales busca novia en Madrid. Madrid, 1962; Cogswell T. England and the Spanish Match // Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics 1603 – 1642 / Edited by R. Cust and A. Hughes. L., 1989. P. 107 – 133; Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal. Vol. 27. No. 2. Jun., 1994. P. 401 – 409.

посвященный поездке Карла Стюарта, представил Глен Редворт в монографии «Принц и инфанта: культурная политика «испанского брака».²⁰³ Автор подробно изучил саму поездку, мотивы сторон, ход путешествия, процесс переговоров и условия договора. В качестве главной причины, побудившей Карла, лично отправиться в Мадрид, автор видит желание достичь общеевропейского мира. Другие историки обратились к частным вопросам поездки – неожиданному финалу переговоров,²⁰⁴ времяпрепровождению принца при испанском дворе²⁰⁵ и др.

Одним из существенных аспектов в рамках изучения поездки Карла Стюарта стало монаршее коллекционирование и опыт знакомства с коллекцией испанских Габсбургов, богатой произведениями итальянского Ренессанса. Уже историки XX в. начали воспринимать искусство как важную составляющую репрезентации образа монарха.²⁰⁶ Английский искусствовед Рой Стронг, который активно занимался изучением ренессансной культуры Англии времен Елизаветы Тюдор²⁰⁷ и первых Стюартов²⁰⁸, обратил внимание на развитие коллекционирования при дворе английских правителей. Особенно большой интерес к этой теме замечен в 1990-х - 2000-х гг., ввиду

²⁰³ Redworth G. The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match. New Haven: Yale University Press, 2003.

²⁰⁴ Pursell. B. The end of the Spanish match // The Historical Journal. Vol. 45. No. 4. Dec., 2002. P. 699 – 726.

²⁰⁵ The Spanish Match: Prince's Charles journey to Madrid, 1623 / Ed. by A. Samson. New York, 2006.

²⁰⁶ Taylor F.H. The taste of Angels. A History of Art collecting from Rameses to Napoleon. Boston, 1948; The late King's goods: collection, possessions and patronage of Charles I in the Light of the Commonwealth Sale Inventories / Ed. by A. MacGregor. London and Oxford, 1989; Freedberg D. The power of images: Studies in the History and Theory of Response Chicago and London, 1989; The Sale of the century: artistic relations between Spain and Great Britain, 1604 – 1655 // Ed. by J. Brown and J. H. Elliott. Madrid, 2002; Chaney E. The evolution of English collecting: receptions of Italian art in the Tudor and Stuart periods. New Heaven and London, 2003;

²⁰⁷ Strong R. Portraits of Queen Elizabeth. Oxford, 1963; Strong R. The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and pageantry. London, 1977; Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered. 1520 – 1620 / Ed. by R. Strong, V.J. Murrell. London, 1983; Strong R. The Gloriana: portraits of Queen Elizabeth I. London, 1987.

²⁰⁸ Strong R. Art and power: renaissance festivals 1450 – 1650. Woodbridge, 1984; Idem. Henry Prince of Wales and England's Lost Renaissance. L., 2000.

растущей популярности культурологического подхода и междисциплинарных исследований. Внимание уделялось художественной коллекции Карла I, ее значению в репрезентации власти короля и эволюции восприятия искусства в Англии XVII в.²⁰⁹ С этой точки зрения важны работы английского историка искусств – Джерри Броттона,²¹⁰ который указывает на культурный обмен между Англией и Испанией. Принц Карл за время пребывания в Мадриде воспринимает богатый опыт испанских Габсбургов²¹¹, замечает важную роль живописных и скульптурных образов в демонстрации могущества монарха и привносит в жизнь английского двора новые краски. Большое значение в современном изучении коллекции Карла I имела выставка, организованная в 2018 г. в Лондоне Королевской академией художеств. Впервые с XVII в. шедевры из коллекции Карла, изменившие вкусы английского высшего общества, вновь воссоединились в одном пространстве. Выставка стимулировала более активное изучение коллекции, в частности любимых художников Карла, а также событий и мест, повлиявших на представления короля об искусстве. Среди них была выделена и поездка принца в Испанию. Исследования, посвященные художникам и агентам Карла, связям с Мадридом и Мантуей, отношением короля к северному и итальянскому Ренессансу, особенностям королевского

²⁰⁹ Art and patronage in the Caroline Courts. Essays in honour of Sir Oliver Millar / Ed. by D. Howarth. Cambridge, 1993; Hearn K. Dynasties: painting in Tudor and Jacobean England 1530 – 1630. London, 1995; MacGregor A. King Charles I: a renaissance collector? // Seventeenth Century, II, 1996. P. 141 – 160; Smuts R.M. Art and the material culture of majesty in Early Stuart England // The Stuart court and Europe: essays in politics and political culture / Ed. by M. Smuts. Cambridge, 1996. P. 86 – 112; Howarth D. Images of Rule: Art and Politics in the English Renaissance, 1485 – 1659. London, 1997; Smuts R.M. The structure of the court and the roles of the artist and poet under Charles I // The Court Historian, 9, 2004. P. 103 – 117; Campbell T. P. Collectors and Connoisseurs: The status of perception of Tapestry, 1600 – 1660. New York, 2007; The art of power. Royal Armory and portraits from Imperial Spain. Washington, 2009; Haskell F. The King's pictures: the formation and dispersal of the collection of Charles I and his courtiers / Ed. by K. Serres. London, 2013;

²¹⁰ Brotton J. The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection. London, 2006; Brotton J. Buying the Renaissance: Prince Charles's Art Purchases in Madrid, 1623 // The Spanish Match: Prince Charles's Journey to Madrid, 1623 / Ed. by A. Samson. Aldershot and Burlington, 2006. P. 9 – 26.

²¹¹ Burke M. B., Cherry P. Collections of paintings in Madrid, 1501 – 1755. Part 1 / Ed. by M.L. Gilbert. Los Angeles, 1997.

портрета и новшества в архитектуре, были опубликованы в каталоге выставки.²¹²

Со второй половины XX в. одним из направлений исследований, связанных с браком принца Карла и инфанты Марии, стало изучение английского общественного мнения относительно англо-испанского сближения. Оценки современников событий перспективы брака находили выражение в памфлетной литературе и театральных пьесах. Детальному разбору в литературе были подвергнуты анти-испанские памфлеты Томаса Скотта²¹³ и пьеса Томаса Мидлтона «Игра в шахматы»²¹⁴, которые способствовали развитию испанофобии в Англии.²¹⁵ Однако кроме негативных оценок проекта «испанского брака» встречаются и редкие источники, которые оправдывают его и являются предметом специальных

²¹² Charles I. King and collector. London, 2018.

²¹³ Lake P. G. Constitutional Consensus and Puritan Opposition in the 1620s: Thomas Scott and the Spanish Match // *The Historical Journal*. Vol. 25. No. 4. Cambridge, 1982. P. 805 – 825; Álvarez Recio L. Opposing the Spanish Match: Thomas Scott's "Vox populi" (1620) // *Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies* 19. 2009. P. 5 – 22; Dorsers W. "To bite" and "Too bee bitten". Thomas Scott as "public issues maker" at the beginning of the Thirty Years War. Amsterdam, 2013 – 2014; Oyarbide Magaña E. Between Love and Hate: Thomas Scott's Puritan Propaganda and His Interest in Spanish Culture // *Literary Hispanophobia and Hispanophilia in Britain and the Low Countries (1550-1850)*. Amsterdam, 2020. P. 93 – 114.

²¹⁴ Holmes D. M. *The art of Thomas Middleton*. Clarendon Press. Oxford, 1970; Sargent J. R. Theme and Structure in Middleton's "A Game at Chess" // *The Modern Language Review*. Vol. 66. No. 4. Oct. 1971. P. 721 – 730; Heinemann M. *Puritanism and Theatre*. Cambridge, 1980; Yachnin P. A Game at Chess and Chess Allegory // *Studies in English Literature, 1500 – 1900*. Vol. 22. No. 2. Spring, 1982. P. 317 – 330; Cogswell T. Thomas Middleton and the Court, 1624: "A Game at Chess" in Context // *Huntington Library Quarterly*. Vol. 47. No. 4. Autumn, 1984. P. 273 – 288; Howard – Hill T.H. Political Interpretations of Middleton's "A Game at Chess" // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 21. Politics, Patronage and Literature in England 1558 – 1658 Special Number. 1991. P. 274 – 285; O'Callaghan M. *Thomas Middleton, Renaissance Dramatist*. Edinburgh, 2009; Carlson C. M. The Rhetoric of Providence: Thomas Middleton's A Game at Chess (1624) and Seventeenth-Century Political Engraving // *Renaissance Quarterly*. Vol. 67. No. 4. 2014. P. 1224 – 1261;

²¹⁵ Maltby W. S. *The black legend in England. The development of anti-Spanish sentiment, 1558 – 1660*. Durham, 1971; Griffin E. Copying "the Anti-Spaniard": Post-Armada Hispanophobia and English Renaissance Drama // *Representing Imperial Rivalry in the Early Modern Mediterranean*. 2015. P. 191 – 216; Bloom G. *Chess: performative history and dynastic marriage // Gaming the stage*. University of Michigan Press, 2018. P. 143 – 176.

исследований.²¹⁶ Работы, посвященные этой теме крайне важны в контексте изучения политической культуры, восприятия “образа чужого” и формирования национального самосознания.

В конце 2000-х гг. исследователей заинтересовала тема формирования образа единой английской протестантской нации. Джейсон Уайт²¹⁷ доказывал, что англичане принадлежат к воинственной нации, взявшей на себя роль активного защитника протестантства во всем мире. С этим связана враждебность к католикам, и в особенности к Испании, как к главному оплоту католичества. Общее негативное отношение к испанцам во времена правления Елизаветы Тюдор привело к восприятию Испании как врага²¹⁸, против которого нужно объединиться, и при Якове I. Однако Уайт замечает, что король Яков хотел сформировать новую британскую нацию, благодаря союзу Англии и Шотландии. Ему были чужды воинственные настроения общества, он старался добиться создания новой нации мирным путем, стремился к миру с бывшими врагами и мечтал о добрых отношениях между христианами.²¹⁹ Изучая миротворческую политику Якова I, Уайт обращает внимание на тему брака принца Карла с испанской инфантой Марией и на восприятие этого проекта в обществе. Ситуация с Фридрихом Пфальцским еще больше распалила англичан и содействовала нарастанию анти-испанских настроений, которые в конечном итоге укоренились в сознании англичан и стали частью британской идентичности.

Считается, что именно желание Якова достичь мира между христианскими государствами способствовало англо-испанскому

²¹⁶ Demetriou E. Michael Du Val and Count Gondomar: an Approximation towards the Authorship of the Spanish-English Rose or the English-Spanish Pomgranet (c. 1623) // Sederi, 14. 2004. P. 53 – 64; Álvarez Recio L. Pro-Match literature and royal supremacy: the case of Michael Du Val's The Spanish English Rose (1622) // Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies. Vol. 22. 2012. P. 7 – 27.

²¹⁷ White J. C. Militant Protestants: British Identity in the Jacobean Period, 1603–1625 // History, Vol. 94. No. 2. 2009. P. 154 – 175.

²¹⁸ Gajda A. The Earl of Essex and Late Elizabethan Political Culture. Oxford, 2012.

²¹⁹ Patterson W. P. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997; Kleber Monod P. The power of kings. Monarchy and religion in Europe, 1589 – 1715. New Heaven, 1999; Doelman J. King James I and the religious culture of England. Cambridge, 2000.

сближению. Король сумел убедить в этой идее свое окружение, однако в обществе все еще царила испанофобия. Антипапские и антикатолические настроения были слишком сильны и законы против рекузантов оставались довольно жестокими. Эти обстоятельства неумолимо вели к укреплению идеи о протестантском союзе государств во главе с Англией.²²⁰ Религиозная политика Якова стала предметом изучения с середины XX в.²²¹, и продолжает быть актуальной для современных исследователей. В отечественной историографии положение английских католиков и отношения Англии с католическими странами являются областью научных интересов А.Ю. Серегинной.²²² Обращаясь к социальной истории религии в Европе раннего Нового времени, религиозной полемике, истории богословской и политической мысли, миссионерской деятельности католиков, А.Ю. Серегина затрагивает важные для нашего исследования темы положения католиков при Якове I, политики терпимости, законов о «рекузантах», которые были предметом торга в ходе англо-испанских переговоров.

Таким образом, историки стали изучать эпоху первых Стюартов не только с точки зрения политических и социальных процессов, но и в рамках особенностей политической культуры первой половины XVII в., что

²²⁰ Akrigg G.P.V. *Jacobean Pageant or the court of king James I*. New York, 1967. P. 303 – 320; Doelman J. *King James I and the religious culture of England*. Cambridge, 2000. P. 7 – 20.

²²¹ Pugh F. *Monmouth Recusants in the Reigns of Elizabeth and James I* // *South Wales and Monmouthshire Record Society Publications*. №4. 1957. P. 59 – 110; Aveling J.C.H. *Northern Catholics: the catholic recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558 – 1790*. L., 1966; Bossy J. *The English Catholic Community, 1570 – 1850*. L., 1975; Dures A. *English Catholicism, 1558 – 1642*. Burnt Mill, Harlow, Essex, 1983.

²²² Серегина А.Ю. Веротерпимость и конфессиональные традиции: английская религиозно - политическая полемика на рубеже XVI - XVII веков // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: Материалы науч. конф., 20-22 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 74 – 79; Она же. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб, 2006; Она же. Англичане или католики?: католические памфлетисты XVI - XVII века в истории английской политической мысли // *Диалог со временем*. Вып. 34. М., 2011. С. 61 – 73; Она же. *Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI-XVII вв.* М., СПб., 2021.

способствовало и появлению новых подходов к трактовкам поездки Карла Стюарта в Мадрид.

Важно отметить, что проблема «испанского брака» является частью истории международных отношений, изучение которых началось с середины XIX в. В этот период появляются общие работы по истории Англии, направленные на изучение XVI в., в частности международного триумфа династии Тюдоров.²²³ На фоне победоносной политики Генриха VIII и Елизаветы I, правление Стюартов выглядело в глазах викторианских историков слабым и неудачным, а миротворческая политика Якова I и сближение с Испанией считались ошибочными составляющими нового внешнеполитического курса. Позднее, в рамках изучения системы сдержек и противовесов, сформировавшейся еще в XVI в., ученые все больше стали обращать внимание на значимые аспекты англо-испанских отношений, в том числе на влияние прецедента личной поездки принца Уэльского в Мадрид на внешнеполитическую и культурную конъюнктуру в Англии. Эпоха Стюартов становится новым объектом для всестороннего изучения.

Начало XX в. знаменовалось усилением международной напряженности. Первая мировая война заставила историков обратиться к феномену “войны”. Для понимания причин подобных войн в мировой истории тема первой общеевропейской войны – Тридцатилетней, вновь стала актуальной. В 1938 г. была опубликована обобщающая монография С. Веджвуд²²⁴, детально освещающая причины войны, ход военных действий и позиции сторон. Автор проанализировала события, обращаясь к действиям конкретных личностей, так как «политический историк должен в первую очередь вскрывать то, как политика правителей сказывается на судьбе

²²³ Froude J.A. History of England from the Fall of Wolsey to the Death of Elizabeth. London, 1856-70. Vol. 1 – 12. Idem. History of England from the Fall of Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada. London, 1893. Vol. 1 – 12.

²²⁴ Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И.В. Лобанова. М., 2015.

человека, пробуждать у современников интерес и сочувствие к миллионам людей, жившим в далеком прошлом».²²⁵

После Второй мировой войны тема общеевропейских войн и их истоков стала предметом особого интереса советских историков. Несмотря на то, что их работы были написаны в духе марксизма и идей о классовом неравенстве как причине любого конфликта²²⁶, авторам удалось сделать значительный вклад в изучение истории Тридцатилетней войны. Советский историк и социолог Б.Ф. Поршнев создал обобщающий труд «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства»²²⁷, в котором рассмотрел сложные проблемы социальной, политической, дипломатической, военной истории европейских государств накануне и на первых этапах Тридцатилетней войны (1618 – 1648 гг.). По-новому используя широкий круг источников, в том числе материалы русских архивов, Б.Ф. Поршнев обратился к определению места России в системе европейских государств того времени и ее роли в истории первого общеевропейского конфликта. Другой советский ученый, изучавший Тридцатилетнюю войну, В.М. Алексеев, в своей монографии²²⁸ детально исследовал дипломатическую подготовку сторон в рамках военного конфликта, подробно осветил военные действия и стратегию участвующих стран. К концу XX в. отечественные историки, свободные от политической ангажированности, начали применять новые подходы к изучению войны 1618 – 1648 гг. Результатом стало учебное пособие Л.И. Ивониной и

²²⁵ Там же. С. 14.

²²⁶ Например, в работе чехословацкого историка Й. Полишенского о «чешском вопросе» и первом этапе войны автор объясняет победу габсбургско-католической коалиции тем, что она обладала большей решительностью и быстрой мобилизацией сил, которая проистекала из классового единства, в то время как антигабсбургская коалиция страдала от классовой разобщенности. - Полишенский Й. «Чешский вопрос» и политические взаимоотношения Западной и Восточной Европы в первый период Тридцатилетней войны // Средние века. Выпуск 24. М., 1963. С. 240 – 258.

²²⁷ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства: АН СССР. Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 1976.

²²⁸ Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961.

А.Ю. Прокопьева «Дипломатия Тридцатилетней войны»²²⁹, а также их самостоятельные работы, посвященные Тридцатилетней войне²³⁰ и политике первых Стюартов.²³¹ В отличие от своих советских предшественников авторы акцентируют внимание на религиозных причинах конфликта, образовании противоположных лагерей в виде Унии и Лиги, и активной работе их дипломатов по привлечению союзников в тот или иной лагерь.

Рассматривая Тридцатилетнюю войну, историки обратились к изучению причин вступления в конфликт стран-участниц, в том числе Англии²³² и Испании²³³, их внешней политики и взаимоотношений. Появились работы Ю.Е. Ивонина²³⁴, А. Луми²³⁵ и А.Н. Бакуневича²³⁶, посвященные внешнеполитическому взаимодействию Англии и Испании на фоне Тридцатилетней войны.

Особого упоминания заслуживают работы представителя британской исторической школы, специалиста по социальной, политической и военной истории Европы 1500 – 1650 гг. – Джеффри Паркера. Исследуя европейский

²²⁹ Ивонина Л.И. Прокопьев А.Ю. Дипломатия тридцатилетней войны. Смоленск, 1996.

²³⁰ Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола, 1555 – 1648. СПб., 2002; Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020.

²³¹ Ивонина Л.И. Дипломатия и революция: две Английские революции и европейская политика XVII в. Смоленск, 1998; Она же. Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016.

²³² Ивонина Л.И. Англия и начало Тридцатилетней войны // Англия XVII века: идеология, политика, культура. СПб., 1992. С. 55 – 60; Reeve J. Britain or Europe? The context of Earle Modern English History: Political and Cultural, Economic and Social, Naval and Military // The New British History. London, 1999.

²³³ Elliott J.H. Foreign policy and Domestic crisis: Spain, 1598 – 1659 // Elliott J.H. Spain and its World, 1500–1700. Selected Essays. New Haven, London, 1989. P. 114 – 139; Егоров А.М. Внешнеполитический курс Испании в начальный период Тридцатилетней войны // Проблемы истории и культуры зарубежного и отечественного Средневековья: материалы межвузовской научной конференции. М., 1993. С. 27 – 33.

²³⁴ Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Университетское, 1989.

²³⁵ Loomie A.J. Spain and the Early Stuarts, 1585-1655. Aldershot, Brookfield: Variorum, Variorum, 1996;

²³⁶ Бакуневич А.Н. Проблема «испанского брака» во внешней политике Англии 20-х годов 17 века // Религия и политика. От античности к эпохе Просвещения. Смоленск, 1997. С. 52 – 58.

кризис²³⁷ первой половины XVII в., он тщательно изучил ход Тридцатилетней войны²³⁸, а также ее предпосылки, одной из которых считал испанскую политику английского короля Якова I. Несмотря на то, что Паркер не рассматривал проект “испанского брака” в своих работах детально, он остановился на последствиях путешествия Карла Стюарта в Мадрид, которые оказались важны для анализа кризиса XVII в. в Европе.²³⁹

С середины XX в. популярность приобрели обобщающие работы историков, посвященные дипломатии раннего Нового времени.²⁴⁰ В 1955 г. было опубликовано одно из лучших исследований об институтах европейской дипломатии XVI – первой половины XVII в., автором которого был профессор Колумбийского университета – Г. Маттингли. На основе дипломатической корреспонденции и теоретических трактатов Средних веков и Возрождения Маттингли сравнил средневековую и ренессансную дипломатию, проанализировал новшества, привнесенные в дипломатию раннего Нового времени на примере Англии, Франции, Италии и Испании. Именно в этом труде мы впервые встречаем обращение к дипломатическим миссиям при испанском и английском дворах. Среди отечественных историков одним из первых исследователей европейской дипломатии раннего Нового времени стал советский и российский историк-медиевист Ю.Е. Ивонин. В 1984 г. он опубликовал монографию «У истоков европейской дипломатии нового времени»²⁴¹, посвященную изучению этапа в

²³⁷ Parker G. Global crisis: war, climate change and catastrophe in the seventeenth century. New Haven: Yale University Press, 2014.

²³⁸ The Thirty years war / Ed. by G. Parker. London, New York, 1998.

²³⁹ Parker G. Op. cit. P. 327.

²⁴⁰ Mattingly G. Renaissance diplomacy. Baltimore, 1955; Заллет Р. Дипломатическая служба. Ее история и организация во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах. М., 1956; История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959; Wiethoff W.E. A Machiavellian Paradigm for Diplomatic Communication // The Journal of Politics, Nov., 1981, Vol. 43, No. 4. P. 1090 – 1104; Anderson M.S. The rise of modern diplomacy, 1450 – 1919. London, New York, 1993; Селянинов О.П. Тетради по дипломатической службе государств (история и современность). М., 1998.

²⁴¹ Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984.

который, по мнению автора, зародились основы современной дипломатии. Ю.Е. Ивонин стремился показать возникновение института постоянной дипломатии и сформулировать важнейшие этапы истории международных отношений в общем контексте генезиса капитализма.

Историки второй половины XX – начала XXI вв. в рамках изучения политической культуры все больше внимания уделяли дипломатическому протоколу и церемониалу XVII в.²⁴² Особый интерес представляли приемы послов при европейских дворах и связанные с их появлением церемонии. Внимание к этим аспектам прослеживается в работах английских, американских и испанских историков - Д. Квеллера, У. Русена, Ф. Барриоса, Г. Белла и др.²⁴³ Изучение особенностей дипломатического церемониала на примере дворов России, Испании, Англии, Италии и Франции предпринято

²⁴² Sanz Camañes P. Las instrucciones diplomáticas de los embajadores españoles en Inglaterra durante el siglo XVII // *Revista de Historia moderna*. №3, 2015. P. 11 – 31; Эхеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 4. М., 2015. С. 205 – 209; Бойцов М.А. Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576 г. // *Средневековая Европа: Восток и Запад*. М., 2015. С. 327 – 364; Hennings, J. *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; Российские дипломаты в Испании / Отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016; Gherasim G.C. *Fundamentals of Diplomatic Protocol* // *Studia ubb. Europaea*, LXIV, 2, 2019. P. 359 – 373; Allen G. The rise of the Ambassadors: English ambassadorial wives and early modern diplomatic culture // *The Historical Journal*. Vol. 62. No. 3. Cambridge, 2019. P. 617 – 638; Hutchings M. *Diplomacy Narratives as Documents of Performance* // *Exile, Diplomacy and Texts: Exchanges between Iberia and the British Isles, 1500–1767*. Brill, 2021. P. 208 – 227.

²⁴³ Queller D.E. *The office of ambassador in the middle ages*. Princeton, New Jersey, 1967; Lee M. The Jacobean diplomatic service // *The American Historical Review*, Jul., Vol. 72, No. 4. 1967. P. 1264 – 1282; Вуд Д., Сепе Ж. Дипломатический церемониал и протокол. М., 1974; Fernández Suárez J.R. La Embajada inglesa en Madrid y la española en Londres (1607-1614) // *ES: Revista de filología inglesa*, №6, 1976, P. 81 – 138; Roosen W. Early Modern Diplomatic Ceremonial: a System approach // *The Journal of Modern History*. Vol. 52. №3. 1980. P. 452 – 476; Barrios F. *Práctica diplomática de la Corte de España. Notas a un reglamento de Ceremonial de 1717* // *Revista de Estudios políticos*, № 62. 1988. P. 163 – 183; Bell G.M.A. *Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509 – 1688*. L., 1990; Garcia Sierra M.J. El aposentamiento de personajes reales europeos y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII // *Madrid en el contexto de lo hispánico desde la época de los descubrimientos*. Madrid, 1994. P. 741 – 756.

также в работах отечественных историков – В.А. Ведюшкина²⁴⁴, Е.Г. Домниной²⁴⁵, Е.Э. Юрчик²⁴⁶, М.В. Третьяковой²⁴⁷, А.Ю. Терещенко²⁴⁸, А.В. Куликова²⁴⁹ и М.И. Шиколо²⁵⁰. Присутствие послов на публичных обедах и аудиенциях²⁵¹, королевской охоте²⁵², торжественных въездах в город

²⁴⁴ Ведюшкин В.А. В поисках контактов: Россия и Испания в международных отношениях XVII в. // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М., 2018. С. 38 – 42; Посольство П.И. Потёмкина в Испанию в 1667 – 1668 гг.: документы и материалы / Составители В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018.

²⁴⁵ Домнина Е.Г. Англия и герцогство Урбино в 1474 – 1509 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 200 – 218. Она же. Церемониал приема английских послов в Венеции в раннее Новое время // Средние века. Вып. 72. М., 2011. С. 214 – 224; Она же. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485-1558). М.; СПб., 2020.

²⁴⁶ Юрчик Е. Э. Сопроводители послов при дворе Карла II // Общество с ограниченной ответственностью «Интеграция: Образование и Наука» (ООО «Интеграция: ОН»), 2016. Выпуск 8 (52) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001578-4-1> (дата обращения: 31.12.2016).

²⁴⁷ Третьякова М.В. "Английская тема" в донесениях венецианских послов в Испании в конце XVI - начале XVII вв. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. тр. Арзамас, 2001. С. 93 – 99; Она же. К вопросу о дипломатической миссии венецианского посла Джованни Соранцо при дворе Филиппа II в 60-х годах XVI века: дом короля Испании // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. №3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-diplomaticheskoy-missii-venetsianskogo-posla-dzhovanni-sorantso-pri-dvore-filippa-ii-v-60-h-godah-xvi-veka-dom-korolya-ispanii> (дата обращения: 19.06.2022).

²⁴⁸ Терещенко А.Ю. Флорентийская дипломатия в первые десятилетия XVI в. (на материале посольств во Францию) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. №6. М., 2003. С. 139 – 160.

²⁴⁹ Куликов А.В. Обязанности секретарей испанских посольств в первой половине XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. 2009. С. 81 – 96.

²⁵⁰ Шиколо М.И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. М., 2016.

²⁵¹ Дмитриева О.В. Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевском застолье Елизаветинской Англии // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. С. 85 – 91; Samper P., Palmer S. Estilo de servir a príncipes. La cocina y la mesa de un grande de España en el Siglo de Oro // Trocadero. Revista de Historia Moderna y Contemporánea 12 – 13. 2000 – 2001. P. 315 – 360; Польская С. А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Алетейя, 2001. С. 235 – 242; Normore Ch. A Feast for the Eyes: Art, Performance, and the Late Medieval Banquet. Chicago: University of Chicago Press, 2015; Меднис С.С. «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-sfer-reglament-koronatsionnogo-pira-elizavety-tyudor> (дата обращения: 22.09.2023);

²⁵² Oggins R. S. The Kings and Their Hawks: Falconry in Medieval England. Yale University Press, 2004; Ефимов С.В. Европейская охота и охотничье оружие в XVI – XVIII веках. СПб., 2012; Палтусова И.Н. Королевская охота // Королевские игры. Западноевропейское

и процессиях²⁵³ стали предметами особого изучения в ходе осмысления особенностей дипломатии раннего Нового времени.

В последнее время наметился растущий интерес исследователей к путешествиям монарших особ, к так называемым «итинерариям власти»²⁵⁴, так как изучение различных аспектов передвижений значительно расширяет представления о политической сфере XVI – XVII в. и европейской придворной культуре. Особое место в рамках данной проблематики занимает исследование феномена путешествий «инкогнито» и его значения с точки зрения придворной культуры. Выявляя преимущества такого рода визитов, исследователи начинали рассуждения с Великого посольства Петра I²⁵⁵, и

оружие и доспехи позднего Ренессанса в собрании Исторического музея / авт.-сост. А.А. Герасимова. М., 2016. С. 296 – 307.

²⁵³ Smuts R.M. Public ceremony and royal charisma: the English royal entry in London, 1485 – 1642 // *The First Modern Society. Essays in English History in Honor of Lawrence Stone*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 65 – 93; Mateos Royo J.A. All the town is a stage: civic ceremonies and religious festivities in Spain during the golden age // *Urban history*, August, Vol. 26. № 2. 1999. P. 165 – 189; Raeymaekers D., Derks S. Reportoires of Access in Princely Courts, 1400 – 1750 // *New perspectives on Power and political representation from ancient history to the present day* / Ed. by H. Kaal, D. Slootjes. Boston, 2009. P. 78 – 93.

²⁵⁴ Kisby F. Kingship and the royal itinerary. A study of the Peripatetic Household of the Early Tudor kings, 1485 – 1547 // *The Court Historian* / Ed. by Ph. Mansel. Vol. 4, 1. London, 1999. P. 29 – 39; Salzman P. Travelling or Staying In: Spain and the Picaresque in the Early 1620s // *The Yearbook of English Studies. Travel and Prose Fiction in Early Modern England*. Vol. 41. No. 1. 2011. P. 141 – 155; Chaney E., Wilks T. The Jacobean Grand Tour. Early Stuart Travellers in Europe. London, 2014; Шишкин В.В. Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561-1574 гг. // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Вып. 83 (2). М.: Изд.-во «Наука», 2022. С. 108 – 126; Он же. Королевские итинерарии во французских источниках и исследованиях // *Диалог со временем* 79. М.: Аквилон, 2022. С. 183 – 194; Он же. Итинерарии Маргариты де Валуа (по письмам из Российской национальной библиотеки) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*. Т. 24, № 1. Екатеринбург, 2022. С. 87 – 101; Серегина А.Ю. Война, престолонаследие и придворные развлечения: летнее путешествие Елизаветы I в 1591 г. // *Шаги / Steps*. 2022. №1. С. 200 – 218; Она же. Путешествие в Рим Томаса Норта (1555): от итинерария к мемуарам путешественника // *Шаги / Steps*. Т. 9. № 1. 2023. С. 185 – 205; Таубер В.А. Религия и политика в королевских путешествиях раннего Нового времени: визит королевы Елизаветы в Кент в 1573 году // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 9. С. 65 – 78.

²⁵⁵ Hennings J. The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // *The International History Review*, Vol. 30. No. 3. Sep., 2008. P. 515 – 544; Jansson M. Incognito and the New Diplomacy: The case of Tsar Peter // *Вестник МГИМО-университета*. №6 (63). М., 2018. С. 13 – 34; Дмитриева О.В. Великое посольство в Европу – «Большой тур» Петра I // *Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник*. М., 2019. С. 90 – 103.

впоследствии обращались к более ранним прецедентам такого рода путешествий, в том числе и к тайной поездке Карла Стюарта в Испанию в 1623 г.²⁵⁶ Статус «инкогнито» в первой половине XVII в. давал путешественнику королевской крови больше свободы ввиду возможности отказа от публичных церемоний, позволял избежать финансового и символического бремени, облегчал переговоры, и при этом подчеркивал важность вопроса, ради которого был предпринят визит. В XVIII – XIX вв. европейские правители (русский царь Петр I, саксонский курфюрст Август Сильный, австрийский император Иосиф II, русский император Павел I и др.) нередко прибегали к подобным путешествиям, однако поездка Карла в 1623 г. оказалась одним из первых случаев такого рода, что оправдывает обращение к ее изучению с точки зрения «итинерариев власти»²⁵⁷.

Одним из аспектов изучения европейских придворных церемоний стала процедура обмена дарами. Эта тема осмыслялась видными этнологами²⁵⁸ и историками²⁵⁹ еще в XX в. Позднее обмен дарами начали рассматривать в широком теоретическом контексте, не только как экономическое, но и как универсальное явление, охватывающее различные аспекты социального взаимодействия и культуры. Под влиянием этих исследований историки стали уделять всё больше внимания семантике и значению обмена дарами в политической сфере в рамках дипломатического церемониала.²⁶⁰

²⁵⁶ Lemée E. The Language of Incognito in Late Seventeenth-Century Diplomacy // *Legatio: The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies*. Vol. 4. 2020. P. 15 – 36.

²⁵⁷ Кошелева П.Ю. Итинерарий английского "инкогнито": принц Карл Стюарт в Мадриде (1623) // *Средние века*. 2023. Вып. 84(4). С. 151 – 174.

²⁵⁸ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М., 2011.

²⁵⁹ Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

²⁶⁰ Negotiating the gift. Pre-modern figurations of exchange / Ed. by G. Algazi, V. Groebner, B. Jussen. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003; Jansson M. Measured Reciprocity: English Ambassadorial Gift Exchange in the 17th and 18th Centuries // *Journal of Early Modern History*. Vol. 9. №3. 2005. P. 348 – 370; Butters S. The uses and abuses of gifts in the World of Ferdinando de Medici (1549 - 1609) // *I Tatti Studies: Essays in the Renaissance*. Vol. 11. 2007. P. 243 – 354; Bischoff C. Complicated exchanges: the handling of authorized and unauthorized gifts // *The Court Historian: gift-giving in eighteenth-century courts*. Vol. 14. № 2. Boston, 2009. P. 133 – 148; *The Court Historian. Gift-giving in eighteenth-century courts*. Vol. 14, No. 2.

Всестороннее осмысление функций дара в дипломатии предлагает коллективный труд отечественных историков «На языке даров: правила символической коммуникации в Европе 1000 – 1700 гг.».²⁶¹ На примере различных исторических ситуаций в работе показана полисемантность дара: он может быть средством коммуникации или достижения желаемых результатов на переговорах, способом оплаты услуг, выражением могущества и власти, инструментом передачи информации, индикатором влияния, демонстрацией взаимного признания, воплощением сущности дарителя и способом самопрезентации. В рамках поездки принца Карла в Мадрид процедура обмена дарами претерпела изменения, но сохранила важный символический смысл в завершении визита.²⁶²

Все эти исследования позволяют выявить важные составляющие политической культуры эпохи раннего Нового времени. Несмотря на внимание к теме «испанского брака» среди историков, некоторые сюжеты все еще остаются недостаточно изученными: путь принца в статусе «инкогнито», сам феномен «инкогнито», процедура обмена дарами, «итинерарии власти» испанского дома Габсбургов в ходе визита Карла Стюарта. Именно взгляд на политическую культуру сквозь призму «испанского брака» дает возможность открыть новые сферы интереса и всесторонне изучить этот необычный казус, который выявляет характер общения между двумя европейскими дворами на политическом, дипломатическом и культурном языках эпохи.

London, 2009; Auwers M. The gift of Rubens: rethinking the concept of gift-giving in Early Modern Diplomacy // *European History Quarterly*, 43, 2013. P. 421 – 441;

²⁶¹ На языке даров: правила символической коммуникации в Европе, 1000 – 1700 гг. / Под ред. Г. Альтхофа и М. Бойцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016.

²⁶² Кошелева П.Ю. Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами // *Вестник МГИМО-Университета*. № 16 (1). М., 2023. С. 29 – 51.

Глава 1. Матримониальная стратегия в контексте внешней политики Якова I

В 1603 г. на английский престол взошел представитель шотландской династии Стюартов – Яков I. Он занял позицию миротворца во внешней политике, избрав своим девизом «*Beati pacifici*» («Блаженны миротворцы»)²⁶³. В 1604 г. был подписан Лондонский мирный договор, знаменовавший окончание затяжной войны между Англией и Испанией. Ключевым инструментом политики Якова I стала матримониальная стратегия, которая подразумевала сближение со странами континентальной Европы посредством браков его детей для сохранения баланса сил на международной арене. Яков был обеспокоен проблемами мира между христианскими правителями, поэтому в рамках своей политики планировал союзы и с протестантами, и с католиками.

Еще с 1605 г. ходили слухи о перспективе брака наследника престола, принца Генри, с испанской инфантой Анной. Подобная смена ориентиров и поворот в сторону Испании вызывали недовольство в обществе. Это привело к формированию при дворе двух противоборствующих партий: «испанской» и «пуританской»²⁶⁴. К «испанской» фракции принадлежали государственный секретарь Джордж Калверт, первый барон Балтимор, Ричард Уэстон, первый граф Портленд, лорд-казначей Френсис Коттингтон, первый барон Коттингтон, придворный и дипломат Джон Дигби, первый граф Бристоль.

²⁶³ Стремление Якова I к мирному урегулированию конфликтов отмечают многие историки в работах, посвященных его биографии и правлению: Akrigg G.P.V. *Jacobean Pageant or the court of king James I*. New York, 1967; Bingham C. *The making of a king*. New York: Doubleday, 1969; Fraser A. *King James VI of Scotland and I of England*. London, 1974; Lockyer R. *The Early Stuarts: a political history of England, 1603 – 1642*. New York, 1989; Lee M. *Great Britain's Solomon*. Urbana: Chicago Univ. of Illinois press, 1990; Carrier I. *James VI and I. King of Great Britain*. 1998; Doelman J. *King James I and the religious culture of England*. Cambridge, 2000; Thrush A. *The personal rule of James I, 1611 – 1620 // Politics, religion and popularity / Ed. by T. Cogswell, R. Cust, P. Lake*. Cambridge, 2002. P. 84 – 102; Croft P. *King James*. Basingstoke. 2003.

²⁶⁴ Adams S.L. *Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624 // Faction and parliament. Essays on Early Stuart History*. Oxford. 1978. P. 139 – 173.

Происпанскую политику также поддерживал лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон (до импичмента) и ревностный католик Генри Говард, граф Эрандел. С середины 1621 г. «испанская» партия стала наиболее влиятельной при английском дворе.

Однако активную деятельность вели и противники сближения с Испанией. Лидерами «пуританской» партии были лорд-камергер Уильям Херберт, третий граф Пемброк и Джордж Эббот, архиепископ Кентерберийский. В палате общин таким лидером был поэт Бенжамин Радьерд.²⁶⁵ К этой группе можно отнести также лорда-лейтинанта Гэмпшира Генри Ризли, третьего графа Саутгемптона и английского военачальника Роберта Девере, третьего графа Эссекса, лорда-лейтинанта Йоркшира, барона Эдмунда Шеффилда, верховного шерифа Кента Эдвина Сэндиса, дипломата Томаса Ро и др. Как мы увидим, разногласия по поводу матримониальной политики Якова Стюарта приведут к противоречиям политического и конституционного характера между королем и парламентом.

1.1. Яков I в роли международного арбитра и миротворца (1603 – 1618)

К началу XVII в. первенство на международной арене принадлежало династии Габсбургов. Испанская и австрийская ветви преуспевали во внешней и внутренней политике. Французская держава, став противовесом Габсбургам, предлагала Якову заключить союз и вместе с Венецией, Соединенными Провинциями и Скандинавскими странами атаковать владения Габсбургов. Однако вступление в войну противоречило принципам Якова I, который хотел быть королем-миротворцем (*Rex Pacificus*).²⁶⁶ Он верил в мир, которого можно достичь с помощью дипломатии и династических браков.²⁶⁷ Он также старался мирно решать религиозные

²⁶⁵ Ibid. P. 143.

²⁶⁶ Doelman J. Op. cit. P. 91.

²⁶⁷ Akrigg G.P.V. *Jacobean Pageant...* P.141 – 156; Redworth G. *The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match*. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 1 – 26.

конфликты, поэтому часто выступал посредником между разными лагерями – католическим и протестантским.²⁶⁸

После смерти Елизаветы I Яков унаследовал не только английский трон, но и состояние войны с Испанией. Одним из первых действий после восшествия Якова на престол стало заключение мирного договора.²⁶⁹ 18 августа 1604 г. его подписали испанские посланники в Лондоне. Выяснилось, что у обеих наций было мало претензий друг к другу.²⁷⁰ Чтобы скрепить мир в Лондон прибыли испанский дипломат Хуан де Тассис-и-Перальта, граф Вильямедьяна и коннетабль Кастилии Хуан Фернандес де Веласко, пятый герцог Фриас, а из Англии в Испанию в 1605 г. – лорд-адмирал Чарльз Говард, первый граф Ноттингем и английский посол Чарльз Корнуоллис. Свита англичан была многочисленной и отличалась великолепием.²⁷¹ Испания была заинтересована в мире с окрепшей при

²⁶⁸ Конфессиональное противостояние в начале XVII века нарастало ввиду несоблюдения соглашения, принятого в 1555 г. в Аугсбурге. Хотя Аугсбургский мир признал лютеранство официальной религией и установил право имперских сословий на выбор вероисповедания, принцип «*cuius regio, eius religio*» создавал почву для постоянного возобновления конфликта. Более того, непризнание договором кальвинистского вероисповедания, наряду с расплывчатостью понятия лютеранства в тексте соглашения, дали импульс для особого пути развития реформатской церкви в Германии. В такой ситуации Яков I видел себя правителем, способным урегулировать положение в Европе.

²⁶⁹ Croft P. *Rex Pacificus, Robert Cecil, and the 1604 Peace with Spain* // *The accession of James I: historical and cultural consequences* / Ed. by G. Burgess, R. Wymer, and J. Lawrence. Basingstoke; N.-Y., 2006. P. 140 – 154; Finlayson J. *Jacobean Foreign Policy, London's Civic Polity, and John Squire's Lord Mayor's Show, "The Tryumphs of Peace"* // *Studies in Philology*. Vol. 110. No. 3. Summer, 2013. P. 590.

²⁷⁰ С текстом договора, заключенного между Англией и Испанией в 1604 г. можно ознакомиться здесь: *A Treaty of perpetual peace and alliance between Philip III, King of Spain and the Archduke and Archduchess Albert and Isabella on the one side and James I, King of England on the other side* // *A general collection of treatys manifesto's, contracts of marriage, renunciation and other Publick Papers from the year 1495 to the year 1712*. Vol. 2. London, 1732. P. 131 – 146.

²⁷¹ Treswell R. *A relation of such things as were obserued to happen in the journey of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie.* - URL: <http://name.umdl.umich.edu/A13959.0001.001> [accessed 13 March 2024].; Instructions for the

Елизавете I Англией, а английская сторона в свою очередь стремилась к установлению торговых отношений с Испанией. Относительно колониальной торговли было решено, что Испания могла претендовать на исключительные права только в тех районах Индий, которые она занимала. Договор 1604 г. давал Англии возможность освоения мира вне Европы и более того, помогал выйти из общеевропейской борьбы против Испании, которую активно продолжали Франция и Нидерланды. Король Англии выступил в качестве международного арбитра при заключении мира между Республикой Соединенных Провинций и Испанией.²⁷² В апреле 1607 г. правители Испанских Нидерландов Альбрехт и Изабелла согласились признать Республику и заключить перемирие сроком на восемь месяцев.²⁷³ В феврале 1608 г. переговоры продолжились в Гааге²⁷⁴, куда отправилось посольство от испанских Нидерландов во главе с генералом Амбросио Спинолой. В конечном итоге в 1609 году при активном участии Якова I было заключено двенадцатилетнее перемирие между Испанией и Соединенными провинциями.²⁷⁵ Таковую же роль посредника Англия сыграла в борьбе за Юлих-Клевское наследство между германскими княжествами.²⁷⁶ Благодаря

Earl of Nottingham Lord High Admiral of England, employed by his Majesty to the King of Spain, for taking his Oath for Observation of the Peace // Memorials of affairs of State in the Reigns of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol II. London, 1725. P. 62 – 64.

²⁷² Lockyer R. The Early Stuarts: a political history of England, 1603 – 1642. New York, 1989. P. 12.

²⁷³ Carrier I. James VI and I. King of Great Britain. 1998. P. 128.

²⁷⁴ В июне 1608 г. в Гааге был подписан промежуточный договор, гарантом которого выступал Яков I, между испанскими Нидерландами и Республикой Соединенных провинций, с текстом договора можно ознакомиться здесь: A treaty of Guaranty by James I for the Treaty between the Archduke and Archduchess Albert and Isabella and the States-general of the United Provinces // A general collection of treatys manifesto's, contracts of marriage, renunciation and other Publick Papers from the year 1495 to the year 1712. Vol. 2. London, 1732. P. 157 – 160.

²⁷⁵ Croft P. King James. New York, 2003. P. 82.

²⁷⁶ В этот конфликт были втянуты Священная Римская Империя, Франция, Нидерланды, Испания, а также ряд католических и протестантских правителей Германии. Смерть последнего представителя Клевского дома герцога Иоганна-Вильгельма, не оставившего детей, сделала свободным престол немецких герцогств Юлих, Клеве и Берг, графств Марк и Равенштейн и поместья Равенсберг на Маасе. Все эти владения в Средние века

вмешательству Франции и Англии, курфюрст Иоганн-Сигизмунд Бранденбургский и пфальцграф Вольфганг-Вильгельм достигли компромисса и подписали соглашение в Ксентене, по которому Юлих-Клевские земли были разделены на 2 части: одна заключала Клеве, Марк, Равенсберг и Равенштейн, другая — Юлих и Берг. Однако союзники той и другой стороны не пожелали вывести свои войска из спорных земель, поэтому договор остался неисполненным, и борьба за Юлих продолжалась и далее.²⁷⁷

Как уже отмечалось ранее, для установления мира в Европе Яков I практиковал классическую систему династических браков.²⁷⁸ Так как в XVII в. одной из главных причин постоянного международного противостояния был религиозный вопрос и соперничество протестантов и католиков, королю-протестанту Якову, чья мать была католичкой, а подданные в Шотландии слыли ярыми кальвинистами, нужно было сделать

сливались благодаря бракам, и с 1511 г. составляли одно целое. В 1609 г. герцог Иоганн-Вильгельм умер бездетным, вследствие чего его сестры, их мужья и дети заявили претензии на его наследство. Старшая из сестер, Мария-Элеонора была замужем за прусским герцогом Альбрехтом-Фридрихом и имела от него только дочерей, из которых старшая была замужем за курфюрстом Иоганном-Сигизмундом Бранденбургским. Вторая сестра Иоганна-Вильгельма, Анна, от пфальцграфа Филиппа-Людвига Нейбургского имела сына Вольфганга-Вильгельма. Эти два претендента, курфюрст и пфальцграф, требовали признания своих прав на наследство по женской линии, подтверждая его императорскими грамотами, причем каждый заявлял притязания на все наследство. В Юлихе право на наследство было бесспорно на стороне курфюрста Бранденбургского, но так как на отдельные части наследства было много притязаний, основывавшихся на соглашениях, брачных договорах и императорских указах, противоречивших один другому, то юридически этот вопрос был трудно разрешим. Император Рудольф II, боясь растущей силы Бранденбургского курфюрста, который, укрепившись на Рейне, мог стать опасен, решил противостоять усилению Бранденбурга. Едва умер Иоганн-Вильгельм, как курфюрст и пфальцграф заключили в Дортмунде соглашение, по которому обязались совместно управлять спорным наследством и защищать друг друга от общих врагов. Однако в декабре 1613 г. Вольфганг-Вильгельм отправился в Мюнхен, женился там на дочери баварского герцога Максимилиана, перешел в католичество и заручился помощью Католической лиги и Испании. Оба противника взялись за оружие и призвали союзников.

²⁷⁷ Спор окончился договором в Клеве (19 сентября 1666 г.) между великим курфюрстом и сыном Вольфганга-Вильгельма, пфальцграфом Филиппом-Вильгельмом Нейбургским: Клеве, Марк и Равенсберг были отданы курфюрсту Бранденбургскому. Юлих и Берг — пфальцграфу Нейбургскому, Равенштейн только в 1671 г. был окончательно отдан пфальцграфу.

²⁷⁸ Reeve J. Britain or Europe? The context of Earle Modern English History: Political and Cultural, Economic and Social, Naval and Military // The New British History. London, 1999. P. 295.

оптимальный выбор, который не вызвал бы негативной реакции ни одной из сторон. С католиками Яков хотел наладить мир с помощью брака испанской инфанты Анны и своего старшего сына Генри. Еще в 1605 г. начались обсуждения союза двух стран посредством брака наследников. Когда граф Ноттингем находился в Испании, к нему обратился герцог Лерма, всемогущий фаворит короля Филиппа III, с предложением о браке между старшим сыном Якова I и старшей дочерью Филиппа III.²⁷⁹ Яков I, узнав о подобных соображениях герцога, сразу загорелся этой идеей, которую поддержала и его супруга королева Анна Датская. Однако совершенно противоположное мнение было у своевольного принца Генри: он был протестантом и выступал против женитьбы на католичке.²⁸⁰ Тем не менее, в том же 1605 г. начались переговоры, и изначально условия испанцев были весьма недвусмысленными: Генри должен был жить и воспитываться в Мадриде и впоследствии стать католиком.²⁸¹ Подобные требования были связаны с тем, что Анна являлась первой по старшинству наследницей Филиппа III, к тому времени не имевшего сыновей. Ее муж мог бы однажды стать консортом, так же, как когда-то ее дед Филипп II в Англии, женившись на Марии Тюдор. Однако перспектива перехода принца Генри в католичество никогда не обсуждалась, тем более, что к 1604 г. ему было всего десять лет. Переговоры затянулись и возобновились только в 1607. Более того, в 1611 г. испанцы предложили вместо Анны инфанту Марию Анну (которой на тот момент было 5 лет), так как старшая дочь короля Филиппа III уже была обещана королю Франции Людовику XIII.

С браком для дочери Якова Елизаветы дело обстояло иначе. Король планировал для нее союз с протестантом. Принцесса Елизавета была самой желанной невестой в Европе, однако при выборе победила пфальцская

²⁷⁹ Howat G.M.D. *Stuart and Cromwellian foreign policy*: London: Black, 1974. P. 19.

²⁸⁰ Strong R. *Henry Prince of Wales and England's Lost Renaissance*. L., 2000.

²⁸¹ Lockyer R. *The Early Stuarts*...P. 14.

дипломатия.²⁸² Фридрих Пфальцский понравился королю, его министрам, невесте, и даже лондонской толпе.²⁸³ Брак дочери Якова Елизаветы с наследником курфюрста Пфальцкого обеспечил протестантским князьям поддержку Англии. Этот союз казался выгодным для обеих сторон. Фридрих с 1610 г. был курфюрстом и имел право активно участвовать в выборах императора Священной Римской Империи. Более того, он был главой Евангелической унии, союза восьми протестантских князей и семнадцати протестантских городов Священной Римской империи. В идеале союз позволял достичь не только преобладания над католиками, но и единства внутри протестантского лагеря между лютеранами и кальвинистами. Такая идея была близка Якову. Елизавете было шестнадцать лет, как и Фридриху, когда решение о брачном союзе было утверждено. Свадьба прошла в Англии 14 февраля 1613 г. Празднование было роскошным, длительным и сопровождалось премьерой постановки У. Шекспира «Буря». Затраты на свадьбу составили беспрецедентную сумму – около 100 000 фунтов²⁸⁴, и это стало одной из причин финансовых трудностей, побудивших короля созвать парламент.²⁸⁵

1.2. Парламент 1614 г.: реакция на матримониальную политику Якова I

Отношения Якова Стюарта с парламентом не были безоблачными. За двадцать два года правления король прибегал к его созыву лишь четыре раза. Несмотря на то, что Яков понимал значение парламента для англичан, он не

²⁸² Kishlansky M. Charles I. An abbreviated life. L., 2014. P. 10.

²⁸³ Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И.В. Лобанова. М., 2015. С. 66.

²⁸⁴ 4 800 фунтов потрачено на реконструкцию морского сражения на Темзе, 2 800 фунтов – на фейерверк, 6 252 – на одежду для принцессы и прочие необходимости, 1 700 – на золото и серебро. Общие затраты составили около 93 293 фунтов. - Smuts R. M. Public Ceremony and Royal Charisma: The English Royal Entry in London, 1485-1642 // The First Modern Society / Ed. by A. L. Beier, D. Cannadine, J. M. Rosenheim. Cambridge, 1989. P. 89.

²⁸⁵ Howat G.M.D. Op. cit. P. 18.

упускал возможности напомнить депутатам о том, что свободы палаты общин были дарованы их предкам по желанию монарха.²⁸⁶

Первый парламент оказался самым продолжительным – он начал свою работу 19 марта 1604 г. и продолжался вплоть до декабря 1610 г. Первые три сессии в 1604 и 1606-1607 гг. были посвящены вопросу объединения Шотландии и Англии.²⁸⁷ Яков хотел преобразовать союз двух корон в полный союз двух государств во главе с единым монархом. Он объяснял свою позицию в речи от 19 марта 1604 г.: «Я – муж, и весь остров – моя законная жена. Я – глава, а это – мое тело, и надеюсь, что никто не может думать о том, что я, будучи христианским королем, являюсь мужем двух жен»²⁸⁸. Однако англичане были против того, чтобы жить с шотландцами по одному закону, поэтому предложения Якова закончились лишь созданием объединенной англо-шотландской комиссии для разработки и обсуждения вопросов союза.

²⁸⁶ Smith D.L. *The Stuart Parliaments 1603 – 1689*. London, 1999. P. 102; Кондратьев С.В. *Английская революция XVII в.* М., 2010. С. 63.

²⁸⁷ Вопросу унии посвящено большое количество работ: Willson D.H. *King James and Anglo-Scottish Unity // Conflict in Stuart England: Essays in Honor of Wallace Notestein* / Ed. by W.A. Alken, B.D. Henning. L., 1960. P. 41 – 56; Tyacke N. *Wroth, Cecil and the Parliamentary Session of 1604* // *BIHR*, L., 1977. P. 120 – 124; Cowan E.J. *The Union of the Crowns and the crisis of the Constitution in 17th century Scotland // The Satellite State in the 17th and 18th Centuries* / Ed. by S. Dyrvik, K. Mykland and J. Oldervoll. Bergen; Oslo, 1979. P. 121 – 140; Galloway B. *The Union of England and Scotland, 1603- 1608*. Edinburgh, 1986; Брандт М.Ю. Союз Шотландии и Англии в европейских международных отношениях конца XVI–начала XVII века. // *Англия в эпоху феодализма*. М., 1988. С. 61 – 82; Cuddy N. *Anglo-Scottish Union and the Court of James I. 1603-1625. The Alexander Prize Essay Proxime Accessit* // *Transactions of the Royal Historical Society*. L., 1989. P. 107 – 124; Wormald J. *One king, two kingdoms // Uniting the Kingdom? The Making of British History* / Ed. by A. Grant and K.J. Stringer. 1995. P. 123 – 132; Wormald J. *James VI and the Identity of Britain // The British Problem, c. 1534 – 1707: State Formation in the Atlantic Archipelago* / Ed. by B. Beadshaw and J. Morrill. 1996. P. 148 – 171; Waurechen S. *Imagined Politics, Failed Dreams, and the Beginnings of an Unacknowledged Britain: English Responses to James VI and I's Vision of Perfect Union* // *Journal of British Studies*. Cambridge, 2013. Vol. 52. № 3. P. 575 – 596; Кондратьев С.В. Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. Тюмень, 2015. Т.1. №1(1). С. 137 – 144.

²⁸⁸ «I am the husband, and all the whole isle is my lawful wife; I am the head and it is my body <...> I hope therefore no man will be so unreasonable as to think that I, that I am a Christian King under the Gospel, should be a husband to two wives». - *Constitutional documents of the reign of James I 1603 – 1625*. Cambridge, 1930. P. 222.

Короля также беспокоило состояние финансов, поэтому он надеялся услышать от членов парламента предложения относительно возможного решения проблемы. В ходе продолжительных дебатов Роберт Сесил, граф Солсбери предложил проект «Великого контракта», по которому в обмен на отмену феодальных сборов на содержание короля парламента должен был обеспечить ему стабильный годовой доход в виде субсидии на двести тысяч фунтов.²⁸⁹ Однако подобная сумма выплат потрясла палату общин, и, в конечном итоге, реформа не была одобрена. Король и парламента не нашли понимания в вопросах финансов. Яков Стюарт не смог убедить палату общин вотировать сумму, необходимую ему для осуществления управления,²⁹⁰ в свою очередь парламента считал траты короля излишними. Отказы парламента казались королю попытками ослабить его власть. Это недопонимание стало одной из главных проблем будущего «испорченного парламента» 1614 г.

Парламента 1614 г. начал свою работу 5 апреля. Причиной к созыву стали финансовые трудности короны ввиду больших затрат на свадьбу принцессы Елизаветы. В своей приветственной речи перед членами парламента Яков I всячески хотел убедить делегатов в успехе этого брака и оправдать те расходы, которые пошли на его организацию. В связи с безвременной смертью старшего сына, принца Генри, Яков, помимо младшего сына Карла, возлагал надежды на Елизавету, Фридриха Пфальцского и их наследников. В связи с возникшими финансовыми проблемами король был вынужден просить парламента о помощи в виде субсидии.

Парламентарии активно обсуждали долги короля и его матримониальную политику. Большинство членов парламента положительно оценивало союз с протестантским князем, однако траты на свадьбу казались чрезмерными. На заседании палаты общин 12 апреля делегаты пришли к

²⁸⁹ Smith D.L. Op. cit. P. 107.

²⁹⁰ Russell C. The Addled Parliament of 1614: the limits of revision. Reading. 1992. P. 9.

выводу о том, что «брак его [короля] дочери – причина этого долга»²⁹¹. Более того, депутаты начали неодобрительно высказываться относительно испанской политики Якова. Они не доверяли Испании и считали переговоры о браке принца Карла и инфанты Марии губительными для Англии. Опасность распространения католичества казалась наиболее вероятной при союзе с католической Испанией. Парламентарии выступали за ужесточение законов против рекузантов²⁹², так как боялись усиления католиков.²⁹³ Члены парламента просили Якова, «которого Бог сделал арбитром и распорядителем всей Европы, ограничиться пределами его государств»²⁹⁴, то есть не увлекаться европейской политикой и четко следовать интересам Англии.

Несмотря на активное изучение парламентов первых Стюартов,²⁹⁵ в дискуссиях о формировании противоречий между королем и парламентом

²⁹¹ «The marriage of his daughter a great cause of this debt». - *Proceedings in Parliament 1614 (House of Commons)* / Ed. by M. Jansson. Philadelphia. 1988. P. 61.

²⁹² После разоблачения Порохового заговора произошло ужесточение анти-католического законодательства. В 1606 г. были приняты следующие акты: *An act for the better discovering and repressing of Popish Recusants* (Акт об обнаружении и наказании recusants). - *Constitutional documents of the reign of James I...* P. 86 – 94; *An act to prevent and avoid dangers which may grow by Popish Recusants* (Акт о предотвращении опасностей, которые могут возникнуть из-за recusants). – Ibid. P. 94 – 104. В 1610 г. был принят акт об истребовании присяги на верность - *An Act for administrating the Oath of Allegiance, and reformation of married women recusants.* – Ibid. P. 105 – 109.

²⁹³ *Proceedings in Parliament 1614 (House of Commons)* / Ed. by M. Jansson. Philadelphia. 1988. P. 163.

²⁹⁴ «Neither are H.M. expenses (whom God has made the arbiter and, if it were, the administrator of Europe) confined within the compass of his kingdoms». - *Proceedings on Parliament 1614...* P. 71.

²⁹⁵ Judson M. A. *The crisis of the constitution: an essay in constitutional and political thought in England, 1603 – 1645.* New Brunswick, 1949; Russell C. *The crisis of Parliaments. English history 1509 – 1660.* Oxford, 1971; Notestein W. *The House of Commons 1604 – 1610.* New Heaven and London, 1971; *Faction and parliament essays on Earle Stuart History* / Ed. by K. Sharpe. Oxford, 1978; Weston C.C., Greenberg J. R. *Subjects and sovereigns: the Grand Controversy over Legal Sovereignty in Stuart England.* Cambridge, 1981; Thompson C. *Parliamentary history in the 1620s: in or out of perspective?* Wivenhoe, Essex, 1986; Flemion J.S. *The nature of Opposition in the House of Lords in the early Seventeenth century: a Revaluation // Peers, politics and power: the House of Lords, 1603 – 1911* / Ed. by C. Jones and D.L. Jones. L., 1986. P. 5 – 23; *Conflict in Early Stuart England* / Ed. by R. Cust and A. Hughes. Harlow, 1989; *Parliament and liberty from the reign of Elizabeth to the English Civil War* / Ed. by J.H. Hexter. Stanford, 1992.

критика проекта «испанского брака» серьезно недооценена исследователями. Обсуждение матримониальной стратегии Якова привело к тому, что был поднят вопрос о королевских прерогативах короля и парламентских привилегиях. Вмешательство депутатов в зону ответственности короля было расценено Яковом, как нарушение его прав. Король в своей речи от 4 мая четко указывал палате общин на то, что свои привилегии парламентарии получали не по праву рождения, а только с одобрения короля по особой петиции.²⁹⁶ Матримониальная стратегия стала предметом теоретических разногласий по поводу прерогатив монарха. Конфликт между королем и парламентом нарастал.

Еще одним подогревающим недовольство делегатов моментом было присутствие на церемонии открытия парламента испанского посла графа Гондомара. Он прибыл в Англию весной 1613 г. и быстро снискал благосклонность короля. Однако среди англичан он был крайне непопулярен. Миссией Гондомара было сохранить расположение короля к Испании, а Англию – удержать в состоянии нейтралитета на фоне общих антигабсбургских настроений. Кроме того, посол должен был не допустить брака принца Карла с французской принцессой, о котором уже велись переговоры из-за пассивности испанской стороны. Другой важной целью Гондомара было усиление католического лагеря и улучшение положения английских католиков. Хотя Англия и была протестантской, в стране всё еще сохранилось немало приверженцев католичества.²⁹⁷ Испания как главная

²⁹⁶ Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. С. 175.

²⁹⁷ Magee B. The English Recusants. L., 1938; Pugh F. Monmouth Recusants un the Reigns of Elizabeth and James I // South Wales and Monmouthshire Record Society Publications. 1957. №4. P. 59 – 110; Aveling J.C.H. Northern Catholics: the catholic recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558 – 1790. L., 1966; Bossy J. The English Catholic Community, 1570 – 1850. L., 1975; Dures A. English Catholicism, 1558 – 1642. Burnt Mill, Harlow, Essex, 1983; Наиболее современные отечественные работы о католиках в Англии принадлежат А.Ю. Серегинной: Серегина А.Ю. Веротерпимость и конфессиональные традиции: английская религиозно - политическая полемика на рубеже XVI - XVII веков // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: Материалы науч. конф., 20-22 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 74 – 79; Она же. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб, 2006; Она же. Политическая и конфессиональная

католическая страна Европы была заинтересована в том, чтобы вновь вернуть Англию в лоно “истинной веры”.

По прибытии в Англию Гондомару пришлось нелегко: он не смог наладить отношения с другими послами при дворе английского короля, а двор видел в нем посланника врагов. Однако для Якова I он стал близким другом и советником. Они оба чувствовали себя иностранцами на английской земле, что давало им повод для обмена мнениями относительно Англии, ее традиций, жизни при дворе и даже английского языка. Более того, их роднили общая эрудированность и интеллектуализм. Испанский посол был отличным дипломатом: он всегда знал, что и кому говорить, имел безупречные манеры, хорошее чувство юмора и был приятным собеседником.²⁹⁸ Всё это помогло снискать благосклонность Якова.

Гондомар был почетным гостем на открытии парламентской сессии 1614 г. и в докладе своему королю Филиппу III в подробностях описывал происходящее.²⁹⁹ Доказательством добрых отношений посла с английским королем служило то, что на открытии парламента он стоял прямо за тронем Якова. Более того, король приказал «в качестве особой милости, повесить на балдахин занавеску из малиновой тафты с прорезями, чтобы Гондомару все было видно»³⁰⁰. Несмотря на то, что на открытии парламента должны были присутствовать только его члены, по просьбе испанского посла Яков позволил также находиться там послу австрийского эрцгерцога Альберта – Фердинанду Боисшоту – и датскому послу – де Сент Клеру.

В ходе церемонии открытия Гондомар отмечал заинтересованность парламентариев в государственных делах и их бескорыстность: «Кто-то из представителей участвует без получения платы, кто-то отказывается от нее,

идентификация католической знати в Англии второй половины XVI - начала XVII в. // Социальная идентичность средневекового человека: [сборник] М., 2007. С. 213 – 225; Она же. Англичане или католики?: католические памфлетисты XVI - XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Вып. 34. М., 2011. С. 61 – 73.

²⁹⁸ Lyon F.H. Diego de Sarmiento de Acuña, Conde de Gondomar. Oxford, 1910. P. 12.

²⁹⁹ The Ambassador's Account // Proceedings in Parliament 1614...P. 3 – 10.

³⁰⁰ Ibid. P. 9.

так как хочет послужить своему народу безвозмездно»³⁰¹. Парламентское заседание традиционно было открыто речью Якова I, которую посол старался проанализировать в донесении испанскому королю. В религиозных вопросах Гондомар отметил мудрость Якова. Она выражалась в желании терпимо вести себя в отношении католиков, но вместе с тем сохранить протестантскую веру: «Все они [подданные Якова I] хорошо знают, что он [король] заботится о сохранении религии, которую он обрел, и сохранении этого государства, с тех пор как он начал править. Поэтому он выдал свою дочь замуж за Фридриха Пфальцского, так как тот был одной веры с большинством его подданных».³⁰²

Однако, в связи с тем, что парламент 1614 г. не поддерживал короля и негативно отзывался о его внешней политике, Яков распустил его 7 июня и следующие семь лет правил без его созыва. Т. Моир считает, что принять подобное решение королю отчасти помог Гондомар.³⁰³ Сам посол оценивал свои заслуги так: «Самое главное дело, в котором я достиг успеха – это нелюбовь между королем и нижней палатой, поэтому король больше никогда не созовёт парламент, но скорее будет страдать от полной нищеты, чем получит помощь от своих подданных на каких-то условиях»³⁰⁴. Влияние испанцев при английском дворе усиливалось благодаря дипломатическим талантам испанского посла и происпанским настроениям знатной семьи Говардов³⁰⁵, представители которой состояли в Тайном совете. Люди, непосредственно окружавшие Якова, были сторонниками испанской

³⁰¹ «Some of the representatives come without receiving pay and others refuse payment because they want to serve their people without fee». – Ibid.

³⁰² «They all well knew the care he had taken to preserve the religion which he had found in the kindom when he began ruling. And that for this reason he had married his daughter, the Princess, with the Palatinate because he was of the same religion». – Ibid. P. 7.

³⁰³ Moir T.L. *The addled Parliament of 1614*. Oxford, 1958. P. 156.

³⁰⁴ Lyon F.H. *Op. cit.* P. 30.

³⁰⁵ Лорд-адмирал Чарльз Говард, граф Ноттингем; Генри Говард, граф Нортхемптон; Томас Говард, граф Саффолк; Томас Говард, граф Эрандел. - Kishlansky M. *A monarchy transformed Britain 1603 – 1714*. L., 1997. P. 95.

политики, в связи с чем королю было непонятно неприятие парламентом идеи союза с Испанией.

После роспуска парламента переговоры об испанском браке возобновились. На тот момент во Франции начался раскол между королевой-матерью и принцами крови. Английскому королю не хотелось быть вовлеченным в эту борьбу, поэтому переговоры о французском браке завершились.³⁰⁶ Ухудшение отношений с парламентом усилило финансовые трудности Якова I. Их можно было решить только посредством богатого приданного испанской невесты.

В ходе англо-испанских переговоров о браке принца Карла и инфанты Марии представителем Англии стал опытный посол Джон Дигби³⁰⁷. Считается, что он был сторонником «испанского брака», так как считал, что союз Англии и католических стран Европы мог стать основой для продолжительного мира. Тем не менее, новые требования испанцев, выдвинутые в 1615 г., крайне огорчили английского посла. Испанцы уже не настаивали на переезде принца в Мадрид и на его католическом воспитании. Однако теперь они выступали за то, чтобы все дети, рожденные от брака Карла и Марии, были крещены согласно католическому обряду, их воспитание было отдано матери, а если по достижении взрослого возраста они захотят принять ее религию, то им позволялось сделать это без потери прав на английский трон.³⁰⁸ Кроме того, оговаривалось, что у инфанты будет своя часовня при дворе, открытая для публичного посещения, а законы против английских католиков будут приостановлены и пересмотрены.

В марте 1616 г. Дигби вернулся в Англию, стал вице-камергером и получил место тайного советника. Посол сообщил Якову о том, что король

³⁰⁶ Lyon F.H. Op. cit. P. 33.

³⁰⁷ Джон Дигби был членом частной палаты, возведен в рыцарское достоинство 16 марта 1607 г., получил титул графа Бристоля в 1622 г. Граф Бристоль был английским послом в Испании 2 срока: с 1 октября 1610 по 10 июля 1616 гг. он был резидентным послом, а в период с февраля 1622 по 30 апреля 1624 гг. – чрезвычайным послом. - Bell G.M. A Handlist of British diplomatic representatives, 1509 – 1688. L., 1990.

³⁰⁸ Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant...P. 325.

Испании ясно дал понять – без разрешения папы римского он не сможет отдать инфанту Марию в жены протестанту. Филипп III писал папе Павлу V почти сразу же, как только наметилось оживление в англо-испанских переговорах по вопросу брака,³⁰⁹ однако Его Святейшество выражал сильнейшее неодобрение. И если учесть, что разрешение Папы было ключевым условием для заключения брака, то переговоры должны были бы сразу прекратиться. Тем не менее, Филипп III и его министры не собирались быстро сдаваться, а пытались путем переговоров и дипломатии добиться от Англии новых уступок в отношении католиков, которые будут приняты Римом.

В мае 1618 г. Дигби снова вернулся в Лондон с условиями испанцев об ослаблении законов против рекузантов и сообщением о том, что приданое Марии будет исчисляться суммой в 600 000 фунтов. Переговоры в очередной раз зашли в тупик. Однако в этот же год произошло событие, которое стало поворотным в истории Европы и во многом отразилось на проекте испанского брака – это инцидент в Чехии, и последовавшее за ним начало Тридцатилетней войны.

1.3. Переговоры об «испанском браке» в контексте первого этапа Тридцатилетней войны

1618 год стал для Европы переломным. Копившиеся в течение почти двадцати лет противоречия вылились в общеевропейский конфликт, который затронул большое число стран и длился не один десяток лет. Так называемая Тридцатилетняя война стала одним из главных событий в международных отношениях начала XVII в., она серьезно затронула и Англию.

Как известно, начало конфликта связывают с религиозным размежеванием в Европе.³¹⁰ Конгломерат взаимозависимых государств –

³⁰⁹ Ibid. P. 324.

³¹⁰ Gutmann M.P. The Origins of the Thirty Years War // The Origins and Prevention of Major Wars. Cambridge, 1989. P. 177 – 199; Mortimer G. War by Contract, credit and contribution:

Священная Римская Империя германской нации стал географическим и политическим ядром Европы. Однако среди немецких княжеств существовал внутренний хаос ввиду различий в конфессиональной принадлежности. По Аугсбургскому миру 1555 г. и католики, и протестанты получили свободу вероисповедания на общеимперском уровне. Появилось два противостоящих друг другу религиозных блока – протестантская Евангелическая Уния, созданная в 1608 г., и образованная ей в противовес в 1609 г. Католическая Лига.³¹¹ Религиозное размежевание более рельефно обозначило и характер разделения между князьями и императором: Габсбурги исповедовали католичество и не пользовались популярностью среди протестантов, в то время как захват лютеранами епископств на севере Германии способствовал усилению территориального могущества протестантских князей.³¹²

Хотя с 1438 и до 1806 г. императорский престол постоянно (за исключением короткого периода в 1742-1745 гг.) занимали представители династии Габсбургов, фактически император всё еще оставался выборным.³¹³ В связи с этим было крайне важно, кто являлся правителем Богемии и соответственно курфюрстом на выборах. Более того, Богемия имела особый статус внутри Священной Римской Империи, так как здесь, раньше, чем в остальной Европе появились движения за религиозную независимость, национальное единство и политическую свободу. К 1600 г. практически вся Чехия была протестантской, осталось только два города, подконтрольных

The Thirty Years War // Early Modern Military History, 1450-1815 / Ed. by G. Mortimer. New York, 2004. P. 101 – 118.

³¹¹ Lockyer R. Op. cit. P. 14

³¹² Веджвуд С.В. Указ. соч. С. 56.

³¹³ Религиозное разделение видно даже в этой процедуре. После утверждения в 1356 году «Золотой буллы» Карла IV круг выборщиков императора состоял из семи курфюрстов. К 1618 г. статус курфюрстов имели три католических архиепископа Майнца, Трира и Кёльна, а также трое протестантов – курфюрсты Саксонский, Бранденбургский и Пфальцский. Седьмым курфюрстом был король Богемии, который с 1526 г. был представителем династии Габсбургов и приверженцем католичества. Однако богемская корона была выборной, а не наследственной. В свою очередь чехи преимущественно были протестантами. Если бы королем Богемии стал протестант, то Габсбурги могли лишиться своего преобладания на выборах, и таким образом императором Священной Римской Империи мог быть любой немецкий князь.

Риму.³¹⁴ Вследствие усиления протестантов Рудольфу II пришлось пойти на уступки чехам. В 1609 г. королевство получило из его рук «Грамоту величества» – комплекс привилегий для чешских сословий, обязывающих католические власти уважать религиозную свободу во всей империи.³¹⁵

17 июля 1617 г. официально преемником императора Матиаса был назначен воинствующий католик, Фердинанд Штирийский. Через два дня он был коронован как король Богемии.³¹⁶ Реакцией на это событие стал протестантский форум в мае 1618 г. Несмотря на запрет императора на его проведение, 21 мая в Праге собрались влиятельные дворяне, рыцари, бюргеры со всей провинции.³¹⁷ Там также присутствовали и католические наместники императора – Славата и Мартиниц.³¹⁸ Чешские сословия перешли к открытой борьбе за соблюдение всех указов, принятых в пользу новой веры. 23 мая 1618 года участники собравшегося съезда, несмотря на сопротивление католиков, совершили второй в чешской истории акт дефенестрации. Протестантский сейм утвердил временное правительство в составе тридцати директоров и проголосовал за набор армии численностью шестнадцать тысяч человек, содержащейся за счет государства и возглавляемой графом Турном.³¹⁹ Фердинанд незамедлительно объявил Крестовый поход против мятежной страны, обратившись за помощью к Испании и Южным Нидерландам.³²⁰

20 марта 1619 г. умер император Матиас. Через шесть месяцев после его смерти, 26 августа 1619 г. официально императором был избран Фердинанд Штирийский, но чехи уже не считали его своим королем.³²¹ Пока существовала временная директория, мятежники активно искали

³¹⁴ Evans R.J.W. The making of the Habsburg monarchy, 1550 – 1700. Oxford, 1979. P. 48.

³¹⁵ Parker G. Global crisis: war, climate change and catastrophe in the seventeenth century. New Haven: Yale University Press, 2014. P. 212.

³¹⁶ Howat G.M.D. Op. cit. P. 26.

³¹⁷ Веджвуд С.В. Указ. соч. С. 95.

³¹⁸ Evans R.J.W. Op. cit. P. 66.

³¹⁹ Веджвуд С.В. Указ. соч. С. 97.

³²⁰ The Thirty years war / Ed. By G. Parker. London, New York, 1998. P. 52.

³²¹ Howat G.M.D. Op. cit. P. 26.

претендентов на корону Богемии.³²² В конечном счете они обратились к курфюрсту Пфальцскому Фридриху, так как он был главой Протестантской Унии, приходился зятем английскому королю и племянником принцу Морицу.

Принятие Фридрихом титула короля Чехии было положительно встречено в английском обществе, которое было недовольно испанской политикой Якова I. Сам король был скорее против позиции своего зятя по отношению к чешским «мятежникам». С одной стороны, ввиду родственных связей и религиозных убеждений Яков должен был благоволить действиям Фридриха, однако английский король все еще верил в возможность династического союза с Испанией и установления мира между христианами. Более того, он не мог одобрить восстания чехов против легитимно выбранного короля Фердинанда. Такой прецедент давал возможность свержения власти подданными любого государства, что дискредитировало силу законных европейских королей. И наконец, Яков I не желал ввязываться в войну и просить у парламента средства на ее проведение.³²³

Фридрих прибыл в Прагу в конце октября и вскоре был коронован. Пока он и его супруга Елизавета наслаждались счастливыми месяцами, Фердинанд готовился вернуть Богемию. Он активно вел переговоры с Испанией, Испанскими Нидерландами и герцогом Баварским. Император планировал направить свои силы и силы герцога Баварского прямо на Чехию, а испанские войска во главе с генералом А. Спинолой – в Пфальц, чтобы ударить по Фридриху по всем возможным фронтам и вынудить его позорно

³²² Среди рассматриваемых кандидатов были герцог Савойский Карл Эммануил, курфюрст Саксонский Иоганн Георг и лидер Протестантской Унии – Фридрих Пфальцкий. Чехи подошли к этому вопросу крайне вдумчиво. Например, Карл Эммануил был полезнее им в Италии, а Иоганн Георг как ортодоксальный лютеранин не переносил кальвинистских симпатий части чешского дворянства.

³²³ McCoy R. Old English honour in an evil time: aristocratic principle in the 1620s // The Stuart court and Europe. Essays in politics and political culture / Ed. by R. Malcolm Smuts. Cambridge, 1996. P. 133.

бежать.³²⁴ Из Мадрида поступали новые субсидии, а из Нидерландов в Пассау прибывали вспомогательные отряды. В войну была вовлечена Католическая Лига во главе с Максимилианом Баварским – ее целью стала нейтрализация Евангелической Унии во главе с Фридрихом Пфальцским.³²⁵

Как только известия дошли до Англии, многие протестанты загорелись желанием вступить в войну. Англичане считали свою связь с пфальцграфом чрезвычайно тесной, а потому, узнав, что католики начали войну против него, решили, что это глубоко затрагивает их собственные интересы.³²⁶ Английские протестанты желали энергичного вмешательства в пользу Фридриха и немецких протестантов, а члены парламента были готовы оказать финансовую поддержку военному сопротивлению.³²⁷ Яков I, напротив, с точки зрения государственных интересов Англии не считал целесообразным участие в чешских событиях.

Между тем, для того, чтобы вновь вернуть Чехию под свой контроль, Фердинанду было необходимо лишить ее помощи Евангелической Унии, поэтому он обратился к Католической Лиге и ее главе – Максимилиану Баварскому. В это же время на съезде Евангелической Унии в Ротенбурге Фридрих пытался договориться о создании протестантской армии и совместно противостоять императору и его мобилизованным силам. Однако курфюрсты отказались сформировать единую армию или поддержать оплату войск немецкого военачальника П. Мансфельда. Вместо этого они подписали меморандум, призывавший к компромиссу между императором и его противниками. Главным дипломатическим триумфом Габсбургов стал Ульмский договор с протестантами, подписанный в июле 1620 г., который был направлен против Фридриха Пфальцкого. При посредничестве

³²⁴ The Thirty years war...P. 53.

³²⁵ Croft P. Op. cit. P. 83.

³²⁶ Werner H. The Hector of Germanie, or The Palsgrave, Prime Elector and Anglo-German relations of early Stuart England: the view from the popular stage // The Stuart court and Europe...Cambridge. 1996. P. 113.

³²⁷ Савин А.Н. Указ. соч. С. 174.

французских дипломатов Католическая Лига давала гарантии ненападения на князей Унии, а взамен Протестантская Уния объявляла о своем нейтралитете в конфликте между Фридрихом и Фердинандом. Теперь руки Католической Лиги были полностью развязаны для наступления в Пфальце. В Чехии же удачно наступали имперские войска и в решающем сражении при Белой Горе, недалеко от Праги, 8 ноября 1620 г., армия протестантов потерпела сокрушительное поражение.³²⁸ Прага капитулировала, а «зимний король» Фридрих, процарствовав одну зиму, бежал сначала в Бранденбург, а затем в Гаагу, столицу Соединенных Провинций. Согласованные действия антипротестантского лагеря позволили Фердинанду к Рождеству 1621 г. вновь подчинить своему контролю большую часть Чехии. Фридриху Пфальцскому в январе 1621 г. была объявлена опала, вследствие чего он потерял чешскую корону, а также земли в Пфальце и титул курфюрста, который теперь был отдан Максимилиану Баварскому.³²⁹ Очередной успех Габсбургов спровоцировал милитаристские настроения в Европе и способствовал перерастанию чешского восстания в общеевропейскую войну.³³⁰

1.4. Оценки перспективы «испанского брака» в парламенте 1621 г.

Закрепление католиков в Рейнской области и опасность вторжения в Пфальц заставили Якова I вмешаться в дела Фридриха с большей активностью. Однако для ведения каких-либо действий требовалась финансовая помощь. В связи с этим 30 января 1621 г. английский король созвал парламент.³³¹

³²⁸ Guthrie W. P. Battles of the Thirty Years War: from White Mountain to Nordlingen, 1618 – 1635. London, 2002. P. 65.

³²⁹ The Thirty years war...P. 57.

³³⁰ Егоров А.М. Внешнеполитический курс Испании в начальный период Тридцатилетней войны // Проблемы истории и культуры зарубежного и отечественного Средневековья: материалы межвузовской научной конференции. М., 1993. С. 31.

³³¹ Howat G.M.D. Op. cit. P. 29.

Поначалу король и парламентарии были настроены друг к другу доброжелательно, несмотря на конфликт 1614 г. Свою речь Яков начал с определения того, что такое парламент: «Парламент – это собрание, которое состоит из головы и тела, которое было создано монархом, ибо короли появились раньше парламента. <...> И нет парламента без монархии. И это я хочу вам напомнить: вы служите под руководством монарха»³³², то есть король говорил о союзе монарха и парламента, но при этом настаивал на главенстве правителя. В ответ на прошлые опасения в связи с проектом «испанского брака» Яков заметил, что если он не женит своего сына ради славы Господа и поддержки религиозного мира, то он не достоин будет называться их королем.³³³ Несмотря на просьбу не забывать о возможной войне и подготовке к ней, король напомнил своим подданным, что он – сторонник мира: «Я молюсь, чтобы вы простили меня, но я всегда принимал как честь быть миролюбивым королем, в правление которого все смогут жить спокойно в достатке»³³⁴. На дипломатию, как и на войну, нужны деньги, поэтому король назвал главную причину созыва парламента: «Я созвал Вас ради финансирования моей острой нужды в решении срочных дел»³³⁵.

Члены обеих палат оказались довольно сдержанными и приняли сложившуюся ситуацию. Речь короля пришлась им по нраву. Их волновали две проблемы: торговые монополии и внешняя политика. Из протоколов дебатов палаты общин за 1621 г. известно, что в течение нескольких недель члены парламента проголосовали за две субсидии королю³³⁶ на решение дел

³³² «It is an assembly composed of a Head and Body, which are called in all monarchies a parliament; which was used and created first by monarchs for Kings were before Parliaments. <...> There is no estate a parliament without monarchy. This I put you in mind of, that you serve under a monarch». - Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 1. P. 4.

³³³ Ibid. P. 33.

³³⁴ «If it be a fault in me, that you have been at peace all this while, I pray you, pardon it; for I took it for an honor unto me, that you should live quietly under your vines and fig-trees...». - Ibid. P. 6.

³³⁵ «Why I call you is for a Supply of my urgent necessities in utgent causes». – Ibid.

³³⁶ «An Act for the granting of Two entire Subsidies, granted by the Temporality». - Ibid. P. 119.

Пфальца и после углубились в вопрос о монополиях и грантах.³³⁷ В ответ на щедрость парламента Яков не пытался защитить Бэкона, обвиняемого во взяточничестве. Более того, 10 июля 1621 г. король выпустил прокламацию, по которой были отменены восемнадцать монополий, а еще семнадцать находились под пристальной проверкой соответствия общему праву.³³⁸ По проблеме монополий король Яков пошел на уступки парламенту, так как ожидал от него дальнейшей помощи и финансирования дипломатического урегулирования проблем Фридриха и союза с Испанией.

Относительно религиозной ситуации, часть депутатов отмечала рост числа рекузантов, которые становились все более могущественными в Англии. Член палаты общин и спутник Джона Дигби в путешествии в Испанию в 1615 г. Роберт Филлипс³³⁹ на заседании 7 февраля заявил: «Истинная вера расцвела здесь среди нас в этом королевстве. Но паписты также становятся очень сильны. <...> Они поддерживают власть папы на плаву»³⁴⁰. Несмотря на развитие Англии как протестантской страны, члены палаты общин опасались влияния католиков и распространения власти папы в Англии. Эти разговоры привели к разработке законов против рекузантов.

³³⁷ Члены парламента настаивали на том, что некоторые монополии были незаконны или, получив лицензию, использовались для злоупотреблений и взяток. В большей степени антимонопольная кампания парламента коснулась родственников герцога Бекингема: его брата – Кристофера Вильерса и сводного брата – сэра Эдварда Вильерса. У Бекингема было много врагов в парламенте, поэтому в первую очередь атаковали его семью. Эти обвинения возмутили короля Якова, и он приказал арестовать главных зачинщиков этой кампании – графа Саутгемптона Генри Ризли, графа Оксфорда Генри де Вера и члена парламента от Рочестера Эдвина Сэндиса. Однако на этом дело о монополиях не было закрыто. Эдварду Коку и Лайонелу Крэнфилду удалось устроить импичмент лорд-канцлеру Фрэнсису Бэкону, которого обвинили во взяточничестве при суде лорда-канцлера.

³³⁸ Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 1. P. 155.

³³⁹ В 1615 г. Роберт Филлипс сопровождал Джона Дигби в Испанию, где тот вел переговоры об «испанском браке». В парламенте 1621 г. Филлипс активно высказывался против сближения с католиками. Он обвинял их в том, что те радуются поражению Фридриха в Богемии и раздумывают над вторым «пороховым заговором». Со временем его анти-испанский настрой усилился, поэтому он поддержал петицию палаты общин против католиков и испанского брака. 1 января 1622 г. он был арестован за участие в этом процессе, 12 января заключен в лондонский Тауэр и оставался там до 10 августа 1622 г.

³⁴⁰ «The true religion has flourished here among us in this Kindom. But Papists are grown so powerful...for now they begin to maintain also the Pope's Authotity at board». – Ibid. P. 24.

Несмотря на то, что после Порохового заговора были приняты статуты, по которым жизнь английских католиков становилась крайне тяжелой,³⁴¹ законы не соблюдались со всей строгостью. 12 февраля в палате общин обсуждался проект петиции, целью которой было лучшее выполнение законов против иезуитов, священнослужителей и «рекузантов-папистов».³⁴² В качестве причин распространения католичества в мире депутаты выделили деятельность инквизиции и учреждение большого числа семинарий по приказу папы римского.³⁴³ Парламентарии чувствовали опасность для протестантов особенно ввиду перспективы брачного договора с Испанией. Уже с 1617 г. положение католиков в Англии заметно улучшилось из-за проекта брака. Находившиеся в тюрьмах католики вышли на свободу, а репрессии против них практически прекратились, вызвав очередную волну антикатолической истерии в протестантских кругах.³⁴⁴

В речи от 20 апреля 1621 г. король Яков вновь напомнил парламентариям, для чего он их собрал. Существовало три проблемы, которые он хотел решить с помощью парламента. Первая – обновление законов, вторая – предоставление королю жалоб народа, и третья – финансирование нужд короля для помощи Фридриху Пфальцскому. «Мне хочется отметить вашу готовность в выделении субсидий, которые были даны мне так свободно, как никогда ранее даже при моих

³⁴¹ По статутам 1606 г. подозреваемые в католичестве должны не только ходить в церковь, но и причащаться под угрозой высокого штрафа; хозяева должны отвечать за религиозное поведение прислуги; католики лишались права служить в суде, армии, флоте, быть опекунами и душеприказчиками, вчинять иски, жить в Лондоне и его окрестностях, заниматься врачеванием, держать оружие и др. – Савин А. Н. Указ. соч. С. 173; Constitutional documents of the reign of James I...P. 83 – 97.

³⁴² «For the better execution of the laws against Jesuits, seminary priests and popish recusants». – Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 1. P. 33.

³⁴³ Папа Григорий XIII способствовал созданию семинарии во Франции, в Реймсе и был идейным вдохновителем создания двух семинарий в Испании, одной – в Германии.

³⁴⁴ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб, 2006. С. 59

предшественниках»³⁴⁵, – король был поражен быстротой предоставления ему субсидий и благосклонностью к нему парламента.

Интересно то, что на первых заседаниях совсем не обсуждали сложившуюся европейскую ситуацию и возможность войны на континенте. Однако к этой теме обратились на второй сессии парламента, которая началась 20 ноября.³⁴⁶ Депутаты были настроены разрешить проблемы короля и его детей и выражали готовность всего английского народа: «Все королевство готово, как деньгами, так и оружием, поддержать дело короля в Пфальце, когда Его Величество прикажет»³⁴⁷. Более того, сами депутаты убеждали короля в необходимости войны за Пфальц. Однако для этого, по мнению парламента, Яков должен был прекратить переговоры с Испанией. Только тогда парламент поддержит эту войну.³⁴⁸ Депутаты ставили интересы протестантского мира выше укрепления мира между христианами, в отличие от короля Якова.

Большая часть членов палаты общин считала, что вопрос о браке находится в пределах их компетенции, так как они заинтересованы в сохранении чести короля, государства и веры. Женитьба принца, будущего правителя государства – это серьезный государственный вопрос. Именно поэтому парламентарии решили обратиться к королю с петицией, выражая свои опасения в связи с трудностями, которые могут возникнуть из-за испанского брака.³⁴⁹ Восприятие брака членами парламента послужило причиной возникновения дискуссий по вопросам, имевшим конституционное значение: привилегии парламента и возможность участвовать в обсуждении тем, которые касаются будущего короля Англии. Роберт Филлипс напомнил

³⁴⁵ «I observed the alacrity of your gift, that it has been more freely given to me than ever any was to any of my predecessors». – *Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 1. P. 286.*

³⁴⁶ Kishlansky M. *A monarchy transformed Britain 1603 – 1714.* L., 1997. P. 101.

³⁴⁷ «For the whole Kingdom is then ready, both with Purse and Arms, to affift the King in the Bufinels of the Palatinate, whensoever his Majesty shall be pleased to command». – *Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 2. P. 169.*

³⁴⁸ Zaller R. *The parliament of 1621.* Berkley and Los Angeles. 1971. P. 147.

³⁴⁹ Kishlansky M. *A monarchy transformed Britain...* P. 102.

о союзе английской королевы Марии Тюдор и короля Испании Филиппа II: «Брак королевы Марии с Испанией, с Филиппом II, обсуждался в парламенте, и она утверждала, что закончит переговоры, если брак покажется неудобным парламенту»³⁵⁰. Обращение к прецеденту говорило о том, что обсуждения брака монарха в парламенте уже случались, а значит, это не противоречит прерогативам короля. Парламентарии были убеждены, что матримониальный союз с Испанией приведет к засилью католиков в Англии. 3 декабря 1621 г. палатой общин была составлена петиция, в которой делегаты связывали с потенциальным браком принца Карла рост числа рекузантов в Англии, опасный для протестантов и самого государства.³⁵¹

Вторая сессия длилась около четырех недель и привела к одному из самых впечатляющих столкновений между королем и парламентом. Причиной конфликта стало недопонимание, возникшее между сторонами. Яков I предлагал парламенту обдумать возможность экспедиции в Пфальц, но при этом просил избежать столкновений с испанцами, так как все еще надеялся на удачную женитьбу принца Карла на испанской инфанте Марии. Однако палате общин не разъяснили план короля и ее члены были поражены, когда Яков запретил им обсуждать тему брака.³⁵² По этому поводу начались активные дискуссии. Член палаты и командующий войсками, посланными для помощи Фридриху Пфальцскому, Эдвард Сэквилл³⁵³ утверждал, что депутаты должны уважать привилегии государя так же, как они уважают

³⁵⁰ «That the Match with Spain, with Philip II and Queen Mary, was debated in Parliament, and she said, the would defist in it, if the Match were not found con venient in Parliament». – Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 2. P. 270.

³⁵¹ Commons' Petition, 3 December, 1621 // Constitutional documents of the reign of James I...P. 276 – 279.

³⁵² Proceedings and debates of the House of Commons in 1620...Vol. 1. P. 287.

³⁵³ Эдвард Сэквилл заседал в Палате общин с 1621 по 1622 год и стал графом Дорсетом в 1624 году. Он был другом английского посла во Франции Эдварда Герберта и участвовал в битве при Белой горе на стороне Фридриха Пфальцского. В июле 1621 года он был послом при Людовике XIII во Франции. В ноябре того же года он энергично защищал предложение проголосовать за субсидию на восстановление Пфальца, но при этом не высказывался против матримониальной политики Якова.

свои, то есть считал, что парламент не вправе обсуждать обстоятельства женитьбы принца Карла.³⁵⁴ Однако депутат Джеймс Парретт настаивал на том, что принц должен жениться на протестантке и аргументировал это тем, что существующие прецеденты браков с католиками ежедневно свидетельствуют о неудобствах и опасности.³⁵⁵ У членов парламента и короля было разное понимание ситуации: король считал наилучшим выходом тот брак, который будет способствовать мирному решению всех проблем, в то время как парламент склонялся к браку принца с протестанткой.

Реакция Якова I на петицию вновь оказалась резкой и бескомпромиссной: дела женитьбы его сына не являются компетенцией парламента. Депутаты старались разъяснить свою точку зрения в новой петиции от 9 декабря 1621 г., чтобы обратить внимание короля на ситуацию в Пфальце. «Нет надежды на мир, никакой договор не может быть заключен»³⁵⁶, – они не верили в дипломатическое решение этого вопроса. Члены парламента пытались убедить короля в необходимости подготовки армии на случай войны, так как невозможно вести переговоры с теми, «кто ведет войну против детей Его Величества»³⁵⁷. Кроме того, палата общин обращала внимание короля на обстановку в самом государстве: «Мы заботимся и о мире в нашем доме, который в опасности в связи с ростом

³⁵⁴ «Ибо это привилегия Государей – жениться там, где Они хотят. И раз мы так внимательны к нашим привилегиям, мы не должны ограничивать нашего Государя» / «For it is the Privilege of Prince to marry where they list: and, since we are so careful of our own Privileges, he would not to have us seek to limit our Prince». - *Proceedings and debates of the House of Commons in 1620... Vol. 2. P. 269.*

³⁵⁵ «Опасность и неудобства мы видим ежедневно в частных семьях, где муж и жена исповедуют разную религию. Это привело к падению мистера Эштона и его жены, после того как они прожили шесть лет вместе, они были разной веры» / «The Peril and Inconveniencies we see daily in private Families, where Man and Wife are of contrary Religions. He allegeth a lamentable Falling out of one Mr. Aston and his Wife, after they had lived Six Years together, they being of different Religions». – *Ibid. P. 270.*

³⁵⁶ «That therewas no hope of peace, nor any truce to be obtained». – *Common's Petition of 9 December, 1621 // Ibid. P. 281.*

³⁵⁷ «To the wars by him [the King of Spain] maintained in the Palatinate against your Majesty's children». – *Ibid. P. 282*

числа папистских рекузантов».³⁵⁸ Ответ Якова побудил парламентариев обвинить короля в нарушении их привилегий, в особенности свободы слова, так как тот запретил им обсуждать вопрос брака принца и внешнюю политику. Дискуссии по поводу внешней политики Англии и системы династических браков привели к обострению противоречий между королем и парламентом и кризису, носившему, по сути, конституционный характер.

11 декабря 1621 г. в Яков обвинил депутатов в покушении на королевскую прерогативу³⁵⁹. Более того, миролюбивый король заметил, что парламент склонял его к войне и всеми силами отговаривал от испанского брака. Короля явно разочаровало недоверие к нему членов палаты общин. Тем не менее, на их просьбы он заметил, что «мы настолько далеко завели переговоры о браке, что уже нет возможности пойти назад, только если король Испании начнет действовать не так, как мы договорились»³⁶⁰. Яков по-прежнему был настроен на дипломатическое урегулирование ситуации в Европе. Однако он не хотел обострения ситуации и в самой Англии, поэтому уверял депутатов: «пока вы будете выполнять свои прямые обязанности, мы обязуемся сохранить ваши свободы и привилегии, как это делали наши предшественники»³⁶¹.

Через неделю король распустил парламент и отправил в заключение (выслал в другие графства или посадил под домашний арест) нескольких наиболее активных представителей палаты общин, участвовавших в споре с королем: ведущего члена оппозиции и автора ремонстрации королю Эдварда Кока, его единомышленников Роберта Филлипса и Джона Пима. Часть из них в скором времени была отпущена, а другая часть отправлена в Ирландию в

³⁵⁸ «...to take care for the securing peace at home, which the dangerous increace and insolency of Popish recusants apparently, visibly and sensibly did lead us unto». – Ibid.

³⁵⁹ «In the body of your petition you usurp upon our prerogative royal, and meddle with things far above youe reach...». – King's Answer of 11 December, 1621 // Ibid. P. 284

³⁶⁰ «We are so far engaged in that match as we cannot in honour go back, except the King of Spain perform not such things as we expect as his hands». – Ibid. P. 286.

³⁶¹ «...as you contain yourselves within the limits of your duty, we will be as careful to maintain and preserve your lawful liberties and privileges as ever any of our predexessors were». – Ibid.

качестве комиссаров.³⁶² После очередной неудачи во взаимодействии с парламентом король стал активно прислушиваться к советам испанского посла, в связи с чем окончательно утвердился в своем намерении подчинить все внешнеполитические усилия идее заключения брака между принцем Карлом и инфантой Марией.

Яков посчитал более реальным успешное заключение испанского брака, чем обращение к военным действиям. С помощью союза в перспективе можно получить богатое приданое, мирным путем вернуть Пфальц Фридриху и установить союз католиков и протестантов. Испания также была заинтересована в союзе с Англией, поэтому в Лондон вновь отправили графа Гондомара, полномочия которого в качестве посла в Англии были окончены к 1618 г. и вновь возобновлены в 1620 г. Испанский посол убедил Якова в том, что атака Спинолы была предпринята лишь для того, чтобы Фридрих оставил корону Богемии. В феврале 1622 г. Джон Дигби отправился в Испанию, чтобы, наконец, заключить брачный договор.

1.5. Общественная реакция на происпанскую политику Якова I

В английском обществе активно обсуждались перспективы брака. Оценка этого события не была однозначной. Испанофобия в Англии получила распространение еще в период правления Елизаветы I. Обострившиеся отношения с Испанией и последовавшая морская война привели к расцвету анти-испанской пропаганды.³⁶³ Pamфлеты стали инструментом распространения анти-испанских настроений в обществе. В числе авторов подобных сочинений были английский переводчик и печатник Эдуард Аггас, драматург и писатель Энтони Мандей, публицист Ричард Филд, известный книгоиздатель Джон Вульф и другие. Они переводили тексты анти-испанской направленности с французского, голландского,

³⁶² Zaller R. Op. cit. P. 188.

³⁶³ Griffin E. Copying "the Anti-Spaniard": Post-Armada Hispanophobia and English Renaissance Drama // Representing Imperial Rivalry in the Early Modern Mediterranean. 2015. P. 192.

немецкого языков на английский³⁶⁴, а также создавали самостоятельные оригинальные тексты.³⁶⁵ Подобная тенденция сохранялась и во времена правления Якова I – творческая и интеллектуальная элита, следуя за авторами елизаветинских времен, выражала негативное отношение к союзу с Испанией в своих трудах, и тем самым не только транслировала определенные общественные настроения, но и способствовала формированию еще более стойкого неприятия испанцев.

Одним из ярких представителей анти-испанской пропаганды времен Якова был протестантский проповедник Томас Скотт. Он создал множество политических памфлетов, комментирующих современные ему события. Однако наиболее известным его творением стал памфлет «*Vox populi*» в двух частях. В них он правдоподобно описывает два воображаемых «испанских парламента». Представляя читателям вымышленные заседания, автор демонстрирует планы испанцев, которые ставят под угрозу существование протестантской веры и говорят о претензиях Испании на создание универсальной монархии. Обращение именно к работам Томаса Скотта связано с тем, что в своих памфлетах он с помощью ярких образов очень точно фокусировал внимание своих читателей на негативных последствиях сближения с Испанией. Прибегая к образу парламента, он обращал внимание общества и самого короля Якова на важность этого института и мнения его членов относительно матримониальной политики, влиявшей на будущее Англии.

Первый памфлет Скотта «*Vox populi*», то есть «Глас народа» был опубликован еще в 1620 г. Более пространное название «Новости из Испании, переведенные в соответствии с испанским текстом, которые могут

³⁶⁴ The Coppie of the Anti-Spaniard (1590), a translation of Coppie de L'Anti- Espagnol, faict à Paris (1590), A Pageant of Spanish Humours, Wherin are naturally described and liuely portrayed, the kinds and quallities of a signior of Spaine, a pamphlet “Translated out of Dutche.”, the German Emblemata: Welch das Leben, die thaten, sitten und wunderbare verwandlung dess Sigor Spangniolis. - Ibid. P.193 – 195.

³⁶⁵ A Fig for the Spaniard and Spanish Spirits (1591), Declaration of the True Causes of the Great Troubles Pre-supposed to be Intended Against the Realm of England (1592). - Ibid. P. 195.

послужить предупреждением и Англии, и Соединенным Провинциям, относительно того, насколько стоит доверять испанским обещаниям»³⁶⁶ уже говорит о том, что текст памфлета представлен Скоттом как настоящие новости из Испании, дошедшие на испанском языке, которые он якобы всего лишь перевел. Антикатолические и анти-испанские предубеждения, которые были распространены в Англии с середины XVI в., вновь оживали на страницах памфлета в форме диалога.³⁶⁷

Действия памфлета разворачиваются на государственном собрании, на котором присутствуют главы Советов по делам Кастилии, Арагона, Италии, Португалии, Индий, а также казначей, глава святой Инквизиции, военный советник и папский нунций.³⁶⁸ Это вымышленное заседание якобы было приурочено к возвращению графа Гондомара из английского посольства в 1618 г. и проходило в г. Монсоне в Арагоне. Вести от посла стали главным источником для анализа ситуации в Англии. Председателем собрания был назначен герцог Лерма, который обозначил цель заседания, обращаясь к Гондомару: «Мы собрались сейчас, по приказу Его Величества, чтобы выслушать вас (сеньор Гондомар), кто был послом в Англии и посмотреть, каких успехов Вы добились в отношении продвижения этого дела, и в чем состоит ваш дальнейший план...»³⁶⁹. Из речи посла стало ясно, что ему удалось наладить добрые отношения с английским королем Яковом I. Испанский посол убедился в том, что Яков является сторонником миротворческой политики и нацелен на решение конфликтов с помощью дипломатии и матримониальной стратегии. В связи с этим Гондомару

³⁶⁶ *Vox Populi, or Newes from Spain*, translated according to the Spanish copy, which may serve to forewarn both England and the United Provinces how far to trust to Spanish pretenses // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 508.

³⁶⁷ Считается, что патронами Томаса Скотта могли быть члены анти-испанской коалиции «патриотов», во главе с Генри Ризли, графом Саутгемптоном, Уильямом Гербертом, графом Пемброком и Джорджем Эбботом, архиепископом Кентерберийским. Тем не менее, прямое финансирование с их стороны не доказано.

³⁶⁸ *Vox Populi, or Newes from Spain...* P. 509.

³⁶⁹ *Ibid.* P. 512.

удалось достичь определенных успехов в вопросе о браке между английским принцем Карлом и испанской инфантой Марией.

По мнению Скотта, распространение и сохранение католичества в Англии было еще одной важной задачей посла. Однако, в тексте памфлета через монолог архиепископа Толедского высказаны и религиозные опасения испанской стороны. Он считал, что подобное сближение будет способствовать усилению протестантов и грозить опасностью религиозным убеждениям самой инфанты и ее приближенных. Вместе с тем, временное сближение Испании и Англии могло привести к реализации главной цели папы – посадить на английский престол католика. В такой форме Томас Скотт выражает свои опасения, связанные с проектом «испанского брака»: союз с католиками повлечет за собой усиление влияния папы римского в Англии и поставит под угрозу ее религиозную самостоятельность. Более того, истинная цель испанской стороны состоит в сохранении нейтралитета Англии, а брак – лишь предлог для того, чтобы тянуть время. Именно в реплику посла Гондомара автор памфлета вкладывает эту мысль: «Мы занимаемся переговорами о браке только в наших интересах, поэтому можем закончить их и разорвать договоренности в благоприятное для нас время»³⁷⁰. Автор памфлета явно считает, что испанцы в действительности не планируют заключать брачный договор с Англией.

В речах Гондомара Скотт старается отразить не только представления о коварстве и лживости испанцев, но и обращает внимание на внутренние проблемы Англии: нехватку оружия, кораблей, недовольство людей политикой Якова и его сближением с испанским послом. Гондомар рассказывает о состоянии флота в Англии и замечает, что его мощь уже не та, что прежде, а значит военными действиями англичанам не добиться большого успеха. В обществе к тому же росло недовольство политикой Якова в отношении парламента. В памфлете Скотт отмечает, что именно

³⁷⁰ Ibid. P. 518.

Гондомар убеждал короля Якова не созывать парламент: «Король может управлять самостоятельно с помощью своей абсолютной прерогативы, без парламента и обеспечивать Англию благодаря браку с нами».³⁷¹ Автор косвенно обвиняет Якова в нарушении свобод парламентариев и обесценивании парламента как связующей нити между королем и народом. Подобная ситуация может привести к обострению отношений и ослаблению государства. Памфлет «Глас народа» был написан Томасом Скоттом не только с целью критики Испании, но и для выражения опасений, связанных с внутривосточными проблемами Англии.

Тем не менее, кроме негативных оценок англо-испанского союза, в свидетельствах современников и публицистических текстах встречаются рассуждения об испанском браке, имеющие положительные коннотации. В письме английского богослова и проповедника Джозефа Мида³⁷² его другу сэру Мартину Стьютвиллю из Далема 8 июня отмечается, что брак становится сюжетом для книг и иллюстраций: «На этой неделе я видел книгу, посвященную браку нашего принца Карла и испанской инфанты Марии, которую я сначала принял за эпитафаму»³⁷³. Эта книга под названием «Испано-английская Роза»³⁷⁴ была интересна по своему иллюстративному материалу³⁷⁵, но еще большее внимание привлекало ее содержание. Она состояла из стихов и трактатов, в которых транслировалась идея величия Испанской монархии, но также и равного ему величия английского короля.

³⁷¹ Ibid. P. 515.

³⁷² Джозеф Мид (1586 – 1638) – английский богослов и представитель английского миллениаризма. В 1602 г. поступил в Кембриджский Колледж Христа, который считался оплотом пуританизма. В 1610 г. получил степень магистра искусств, в 1613 г. стал членом совета колледжа и занимался преподавательской деятельностью. В качестве своего интеллектуального наследия оставил сборник коротких проповедей, латинские трактаты и многочисленные письма.

³⁷³ Джозеф Мид - Мартину Стьютвиллю, 8 июня 1622 г. // The court and times of James the First. Vol. 2. London, 1849. P. 312.

³⁷⁴ Rosa Hispani Anglica seu Malum Punicum Angl'Hispanicum. 1622. - URL: https://archive.org/details/bub_gb_MLOvM4BbKkMC [accessed 8 February 2024].

³⁷⁵ «Ее фронтиспис был покрыт девизами и внизу были изображены принц и леди в их мантиях, а Христос, как священник, соединяя из руки, сочетал их браком». - The court and times of James the First. Vol. 2... P. 312.

Этот текст высокопарно описывает перспективу благословенного «испанского брака», который может принести мир и процветание всей Европе. Автором этой книги был некий Михаэль дю Валь, чье имя, скорее всего, является псевдонимом.³⁷⁶ По словам Мида, в книге был приведен перечень всех браков между англичанами и испанцами, которые были заключены ранее и оказались удачными. Автор этого сочинения хотел доказать историческую традицию добрых династических англо-испанских отношений и показать существовавшие ранее прецеденты.³⁷⁷ Главным преимуществом брака, по мнению дю Валя, являлось возможное объединение Англии и Испании под управлением Карла (при отсутствии наследника и при отказе Анны Австрийской от трона). Такое заявление кажется весьма наивным, но само существование этой работы говорит о том, что происпанская пропаганда также существовала и влияла на общественное мнение. Несмотря на неоднозначную оценку перспективы брака в обществе, переговоры продолжались.

1.6. Процесс переговоров: выработка условий и действия посредников

С 29 сентября по 2 октября английский Тайный совет работал над более благоприятными для Англии условиями договора. Их вез в Испанию Эндимион Портер, секретарь принца. Он попал на службу к Карлу в 1621 г., будучи ранее в услужении у герцога Бекингема.³⁷⁸ Портер был любим Яковом за живость ума, а Карлом за эрудицию, храбрость, мягкий характер, опыт путешественника и знание языков. Он был очень популярен при дворе и сопровождал короля во многих монарших выездах по Англии. Дед Эндимиона, Джайлс Портер в 1560-х гг. отправился в Испанию, женился там на Донье Хуане де Фигероа и Мон Сальве и вернулся в Англию в 1585 г. В 1605 г. он выступал в качестве переводчика с испанского языка во время

³⁷⁶ Álvarez Recio L. Pro-match literature and royal supremacy: The case of Michael Du Val's *The Spanish English Rose* (1622) // *Sederi* 22. 2012. P. 11.

³⁷⁷ Екатерина Арагонская и Генрих VIII, Филипп Испанский и Мария Тюдор и др.

³⁷⁸ Townshend D. *Life and letters of Endymion Porter*. London, 1897. P. 33.

посольства Ноттингема.³⁷⁹ В этом путешествии его сопровождал внук – Эндимион Портер, который после переговоров остался в Испании, получил там образование и служил в качестве пажа у графа Оливареса, валидо будущего короля Филиппа IV.³⁸⁰ Там он познакомился с церемониальными и дипломатическими нормами испанского двора. Считается, что с Портером в 1622 г. принц Карл отправил небольшое послание Гондомару, в котором благодарил графа за посредничество в деле испанского брака: «Я отправил письмо через этого посланца, чтобы сообщить Вам, как благодарны мы оба – Король, мой отец, и я. Мы принимаем Ваше честное и упорное участие в большом деле, которое Вашими молитвами преуспевает»³⁸¹. Однако по пути в Испанию с Эндимионом Портером случился неприятный инцидент. Современник событий сэр Томас Лик пишет сэру Дадли Карлитону в Гаагу: «Сегодня пришли новости о том, что Эндимион Портер, которого недавно отправили в Испанию, скорее всего, утонул около Кале»³⁸². Однако утонул не он, а его судно. Сам же Портер повредил плечо, и некоторое время находился в Кале.³⁸³ 1 ноября 1622 г. он всё-таки прибыл в Мадрид, передал условия англичан и пятнадцать дней находился там. Будучи знаком с Оливаресом, Портер не стал следовать церемониям, а сразу отправился к графу и изложил основное условие Якова для заключения договора о браке принца и инфанты

³⁷⁹ Treswell R. A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie. - URL: <http://name.umd.umich.edu/A13959.0001.001>. [accessed 13 March 2024].

³⁸⁰ Ibid.

³⁸¹ Принц Карл - графу Гондомару, октябрь 1622 г. // Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal. Vol. 27. No. 2. 1994. P. 409.

³⁸² Томас Лик - Дадли Карлитону // Fonblanque E. Lives of the Lords Strangford. London, 1877. P. 23.

³⁸³ «Эндимион Портер, посланный в Испанию, болен ввиду неудачи, которая постигла его и сделала его неспособным к выполнению своих обязанностей. Большинство говорят, что это произошло из-за крушения его корабля недалеко от Кале. Спасаясь, Портер сломал плечо, а корабль разлетелся на кусочки и затонул в море». - Джон Чемберлен - Дадли Карлитону, 5 октября 1622 г. // The court and times...P.338.

– испанская армия должна оставить Пфальц. Судя по письму Джона Чемберлена Дадли Карлитону от 22 сентября 1622 г., англичан очень заботила судьба Палатината: «Сейчас мы надеемся, что Спинола снимет осаду или получит удар. Да пошлет Господь такой успех к нашему всеобщему счастью. Иначе, все мы окажемся в бедственном положении и не сможем поверить в собственную безопасность»³⁸⁴. Такими же были и настроения короля: он считал необходимым скорейшее решение этого вопроса.³⁸⁵ Эндимиону Портеру удалось выразить требования короля Англии относительно ситуации в Пфальце: ему была нужна либо военная помощь, либо мирное урегулирование с помощью брака. Несмотря на отказ Портеру, Испания в очередной раз дала понять, что она выступает сторонницей проекта брака, однако не дает никаких обещаний по возвращению Палатината после заключения договора. Испанская сторона не могла гарантировать решение проблемы Пфальца, так как последнее слово в этом вопросе было за австрийскими Габсбургами и лично Фердинандом II. Именно политика австрийских Габсбургов определяла противоречия и события Тридцатилетней войны, и именно от них зависело решение судьбы так называемого «зимнего короля».

Портер отплыл из Испании 13 декабря, а 3 января прибыл в Англию. Он привез новые испанские предложения относительно религиозных условий брака. Г. Редворт в своей монографии опубликовал вариант этих требований на испанском языке. Их суть оставалась по большей части неизменной. Обговаривалось, что у инфанты будет своя часовня, в которой она сможет отправлять католические обряды, и к ней смогут присоединиться и английские католики. Так инфанте и ее двору, детям и потомкам будет предоставлено свободное исповедание католичества. В часовне инфанты

³⁸⁴ Джон Чемберлен - Дадли Карлитону, 22 сентября 1622 // Ibid. P. 313.

³⁸⁵ Джон Чемберлен - Дадли Карлитону: «Говорят, что король настолько недоволен делами в Пфальце, что если вскоре он не получит более удовлетворяющих его условий от Испании, он выкажет свое недовольство в другой манере, нежели он делал раньше и станет принимать это как оскорбление его терпения и долгих страданий». - Ibid. P. 338.

должны служить двадцать четыре священнослужителя и помощника.³⁸⁶ Дети от брака Карла и Марии должны были оставаться на воспитании матери до девяти лет. В последующих договорах мы увидим, что этот возраст будут постоянно обсуждать и менять. В декабре 1622 г. испанцы требовали гарантий религиозных прав и свобод для инфанты и ее семьи, а также прав ее наследников на английский трон вне зависимости от вероисповедания.

Разумеется, сам принц не был полномочным участником переговорного процесса, однако за время пребывания испанского посла Гондомара в Англии тот успел сблизиться не только с королем, но и с наследником престола. В секретных сообщениях испанский посол всячески напоминал принцу через посредников о возможности личной поездки Карла в Испанию. Сама идея визита принца в Мадрид изначально педалировалась испанской стороной, хотя едва ли имелась в виду поездка «инкогнито». Скорее, подразумевался официальный визит. Сторонником этой идеи был и маркиз Бекингем, фаворит короля Якова. Еще в сентябре 1622 граф Гондомар отправил Бекингеми письмо, в котором рекомендует принцу прибыть в Испанию. Гондомар заверял Бекингема, что «решение [о браке – прим. П.К.] уже принято и с очень большим энтузиазмом, поэтому принцу Уэльскому следует воодушевиться на поездку в Испанию»³⁸⁷. Упомянутое письмо Бекингеми доставил Френсис Коттингтон, который в период с 1609 по 1611 гг. выполнял роль английского агента, а в 1616 г. стал английским послом в Испании. По возвращении Коттингтон стал секретарем принца Карла.

Вдохновленный речами Бекингема и Гондомара, молодой наследник, которому на тот момент исполнилось 22 года, решил лично забрать свою невесту с ее родины, желая последовать примеру предков – его отец, король

³⁸⁶ The Religious Agreements of 3 December 1622 and 25 July 1623 // Redworth G. The prince...P. 176.

³⁸⁷ «...la resolucion esta ya tomada, y con muy Gran Voluntad. De que el Principe de Gales, monte sobre la España...» - «...the decision has already been made, and with very great enthusiasm, that the Prince of Wales should mount Spain...». - Граф Гондомар - герцогу Бекингеми, сентябрь 1622 г. // Redworth G. The prince...P. 171 – 172.

Яков лично ездил в Данию за Анной Датской, а его дед - Яков V Шотландский ездил во Францию за Марией де Гиз. В связи с этой традицией Карл начал уговаривать отца дать разрешение на поездку. В письме придворного Джозефа Мида Сэру Мартину Стютвиллю от 19 октября 1622 г. мы встречаем следующее: «Принц стоял на коленях перед своим отцом и в слезах сокрушался о своей бедной, страдающей сестре, ее муже и детях»³⁸⁸. То есть, по свидетельствам современников, Карл очень хотел принять участие в скором решении проблемы Пфальца. Однако существовало и более романтическое объяснение порыву к поездке – это чувства к инфанте. Карл в своем письме Гондомару от сентября 1622 г. довольно эмоционально описывал свои чувства: «[Письма] я пишу не для формальностей, а ради того, чтобы показать свое почтение и привязанность: но если вас удивляет, как я смог полюбить до того, как увидел ее, то правда в том, что я видел ее портрет и слышал рассказ о ее добродетелях, числу которых я доверяю»³⁸⁹. Карл уверял: «Ее образ высечен в моем сердце, где я надеюсь сохранить его до того, как получу удовольствие от главного»³⁹⁰. Не без колебаний и сомнений Яков разрешил «своим мальчикам» отправиться в это путешествие в сопровождении надежных людей, которые уже доказали свою верность дому Стюартов и лично королю.

Поездка Карла в Мадрид была вызвана желанием принца ускорить ход переговоров, лично привезти потенциальную невесту в Англию и помочь своей сестре Елизавете и ее мужу Фридриху Пфальцскому вернуть их земли Пфальца мирным путем. Союз Англии с испанскими Габсбургами мог способствовать решению этой проблемы и оградить Англию от вовлечения в общеевропейский конфликт. Яков I согласился на путешествие наследника в Испанию, так как был главным сторонником мирного решения разногласий и

³⁸⁸ Джозеф Мид - Мартину Стютвиллю, 19 октября 1622 г. // The court and times...P. 344.

³⁸⁹ Принц Карл - графу Гондомару, сентябрь 1622 г. // Redworth G. Of Pimps...P.408.

³⁹⁰ Ibid.

возлагал большие надежды на «испанский брак» в рамках своей миротворческой политики.

Таким образом, матримониальная стратегия Якова I не снискала большой популярности в Англии. Свадьба Елизаветы с протестантом Фридрихом Пфальцским принесла серьезные убытки английской казне и втянула страну в общеевропейский военный конфликт. Перспектива брачного союза с испанской инфантой считалась крайне опасной в связи с усилением католических сил и Испанской монархии Габсбургов. В памфлетах и в парламентских дебатах выражалось стойкое неприятие проекта «испанского брака». Однако Яков не оставлял надежды на мирное решение проблем Англии и Палатината посредством брачного союза английского принца и испанской инфанты. Именно поэтому стало возможно путешествие Карла Стюарта в Мадрид, итоги которого изменили вектор внешней политики, выстроенной Яковом I за двадцать лет.

Глава 2. Визит Карла Стюарта «инкогнито» и официальные церемонии при дворе Филиппа IV

К началу XVII в. династия Габсбургов пользовалась большим политическим весом и влиянием в Европе. Оно проявлялось не только в международных отношениях, внутривосточных преобразованиях, культуре и искусстве, но и в отношении придворного церемониала и этикета. Церемониал испанских и австрийских Габсбургов считался одним из самых строгих и стал образцовым для многих европейских государств. Непредвиденное появление при испанском дворе английского принца, к тому же «инкогнито» позволяет поставить ряд вопросов о том, как будет осуществляться взаимодействие сторон, как долго Карлу удастся оставаться в статусе частного лица, каким образом эта ситуация будет выглядеть с точки зрения символики пространства, в котором будет осуществляться диалог сторон, и придворного церемониала.

2.1. Итнерарий Карла Стюарта в статусе «инкогнито»

Почему принц Карл решил отправиться в Испанию «инкогнито»? В чем были преимущества и недостатки такого путешествия? Скорее всего, Карл хотел избежать официальных встреч на долгом пути через Францию в Испанию. Вероятно, он стремился быстро оказаться в Мадриде и продолжить переговоры о браке с инфантой Марией без груза церемоний. Статус «инкогнито» должен был приостановить действие формальных правил, регулирующих отношения между представителями двух государств.³⁹¹ Более того, это могло сэкономить не только время, но и деньги, так как подобное появление при дворе не предполагало затрат на дары и избавляло от необходимости иметь большую сопровождающую свиту. Принц и герцог наверняка надеялись, что под прикрытием можно было бы свободно организовать встречи с королем Испании и самой инфантой. Возможно,

³⁹¹ Lemée E. The Language of Incognito in Late Seventeenth-Century Diplomacy // Legatio: The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies. Vol. 4. 2020. P. 20.

английская сторона рассматривала и вероятность неудачи в переговорах ввиду их затянутости. В связи с этим путешествие «инкогнито» гарантировало, что в случае провала переговоров жених и его семья не подвергнутся публичному унижению.³⁹² Французский исследователь из Сорбоннского университета Э. Леме предполагает, что визит Карла в Мадрид был актом отчаяния английской стороны, не нашедшей другого способа достичь желаемого.³⁹³ Это утверждение отчасти верно, так как ведение официальных переговоров уже многие годы не давало результатов. Тем не менее, вероятнее всего, принц был уверен в успехе дела, и чтобы подчеркнуть важность вопроса о браке для него самого и для Англии, решил показать это своим личным присутствием. Карл хотел поразить испанцев, убедить их и скорее завершить этот долгосрочный проект.

Путешествие английского наследника вызвало множество разговоров и слухов по всей Европе, так как использование «инкогнито» могло показаться проявлением слабости: англичане стараются избежать церемониальной практики ввиду нехватки средств и неосведомленности в правилах испанского двора.³⁹⁴ Однако «инкогнито» принца, скорее всего, изначально было задумано как «неполное», потому что его предстояло раскрыть для ведения переговоров с королем. Эта публичная фикция лишь обеспечивала комфортную и неформальную встречу между сторонами и не препятствовала переговорам.

Позднее, после подписания Вестфальского мира, дипломатическое «инкогнито» станет особенно востребованным инструментом дипломатии, который поможет сгладить протокольные трудности и сделать возможными интенсивные переговоры между разными государями. Путешествия «инкогнито» станут практикой, порожденной необходимостью: после принятия новой системы международных отношений начнется отход от

³⁹² Ibid. P. 21.

³⁹³ Ibid. P. 29.

³⁹⁴ Ibid. P. 30 – 32.

экстравагантных и бросающихся в глаза расходов на большую свиту и пышные церемонии.³⁹⁵ Без этих формальностей дипломатам будет легче на крупных конгрессах конца XVII века. «Инкогнито» отнюдь не будет нарушением протокола, а станет церемониальным приемом, дополнившим формальный язык официальных посольств и торжественных въездов.³⁹⁶

Тем не менее, в начале XVII в. уже существовали довольно точные и общепринятые стандарты приема послов и гостей из другой страны.³⁹⁷ Гости должны были встретить, как только они оказались на территории Испании по предварительной договоренности. Так, по прибытии адмирала Ноттингема и английского посла Чарльза Корнуоллиса в Ла-Корунью 15 апреля 1605 г., их встречал губернатор Галисии.³⁹⁸ Затем следовал торжественный въезд делегации в город и отдых в доме губернатора. 24 апреля в Ла-Корунью от имени короля Филиппа III прибыл дон Бласко де Арагон, племянник герцога Терранова³⁹⁹, чтобы поприветствовать англичан, поздравить с днём Святого Георгия и уведомить о том, что все готово к их путешествию в столицу Испании г. Вальядолид. Вся компания англичан из 650 человек отправилась 3 мая из Ла-Коруньи в Вальядолид верхом на мулах («mules for riding»⁴⁰⁰). Только 14 мая участники миссии достигли Симанкаса, где по приказу короля должны были отдохнуть и прибыть ко двору 16 мая.

³⁹⁵ Jansson M. Incognito and the New Diplomacy: The case of Tsar Peter // Вестник МГИМО-университета. №6 (63). М., 2018. Р. 16.

³⁹⁶ Lemée E. Op. cit. P. 34.

³⁹⁷ Mattingly G. Renaissance diplomacy. Baltimore, 1955; Roosen W. Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach // The Journal of Modern History. Sep., Vol. 52. 1980. P. 452 – 476; Домнина Е.Г. Церемониал приема английских послов в Венеции в раннее Новое время // Средние века. Вып. 72. М., 2011. С. 214 – 224; Она же. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485-1558). СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.

³⁹⁸ Treswell R. A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie. - URL: <http://name.umdl.umich.edu/A13959.0001.001> [accessed 20 June 2023].

³⁹⁹ Ibid.

⁴⁰⁰ Ibid.

15 мая в Симанкасе Ноттингема и его делегацию приветствовали Дон Хуан де Сунига, сын испанского посла в Англии и Дон Педро де Тассис, новый испанский посол в Англии. На следующий день туда прибыли другие представители знати и отправились вместе с Ноттингемом и Корнуоллисом в Вальядолид, где прошел торжественный въезд в город.

Кроме того, в качестве примера стоит привести прибытие в Мадрид английского посла Джона Дигби, графа Бристоля в 1622 г. Он высадился в порте Сантандер и некоторое время ждал представителей Филиппа IV ввиду того, что королевский двор отправился в резиденцию герцога Лермы в одноименном городке. О прибытии посла испанскому королю сообщил Фрэнсис Коттингтон, который был английским агентом при испанском дворе. Посла пригласили прибыть к королю в г. Лерму. В этом путешествии его сопровождал Коттингтон и приближенные агента из Мадрида.⁴⁰¹ Они добрались до местечка Вильяльмансо, неподалеку от Лермы, где посла должны были встречать официальные лица. На следующий день прибыл граф де Саласар, один из майордомов короля, чтобы препроводить посла к Филиппу IV.⁴⁰² Несмотря на то, что прибытие английского посла Джона Дигби к испанскому двору было несколько изменено ввиду пребывания короля и его окружения в другом городе, по существу оно не сильно выбивалось из принятых общеевропейских дипломатических норм.

Что касается Карла и Бекингема, то ввиду путешествия по Испании «инкогнито», их не встречали высокопоставленные лица, им также не предоставляли средства передвижения. Их сопровождали секретарь принца и бывший английский посол в Испании Френсис Коттингтон, а также переводчик и секретарь принца, который вырос в Испании, – Эндимион Портер. В понедельник 17 февраля 1623 г. они отправились в Дувр, чтобы подготовить корабль к переправе через Ла-Манш. Сам принц в тот день

⁴⁰¹ The Lord Digby's Entertainment in Spain // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 505.

⁴⁰² Ibid. P. 508.

находился вместе с герцогом в доме последнего в Ньюхолле, а на следующий день они оба отправились в Дувр. Замаскировавшись и надев накладные бороды, они представлялись везде как Джек и Том Смиты. Однако, когда они переправлялись через Темзу, чтобы попасть в Грейвзэнд, паромщик решил, что они направляются во Францию, чтобы устроить дуэль, поэтому доложил властям Рочестера о подозрительных личностях. Дело могло крайне усложниться ввиду ареста и выяснения обстоятельств, поэтому в Кентербери Бекингом рассказал, кто он на самом деле.⁴⁰³ Более того, ему пришлось сказать, что как лорд-адмирал он направлялся в Дувр для неожиданной проверки состояния флота.

Получается, что еще в Англии «инкогнито» пришлось частично раскрыть, но, несмотря на первый казус, принц и герцог не отказались от идеи продолжить поездку в этом статусе. В связи с этим уместно задаться вопросом, имели ли они при себе какие-либо документы, удостоверявшие личность? Вероятно, принц Карл и герцог Бекингом имели официальные паспорта на имена Джека и Тома Смитов, в противном случае, им бы не удалось покинуть Англию. Вероятно, этих документов оказалось достаточно и для въезда во Францию, однако в письмах мы не встречаем подробного изложения этих событий.

К вечеру следующего дня Карл и Бекингом достигли Дувра и там встретились с Портером и Коттингтоном, а также с двумя представителями свиты принца – шотландцем Кирком и джентльменом королевской опочивальни Джеймсом Левистоном,⁴⁰⁴ пересекли Ла-Манш, добрались до Франции и высадились в Булони.⁴⁰⁵ Из сообщения Джона Тейлора известно,

⁴⁰³ Brotton J. The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection. 2006. P. 86.

⁴⁰⁴ Redworth G. The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 78.

⁴⁰⁵ Wotton H. A short view of life and death of George Villiers, Duke of Buckingham...; Принц Карл и герцог Бекингом - королю Якову, 22 февраля 1623 г. // The letters, speeches and proclamations of king Charles I. London: Cassell, 1968. P. 8.

что на пути к Мадриду Карл проехал 141 почтовую станцию, где мог поменять лошадей и остановиться на ночлег.⁴⁰⁶

Путь от Дувра через Булонь и Монтрёй до Парижа занял у принца и его спутников три дня. Практически с самого отъезда началась активная переписка между королем Яковом и принцем Карлом. Уже 19 февраля Яков направил сыну первое письмо и 22 февраля получил от него ответ из Парижа (принц, герцог и их сопровождающие прибыли в Париж 21 февраля). Выбор сухопутного пути был связан с его большей безопасностью в сравнении с непредсказуемыми погодными условиями на море. Принц и его спутники двигались по той же самой дороге, что и английские послы в 1555 г.⁴⁰⁷ на пути в Рим через Париж. Те проезжали через Булонь, Пикардию и Иль-де-Франс, следуя через Монтрёй, Абвиль, Амьен, Бретёй, Лузарш и Сен-Дени.⁴⁰⁸ Однако Томас Тёрлби, епископ Илийский, Энтони Браун, виконт Монтегю и Эдвард Карне проехали этот путь только за девять дней. Это было связано с тем, что послы ехали официально, поэтому им давали торжественные приемы во многих городах. Принц Карл и его спутники путешествовали «инкогнито», поэтому их путь оказался быстрее.

По данным английского посла во Франции, Эдварда Херберта, Карл и его сопровождающие передвигались по Франции на почтовых лошадях,

⁴⁰⁶ Taylor J. Prince Charles his welcome from Spain; who landed at Portsmouth on Sunday the 5th of October, and came safely to London on Monday the 6th of the same, 1623. With the triumphes of London for the same his happie arrival. And the relation of such Townes as are seituat in the wayes to take post horse at, from the Citie of London to Dover, and from Callice through all France and Spainem to Madrid, to the Spanish Court // A collection of scarce and valuable tracts...P. 553.

⁴⁰⁷ Миссия послов заключалась в том, чтобы сообщить Папе Римскому о том, что Англия вновь признала Его главой церкви и хочет вернуться в лоно католичества. Дорога проходила через Париж, так как послов ждал французский король Генрих II, желавший их посредничества в заключении мира с Габсбургами в ходе Итальянских войн. – Серегина А. Ю. Путешествие в Рим Томаса Норта (1555): от итинерария к мемуарам путешественника // Шаги / Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 185 – 205.

⁴⁰⁸ The journey of the Queen's ambassadors unto Rome, anno 1555 // Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 62 – 63.

стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.⁴⁰⁹ Тем не менее, после отъезда принца, Яков отправил своего фаворита Джеймса Хэя, виконта Донкастера с сообщением для Людовика XIII, в котором просил сохранить инкогнито Карла при французском дворе.⁴¹⁰ Важно заметить, что никаких предварительных договоренностей с французским королем в отношении статуса «инкогнито» принца и его путешествия через Францию не было. Яков решил направить посланника уже после отъезда Карла и Бекингема. Более того, он просил самого принца по прибытии в г. Ирун на границе Франции и Испании направить письмо Людовику XIII с извинениями за «стремительный проезд».⁴¹¹ В отличие от более поздних случаев монарших поездок «инкогнито» XVIII в., в первой четверти XVII в. не было разработано соглашения о подобном статусе. Предварительных договоренностей со странами, через которые будет пролегать путь принца, попросту не было. Такого рода поездка была выбрана лично принцем, и только он сам устанавливал ее продолжительность и цели.

Путешествие «инкогнито» во многом ускоряло передвижения. Вместо того, чтобы ждать обязательной аудиенции короля Франции неопределённое время, Карл смог побывать при дворе Людовика XIII якобы втайне от короля. Компания остановилась на постоялом дворе на улице Святого Иакова, а затем направилась к Лувру.⁴¹² Из биографии герцога Бекингема, написанной его современником, английским дипломатом Генри Уоттоном, известно, что в Париже «Его Высочество и маркиз купили по парикю, чтобы немного прикрыть свои лбы».⁴¹³ Им удалось оказаться при дворе, благодаря помощи

⁴⁰⁹ The life of Edward lord Herbert, of Cherbury (written by himself). Edinburgh, 1809. P. 268.

⁴¹⁰ Король Яков I – принцу Карлу и Герцогу Бекингему, 27 февраля 1623 г. // Letters of King James VI and I / Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. Berkley etc.: Univ. of California press, 1984. С. 389.

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² The life of Edward lord Herbert...P. 267.

⁴¹³ A short view of the life and death of George Villiers, Duke of Buckingham written by Henry Wotten. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67129.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 6 July 2023].

гувернера короля, господина Дю Про.⁴¹⁴ Там они наблюдали за королем Людовиком в галерее, а также ближе к вечеру видели королеву-мать, королеву Анну и принцессу Генриетту Марию с другими знатными дамами на репетиции к маскараду. По сообщению Уоттона, Карла и Бекингема никто не узнал, кроме Оноре д'Альбера, маршала де Кадене и герцога де Шольн, который совсем недавно был в Англии в качестве французского посла (1618-1621 гг.).⁴¹⁵ Тем не менее, пребывание принца при дворе было сохранено в тайне.

Англичане не стали задерживаться в Париже, так как их главной целью был Мадрид. Даже английский посол во Франции Эдвард Херберт не встречался с Карлом.⁴¹⁶ В письме отцу принц писал: «Завтра, в воскресенье, мы, по воле Господа, поднимемся очень рано и в этот же день достигнем Орлеана, а затем будем держать путь к Мадриду»⁴¹⁷. 23 февраля делегация покинула Париж и за тринадцать дней добралась в столицу Испании. Из сообщения Тейлора о возвращении принца в Лондон известно, что на пути в Мадрид Карл и его спутники двигались через Шату, Орлеан, Блуа, Бордо и Байонну.⁴¹⁸ На территории Испании они проезжали через Ирун, Толосу, Виторию, Миранду, Бургос, Лерму, Баабон, Аранду-де-Дуэро и Сан-Агустин.⁴¹⁹ В сравнении с другими посольствами⁴²⁰ англичане двигались не

⁴¹⁴ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 22 февраля 1623 г. // *The letters, speeches and proclamations of king Charles I.* London: Cassell, 1968. P. 8.

⁴¹⁵ *A short view of the life and death of George Villers...*

⁴¹⁶ «Как сильно меня огорчило то, что Я не видел Его Высочество, когда он был в Париже...» / «How much it grieved me that I had not seen his highness when he was in Paris...». - *The life of Edward lord Herbert...* P. 271.

⁴¹⁷ Redworth G. *The prince and the Infanta...* P. 78.

⁴¹⁸ Taylor J. *Prince Charles his welcome from Spain...* P. 553.

⁴¹⁹ *Ibid.*

⁴²⁰ В сравнении с более ранними путешествиями адмирала Ноттингема (Treswell R. *A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie.* - URL: <http://name.umd.umich.edu/A13959.0001.001.>) и Джона Дигби (*The Lord Digby's Entertainment in Spain* // *A collection of scarce and valuable tracts.* Vol. 2.

самым обычным путем. Путешественники сознательно избегали административных центров, так как не хотели задерживаться в крупных городах и стремились остаться незамеченными, сохранив «инконито». За время поездки по Испании принц не писал отцу, в то время как сам Яков направил Карлу несколько писем от 27 и 28 февраля. Только 10 марта английский король получил ответ из Мадрида от «своих мальчиков» и в дальнейшем их переписка велась достаточно регулярно. Самым минимальным промежутком времени от отправки письма в Мадриде до его получения в Лондоне можно считать срок в 6 – 7 дней.

Из сообщения одного из слуг принца Карла, Ричарда Уина, известно, что в местечке Сан-Агустин с Карлом и Бекингом случился примечательный инцидент.⁴²¹ Двое испанцев при встрече с принцем и герцогом по их внешнему виду и разговорам поняли, что те прибыли из Англии и имеют отношение к королевскому двору. Испанцы начали хвастаться тем, что знакомы со многими английскими знатными дамами, с которыми имели приватные встречи. На это колкое замечание о доступности англичанок принц ответил, что тоже знает одну знатную испанку, жену сына испанского посла, которая позволяет себе подобные встречи, так как имеет очень самодовольного мужа, недостойного такой красоты. Один из этих испанцев, который и был тем самым мужем, сильно оскорбился, поэтому пытался выяснить, где братья Смиты живут в Мадриде. Те дали адрес графа Бристоля, так как планировали остановиться у него.

По прибытии в Мадрид вечером 7 марта, в пятницу, как и предполагалось, Карл и Бекингем отправились к английскому послу в Испании Джону Дигби, графу Бристолю, который проживал там, где в

London, 1809. P. 501 - 508), а также более поздними поездками дипломатов, например Джеймса Харриса (Malmesbury J.H. Diaries and correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury, cont. his account of his missions at the court of Madrid, to Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of his special missions to Berlin, Brunswick, and the French republic. / Ed. by his grandson, the third earl. 2nd ed. Vol.1 L.: Bentley, 1845.).

⁴²¹ Sir Richard Wynn's Account of the journey of Prince Charles's servants into Spain in the year 1623 // *Historia vitae et regni Ricardi II*. Oxford, 1729. P. 326.

середине XVII в. обосновался женский монастырь Калатравы.⁴²² По всей видимости, посол не знал о планах принца и был поражён его прибытием.⁴²³ «На следующее утро после того, как они [Карл и Бекингем] приехали в Мадрид, кто-то сообщил им о том, <...> что два испанских джентльмена хотят поговорить с ними»⁴²⁴. Испанцев пригласили в дом, и там, «поднимаясь по лестнице, они заметили, кто такой принц».⁴²⁵ В связи с этим разговор прошёл мирно, а ситуация была обращена в шутку. К сожалению, не до конца понятно, как два испанца поняли, что перед ними английский принц, однако вероятно их попросили сохранить в тайне новость о его прибытии в Мадрид.

Этот курьезный случай заставляет задуматься о проблеме удостоверения личности Карла. Вероятно, он должен был доказать свой статус с помощью официального документа и в присутствии свидетелей. Известно, что Яков снабдил своего сына рекомендательным письмом для короля Филиппа, в котором объяснялось, что его сын был не только английским принцем, но и приведенным к присяге наследником Шотландии.⁴²⁶ Этот документ наверняка являлся достаточным подтверждением его статуса. В качестве свидетеля с английской стороны мог выступать посол Джон Дигби, граф Бристоль, а с испанской – бывший

⁴²² Recivimiento de príncipe soberano extranjero que viene a esta corte // Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647 [AHN. CS, libro 1189, ff. 1r. – 298r.] // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti Tomo II. Madrid, 2005. P. 960.

⁴²³ Howell J. Epistolae Ho-Eliaenae: The Familiar Letters of James Howell. Vol. 1. L., 1892. P. 180; El hecho de los tratados del matrimonio pretendido por el Principe de Gales con la serenissima Infante de España Maria, tomado desde sus principios para maior demostracion de la verdad, y ajustado con los papeles originales desde consta por el maestro F. Francisco de Jesus, predicador del rey nuestro señor // Narrative of the Spanish marriage treaty / Ed. and transl. by S.R. Gardiner. London, 1869. P. 207.

⁴²⁴ Sir Richard Wynn's Account of the journey...P. 325.

⁴²⁵ «The Spaniards as they came up Stairs, had notice who the Prince was». – Ibid.

⁴²⁶ «I have sent you my son, a prince sworn King of Scotland». - The copy of his Majesty's letter to the King of Spain, sent by my Lord of Buckingham, as it returned in print out of Spain // Goodman G. The Court of King James the First: To which are Added, Letters Illustrative of the Personal History of the Most Distinguished Characters in the Court of that Monarch and His Predecessors. Vol. 2. L., 1839. P. 259; Redworth G. The prince and the Infanta... P. 85.

испанский посол в Англии дон Диего Сармьенто де Акунья, граф Гондомар. Именно поэтому Дигби первым делом сообщил Гондомару о прибытии принца, а тот, удостоверившись в истинности этой информации, сообщил графу Оливаресу.⁴²⁷

Принц Карл прибыл «инкогнито», а значит, не имел права на официальное посещение королевского Алькасара, поэтому первые встречи с Филиппом IV проходили тайно, вне главных «королевских пространств» – дворцов и прочих резиденций. Первая встреча прошла в воскресенье, 9 марта. Об этом мы находим свидетельства в письмах Карла⁴²⁸ и в анонимном сообщении⁴²⁹ о приезде принца в Мадрид. Встреча была организована в каретах на территориях Прадо де Сан-Херонимо⁴³⁰ «на глазах у всего мира»⁴³¹, – как отмечает в своем письме отцу Карл. В три часа дня его величество с королевой, своей сестрой инфантой, братьями доном Карлосом и доном Фернандо прогуливались в карете. Графы Оливарес и Гондомар следовали за ними. Принц ехал в другой карете в сопровождении герцога Бекингема, графа Бристоля и сэра Уолтера Эштона. Экипажи проезжали мимо друг друга несколько раз, превращая это событие в маленькое представление.⁴³² Как отмечал в письме отцу Карл: «Они трижды проследовали мимо нас, но прежде чем мы успели удалиться, граф Оливарес сел в нашу карету и сопровождал нас домой, где сказал, что король просто

⁴²⁷ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 525.

⁴²⁸ Принц Карл и герцог Бекингем – королю Якову I, 10 марта 1623 г.; Принц Карл и герцог Бекингем – королю Якову I, 17 марта 1623 г. // The letters, speeches and proclamations of king Charles I... P. 11 – 13.

⁴²⁹ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. L., 1809. P. 524 – 531.

⁴³⁰ Прадо – это луг, на котором в XVI веке устроили место для прогулок, украшенное фонтанами. Летними вечерами там собиралось изысканное общество. - Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века / пер. Т.А. Михайлова. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 81 – 82.

⁴³¹ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 10 марта 1623 г. // The letters, speeches... P. 10.

⁴³² Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the court of king James I. N. Y., 1967. P. 348.

жаждет видеть жениха поближе»⁴³³. Филипп IV был недоволен столь короткой и бессмысленной встречей, поэтому настаивал на личном общении.⁴³⁴ Вечером того же дня принц и король вновь встретились неформально в Прадо де Сан-Херонимо.⁴³⁵

В начале XVII в. беседы в неофициальной обстановке с послами других государств были нередки. Сам Яков I назначал аудиенции на кораблях, в садах, в личной галерее и т.п.⁴³⁶ Тем не менее, Карл не был обычным послом, а Филипп, в свою очередь, не был склонен к отказу от церемониала. При встрече принца сопровождали граф Гондомар, граф Бристоль, Эштон и Коттингтон. Короля Испании, по его собственной просьбе, сопровождал герцог Бекингем.⁴³⁷ Король заключил принца в объятия, выражая глубокое уважение и расположенность к нему. Они беседовали в карете Филиппа IV, а в качестве переводчика выступал граф Бристоль. Разговор не зашел дальше комплиментов и вопросов о путешествии, однако король всячески выражал свое желание видеть принца в Мадриде официально. Мотивация испанского короля вполне понятна – торжественное появление английского принца при дворе было не только возвращением к привычному церемониалу, в рамках которого испанская сторона могла чувствовать себя более свободно, но и очередным способом затянуть переговоры. Возможность удержать Карла в орбите влияния испанских Габсбургов была важна для сохранения

⁴³³ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 10 марта 1623 г. // The letters, speeches... P. 11.

⁴³⁴ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 526.

⁴³⁵ «В пятом часу того же вечера, английский принц выехал в карете вместе с Бекингом и Гондомаром. В Прадо у ворот Алькала они встретили короля, который приехал инкогнито в другой карете вместе с Оливаресом, и они с большим удовольствием побеседовали». - Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice Vol. 17 1621-1623 / Ed. by Allen B. Hinds. L., 1911 // [Electronic resource] British History Online. - URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol17> [accessed 25 July 2023].

⁴³⁶ Anderson R. Marginal diplomatic spaces during the Jacobean Era, 1603 – 1625 // Early Modern Diplomacy, Theatre and Soft Power, Early Modern Literature in History. 2016. P. 173.

⁴³⁷ A true Relation and Journall... // A collection...P. 525.

нейтралитета Англии в ходе событий Тридцатилетней войны. Публичная демонстрация того, что Англия ведет переговоры с Габсбургами, явно усиливала их позиции в Европе. Принцу Карлу ничего не оставалось, кроме как согласиться на официальное появление при дворе Филиппа IV, так как он верил в успешный исход личных переговоров и расположенность испанской стороны к заключению договора. Более того, он все-таки находился на территории Испании, поэтому отказ мог быть сопряжен с необходимостью вернуться в Англию, не достигнув желаемого результата, а также мог спровоцировать начало конфликта между странами.

До появления Карла при испанском дворе состоялось еще несколько неофициальных встреч принца и короля. 11 марта Карл сделал попытку попасть во дворец Филиппа IV. Однако король Испании «встретил его [Карла] у лестницы; затем они сели в карету и отправились в парк».⁴³⁸ Через два дня, 14 марта, состоялась встреча принца с королем и его братьями в парке Каса-дель-Кампо, где они развлекались стрельбой в зайцев и куропаток.⁴³⁹ Попасть в Алькасар Карл смог только после въезда в Мадрид, отказавшись от «инкогнито».

Решение Филиппа IV об официальном появлении английского принца поставило в сложное положение испанский двор, так как нужно было следовать церемониалу, соответствующему статусу принца Уэльского, и продемонстрировать весь блеск Испанской монархии. В связи с этим графу Оливаресу, фавориту короля, пришлось на время отказаться от введенных по его замыслу законов против роскоши при дворе.⁴⁴⁰ По распоряжению Филиппа IV торжественный въезд английского наследника в Мадрид был назначен на 16 марта 1623 г.

⁴³⁸ Из письма принца Карла и герцога Бекингема королю Якову, 17 марта 1623 г. // *The letters, speeches...* P. 12.

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ Elliot J. H. *Philip IV of Spain: Prisoner of the Ceremony* // *The Courts of Europe: Politics, patronage and royalty* / Ed. by A.G. Dickens. L., 1977. P. 180.

2.2. Церемониал испанского двора и проблема визита «инкогнито»

Придворный церемониал в Испании прошел несколько этапов в своем формировании. В середине XV в. доминирующей силой на полуострове была Кастилия, поэтому долгое время в Испании преобладал кастильский церемониал.⁴⁴¹ Структура двора была достаточно разветвленной и сочетала административные и хозяйственные функции, но не предполагала большого количества слуг.⁴⁴² Однако в правление мужа Хуаны Безумной, герцога Бургундского Филиппа Красивого, была предпринята попытка ввести здесь этикет Бургундского двора.⁴⁴³ После смерти герцога вновь возобладал кастильский церемониал, но начинание Филиппа не было забыто. При Карле I сохранилась двойственность правил этикета – кастильский и бургундский дворы сосуществовали. Его наследник, Филипп II стремился создать единую систему правил этикета, однако деление на Кастильский Дом и Бургундский Дом с преобладанием последнего оставалось неизменным.

Большинство историков считают, что в отношении придворного церемониала примером для многих дворов Европы стал именно бургундский двор.⁴⁴⁴ Мария Бургундская вступила в брак с Максимилианом Габсбургом и привнесла церемониал Бургундии в земли Габсбургов, а позднее, король Франции Людовик XIV женился на дочери Филиппа IV Габсбурга Марии-

⁴⁴¹ Довольно сложно реконструировать структуру двора Изабеллы Кастильской, однако по мемуарам испанского чиновника Гонсало Фернандеса де Овиедо известна подробная организация двора сына Изабеллы и Фердинанда – принца Хуана. – Fernánde de Oviedo G. Libro de la Cámara del Príncipe Don Juan. Madrid, 1870.

⁴⁴² Redworth G., Checa F. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700 // The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1750 / Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co, 1999. С. 46.

⁴⁴³ Martínez Millán J. La corte de la monarquía Hispánica // Studia historica. Historia moderna, № 28, 2006. P. 40.

⁴⁴⁴ Armstrong. C. A. J. The golden age of Burgundy. Dukes that outdid kings // The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400 – 1800 / Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson, 1977. P. 55 – 75; Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып.1. М.; Спб., 2001. С. 121 – 136; Она же. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 177 – 199.

Терезии и унаследовал Габсбургский церемониал. В свою очередь двор Людовика стал образцом для всей Европы.⁴⁴⁵ Исходя из этой концепции, нормы этикета бургундского двора являются основой для церемониала всех европейских дворов Европы Нового времени. Такая точка зрения торжествует в историографии с середины XIX в.⁴⁴⁶, и несмотря на то, что в последнее время наметилась тенденция критики этой идеи,⁴⁴⁷ бургундский церемониал продолжают считать основой европейской придворной культуры.

Бургундский двор предполагал обилие слуг, поэтому домохозяйство принца Филиппа увеличилось больше чем на 200 должностей.⁴⁴⁸ У него в услужении теперь были главный майордом и около 50 дворян со своими церемониальными обязанностями. Такое участие в жизни двора не принижало достоинства дворян и аристократов, а наоборот считалось почетным. Изначально это привело к соперничеству кастильского и бургундского дворов и вылилось в политический конфликт, который Карл I

⁴⁴⁵ Оливье де Ла Марш. Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый / перевод, статьи и примечания Е.И. Носовой, К.В. Сергейчева. СПб.: Евразия, 2023. С. 8.

⁴⁴⁶ Kipling G. *The Triumph of Honour: Burgundian Origins of the Elizabethan Renaissance*. Leiden, 1977; Elliot J.H. *Philip IV of Spain: Prisoner of the Ceremony* // *The Courts of Europe: Politics, patronage and royalty* / Ed. by A.G. Dickens. L., 1977. P. 169 – 189; Elliott J.H. *The Court of Spanish Habsburgs: a Peculiar Institution?* / *Politics and Culture in Early Modern Europe: Essays in Honour of H.G. Koenigsberger* / Ed. by Ph. Mack and M.C. Jacob. Cambridge, 1987. P. 9, 14 – 16; Лучицкий И. В. Максимилиан I и его реформы в Австрийских землях // *Киевские университетские известия*. Киев, 1887. №4. С. 1 – 48; Крылова Ю.П. Порядки и беспорядки при дворе бургундских герцогов и не только // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / Под ред. О.С. Воскобойникова и О.И. Тогоевой. М., 2021. С. 175 – 189; Асейнов Р.М. При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века / Отв. ред. Ю.П. Крылова. М., 2019.

⁴⁴⁷ Paravicini W. *The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe?* // *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age* / Ed. by A. Birke et al. Oxford, 1991. P. 69 – 102; Носова Е.И. В поисках уникального: бургундский двор и его французский прототип // *ЭНОЖ История*. Том 7. Вып. 6 (50). 2016.

⁴⁴⁸ Redworth G., Checa F. *The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700* // *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1750* / Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co, 1999. P. 48.

смог урегулировать.⁴⁴⁹ Кастильских аристократов волновало активное участие иностранцев в управлении.⁴⁵⁰ Однако, впоследствии элитам Кастилии удалось инкорпорироваться в новую систему и даже сохранить некоторые должности и традиции, присущие кастильскому церемониалу. Например, сохранялись привилегии представителей кастильской знати участвовать в публичном обеде с королем.⁴⁵¹

Благодаря внедрению бургундского церемониала двор стал достаточно разветвленным, что способствовало созданию новых должностей, вовлечению знати в орбиту влияния короля и контроля со стороны власти над аристократией. Уже в 1549 г. во время визита будущего короля Филиппа II в Нидерланды его сопровождали 1500 слуг.⁴⁵² Окончательно модель бургундского церемониала вместе с традициями кастильского была закреплена в нормах придворного этикета Филиппа II 1562⁴⁵³ и его ордонансах 1570 и 1575 гг.⁴⁵⁴ Основными службами королевского двора считались: королевский дом (Casa Real) во главе с главным майордомом, ответственным за управление двором, размещение и снабжение монарха, его семьи и придворных; королевская палата (Cámara Real), глава которой отвечал за организацию службы монарху в его покоях; королевские конюшни во главе с главным конюшим (Caballerizo mayor), ответственным за организацию переездов двора и выезды короля; королевская капелла, главный капеллан (Capellán mayor) которой организовывал религиозную

⁴⁴⁹ Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain // Werner Paravicini (Hg.): *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart.* Ostfildern, 2013. P. 751.

⁴⁵⁰ Idem. *La corte de la monarquía Hispánica...* P. 45.

⁴⁵¹ Redworth G., Checa F. *Op. cit.* P. 57.

⁴⁵² Ibid. P. 53.

⁴⁵³ *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562* // *La Monarquía de Felipe II: La casa del rey* / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Tomo II. Madrid, 2005. P. 835 – 999.

⁴⁵⁴ Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain // Werner Paravicini (Hg.): *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart.* Ostfildern, 2013. P. 752.

жизнь двора. До правления Карла V включительно во главе королевской палаты стоял главный камергер (*Camarero mayor*) – этот пост считался высшим при дворе, но позднее он утратил значение, так как его основные функции перешли к *sumiller de corps*. Исполнявший эту должность отвечал за личную службу монарху: его пробуждение и отход ко сну, одевание и раздевание, состояние здоровья. *Sumiller de corps* имел постоянный доступ к королю и присутствовал на всех его аудиенциях.⁴⁵⁵

Королева и наследный принц также располагали отдельными дворами-домохозяйствами. Двор королевы включал восемь майордомов, десяток фрейлин и иных подчиненных ей дам разного придворного статуса. Должности при дворе наследного принца высоко ценились, поскольку сулили благосклонность будущего монарха.⁴⁵⁶ Этикет при дворе стал способом формирования социальной дисциплины и дистанции между королем и его подданными.⁴⁵⁷

В конце XVI – начале XVII вв. Испания начала испытывать экономические проблемы, в том числе связанные с содержанием двора. Филипп IV понимал необходимость реформ, поэтому по советам своего фаворита (*valido*) графа Оливареса начал вводить законы против роскоши. Они подразумевали запрет импорта иностранных предметов роскоши, регулирование количества серебра и дорогой мебели в собственности, закрытие публичных домов, сдержанность в одежде дам и кавалеров.⁴⁵⁸ Тем не менее, к 1623 г. двор по-прежнему насчитывал около 1700 человек⁴⁵⁹, то есть продолжал быть многочисленным по бургундской традиции (что стоило испанской казне 610 000 дукатов ежегодно из всего бюджета в 10 миллионов

⁴⁵⁵ Ведюшкин В.А. Система государственного управления в Испании в раннее Новое время (конец XV – XVII в.) // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 443.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Elliott J.H. The court of the Spanish Habsburg: a peculiar institution?..P. 10.

⁴⁵⁸ Idem. Philip IV of Spain. Prisoner of ... P. 180.

⁴⁵⁹ Idem. The court of the Spanish Habsburg... P. 8.

дукатов)⁴⁶⁰. Престиж глобальной монархии Габсбургов нуждался в утверждении, поэтому правители стремились к контролю над многочисленными элитами с помощью разветвленной должностной системы. В ближнем окружении короля были три фигуры - главный майордом, *sumiller de corps* и главный конюший. У каждого из них был свой собственный обширный штат.

В центре внимания двора был король, который принимал участие в предписанных ему публичных церемониях. Бургундский этикет предполагал, что личным покоем короля должны предшествовать четыре публичные комнаты, вход в каждую из них был доступен только людям определенного ранга. Право попасть в кабинет короля имели: папский нунций, глава Совета Кастилии, кардиналы, и имевшие специальное королевское разрешение лица. За кабинетом была королевская спальня, в которую допускался ограниченный круг лиц.⁴⁶¹

Каждый воскресный выход короля в церковь сопровождался большими процессиями с участием всех членов королевского двора. Еще большая торжественность была присуща службам Страстной седмицы, Пасхи и празднику Тела и Крови Христовой. Король принимал участие в этих торжествах, показывая, что в первую очередь он – католический правитель. К началу XVII в. испанский двор выполнял несколько функций: демонстрировал сакральную природу монарха, был центром политической и административной власти.⁴⁶²

Считается, что испанский церемониал был одним из самых тщательно продуманных из всех существовавших на тот момент в Европе.⁴⁶³ В связи с этим, настоящим потрясением для испанского двора стало появление

⁴⁶⁰ Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain...P. 45.

⁴⁶¹ Redworth G., Checa F. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700...P. 57.

⁴⁶² Elliott J.H. The court of the Spanish Habsburg...P. 10.

⁴⁶³ Ibid. P. 24.

английского принца Карла в Мадриде «инкогнито» в 1623 г.⁴⁶⁴ Помимо дворцового церемониала, подобное появление нарушало уже устоявшийся дипломатический церемониал Испании. К тому времени была широко развита система резидентных и ординарных посольств. Порядок приема послов был кратко зафиксирован еще в регламенте Филиппа II, и соблюдался с 1562 г.⁴⁶⁵ Несмотря на то, что в Испании еще не было должности сопровождаителя послов (она появится только в 1625 – 1626 гг.), обязанности по встрече, приему и аудиенции иностранного гостя были четко распределены. Функции начальника дворцового протокола исполнял либо главный майордом лично, либо он возлагал их на одного из дежурных майордомов.⁴⁶⁶ Прибытие Карла «инкогнито» нарушало заведенный порядок.

Прием принца Карла при испанском дворе впоследствии был описан хронистом Хилем Гонсалесом Давила⁴⁶⁷ и лег в основу регламента встречи иностранного суверенного принца.⁴⁶⁸ Вероятно, подобный прецедент настолько поразил испанский двор и лично короля Филиппа IV, что был зафиксирован, стал частью церемониала в такой ситуации для будущих поколений. Интересно, что в своей хронике Давила упоминает, что Карл

⁴⁶⁴ Как замечает в реляции испанский публицист Андрес де Мендоса: «Приезд знаменитого принца Уэльского в эти края стал самым странным случаем для королевской особы за многие годы...». – Almansa-y-Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection...P. 541.

⁴⁶⁵ *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562*...P. 965.

⁴⁶⁶ Юрчик Е. Э. Сопроводители послов при дворе Карла II // Электронный научно-образовательный журнал История. Общество с ограниченной ответственностью «Интеграция: Образование и Наука» (ООО «Интеграция: ОН»), 2016. Выпуск 8 (52) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001578-4-1> (дата обращения: 20.10.2023). DOI: 10.18254/S0001578-4-1.

⁴⁶⁷ González Davila G. Entrada que hizo en la Corte de Rey de las Españas D. Filipe Quarto el Serenissimo don Carlos Principe de Gales, jurado Rey de Escocia, hijo unico y heredero de los Reynos y Dominios de Jacobo Rey de la gran Britania, Escocia y Irlanda // Teatro de las grandezas de la Villa de Madrid: Corte de los Reyes Católicos de España, al muy poderoso señor Rey Don Felipe IV. Madrid, 1623. P. 195 – 198.

⁴⁶⁸ Recivimiento de príncipe soberano estrangero que biene a esta cortte // *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647* [AHN. CS, libro 1189, ff. 1r. – 298r.] // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti Tomo II. Madrid, 2005. P. 960 – 962.

Стюарт стал вторым принцем, который прибыл в Испанию лично. Первым он называет Эдуарда Уэльского, будущего короля Эдуарда I Длинного.⁴⁶⁹ Вероятно, хронист вскользь упоминает этот прецедент, чтобы подчеркнуть давние матримониальные связи английского и испанского (кастильского) дворов.

Во времена правления в Англии Генриха III нарастали противоречия в Аквитании, на тот момент принадлежавшей английским королям. Мятежники во главе с Гостоном виконтом де Беарн заручились поддержкой Альфонсо X, короля Кастилии. Дипломатические усилия Генриха III оказались действенными и разорительной войны удалось избежать. Английский король предложил заключить брак между младшей сестрой Альфонсо Элеонорой и наследником английского престола Эдуардом, а права на герцогство Аквитанское передать им.⁴⁷⁰ Альфонсо Мудрый согласился, но требовал, чтобы принц Эдуард лично прибыл в Бургос. Считается, что король Кастилии хотел оценить образованность жениха и мастерство в рыцарских искусствах, а в случае если кандидат на руку сестры пришелся бы ему по душе, Альфонсо желал сам посвятить его в рыцари.⁴⁷¹ В Кастилию вместе с пятнадцатилетним Эдуардом поехали его мать Элеонора Прованская, брат Эдмунд и архиепископ Кентерберийский Бонифас Савойский. Они отправились на корабле, оснащенный в Ярмуте, и высадились в порту Бордо. 5 августа они прибыли в Бургос в сопровождении пышной свиты. Эдуард заслужил расположение короля Альфонсо и своей невесты Элеоноры. 1 ноября 1254 г. в аббатстве Санта-Мария-ла-Реаль-де-лас-Уэльгас состоялась свадьба Эдуарда Уэльского и Элеоноры Кастильской.⁴⁷²

По сведениям Давилы принц Эдуард приезжал в Бургос ко двору Альфонсо X Мудрого повторно в 1268 г. Мы находим подтверждение этому

⁴⁶⁹ González Davila G. Entrada que hizo en la Corte de Rey de las Españas...P. 198.

⁴⁷⁰ Устинов В. Эдуард I. М., 2021. С. 29.

⁴⁷¹ Prestwich M. Edward I. London: Methuen, 1988. P. 9.

⁴⁷² Salzman L. F. Edward I. New York: Praeger, 1968. P. 16.

случаю в «Хронике Альфонсо X» в которой сказано: «И поехали с ним король дон Дуарте, его племянник, сын и наследник короля Англии, приехавший, дабы принять посвящение в рыцари от короля дон Альфонсо»⁴⁷³. Эти сведения говорят о том, что Эдуард был посвящен в рыцари королем Кастилии и доказывают правдивость замечания Давилы о том, что принц Карл – не первый английский наследник, побывавший в Испании. Тем не менее, прием Карла Стюарта в первой четверти XVII в. при мадридском дворе вряд ли стоит сравнивать с пребыванием Эдуарда Уэльского в середине XIII в. при дворе Альфонсо Мудрого, так как нормы церемониала значительно изменились в эпоху раннего Нового времени. Более того, изучаемый нами казус был принципиально иным ввиду прибытия Карла Стюарта в Испанию «инкогнито», что действительно оказалось беспрецедентным случаем в истории англо-испанских отношений. Сведения о визите английского принца в XIII в., которые разыскал испанский хронист, безусловно, представляли антикварный интерес, однако этот случай не конституировал церемониальной традиции. Слишком большая историческая дистанция отделяла две эпохи.

2.3. Торжественный въезд принца Карла в Мадрид

«Инкогнито» Карла и Бекингема оказалось совсем недолгим. После нескольких неофициальных встреч с королем, принцу пришлось согласиться на торжественное появление в городе и переход переговоров в статус официальных. Уже 8 марта испанский король собрал хунту, которая обсуждала возможности приема принца при дворе. В составе хунты были члены Государственного совета – дон Аугустин Мехия, маркиз Монтескларос, дон Фернандо Хирон, Иньиго де Брисуэла, а также архиепископ Сеговии и глава совета Фландрии, духовник Его Величества –

⁴⁷³ Хроника Альфонсо X / Пер. со старокастильского, коммент., вступит. ст. А.В. Мареев. СПб., 2021. С. 67.

Антонио де Сотомайор и граф Гондомар.⁴⁷⁴ Главой хунты был назначен граф Оливарес. Вероятно, в таком составе они обсуждали ход торжественной церемонии прибытия английского принца ко двору. В данном случае вся процедура была схожа не с прибытием иностранного посла, а, скорее, с королевским въездом в город. Торжественное появление Карла демонстрировало его статус – в Мадрид въезжал государь. К Карлу относились как к суверену, а не только как к принцу крови.

Торжественный въезд Карла в Мадрид был назначен на 16 марта 1623 г., спустя десять дней после его приезда в Испанию. Свои действия и впечатления Карл подробно описал в письме отцу от 17 марта.⁴⁷⁵ Кроме того церемония зафиксирована в реляции «Правдивое сообщение и дневник прибытия, великолепного приёма, данного королём Испании при его дворе в Мадриде, могущественному принцу Карлу, принцу Великобритании»⁴⁷⁶ неизвестного автора из коллекции, собранной и опубликованной лордом Сомерсом. Этому сюжету в своих письмах также уделил внимание один из английских агентов в Испании – Джеймс Хоуэлл⁴⁷⁷. Как уже отмечалось, с испанской стороны прецедент был зафиксирован придворным хронистом Хилем Гонсалесом Давила в реляции «Въезд, который совершил при дворе короля Испании Филиппа IV Его Светлость дон Карлос принц Уэльский, признанный король Шотландии, единственный сын и наследник королевств

⁴⁷⁴ El hecho de los tratados del matrimonio pretendido por el Principe de Gales con la serenissima Infante de España Maria, tomado desde sus principios para maior demostracion de la verdad, y ajustado con los papeles originales desde consta por el maestro F. Francisco de Jesus, predicador del rey nuestro señor. // Narrative of the Spanish marriage treaty, edited and translated by Samuel Rawson Gardiner. London, 1869. P. 203.

⁴⁷⁵ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 17 марта 1623 г. // The letters, speeches... P. 12 – 13.

⁴⁷⁶ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 524 – 531.

⁴⁷⁷ Howell J. Epistolae Ho-Eliae: The Familiar Letters of James Howell. Vol. 1. L., 1892.

и владений короля Великой Британии, Шотландии и Ирландии – Якова»,⁴⁷⁸ текст которой стал основой для описания приема иностранного принца при испанском дворе в реформированных этикетных правилах 1647 г.⁴⁷⁹ Благодаря этим источникам мы можем восстановить события торжественного въезда принца в Мадрид.

В 9 утра Карл отправился в монастырь Сан-Херонимо в сопровождении своих английских спутников и испанских советников в лице дона Агустина Мехия, маркиза Монтекарлос, графа Гондомара и дона Фернандо Хирона. Там ему были предоставлены покои, двор и слуги короля. Затем последовал ранний обед. В час дня принц встретился с государственными советниками, как это полагалось при въезде короля Испании в город. Первым аудиенцию у принца получил глава Совета Кастилии. Его Высочество снял шляпу и вышел встретить председателя в середине зала, где тот поклонился ему три раза, как Его Величеству, преклонил колено и просил руки.⁴⁸⁰ Карл отстранил ее, демонстрируя, что церемония «целования руки» – прерогатива короля. Затем принц выслушал приветственную речь советника в переводе Фрэнсиса Коттинтона и по очереди принимал других представителей советов, которых председатель называл лично.⁴⁸¹ Около четырех часов Филипп IV прибыл в монастырь в сопровождении графа Оливареса, герцога Инфантадо и некоторых членов Государственного совета. По тайной лестнице король поднялся в покои, где находился принц. Карл вышел, чтобы встретить Филиппа. Лучшие лошади, предоставленные испанской стороной, уже были готовы, поэтому английский принц и испанский король без промедлений

⁴⁷⁸ González Davila G. Entrada que hizo en la Corte de Rey de las Españas D. Filipe Quarto el Serenissimo don Carlos Principe de Gales, jurado Rey de Escocia, hijo unico y heredero de los Reynos y Dominios de Jacobo Rey de la gran Britania, Escocia y Irlanda // Teatro de las grandezas de la Villa de Madrid... P. 195 – 197.

⁴⁷⁹ Recivimiento de príncipe soberano estrangero que viene a esta corte // Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647 [AHN. CS, libro 1189, ff. 1r. – 298r.] // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti Tomo II. Madrid, 2005. P. 960 – 962.

⁴⁸⁰ Rodríguez Villa A. Etiquetas de la casa de Austria. Madrid, 1875. P. 175.

⁴⁸¹ За Советом Кастилии последовали Совет Арагона, Советы Индий, Орденов, Казначейств и городского совета.

отправились в Мадрид в торжественной процессии. Важно заметить, что Филипп IV всячески старался выказать гостю свое расположение, поэтому всегда подавал ему правую руку и предоставлял место справа. Сам факт того, что монарх лично прибыл за принцем, стал беспрецедентным для испанского двора. Даже во время встречи королевы король Испании всегда ожидал ее во дворце. Возможно, испанцы старались найти компромисс в непростой с точки зрения церемониала ситуации. Одновременное появление принца и короля при дворе избавляло от неловких ситуаций при встрече (первого снятия шляпы, взаимных поклонов и т.п.). Обычно перед официальной аудиенцией у короля за послом приезжал его главный майордом.⁴⁸² Учитывая высокий статус гостя, Филипп IV решил лично выполнить эту функцию, и тем самым выказать особое отношение к появлению принца Уэльского, его потенциального родственника, в Мадриде.

Торжественную процессию возглавляли трубачи и барабанщики, затем шли алькайд двора, капитан, дворяне, служащие при трапезе, государственные секретари, майордомы, гранды, гербовые короли, пажи и конюшие. Далее под балдахином на лошадях ехали принц Карл и король Филипп, позади на месте первого конюшего – граф Оливарес и герцог Бекингем, два ординарных и чрезвычайных английских посла и государственные советники. Испанская и немецкая гвардии шли двумя рядами (справа – испанская, слева – немецкая), а легкая конница замыкала эскорт Его Величества и Его Высочества.⁴⁸³ В процессию также были включены запасные лошади, карета короля на случай необходимости и другие кареты. В источниках мы не встречаем упоминаний о том, что в этом торжественном въезде принимали участие иностранные послы, которые участвовали в подобных процессиях при входе короля в город. Скорее всего, они могли общаться с принцем только после его официального появления

⁴⁸² *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562...* P. 965.

⁴⁸³ *Ibid.* P. 961.

при дворе, чтобы не компрометировать себя и правителей, которых они представляют.

Официальное появление Карла при испанском дворе соответствовало средневековой церемонии торжественного вступления государя в город, которая часто уподобляется в исторической литературе *adventus domini*.⁴⁸⁴ Эта церемония являлась универсальной формой общения властителей с подданными и символизировала мистический брак государя с городом и явление монарха как Спасителя.⁴⁸⁵ Сходные ожидания переносились с личности правителя и на некоторых других, сопоставимых с ним по значимости. Появление английского наследника при испанском дворе было важным событием, поэтому Карл удостоился наивысшей чести. Город, в данном случае Мадрид, воспринимался как невеста, а входящий в него Карл был женихом, только не для всей общины испанских подданных, как Филипп IV, но лишь для инфанты Марии. Появление английского принца сулило «надежды на процветание».⁴⁸⁶

При входе в город принца и короля встретили представители городского совета и жители города. Процессия направилась через центральную площадь Пуэрта-дель-Соль по главной улице к Алькасару, который находился на западном краю города. Путь Карла в Мадриде был практически идентичным пути испанского короля при въезде в город. Однако важно заметить, что, так как принц был протестантом, испанцы посчитали традиционную остановку у церкви Святой Марии, в которой проходила

⁴⁸⁴ Kantorovicz E.H. *The king's Two Bodies. A Study in Medieval political Theology*. Princeton. 1957; 2nd ed. – 1981; Bryant L.M. *The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony*. Geneva. 1986; Muir E. *Ritual in Early Modern Europe*. Cambridge, N.Y., 1997; Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006; Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; Дмитриева О.В. Корона и парламент: политика ритуала // Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021. С. 113 – 215.

⁴⁸⁵ Бойцов М.А. Указ. соч. С. 38.

⁴⁸⁶ «Он [Карл] поразил целые нации и возбудил надежды людей на процветание». – Almansa-y-Mendoza A. *A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г.* // *A collection...* P. 541.

церемония, подтверждавшая приверженность испанского короля католической вере, неуместной.⁴⁸⁷ Тем не менее, все улицы по традиции были роскошно украшены дорогими тканями, коврами и цветами в стремлении уподобить город невесте, встречающей своего жениха. По пути процессии выступали лучшие танцоры и музыканты. В Мадриде царила атмосфера настоящего праздника и три вечера подряд в честь принца устраивали фейерверки.

Был соблюден и традиционный для Европы обряд освобождения заключенных в честь въезда короля в город. В Германии и во Франции преступники-изгнанники и вовсе сопровождали входившего в город монарха. Эта традиция восходит еще к временам римских императоров, которые при въезде в город жаловали *abolitiones* (прощения). Помилование изгнанников представляло собой публичную демонстрацию столь важного качества правителя, как милосердие. Проявляя его, император воспроизводил божественное милосердие, поэтому ввод преступников становился яркой манифестацией власти.⁴⁸⁸ Церемонии помилования также знаменовали начало нового этапа – периода предполагаемого благополучия, которое может принести государству входящий правитель. Семантика обряда освобождения заключенных в случае с торжественным въездом Карла в Мадрид вполне встраивается в общепринятые представления. Милосердный принц нес в Испанию благополучие, потому что брачный союз должен был способствовать установлению мира между христианами. Именно поэтому из тюрем освободили более 350 заключённых, часть из которых была протестантами.

Вечером, около половины седьмого, «когда вся компания прибыла во дворец, принц сразу же направился вместе с королем поцеловать руку

⁴⁸⁷ Redworth G. The prince and the Infanta...P. 86.

⁴⁸⁸ Бойцов М.А. Указ. соч... С. 66.

королеве»⁴⁸⁹, которая уже ожидала гостя у дверей своей гостиной. Поприветствовав друг друга, все трое вошли в комнату, в которой стояли три кресла под балдахином. Присутствие балдахина над королевским местом имело сакральное значение и символизировало покровительство высших сил монарху, а в данном случае и принцу. В центре сидела королева, по правую руку от нее – принц, а по левую – король. Подобное расположение в очередной раз доказывает особое почтение к фигуре Карла и восприятие его как равного, так как он был удостоен места с правой стороны от короля и королевы. Аудиенция длилась около получаса, переводчиком Карла на ней был английский резидентный посол Джон Дигби.

Мы видим, что вслед за торжественным въездом в Мадрид сразу последовала первая официальная аудиенция, в ходе которой Карл воспринимался как равный по статусу. Торжественный въезд и первая аудиенция послов и знатных гостей обычно разделялись на несколько церемоний: послы после появления в городе размещались в выделенной резиденции и только спустя несколько дней или недель главный майордом короля отправлялся сообщить об аудиенции. Дорога до королевского дворца вновь сопровождалась пышной процессией.⁴⁹⁰ Скорее всего, объединение двух церемоний было обусловлено тем, что принца Карла разместили в королевском Алькасаре, который стал для него резиденцией и местом первой официальной аудиенции с королем и королевой. В связи с соединением двух церемоний и изначальным прибытием принца «инкогнито» английская сторона не преподнесла на первой аудиенции никаких ценных даров. Обмен дарами был перенесен на конец переговоров (о церемониале вручения даров см. пункт 3.2.).

⁴⁸⁹ Венецианский посол в Испании Альвизе Корнер – дожу и сенату, 28 марта 1623 г. // *Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice...* [accessed 25 July 2023].

⁴⁹⁰ Примером разделения торжественного въезда и первой аудиенции является прибытие в Вальядолид адмирала Ноттингема и английского посла Чарльза Корнуоллиса в 1605 г., которые по прибытии в Вальядолид 16 мая оказались на аудиенции короля Филиппа III спустя несколько дней, 18 мая. Прибытие во дворец предвлялось роскошной процессией.

Завершив встречу, Его Величество лично провел принца в отведенные ему покои, которые находились внизу с окнами на юг и с видом на сад королевы. По пути в покои Его Величество и принц встретили инфантов Дона Карлоса и Дона Фернандо, которые поприветствовали принца и тоже выразили желание проводить его.⁴⁹¹ Так началась жизнь английского принца при испанском дворе. Филипп IV выделил шестнадцать человек из своих личных слуг для принца и назначил главным майордомом при Карле испанского дворянина из дома де Суньига, шестого графа де Монтеррей, который с 1622 г. занимал должность президента Совета по делам Италии.

Принц Карл приобрел новый для себя опыт – участие в большой королевской процессии. Его отец, Яков Стюарт, не любил такого рода шествия, так как не привык к ним и чувствовал дискомфорт при взаимодействии с толпой.⁴⁹² Организация процессий стоила больших денег и предполагала активное участие аристократии. Однако, монархи из дома Стюартов в первой четверти XVII в. больше стремились к созданию определенной дистанции между ними и подданными, очерчиванию личного пространства, нежели к публичности.⁴⁹³ В Испании принц стал участником настоящего торжественного въезда в город, тем не менее, эта практика не отразилась на его восприятии процессий. В будущем, как и отец, он будет редко прибегать к этой форме репрезентации власти.

2.4. Участие принца Карла в публичных обедах испанского двора

Одним из важных элементов репрезентации власти государя был парадный обед. Все церемонии были направлены на то, чтобы привлечь внимание обитателей двора к монарху как к его центру. Значение и ход публичного обеда в странах Европы в разные эпохи хорошо осмыслены в

⁴⁹¹ Recivimiento de príncipe soberano extranjero que viene a esta corte... P. 961.

⁴⁹² Smuts R.M. Public ceremony and royal charisma: the English royal entry in London, 1485 – 1642 // The First Modern Society. Essays in English History in Honor of Lawrence Stone. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 84.

⁴⁹³ Ibid. P. 87.

зарубежной и отечественной историографии.⁴⁹⁴ Однако некоторые проблемы все еще стоят перед исследователями, и в том числе церемония публичного обеда при испанском дворе во время приема гостей высокого статуса.

К началу XVII в. значение обеда в формировании образа сильного и влиятельного правителя усиливалось. Соответственно в Испании торжественные обеды и ужины были разработаны так, чтобы произвести впечатление на гостей и подчеркнуть величие государя.⁴⁹⁵ Изобилие и изысканность подаваемых блюд были призваны продемонстрировать щедрость и богатство короля. Нормы этикета, касавшиеся приема пищи неоднократно копировались для использования дворцовыми служащими и сохранялись без существенных изменений с XVI по XVIII век.⁴⁹⁶ Этикет банкетов был самым негибким в повседневной жизни двора, так как в сервировке королевского стола были сохранены самые чистые и традиционные бургундские формы.⁴⁹⁷ Однако если в Бургундии герцог и его супруга часто ели публично, в Испании монархи проводили официальные обеды только по особым случаям. Например, Филипп II в конце своего правления редко участвовал в публичных трапезах. Филипп IV наиболее

⁴⁹⁴ Дмитриева О.В. Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевском застолье Елизаветинской Англии // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1999. С. 85 – 91; Польская С.А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда* / под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Алетейя, 2001. С. 235 – 245; Меднис С.С. «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2020. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-sfer-reglament-koronatsionnogo-pira-elizavety-tyudor> [дата обращения 22.09.2023]; Шишкин В. В. Церемониал двора королевы Франции в эпоху Возрождения // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseremonial-dvora-korolevy-frantsii-v-epohu-vozrozhdeniya> [дата обращения: 19.09.2023]; Normore Ch. A Feast for the Eyes: Art, Performance, and the Late Medieval Banquet. Chicago: University of Chicago Press, 2015; Teatro, fiesta y ritual en España y sus virreinos americanos (siglos XVI - XVII) // *Rilce. Revista de Filología Hispánica* / Ed. by M. Zugasti. Vol. 32.3. Pamplona, 2016.

⁴⁹⁵ Noel C.H. La etiqueta borgoñona en la Corte de España (1547-1800) // *Manuscripts*, 22. 2004. P. 152.

⁴⁹⁶ *Ibid.* P. 153.

⁴⁹⁷ Оливье де Ла Марш. Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый...С. 88 – 117.

решительно придерживался этикета во всей его строгости, потому что видел в нем опору власти Габсбургов, источник порядка и силы. Тем не менее, даже он не проводил публичных обедов чаще раза в неделю. В отличие от французского короля, король Испании в основном обедал в одиночестве. Ему прислуживало около 20 слуг, и обед проходил в молчании даже в присутствии королевы.⁴⁹⁸

Публичный обед при испанском дворе проводился только по особым случаям. Например, он обязательно проходил в дни главных католических праздников – на Рождество, Пасху, Пятидесятницу и в день Всех Святых. В других случаях король обедал со своими подданными только в честь свадьбы дамы из окружения королевы, встречи с рыцарями ордена Золотого руна в день Святого Андрея и ежегодной наследственной привилегии графа де Рибадео.⁴⁹⁹

Процедура обеда была строго регламентирована: смотритель покоев (apresentador) ждал, когда его повелитель сядет за отдельный стол. После того, как прелат самого высокого ранга, служивший при дворе, благословлял пищу, король садился, рядом с ним стоял дежурный майордом с жезлом в руке (знаком достоинства).⁵⁰⁰ Король сидел в кресле, а его подданные – на скамьях. Блюда им подавали лица высокого ранга – так называемые «дворяне при трапезе», которые принадлежали к знатым семьям. Им помогали дюжина или более служителей кладовой, кухни и винного погреба. Действия стольничего, раздатчика хлеба (хлебодара) и виночерпия (кравчего) строго подчинялись протоколу. Когда король желал пить, виночерпий шел за кубком, и открывал его, чтобы показать врачу, присутствовавшему на королевской трапезе, затем в сопровождении двух служителей и привратника

⁴⁹⁸ Elliott J.H. The court of the Spanish Habsburg: a peculiar institution? // Politics and culture in early modern Europe. Essays in Honor of H.G. Koenigsberger / Ed. by P. Mack and M.C. Jacob. Cambridge, 1987. P. 13.

⁴⁹⁹ Noel C.H. Op. cit. P. 154.

⁵⁰⁰ Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века / перевод Т.А. Михайлова. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 34

дворца относил его королю и опускался на колени, передавая его монарху. Когда повелитель выпивал вино, пустой кубок возвращали на сервант, а раздатчик хлеба приносил салфетку, которой король вытирал губы. Похожая церемония сопровождала подачу каждого блюда под контролем главного майордома из числа грандов. Повар королевской столовой имел право присутствовать прямо у двери в зал, в котором обедал его господин. По завершении трапезы и после того, как королевский духовник воздавал благодарение Богу, подходил стольничий, чтобы убрать крошки, которые могли упасть на одежду короля.⁵⁰¹ На коленях придворные подносили ему полотенце и рукомойный гарнитур.

Испанская придворная культура и бургундский этикет обеспечивали систему, призванную способствовать благополучию короля и дисциплине при дворе. Хотя монархи часто избегали строгости публичной трапезы, они предпочитали не отказываться от этого обряда полностью. Трапеза была реализацией социальной иерархии и важнейшей политической демонстрацией власти короля, так как в публичном обеде принимали участие высшие должностные лица двора. Монарх был центром действий, поэтому сидел за отдельным столом. Инфанты во время торжественной церемонии имели право в присутствии короля и королевы сидеть в кресле, обитом более скромной материей, однако за одним столом с ними они сидели лишь в семейном кругу, но никак не на публике.⁵⁰²

Программа пребывания Карла в Мадриде предполагала посещение публичных обедов. Английский принц удостоился места по правую руку от короля. Совершенно точно известно, что он присутствовал на пасхальном торжественном обеде, где и ему прислуживал граф де Пуэбла как главный

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Сердов Д.Ю. Этикет как средство управления двором во Франции и Испании в XVI–XVII вв. // Сетевой научный журнал «Administrative Consulting». № 2(12). СПб: СЗИУ РАНХиГС, 2020. С. 33.

распорядитель торжества (master of the feast) и майордом.⁵⁰³ Несмотря на то, что в источниках мы имеем лишь упоминания об участии Карла в публичных обедах, это не преуменьшает значения этого факта.

Несмотря на то, что принц был вдали от дома, он планировал отмечать в Испании один из главных праздников английского двора – день Святого Георгия, покровителя высшего рыцарского ордена Англии, а затем и Великобритании – Ордена Подвязки.⁵⁰⁴ Внимание к празднику этого святого могло продемонстрировать испанцам английские национальные традиции и было одним из способов личной репрезентации английского принца. Важность праздника для англичан подчеркивалась тем, что Яков I заранее продумал возможное празднование в столице Испании.⁵⁰⁵ Он отправил принцу парадные облачения и атрибуты Ордена, чтобы показать приверженность англичан духу рыцарства и куртуазности. Празднование дня Святого Георгия в мадридском Алькасаре могло подчеркнуть давнюю связь между английским и испанским дворами, так как дед Филиппа IV, Филипп II

⁵⁰³ Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments, lately giuen to the most illustrious Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the high and mighty Philip the fourth King of Spaine, &c. At the feasts of Easter and Pentecost. Translated out of the Spanish originals printed at Madrid. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18907.0001.001/1:3.4?rgn=div2;view=fulltext> [accessed 14 September 2023].

⁵⁰⁴ Ashmole E. The History of the Most Noble Order of the Garter. L., 1726; Anstis J. The Register of the Most Noble Order of the Garter. London, 1724; Beltz G. Memorials of the most noble Order of the Garter. London, 1841; Nicholas H. N. History of the orders of knighthood of the British Empire. London, 1842; Milner J. D. The Order of the Garter in the Reign of Henry VI, 1422 – 1461. Manchester, 1972; Vale J. Edward III and Chivalry Chivalric Society and its Context, 1270-1350. Woodbridge, 1982; Gillespie J. Richard II's knights chivalry and patronage // Journal of Medieval History. 1987. Vol. 13. №2. P. 143 – 159; Begent P. J., Chesshyre H. The Most Noble Order of the Garter. 650 Years. London, 1999; Collins H. The Order of the Garter, 1348-1461: chivalry and politics in late medieval England. Oxford, 2000. Из более современных отечественных работ стоит выделить: Калмыкова Е.В. Самый куртуазный орден // Мир истории: N. 5. С. 44 – 49. М., 2001; Кирьянова Е.А. Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 69 (4). М., 2008. С. 92 – 119; Домнина Е.Г. Англия и герцогство Урбино в 1474 – 1509 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. Вып. 66. М., 2005; Моисеев И.Г. Орден Подвязки в конце XVI – начале XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011;

⁵⁰⁵ Король Яков I – принцу Карлу и герцогу Бекингему, 17 марта 1623 // Letters of King James VI and I / Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. 1984. Berkley etc.: Univ. of California press. P. 397.

был рыцарем ордена.⁵⁰⁶ Разумеется, Карл не мог проводить процессию рыцарей ордена, однако банкет в торжественных одеждах с инсигниями мог состояться и в Мадриде. В день Святого Георгия принц и герцог предстали при дворе как кавалеры самого престижного английского ордена. Тем более, что еще со времен Генриха VIII было установлено обязательное ежегодное празднование этого дня всеми рыцарями, даже находящимися вдали от английского двора.⁵⁰⁷ Рыцарь должен был облачиться в одежды Ордена и соблюсти церемонии, принятые при дворе. Следование традиции подразумевало демонстрацию истинного рыцарского достоинства и ценностей Ордена в отдаленных частях королевства и даже за его пределами. Этому закону остался верен и принц Карл, показав свой статус кавалера Ордена при испанском дворе.

Вероятно, англичане заранее выразили свое желание провести публичный обед в этот день, чтобы продемонстрировать элемент английской придворной культуры. Более того, Яков на корабле «Adventure» («Путешествие») отправил принцу и герцогу⁵⁰⁸ ювелирные украшения, которые должны были придать им облик, соответствующий статусу. В письме от 11 марта 1623 г. Яков писал: «...я выбрал ювелирные изделия, которые отправляю вам. Часть из них моему мальчику стоит подарить его госпоже, другую же часть, из самых лучших, ему следует надеть самому, а также некоторые из лучших одолжить моему второму сыну [Бекингеу]»⁵⁰⁹. Из личной коллекции Карла король переслал принцу «круглую брошь из бриллиантов и треугольный бриллиант с большой круглой жемчужиной»⁵¹⁰.

⁵⁰⁶ Strong R. Saint George for England: the Order of the Garter // The cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and Pageantry. London: Thames & Hudson, 1977. P. 166.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 174.

⁵⁰⁸ Яков отправил своему фавориту герцогу Бекингеу чистый огранённый бриллиант и жемчужину в форме капли, которую полагалось носить на шляпе. Из коллекции самого Бекингема король отправил три бриллианта, привезённые из Турции английским послом в Константинополе Полом Пиндаром.

⁵⁰⁹ Король Яков I – принцу Карлу и герцогу Бекингеу, 11 марта 1623 // Letters of King James VI and I ...P. 394.

⁵¹⁰ Ibid. P. 398.

Из собственной сокровищницы Яков отправил принцу два знаменитых украшения: подвеску «Три брата» и алмаз «Зерцало Франции».

«Три брата» – ювелирное украшение, созданное в XIV в. парижским ювелиром Жерменом Руисселем. Подвеска состояла из трёх прямоугольных рубинов по 70 карат каждый, образовывавших треугольник. Каждый рубин обрамляли жемчужины по 18-20 карат. В центре треугольника располагался тёмно-синий бриллиант весом 30 карат, имевший форму пирамиды или октаэдра.⁵¹¹ Эта подвеска долгое время была частью драгоценностей бургундской короны. После разгрома бургундцев швейцарскими войсками при Грансоне 2 марта 1476 г. вместе с другими драгоценностями подвеска перешла в руки магистратов Базеля.⁵¹² В 1504 г. её выкупил немецкий банкир Якоб Фуггер. Вскоре началась сделка по продаже украшения английскому королю Генриху VIII. Официально «Три брата» были проданы после смерти Генриха его сыну Эдуарду VI в мае 1551 г. и стали частью драгоценностей короны Англии. Впоследствии украшение часто носила королева Елизавета, она изображена с ним на «Портрете с горностаем» Уильяма Сегара. Яков I тоже изображён на некоторых портретах с этой подвеской, он предпочитал носить её в качестве украшения для шляпы. В 1606 г. «Три брата» были внесены в реестр неотчуждаемых драгоценностей английской короны. К отправке принцу в Испанию подвеска была поновлена, так как перед испанским двором наследник английского престола должен был предстать во всём великолепии. Королевский ювелир Джордж Хериот четверо суток трудился над выбранными для поездки украшениями. На тот момент подвеска оценивалась в семь тысяч фунтов стерлингов.

Бриллиант «Зерцало Франции», «собрат португальского алмаза»⁵¹³ Яков советовал Карлу «носить на шляпе с маленьким чёрным пером»⁵¹⁴. Это

⁵¹¹ Evans J.A. History of jewelry 1100 – 1870. L., 1953. P. 76.

⁵¹² Strong R. Three royal jewels: the Three Brothers, the Mirror of Great Britain and the Feather // The Burlington Magazine. Vol. 108. No. 760. Jul., 1966. P. 350.

⁵¹³ Имеется в виду бриллиант «Зерцало Португалии», который также был отправлен Карлу в Испанию, как это отмечается в работах, посвящённых знаменитым алмазам. Известно,

украшение можно увидеть на одном из самых ранних портретов королевы Елизаветы, который датируется 1558 г. и принадлежит кисти неизвестного художника. Крупный драгоценный камень на груди королевы, приковывающий взгляд зрителя, и есть «Зерцало Франции», бриллиант, который достался Елизавете от отца. Направив Карлу государственные сокровища, Яков демонстрировал историческое величие своего государства, его богатство и авторитет. Принц выглядел подобающе своему статусу и церемониалу испанского двора.

Известно, что 23 апреля при дворе Филиппа IV прошел публичный обед, на котором Карл и Бекингем были в торжественных одеждах Ордена и выглядели блистательно в своих драгоценностях. На обеде им прислуживали исключительно англичане.⁵¹⁵ В другие дни принцу служили только испанские подданные, которых король любезно предоставил ему в качестве слуг. На публичном обеде присутствовал король, его майордом и испанские гранды. Двор проявил уважение к почитанию англичанами дня Святого

что бриллиант «Зерцало Португалии» принадлежал дону Антонио, который провозгласил себя королём Португалии после пресечения Ависской династии. Филипп II испанский, претендовавший на корону Португалии, начал войну с доном Антонио, в которой последний проиграл и бежал в Англию в надежде на помощь королевы Елизаветы. Дон Антонио бежал с драгоценностями, среди которых было и «Зерцало Португалии». Королева Елизавета оказала ему помощь – отправила флот к Лиссабону в 1589 г., однако экспедиция не удалась. Королева, посчитав, что сделала достаточно, забрала португальские украшения в качестве платы за услугу. Так «Зерцало Португалии» перешло к английской короне. Считается, что, выбирая драгоценности для отправки принцу Карлу в Мадрид, Яков I направил в Испанию и это украшение. Бриллиант был вставлен в оправу с крупной жемчужиной в виде кулона. Однако эта драгоценность не была подарена кому-либо при испанском дворе. Более того, позднее им владела Генриетта Мария, французская принцесса, ставшая женой короля Карла. Во время английской революции Генриетта Мария продала бриллиант герцогу Эпернону, а тот – кардиналу Мазарини. Бриллиант «Зерцало Португалии» пополнил коллекцию кардинала и стал именоваться «Мазарини №3». Кардинал завещал бриллиант французской короне. К тому времени он весил 25 и 3/8 карата и оценивался в 150 000 ливров. В наших источниках среди даров или личных украшений принца не упоминается бриллиант «Зерцало Португалии». Тем не менее, сравнение с ним говорит об известности этого украшения и его принадлежности английской короне в начале XVII в.

⁵¹⁴ Король Яков I – принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 17 марта 1623 // *Letters of King James VI...* 1984. P. 398.

⁵¹⁵ Howell J. *Epistolae Ho-Eliaanae: The Familiar Letters of James Howell*. Vol. 1. London, 1903. P. 135.

Георгия, тем более, что прецеденты празднования в английском духе в Испании уже случались. Когда в апреле 1605 г. в Ла-Корунью прибыла делегация адмирала Ноттингема, англичанам также было позволено широко отпраздновать день Святого Георгия. Как и в случае с Карлом, адмирал Ноттингем и посол Корнуолис дали публичный обед, на котором прислуживали только англичане, и все было сделано английский манер.⁵¹⁶

Публичный обед оставался узлом социальных связей, а также средством репрезентации статуса участников. Служить королю во время обеда было особой привилегией для дворян, так как они находились ближе всего к королю. Однако, вместе с тем подобная служба напоминала подданным высокого статуса о необходимости смирения перед монархом в знак признания его высшей королевской власти. Возможность для Карла присутствовать на обедах и сидеть по правую руку Филиппа IV демонстрировала восприятие принца как наследника английского престола и желанного жениха для инфанты Марии, достойного внимания почти равного королю.

2.5. Религиозные церемонии испанского двора

Принц-протестант прибыл в католическую Испанию, знаменитую строгостью своих религиозных устоев, в период Великого поста. В восприятии христиан в это время покаяние сменяется радостью от прихода мессии, а скорбь по распятому Христу перетекает в торжество вечной жизни над смертью. Традиционные католические ритуалы как нельзя точно и ярко передавали эти идеи. Карл стал свидетелем самых эффектных процессий и праздников, в которых участвовала королевская семья и лично король Филипп. Английский принц приобрел новый для себя опыт: он увидел общенародные гуляния, в которых принимал участие сам король. Подобного он не встречал в Англии, так как его отец, король Яков, больше

⁵¹⁶ Treswell R. A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham...

дистанцировался от народа, не любил официальных выездов и стремился к демонстрации своего величия в основном внутри двора.⁵¹⁷ В Испании Карл столкнулся с театрализацией религиозной жизни – пышность и роскошь, яркие процессии, использование изображений мифических существ во время религиозных праздников могли показаться принцу языческими атрибутами. В данном разделе нас интересует, какие религиозные церемонии мог видеть принц при испанском дворе и что могло его удивить, на каких торжествах он присутствовал, а от каких отказывался. Религиозные церемонии должны были стать для Карла самым сложным аспектом пребывания при испанском дворе, так как принцу приходилось тщательно обдумывать свои действия, чтобы не скомпрометировать себя как протестанта, и вместе с тем проявить уважение к религии хозяев.

Церемонии и процессии Страстной седмицы

Первым праздником с пышной церемонией, свидетелем которого стал принц Карл – Вход Господень в Иерусалим, который в тот год отмечался 30 марта. В воскресный день после торжественной мессы, на которой присутствовали члены королевской семьи, послы католических государств и гранды, из церкви выходила большая процессия и шла по части дворца во главе с королем.⁵¹⁸ Как известно из сообщения графа Бристоля, принц втайне наблюдал за происходящим, находясь во дворце.⁵¹⁹ В этот день Карл передал своему майордому 1000 фунтов, которые он приказал раздать на Страстной неделе в качестве милостыни заключенным и другим беднякам Мадрида. Несмотря на то, что сам принц не участвовал в католических мессах и процессиях, он старался найти точки соприкосновения христианских традиций и проявить интерес к происходящему при испанском дворе.

Страстная седмица была наполнена традиционными процессиями и церемониями, которые были доступны Карлу только как наблюдателю. В эти

⁵¹⁷ Muir E. Ritual in Early Modern Europe. Cambridge, N.Y., 1997. P. 271.

⁵¹⁸ Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562...P. 935.

⁵¹⁹ Bristol's Journal...P. 76.

дни по всей Испании ежедневно совершалось множество религиозных процессий. В них, соблюдая иерархию, следовали сначала представители власти; за ними несли «pasos» (разноцветные скульптурные группы, изображавшие сцены Страстей Христовых), позади каждого paso шло братство, хранившее статую; они держали хоругви и кресты, окутанные черной траурной материей.⁵²⁰

Принц наблюдал за окормлением бедных и омовением их ног в Великий четверг, символизировавших Тайную Вечерю и омовение ног апостолов самим Христом. Король воспринимался как Христос, который со смирением и любовью снизошел до самых больших грешников. Заранее выбирались тридцать бедняков, которых за неделю до церемонии проверял придворный медик. Смотритель дворца и человек, распределяющий милостыню (*limosnero mayor*), предварительно омывали ноги выбранным беднякам, и только потом тех допускали до короля.⁵²¹ После Причастия Его Величество выходил из церкви и с процессией шел до притвора. Дьякон читал Евангелие, король снимал накидку, шпагу и шляпу, брал полотенце и приступал к омовению ног.⁵²² В притворе также стояли накрытые для бедняков столы с едой и напитками. Длинный стол был украшен цветами, хлеб, который подавали беднякам, был тем же, что и на королевской трапезе, вино было в изобилии. Гостям было разрешено взять с собой использованные солонки и посуду, новую одежду и сумку с монетами, подаренную им одним из королевских капелланов.⁵²³ Его Величество лично прислуживал беднякам, накладывая и раздавая им угощения. Король демонстрировал величайшее смирение и верность католическим традициям. Ему помогали многие из тех же дворян, которые прислуживали при обеде короля, майордомы и медики. После традиционных церемоний в качестве единственного приема пищи в

⁵²⁰ Дефурно М. Указ. соч. С. 71.

⁵²¹ *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562...* P. 936.

⁵²² Kleber Monod P. *The power of kings. Monarchy and religion in Europe, 1589 – 1715.* New Heaven, 1999. P. 136.

⁵²³ Noel C.H. *Op. cit.* P. 156.

этот день для короля была предусмотрена трапеза в Алькасаре. Важно заметить, что сходная процедура существовала и в Англии, однако она состояла, прежде всего, из раздачи милостыни (маунди – «maundy») и омовения ног избранных бедняков монархом⁵²⁴. Еще Елизавета Тюдор в Чистый четверг совершала ритуальное омовение ног по примеру самого Христа. Однако существенной особенностью этой церемонии во времена Елизаветы было то, что она омывала ноги такому количеству бедных женщин, которому соответствовало числу ее лет.⁵²⁵ После этого каждая из бедных женщин получала кусок сукна на платье, пару туфель, еду, стакан вина и кошелек с медными монетами. Возможно, в Испании церемония проходила более торжественно, но она была хорошо знакома Карлу и была общим символом подлинного смирения и благочестия монарха, объединявшим католиков и протестантов.

Великая пятница Тихой (Страстной) недели – самый скорбный день христианского календаря, день распятия, смерти и погребения Иисуса Христа. Это время особой печали и покаяния. Первую половину дня Страстной пятницы Филипп IV провел, слушая проповеди и предаваясь благочестивой молитве, а ближе к вечеру, начинался большой крестный ход, включавший 14 «стояний», символизирующий путь Христа на Голгофу. Священнослужители облачались в одежды красных оттенков, чтобы совершить богослужение Крестного пути Христа. На это время графу Оливаресу, графу Монтеррею и нескольким другим членам Государственного совета было поручено быть с принцем и вместе с ним смотреть на процессию из окон дворца.⁵²⁶ В Крестном пути участвовали монахи нищенствующих орденов, которые надевали на себя цепи и терновые

⁵²⁴ Эта традиция продолжалась до смерти короля Якова II, до сегодняшнего дня она сохранилась в виде раздачи «великопостной милостыни». Каждый из тех, кто получает подарок от монарха в Чистый Четверг – это специально приглашенный человек, имеющий множество заслуг перед страной и обществом. Все приглашенные – пожилые люди, находящиеся на пенсии.

⁵²⁵ Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. М., 2012. С. 182.

⁵²⁶ Bristol's Journal...P. 77.

венцы, чтобы показать страдания Христа и прочувствовать их на себе. Карлу стремились продемонстрировать мир католической набожности, поэтому всячески подчеркивали традиционные религиозные церемонии, чтобы подтолкнуть принца к принятию католичества.

Лично Карл ни разу не бывал на католических мессах и не участвовал в процессиях в качестве почетного гостя, потому что, будучи принцем Уэльским, принадлежавшим к англиканской церкви, не хотел дискредитировать собственную веру, своего отца и страну. Тем более, что ему было запрещено открыто совершать религиозные обряды во дворце испанского короля. Он мог делать это только приватно в доме английского посла, графа Бристоля.⁵²⁷ По всей видимости, это было сделано для того, чтобы у принца было меньше возможностей сохранить свое вероисповедание и больше шансов воспринять католичество. Из сообщения Франсиско де Хесуса, монаха ордена кармелитов и придворного биографа испанских королей Филиппа III и Филиппа IV, известно, что в покоях короля с принцем проводились беседы о католической вере в присутствии герцога Бекингема и графа Оливареса.⁵²⁸ С Карлом говорили духовник короля, монах Захариас Боверио де Салюццо, Диего де Кирога, Педро де Балбастро. Граф Оливарес уверял принца, что цель встречи состоит в том, чтобы «пролить свет на истины нашей святой религии, о которой Его Высочеству ничего не было известно».⁵²⁹ Беседа шла на французском языке. Отец Захариас решил истолковать принцу отрывок из Евангелия, где Господь обращается к Петру: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк. 22:31). Монах, скорее всего, пытался сравнить

⁵²⁷ «Во дворце ему не разрешается исповедовать свою религию, для чего он должен тайно отправиться в дом посла, хотя он еще не сделал этого». – Из письма венецианского посла в Испании Альвизе Корнера от 28 апреля 1623 г. // *Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice...*

⁵²⁸ El hecho de los tratados del matrimonio...P. 211.

⁵²⁹ Ibid.

самого Карла с апостолом Петром, так как тот тоже отрекся от Христа. Идеи о греховности протестантской церкви и необходимости возвращения принца, а вместе с ним и всей Англии, в лоно католичества были искусно подчеркнуты через обращение к словам Господа. Подобные разговоры явно не снискали у Карла расположения, поэтому другие предложения о беседах были отклонены герцогом Бекингемом с согласия принца.

Суббота считалась днем тишины и ожидания Воскресения Христова. Принц в этот день провел все утро один, а во второй половине дня хотел пожелать счастливой Пасхи королю, как это принято при испанском дворе. На тот момент ему не позволили нарушать покой Филиппа и первым поздравлять его. Ближе к вечеру испанский король лично в сопровождении дона Карлоса и кардинала-инфанта Фернандо спустился в покои принца и первым поздравил его с наступающей Пасхой.

Пасхальные торжества и официальная встреча с инфантой

6 апреля наступил Пасхальный день, который король Филипп и его двор начали с торжественной праздничной мессы. Карл не присутствовал на мессе, но после нее присоединился к королю и королеве на публичном обеде. Позднее, около четырех часов дня принца отвели в покои Филиппа по тайной лестнице.⁵³⁰ Король уже ожидал его в компании своих советников и грандов. Принцу обещали, что в пасхальный день он сможет официально встретиться с инфантой.⁵³¹ Все вместе они направились в ту часть дворца, которая принадлежала королеве, где их уже ожидали королева Изабелла и инфанта Мария в окружении придворных дам. Король был одет в одежды пепельного цвета. Его грудь украшал орден Золотого руна, а шляпа была усыпана

⁵³⁰ Rodríguez Villa A. Op. cit. P. 188.

⁵³¹ «Поскольку принц начал уставать и выказывать некоторое негодование из-за того, что его не пустили повидаться с инфантой, в которую, по его признанию, он был глубоко влюблен, после долгих обсуждений было решено, что он отправится засвидетельствовать ей свое почтение на Пасху в сопровождении короля, всех вельмож и придворных». – Венецианский посол в Испании Альвизе Корнер – дожу и сенату, 23 апреля 1623 г. // Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice...

бриллиантами.⁵³² Карл предусмотрительно оделся в черный костюм по испанской моде, так как наверняка хотел угодить хозяевам. Однако он не забыл об английских традициях: по случаю большого праздника Карл надел атрибуты Ордена подвязки – инсигнию Святого Георгия и подвязку на левую ногу, а также украшения с алмазами. Следом за королем и принцем вошли герцог Бекингем, граф Оливарес, английские послы и представители Государственного совета. Королева, одетая в черное платье расшитое золотом, приветствовала гостей и приглашала пройти в комнату. В зале было четыре кресла под балдахином: два средних предназначались королеве и инфанте, по правую руку от королевы должен был сидеть принц, а по левую руку от инфанты – король.⁵³³ Королевские особы заняли свои места и начали официальную беседу. Обязанности переводчика принца выполнял Уолтер Эштон, ординарный английский посол.

Сначала Карл обратился к королеве с пожеланиями счастливой Пасхи и благодарностью за те милости, которые он получал от нее с момента своего прибытия ко двору. Затем принц обратился с поздравлениями к инфанте, уверяя Марию в том, что к испанскому двору его привела «великая дружба, существовавшая между Его католическим Величеством и королем, Его отцом». Он прибыл, чтобы «лично засвидетельствовать это и заверить, что у него такое же желание продолжать и приумножать добрые отношения между государствами, и что он очень рад возможности поцеловать руки Ее Высочества и предложить ей свои услуги»⁵³⁴. Венецианский посол в Испании Альвизе Корнер обратил особое внимание на встречу принца и инфанты в своем письме дожу и сенату. Он заметил, что инфанта отвечала доброжелательно, но достаточно формально.⁵³⁵ После короткой беседы Карл

⁵³² Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments...

⁵³³ Bristol's Journal...P. 77.

⁵³⁴ Ibid.

⁵³⁵ «Она ответила правильно, с предписанной ей точностью, несколькими формальными фразами». – Венецианский посол в Испании Альвизе Корнер – дожу и сенату, 23 апреля 1623 г. // Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice...

вернулся на свое место, «вновь сел рядом с королевой, обменявшись с ней несколькими короткими комплиментами, после чего король и принц встали и с большой учтивостью откланялись». Известно, что Карл произвел очень хорошее впечатление на придворных⁵³⁶, однако инфанта по-прежнему оставалась холодна к перспективе брака с протестантом. Испанцы сдержали обещание – принц был официально представлен инфанте. По испанскому этикету, ему можно было видеть инфанту только в присутствии короля или на публике. Однако эта первая встреча никак не ускорила переговоры. Скорее она виделась подарком для принца на католическую Пасху от королевской семьи.

Английский король надеялся, что у принца будет больше возможностей личного общения с инфантой. Во время встреч могут оказаться уместны знаки внимания как средство самопрезентации принца и символ того, что он ожидает благосклонности инфанты. Именно поэтому вместе с драгоценностями для принца и герцога Яков отправил подарки для нее. Приверженность христианской вере, а также, вероятно, своё мирное отношение к католицизму Яков демонстрировал, отправляя двойной Лотарингский крест (крест с двумя поперечинами), «не столько дорогой, сколько старинный».⁵³⁷ Интересным подарком для инфанты представляется зеркальце с изображением короля Якова. Такого рода миниатюрные портреты считались выражением личной дружбы. С XVI в. портреты в виде миниатюр стали популярным свадебным подарком, представляя жениха в стране невесты.⁵³⁸ Однако инфанта получила зеркало с изображением не

⁵³⁶ «И я уверяю вас, что во всем, что касалось принца, его поведение было настолько естественным и соответствовало его качествам и величию, что он сразу же дал испанцам повод восхищаться им, как, я нахожу, они обычно и делают». - *Bristol's Journal*...Р. 78.

⁵³⁷ Со времен Людовика I, герцога Анжуйского (1339–1384), этот крест, геральдический символ Лотарингии, ассоциировался с реликвиями Истинного Креста. Рене Анжуйский сделал шестиконечный крест личной эмблемой, а его внук, Рене II Лотарингский, в битве при Нанси против бургундского герцога Карла Смелого противопоставил Лотарингский крест Андреевскому.

⁵³⁸ Bischoff C. *Complicated exchanges: the handling of authorized and unauthorized gifts* // *The Court Historian: gift-giving in eighteenth-century courts*. Vol. 14. № 2. Boston, 2009. P. 137.

принца, а короля - возможно, таким способом Яков I хотел показать свои дружественные намерения, уверить инфанту, что желает видеть её при английском дворе. Этот дар носил неофициальный характер и был единственным подарком для инфанты именно от лица короля.

Лично от себя Карл мог преподнести два больших бриллианта, бриллиантовую подвеску, нить жемчуга, ожерелье из тринадцати великолепных рубинов-бале, привезённых из персидской провинции Бадахшан, а также головной убор с двадцатью двумя крупными каплевидными жемчужинами. «Ты должен подарить ей три замечательных грушевидных бриллианта в виде подвесок, самую большую из них ей следует носить для украшения причёски, а остальные две – как серьги для ушей»⁵³⁹, – указывал Яков в своём письме. Важно заметить, что король не упоминал о дарах Филиппу IV, королеве и придворным, акцентируя внимание на украшениях для инфанты, так как именно ради встречи с Марией и завоевания её сердца Карл отправился в Испанию. В письме король давал принцу совет: «не преподносите все украшения сразу, лучше дарите их в разное время. А лучше всего – самые редкие и дорогие оставьте напоследок»⁵⁴⁰. К сожалению, из источников сложно понять, одаривал ли принц инфанту на официальных встречах, однако достоверно известно, что Карл прислушался к совету отца и вручил самые дорогие подарки при отъезде.

Праздники в честь местночтимых Святых

Кроме предваряющих Пасху и пасхальных торжеств, принц был свидетелем праздников, посвящённых памяти особо чтимых святых Испании. Например, 1 мая праздновали день святого Иакова, покровителя королевства. Весь народ собрался за воротами Толедо, называемыми Эль-Сотильо.⁵⁴¹ Это

⁵³⁹ Король Яков I – принцу Карлу и герцогу Бекингеу, 17 марта 1623 // Letters of King James VI...1984. P. 397.

⁵⁴⁰ Ibid.

⁵⁴¹ Memoirs of Spain during the reigns of Philip IV and Charles II from 1621 to 1700 / Ed. by J. Dunlop. Vol. I. Edinburgh, 1834. P. 79.

был праздничный день, которого все ждали: женщины, чтобы надеть новый туалет, «кавалеры», чтобы проявить свою элегантность.⁵⁴² Сюда также часто наведывались многие представители высших сословий, чтобы присоединиться к забавам и быть частью народной культуры⁵⁴³. На это торжество король привез принца в своей карете вместе с герцогом Бекингом, графом Оливаресом и герцогом Инфантадо. Они высадились в роще на берегу ручья и некоторое время наблюдали за веселым сборищем людей, собравшихся на этот праздник. Карл был восхищен видом множества людей и бесконечным разнообразием костюмов.⁵⁴⁴

8 мая делегация англичан, прибывших в качестве слуг принца, видела чествование дня памяти святого Исидора Мадридского, который был канонизирован 12 марта 1622 г. и считался покровителем города. Житие Святого Исидора одному из прибывших к принцу англичан и автору подробного сообщения о поездке, Ричарду Уину, пересказал неизвестный иезуит⁵⁴⁵. Торжественная процессия шла до королевских ворот и состояла из 700 или 800 монахов из разных орденов, они шли парами и несли кресты. По ходу их пути выступали танцоры и трубачи, показывали представления, которые, как показалось Уину, плохо сочетались с религиозным характером праздника.⁵⁴⁶ Однако большинство людей падали на колени, когда процессия проходила мимо них, что свидетельствовало о большом почитании святого. Англичане и в том числе принц Карл, должны были заметить особое внимание к местным испанским святым. Память об их чудесах и

⁵⁴² Дефурно М. Указ. соч. С. 47.

⁵⁴³ Burke P. Popular culture in Early Modern Europe. New York, 1978.

⁵⁴⁴ Memoirs of Spain during the reigns of Philip IV...P. 79.

⁵⁴⁵ Исидор жил в Мадриде 400 лет назад. Он был добродетельным христианином и трудолюбивым работником, каждый день ходил в церковь - бросал работу и шел молиться, когда слышал звон колоколов. Считается, что пока Исидор был в церкви на поле ему помогал Ангел – брал плуг и пахал. После смерти Исидора по молитвам к нему было много чудес. Святой приобрел широкую известность, когда недавний король (предположительно Филипп III) заболел и смог исцелиться, приложившись ко гробу Святого. В благодарность за чудесное выздоровление король просил о канонизации Святого Исидора у Папы Григория XV.

⁵⁴⁶ Sir Richard Wynn's Account...P. 334.

подвигах была доказательством силы католической веры и духовной силы самой Испании.

Corpus Christi – чествование Евхаристии

В Испании была очень развита культура религиозных процессий в честь церковных праздников. Одно из самых ярких шествий наравне с процессиями Страстной недели проходило в Праздник Тела Господня (*Corpus Christi*) на шестидесятый день после Пасхи. Считается, что праздник возник в XIII в., когда одному священнику в Больсене было явлено чудо: он умолял Господа развеять сомнения в таинстве Евхаристии и тогда увидел, как на антиминсе в пяти местах выступила кровь соответственно пяти ранам Христа на кресте. Священное полотно стало важной реликвией, а папа Урбан IV 11 августа 1264 года учредил в честь чудесного события «Праздник Тела и Крови Христовых». Днем праздника был выбран именно четверг, когда Христос установил таинство Евхаристии на Тайной Вечере. Сутью праздника является чествование Евхаристии — Тела и Крови Иисуса Христа, под видами хлеба и вина, которые являются источником и главной составляющей христианской жизни. Бог, от которого отпали грешники, вновь заключает с ними союз и устанавливает кровную связь с человеком посредством Причастия. Отличительным моментом праздника является торжественная процессия со Святыми Дарами вокруг храма или по улицам города. Ее возглавляют священники, несущие дароносицу. Король уступает свое место во главе процессии «царю царей», поэтому идет в процессии позади Святых Даров.⁵⁴⁷ В этот день в Испании проходил своего рода

⁵⁴⁷ Los autos sacramentales en Palacio: algo más que una fiesta. *Corpus Christi Plays* (“autos sacramentales”) in the Royal Palace: Something More than Just a Festival // Teatro, fiesta y ritual en España y sus virreinos americanos (siglos XVI-XVII) Rilce. Revista de Filología Hispánica Número extraordinario monográfico 32.3 / Ed. Miguel Zugasti. Pamplona, 2016. P. 807.

блистательный христианский карнавал, которому было присуще соединение христианских и народно-фольклорных начал.⁵⁴⁸

В 1623 г. празднование выпало на 15 июня, и Карл, несомненно, застал это торжество. Corpus Christi всегда проходил в Испании очень ярко, но в этом году отмечался еще с большим блеском по приказу короля. Почти каждый дом в Мадриде был украшен тканями и коврами, а на балконах стояли цветы и картины. Преображались усеянные цветами мостовые, возводились временные триумфальные арки, алтари и помосты, на которых стояли скульптурные композиции. После мессы в личной часовне король двинулся вместе со своими вельможами и придворными в торжественной процессии.⁵⁴⁹ Во главе процессии шли барабанщики, трубачи и знаменосцы, затем сироты с зелеными ветками в руках. Далее следовали монахи (мерседарии, тринитарии, августинцы, францисканцы, доминиканцы) и представители духовно-рыцарских орденов Сантьяго, Калатравы и Алькантары. В золотом ларце четыре священнослужителя несли Святые Дары. Их окружали главные инквизиторы священной канцелярии и священники с чашами. Далее шли прихожане, королевские капелланы, прелаты, рехидоры, советники, духовенство, майордом короля, гранды и, наконец, сам Филипп IV в королевском одеянии со свечой в руках. За ним следовал кардинал-инфант дон Карлос. Длинный кортеж замыкали постоянные послы иностранных государств и королевская гвардия.⁵⁵⁰ Процессия отправилась из церкви Святой Марии в восемь утра и вернулась только в два часа дня. Карл наблюдал за происходящим с балкона вместе с королевой и инфантой.⁵⁵¹ Принцу явно демонстрировали великолепную пышность радостной католической веры, чтобы попытаться склонить его к принятию католичества.

⁵⁴⁸ Силунас В. Стиль жизни и стили искусства (испанский театр маньеризма и барокко). СПб., 2000. С. 384.

⁵⁴⁹ *Memoirs of Spain...* P. 79.

⁵⁵⁰ *Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562...* P. 936 – 939.

⁵⁵¹ *Memoirs of Spain...* P. 80.

Однако англичане видели великолепие этого праздника и ранее. Еще 30 мая 1605 г. делегация во главе с адмиралом Ноттингемом была поражена шествием в честь Corpus Christi, которое казалось им необычным из-за совмещения религиозных обрядов и образов мифологических героев. Например, из сообщения сэра Чарльза Корнуолиса, английского посла в Мадриде, известно, что наравне с образами святых в процессии несли картонные статуи великанов и карликов с огромными головами.⁵⁵² Действительно, важными атрибутами шествия становились необычные существа: гиганты символизировали известные на тот момент части Света – Европу, Азию, Африку и Америку, а гигантский дракон (тараска) был олицетворением силы хаоса и разрушения. На спину тараски сажали разодетых женщин, которые символизировали грехи – похоть, ересь и т.п. Процессия ярко визуализировала греховную составляющую человеческого мира, борьба с которой возможна только с помощью Святого Причастия. Символами Спасения служили композиции на носилках или повозках, изображающие Поклонение Волхвов, Тайную Вечерю, Снятие с Креста и т.д.⁵⁵³ Христианству и особенно католицизму в Испании было свойственно сближать богословие и художественное творчество.

После полудня в городах Испании начинались представления – «autos». «Ауто сакраменталь», то есть «священное действо», «действо о причастии» было кульминацией праздника Тела Господня, так как в нем наиболее ярко воплощается тема величайшей роли Евхаристии.⁵⁵⁴ В спектаклях ауто доминировал аллегорико-символический язык, некогда присущий средневековым мистериям и моралите. Ауто соприкасалось и соединялось с богослужением: в постановках звучала церковная музыка, порой священные

⁵⁵² Sir Charles Cornwallis to the Lords of the Cornwell. - Memorials of affairs of State in the Reign of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol. II. London, 1725. P. 71.

⁵⁵³ Силюнас В. Тайны сценического языка испанского классического театра. М., 2018. С. 56.

⁵⁵⁴ Он же. Стилъ жизни и стили искусства...С. 380.

действия дублировали эпизоды Литургии, а апофеозом было появление Чаши Причастия. Тем не менее, говорящие на едином символическом языке месса и ауто не были тождественны друг другу, так как в центре сценического действия оказывается не история Бога, а драматический удел человека.⁵⁵⁵

В Мадриде премьеры каждого из autos, подготовленных ко дню Тела Господня, давали в первую очередь перед королем, причем каждая театральная труппа должна была представить один или два спектакля. В XVI в. представления проходили перед церковью Святой Марии, однако в XVII в. они переместились на главную площадь города – Пласа Майор. В сопровождении кортежей из великанов и танцовщиков, повозки, покрытые дорогими попонами, прибывали, чтобы занять свое место перед Алькасаром, где напротив мест, предназначенных для правителя и придворных, сооружалась сцена.⁵⁵⁶ По завершении спектакля повозки направлялись к дому президента Совета Кастилии. Потом в различных местах города начинались представления, предназначенные специально для широкой публики. Изначально постановки оплачивались ремесленными цехами, а с середины XVI в. оказались под юрисдикцией городских Советов. Подготовка велась муниципальными властями: за постановкой ауто наблюдал столичный коррехидор или его заместитель и два рехидора, верховную власть представлял член Совета Кастилии – комиссар, суперинтендант или протектор.⁵⁵⁷

Отчасти праздник был похож на яркий маскарад, который привлекал внимание, но при этом скрывал глубокий духовный смысл, который не все понимали: шествие и autos посвящены прославлению Евхаристии. Это таинство приносило искупление и избавление от грехов и демонов, символами которых на шествии были великаны и драконы. Человек может победить дьявола и свою греховность только при помощи Евхаристии.

⁵⁵⁵ Он же. Тайны сценического языка...С. 72.

⁵⁵⁶ Дефурно М. Указ. соч. С. 83.

⁵⁵⁷ Силунас В. Стиль жизни и стили искусства...С. 406.

Corpus Christi в аллегорической форме напоминал о фундаментальных догмах католической религии. Благодаря постоянной ассимиляции дохристианского религиозного наследия и интеграции в церковную жизнь мифологических образов достигалась широчайшая универсализация христианской идеи.⁵⁵⁸ Однако важно заметить, что в странах с преимущественно протестантским населением участие в процессии в день Тела и Крови рассматривалось как акт публичного исповедания католической веры. Поэтому очевидно, что принц Карл не мог участвовать в подобном празднике лично. Тем не менее, ему показывали возможности католической церкви, радость истинной веры и единение с ней. Традиционная процессия в празднике Тела Господня носила отчетливо выраженный карнавальный характер с резким преобладанием телесного начала. Для католиков подобные визуальные выражения были символами внутренней, духовной реальности. Полнокровное существование обретали Грех и Невинность, Милосердие и Покаяние, Вина и Благодать – умственное превращалось в зримое.⁵⁵⁹

Нельзя сказать точно, как Карл воспринимал увиденные католические ритуалы и церемонии. Некоторые элементы были близки ему, как христианину, например, церемония омовения ног в Чистый четверг и пышное празднование Пасхи. Однако по большей части в Испании он увидел много особенностей, свойственных исключительно католичеству: особое внимание к местночтимым святым, религиозные процессии, соединение светских и духовных символов в празднике Тела и Крови Христовых. Эти особенности явно сильно отличались от того, что Карл привык видеть в Англии, и, несомненно, дали ему прочувствовать различия в духовном восприятии христианства католиками и протестантами, отделить «чужое» от «своего».

⁵⁵⁸ Аверинцев С.С. Христианская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 598.

⁵⁵⁹ Силунас В. Тайны сценического языка...С. 65.

2.6. Охота и другие светские развлечения королевского двора в Испании

Охота, представления, турниры и игры занимали досуг знатных аристократов и королевской семьи. Тем не менее, все придворные развлечения имели символический смысл, выраженный в особом внимании к фигуре короля. Монарх был самым умелым, самым быстрым и самым ловким как на охоте и корриде, так и в образах, представленных в театральных постановках. Все, что демонстрировалось английскому принцу при испанском дворе, говорило об особом положении монарха в Испании.

Охота

Одним из главных королевских развлечений была охота. Она представляла собой сложное ритуальное действие, происходившее в строгом соответствии с регламентом. Более того, охота всегда играла важную роль в репрезентации светской власти и входила в сценарий важных торжественных мероприятий, являясь частью политического и дипломатического этикета.⁵⁶⁰

Еще со времен классического средневековья охота приобрела большую популярность среди правителей и аристократии, так как была возможностью публично показать свою силу, проявить находчивость и мужество. Она стала знаком социального достоинства высших слоев общества. Около 1000 г. появляются первые книги об охоте на латинском языке – это были в основном небольшие учебники технического характера об уходе за охотничьими животными и птицами.⁵⁶¹ С XIII в. стали появляться трактаты и книги об искусстве охоты, которые оказали большое влияние на практику ее проведения при дворе.⁵⁶² Уже в XV в. действовали правила,

⁵⁶⁰ Палтусова И.Н. Королевская охота // Королевские игры. Западноевропейское оружие и доспехи позднего Ренессанса в собрании Исторического музея / Авт.-сост. А.А. Герасимова. М., 2016. С. 297.

⁵⁶¹ Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200-1250). М., 2008. С. 146.

⁵⁶² «Трактат о птицах» Аделарда Батского, «Искусство охоты» Уильяма Твитти, «Книга об искусстве соколиной охоты» Фридриха II Гогенштауфена, «Книга об охоте» Хуана Мануэля, «Книга об охоте на птиц» Педро Лопеса де Айала, «Книга соколиной охоты» Перо Менино, «Книга об охоте» Гастона Феба, графа де Фуа, «Книга о псовой охоте» Альфонсо XI, «Мастер дичи» Эдуарда Норвичского, первого герцога Йоркского и др.

согласно которым весь год делился на охотничьи сезоны. Например, в Англии и Франции «большие летние охоты» на оленей проводились с 14 июня по 14 сентября. После Пасхи охотились на косулю, с 14 сентября до 2 февраля – на кабанов, с 29 сентября до 2 февраля – на зайцев, с 8 сентября до 25 марта – на лисиц. Благородной добычей считались олени, лани, кабаны, а простой – косули, зайцы, лисы, куропатки, медведи. Среди правителей настоящими поклонниками и знатоками охоты были Максимилиан I Габсбург, герцог Бургундии и король Кастилии Филипп Красивый, король Франции Франциск I, король Англии Генрих VIII, Елизавета I и др. В хозяйстве каждого европейского двора существовала охотничья служба, в которую входили ловчие, сокольничие, егеря, псары и т.п.

Классическим способом охоты на копытных животных считалась загонная (немецкая) охота. Предварительно загонщики прочесывали большие лесные массивы и гнали дичь в «камеры». Целью охоты было выгнать из нее как можно больше зверей на охотников. Популярностью пользовалась и «парфорсная» травильная охота с гончими на оленя, кабана, зайца или лисицу. Суть – преследование животного до его изнеможения. Еще одним крайне популярным и престижным видом охоты была соколиная охота. Она появилась в Европе еще в эпоху Великого переселения народов и получила особое распространение среди норманнов. Однако окончательно соколиная охота сформировалась и утвердилась в общественной жизни благодаря Фридриху II Гогенштауфену и его «Книге об искусстве соколиной охоты».

Существовали фундаментальные различия между охотой с гончими и соколиной охотой. Охота на оленя, кабана и медведя включала в себя натравливание многочисленных гончих на одного противника, часто вне поля зрения участников, в то время как соколиная охота была единоборством на виду у всех.⁵⁶³ Потеря собаки могла снизить эффективность стаи, но не могла уничтожить ее, однако при исчезновении сокола вся кропотливая и

⁵⁶³ Cummins J. The Hound and the Hawk. The art of Medieval Hunting. New York, 1988. С. 9.

долгая работа сокольничего по дрессировке птицы теряла смысл. Самыми распространенными ловчими птицами были соколы и ястребы, выбор которых регулировался типом местности и желаемой добычей. Основные физические различия между этими двумя видами птиц заключаются в их крыльях и хвостах.⁵⁶⁴ Соколы имеют длинные узкие крылья и длинный заостренный хвост, поэтому чтобы убить дичь, они поднимаются высоко в небо, а затем пикируют на свою цель. Их скорость может достигать 200 миль в час. У ястребов более короткие, округлые крылья и более длинные хвосты, поэтому они на меньших высотах подлетают к своей цели, а затем используют ускорение и неожиданно для цели впираются в нее когтями. В результате внешних особенностей владельцы использовали соколов и ястребов для различных местностей: соколы применялись на открытых полях, а ястребы - на болотах и в лесах.

Популярность и символический характер охоты сохранился и в эпоху раннего Нового времени. Генрих VIII, Елизавета I, Яков I, Людовик XIII, Филипп III и его сын Филипп IV были большими любителями этого вида королевского досуга. Король Франции Людовик XIII был страстным любителем соколиной охоты и занимался ей почти каждый день. Английский король Яков I также был опытным охотником и значительную часть времени проводил в охотничьей резиденции в Ройстоне. Известно, что его любимым оружием для охоты на крупного зверя был арбалет. В 1604 г. он послал в подарок испанскому королю Филиппу III «два арбалета с колчаном и стрелами», а спустя десять лет снова отправил в подарок уже шесть арбалетов с золотой отделкой, два из которых находятся сейчас в Королевском арсенале в Мадриде.⁵⁶⁵

Что касается собственно Испании, то большее распространение там приобрела загонная охота – монтерия (Montería). Это одна из самых старых

⁵⁶⁴ Oggins R. S. *The Kings and Their Hawks: Falconry in Medieval England*. Yale University Press, 2004. P. 10.

⁵⁶⁵ Ефимов С.В. *Европейская охота и охотничье оружие в XVI – XVIII веках*. СПб, 2012. С. 44.

систем охоты, традиции и правила которой сформировались еще в XIII в. Монтерия – это загонная охота на оленя, кабана и, в некоторых случаях, на лань и муфлона, с использованием большого количества собак (несколько сотен). Зверей сначала «отжимают» к центру с периферии огромного загона, а затем в самую его середину направляют собак. Охота проводится на большом неогороженном участке, на определенных точках которого стоят стрелки. После охоты все ее участники собираются на совместную трапезу, а затем происходит торжественная церемония выкладки добытых зверей. Этот обряд включает в себя не только оказание публичного признания тем, кто оказался самым искусным в стрельбе, но и отдание почестей всем добытым животным.⁵⁶⁶

Охота часто становилась вдохновляющим сюжетом для придворных художников, в том числе и в Испании XVII в.⁵⁶⁷ Визуально представить загонную охоту можно благодаря картине знаменитого Диего Веласкеса «Филипп на кабаньей охоте» (1632-1637) и работе его ученика и зятя, Хуана Батиста Мартинеса дель Масо «Охота в загоне в Аранхуэсе» (1640). Наследников, королей и инфантов часто изображали в охотничьих одеждах с гончими. Например, известность приобрела серия портретов кисти Веласкеса, на которых он изобразил короля Филиппа IV (1633), его брата кардинала-инфанта дона Фернандо и наследника, принца Бальтасара Карлоса в охотничьих костюмах (1632-1633).

Репрезентативный и символический характер королевской охоты делал ее важным элементом дипломатии и придворного этикета. Именно поэтому за время пребывания в Испании принц Карл бывал на охоте с королем Филиппом IV. Например, из сообщения о приезде английского наследника

⁵⁶⁶ Enciclopedia de la Cultura Española. T. 2. Madrid: Editora nac., 1963. P. 228 – 229.

⁵⁶⁷ Еще в XVI в. портреты королей и придворных сопровождался изображением охотничьих собак, задавая тенденцию, которая сохранялась в течение последующих столетий. Одним из самых известных ранних примеров является портрет Карл V с собакой работы австрийского художника Якоба Зайзенеггера, которую впоследствии скопировал Тициан в 1532-1533 гг. Впоследствии именно эту картину Тициана принц Карл получит от Филиппа IV в качестве подарка перед отъездом в Англию (подробнее об этом в 4 главе).

известно, что 14 марта, еще до торжественного появления принца при испанском дворе, графы Гондомар и Монтерей организовали встречу Карла с королем Филиппом и его братьями инфантами Фернандо и Карлосом в парке Каса-дель-Кампо.⁵⁶⁸ Верхом на лошадях они развлекались стрельбой в зайцев и куропаток. Такого рода охоту нельзя назвать по-настоящему королевской, так как она проходила без присутствия придворной элиты. Тем не менее, подобная ситуация была вызвана прибытием принца «инкогнито».

Только 16 марта Карл официально появился при испанском дворе. С этого момента все церемонии проходили строго согласно испанскому этикету. Однако в отношении охоты можно заметить отступления от принятых больших королевских выездов. Возможно, это было связано с желанием Карла и Филиппа воспользоваться охотой как возможностью для индивидуального общения. 20 марта Филипп IV пригласил Его Высочество на охоту, где их сопровождали дон Карлос, инфант-кардинал дон Фернандо, маркиз Бекингем, граф Оливарес, маркиз де Карпио и граф Бристоль. Они отправились за город, примерно в четырех лигах от Мадрида, поохотиться на волка. Однако из сообщения графа Бристоля известно, что в тот день охота не увенчалась успехом.

22 марта после обеда Филипп IV и Карл в компании братьев короля, графа Оливареса и графа Бристоля в карете отправились в поля, чтобы полюбоваться на соколов английского посла.⁵⁶⁹ Этот факт является очень интересным, потому что искусство соколиной охоты всегда ценилось среди англичан, и они считали себя первыми мастерами в этом деле. Считалось, что соколиная охота в Англии берет свое начало еще со времен англосаксонских

⁵⁶⁸ A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall...// A collection of scarce and valuable tracts...Vol. 2. L., 1809. P. 527.

⁵⁶⁹ Digby J. A continuation of a former relation concerning the entertainment giuen to Prince His Highnesse by the King of Spaine in his court at Madrid. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18477.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 25 September 2023].

королей, от Этельбальда Мерсийского.⁵⁷⁰ Именно в Англии появились первые трактаты об охоте с ловчими птицами (например, «Трактат о птицах» Аделарда Батского).⁵⁷¹ Как отмечал антиквар Джозеф Стратт: «Для того, чтобы составить справедливое представление о характере любого конкретного народа, абсолютно необходимо исследовать виды спорта и времяпрепровождения, наиболее распространенные среди них»⁵⁷². Это утверждение как раз применимо для характеристики английского народа. Давняя приверженность англичан к соколиной охоте представляла их как ловких, хитрых и терпеливых охотников (а может и не только охотников, но и политиков), а обладание соколами и ястребами стало символом богатства и престижа, так как цена одного сокола доходила до цены 20 откормленных свиней.⁵⁷³

Граф Бристоль занимался соколиной охотой и держал соколов даже в Испании, так как они демонстрировали аристократический статус владельца и свидетельствовали о богатстве и знатности английского представителя при испанском дворе. В связи с этим вполне оправдано желание графа Бристоля продемонстрировать своих соколов, которые были свидетельством приверженности излюбленному развлечению англичан. Известно, что 2 апреля принц изъявил желание вновь увидеть птиц графа и заняться соколиной охотой, поэтому взяв с собой маркиза Бекингема, милорда Карлайла, и остальных английских дворян, которые находились в Мадриде, он отправился в охотничью резиденцию Филиппа IV Эль-Пардо (наверняка с разрешения короля). Однако граф Бристоль отмечал, что «день выдался по большей части ветреный и непригодный для соколиной охоты», поэтому «Его Высочество отправился на охоту, в которой он был очень хорош, и убил

⁵⁷⁰ Oggins R. S. Op. cit. P. 36.

⁵⁷¹ Палтусова И.Н. Указ. соч. С. 304.

⁵⁷² Strutt J. The Sports and Pastimes of the People of England. L., 1903. P. 15.

⁵⁷³ Там же. С. 306.

двух диких кабанов»⁵⁷⁴. Скорее всего речь идет о «парфорсной» охоте, так как она не требовала большого числа собак и помощников.

Таким образом, в XVII в. охота все больше воспринималась как развлечение для высших слоев общества, потому что добыть трофей уже не представляло труда, но требовало немалых затрат на содержание штата слуг и необходимых животных (гончих, ловчих птиц и т.п.). Королевские дворы считали охоту неотъемлемым атрибутом аристократического образа жизни, видом отдыха, достойным коронованных особ и их приближенных. Именно поэтому вполне очевидным досугом принца Карла в Испании стала охота. Несмотря на то, что в источниках нет подробных описаний участия Карла в охоте, мы встречаем краткие упоминания о поездках в охотничьи резиденции с королем Филиппом и о собственных выездах принца. Охота стала для Карла и Филиппа не только шансом упрочить личные отношения, но и была способом демонстрации своих физических способностей и навыков, а также проявлением достатка и гостеприимства принимающей стороны.

Театр и прогулки

Публичный театр имел большое значение для становления придворного, поэтому первым спектаклям при дворе короля в XVII в. было свойственно состояние праздника (не случайно они назывались «fiestas»). Жизнь в сознании людей эпохи XVI-XVII вв. подражала театру, а театр в свою очередь, преображал ее.⁵⁷⁵ При Филиппе IV особое развитие получило придворное театральное искусство с личным участием знатных людей.

Во время пребывания Карла при дворе каждую неделю давали представления.⁵⁷⁶ Считается, что принц мог видеть одну из ранних пьес испанского драматурга Педро Кальдерона «Любовь, честь и власть» («Amor,

⁵⁷⁴ Digby J. A continuation of a former relation...

⁵⁷⁵ Силюнас В. Тайны сценического языка...С. 94.

⁵⁷⁶ Вероятно, это были комедии знаменитого испанского драматурга Лопе де Вега, а также набравшего популярность Педро Кальдерона де ла Барка.

honor y poder»), так как она была поставлена при дворе 29 июня 1623 г.⁵⁷⁷ Некоторые исследователи видят связь между сюжетом пьесы и обстоятельствами визита принца Карла⁵⁷⁸, однако есть и мнение о том, что пьеса скорее отсылает к историческому прошлому Англии и правлению Эдуарда III.⁵⁷⁹ Именно сын Эдуарда III, Джон Гонт, герцог Ланкастерский в 1371 г. женился на Констанции Кастильской, дочери Педро I, установив посредством матримониального союза добрые отношения Англии и Кастилии.⁵⁸⁰ Вероятно, испанцы старались выбрать английский сюжет и персонажей, чтобы доставить удовольствие Карлу Стюарту, сделать пьесу более понятной для него и обратить внимание на историческую фигуру короля, поддерживавшего хорошие отношения с Испанией.⁵⁸¹ Другие представления, показанные Карлу, также можно восстановить только с помощью косвенных свидетельств. Например, известно, что летом 1623 г. при дворе показывали пьесы Хуана Руиса де Аларкона⁵⁸² – «Сомнительная правда» (“La verdad sospechosa”), «Саламанкская пещера» (“Cueva de Salamanca”), «Ловушка в Мелилье» (“La Manganilla de Melilla”) в жанре комедии нравов, а также «Осторожность против осторожности» (“Cautela contra cautela”) Кристобаля де Авенданьо⁵⁸³ в духе проповеди.⁵⁸⁴ Важно

⁵⁷⁷ Cruickshank D.W. Calderón’s Amor, honor y poder and the Prince of Wales, 1623 // Bulletin of Hispanic Studies, 77: 1. P. 75.

⁵⁷⁸ Среди главных героев представлены молодой король и его незамужняя сестра, а также иностранный принц Теобальд. – Ibid. P. 82.

⁵⁷⁹ Vila Carneiro Z. Amor, honor y poder: reflejos y miradas de lo inglés en el Teatro del Siglo de Oro // Del verbo al espejo Reflejos y miradas de la literatura hispánica / Edición de P. Caballero-Alías, F. Ernesto Chávez y B. Ripoll Sintes. Barcelona, 2011. P. 103 – 110.

⁵⁸⁰ Ibid. P. 105.

⁵⁸¹ Ibid. P. 104.

⁵⁸² Хуán Ру́ис де Аларко́н-и-Мендо́са (исп. Juan Ruiz de Alarcón y Mendoza; 1581?, Таско-де-Аларкон — 4 августа 1639, Мадрид) — испанский драматург и поэт, адвокат по профессии, автор 26 пьес.

⁵⁸³ Кристо́баль де Аве́нданьо (1569-ок. 1628) - писатель и проповедник. Он был известным в свое время автором, о чем свидетельствуют многочисленные издания и переводы его произведений. Получил образование в университете Алькалы, где изучал богословие на курсах 1596-1597 и 1597-1598 годов. Посвятив себя проповеди, он вскоре приобрел большой авторитет в Мадриде.

⁵⁸⁴ Redondo A. Fiesta y literatura en Madrid durante la estancia del Príncipe de Gales // Edad de Oro, XVII. 1998. P. 132.

заметить, что ни один из непосредственных свидетелей и участников представлений и тем более сам Карл не упоминали конкретных названий, оставляя лишь некоторые впечатления о спектаклях. Например, зрителю одного из таких представлений, англичанину Ричарду Уину, испанские актеры показались весьма посредственными, но одновременно с этим он очень высоко оценил талант актрис. На тот момент женщины в Англии еще не принимали участия в театральных постановках, поэтому для англичан такой подход показался необычным и новым. «Эти дамы – единственная причина того, что их пьесы так часто показывают»⁵⁸⁵, – заметил Уин. На представлении присутствовали король, королева, принц Уэльский, инфант дон Карлос и кардинал-инфант Фернандо. В центральное кресло села королева, принц – по правую руку от королевы, король – по левую, дон Карлос сидел рядом с принцем, а кардинал – с королем.⁵⁸⁶ В качестве сопровождения королевы прибыли ее фрейлины и парами садились на подушки-пуфы. Из писем Джеймса Хоуэла известно, что инфанта обычно бывала на постановках и сидела рядом с королевой по центру. В таком случае принц все равно сидел по правую руку королевы вместе с Доном Карлосом, а рядом с инфантой сидели король и кардинал Дон Фернандо.⁵⁸⁷ На том представлении, где присутствовала английская делегация, инфанты по неизвестным причинам не было. У принца была возможность видеть Марию только на публике или в присутствии королевской семьи, поэтому он особенно ценил возможность бывать на придворных мероприятиях.

Тем не менее, Карл хотел и личного общения с инфантой. Это желание заставило его 17 мая 1623 г. совершить противоречащий испанскому этикету выпад. Принц разузнал, что по утрам Мария прогуливается недалеко от Касадель-Кампо.⁵⁸⁸ Он решил настигнуть ее там, без предупреждения. С собой принц взял только Эндимиона Портера, видя в нем более любезного

⁵⁸⁵ Sir Richard Wynn's Account... P. 331.

⁵⁸⁶ Ibid.

⁵⁸⁷ Howell J. Op. cit. P. 186.

⁵⁸⁸ Ibid.

переводчика, который поддержит его авантюру, в отличие от графа Бристоля. Принцу и Портеру пришлось перелезть через высокую стену, но как только инфанта увидела их, она закричала и постаралась как можно скорее удалиться. Задумка принца провалилась. Пожилой маркиз, который был спутником Марии, подошел к принцу, упал на колени перед ним и попросил удалиться. Он отвечал головой за то, чтобы инфанта не оказался в чьей-либо компании, так как это противоречило всем нормам приличия. Подобная выходка, как и само путешествие «инкогнито», роднила Карла с куртуазным героем: он был готов преодолеть любые преграды ради встречи с возлюбленной. Такое нарушение церемониала со стороны принца могло быть расценено принимающей стороной, как грубость и провокация. Однако реакции со стороны Испании не последовало, вероятно, по причине желания Филиппа IV задержать Карла в Мадриде и продлить переговоры о браке.

Традиционные испанские состязания

В Испании практиковались как общеевропейские, так и исключительно испанские состязания. Например, 24 марта вечером состоялось соревнование в меткости «попади в кольцо» (running at the Ring), которое практиковалось во многих королевских дворах Европы.⁵⁸⁹ Участники скакали на лошади на полной скорости и должны были попасть острием копья в кольцо или зацепить кольцо и унести его в качестве трофея. Карл был хорошо знаком с этой игрой, поэтому выступал блестяще и один из немногих в тот вечер захватил кольцо.

Однако в большей степени английскому принцу стремились показать исконно испанские развлечения. За время пребывания в Мадриде Карл видел корриду и турнир на дротиках. Эти зрелища проводилась по самым торжественным случаям, и нередко случалось так, что они проходили в один день. Коррида считалась одним из главных испанских видов спорта. К концу XV в. коррида стала развлечением благородного сословия. С быком сражался

⁵⁸⁹ Digby J. A continuation of a former relation...

дворянин, олицетворяя рыцаря на коне. Из-за кровопролития и гибели участников представлений папа римский издавал буллы, запрещающие этот спорт. Однако, несмотря на авторитет папы в Испании, любовь к этому зрелищу была сильнее. В XVI в. без корриды не обходился ни один крупный праздник. В Мадриде бои устраивали на центральной площади Пласа-Майор, где происходили важнейшие для страны события. У каждого советника был свой балкон, обитый бархатом, камчатным полотном его любимого цвета и украшенный личным гербом. Позолоченный балкон короля был закрыт балдахином. Королева и инфанты сидели рядом с ним. Справа от королевского находился другой большой балкон, где размещались придворные дамы. Простая публика теснилась на помостах, сооруженных между столбов крытых галерей, окружавших площадь. Праздник начинался представлением участников – дворян, одетых в короткие черные плащи, с кинжалами и шпагами на боку, в шляпах, украшенных разноцветными перьями. Они приветствовали короля или представителей местных властей. Затем алыгвасилы, в обязанности которых входило поддержание порядка во время представления, давали сигнал выпустить быков и отступали в проходы арены, чтобы предоставить свободу тореадорам, которые верхом на специально обученных лошадях бросались в бой.⁵⁹⁰ В ходе игры требовалось воткнуть деревянное копье с железным наконечником (*rejón*) в шею быка так, чтобы древко сломалось, и другой конец остался в руках у всадника. Эта задача требовала от седока одновременно умения превосходно управлять лошадью и незаурядной ловкости. Успех определялся количеством копий, сломанных каждым участником корриды.

Турнир на дротиках «*juego de sañas*» также стал важным элементом репрезентации военного искусства испанской аристократии. Игра ассоциировалась со сценами старинных рыцарских турниров и представляла собой форму имитации боя. Изначально она должна была стать частью

⁵⁹⁰ Дефурно М. Указ.соч. С. 80.

обычной практики дворян для поддержания физической формы.⁵⁹¹ С постепенным отказом от воинской службы в пользу галантной придворной жизни тренировки превратились в праздничные представления. Церемония также начиналась представлением участников. Они, выстроившись по четыре человека, иногда одетые как мавры или турки, держали в левой руке щит из дерева и кожи, окрашенной в цвет бойца или его дамы. Воины вступали на закрытое поле верхом на парадных лошадях с великолепной сбруей, демонстрируя навыки верховой езды. Под звуки труб и барабанов они делали круг по ристалищу, затем их оруженосцы, одетые в ливреи, выводили боевых коней и передавали своим хозяевам тростниковые копья, которыми те пользовались в бою.⁵⁹² Все отходили к краям ристалища и выстраивались в 8 групп по 6-8 человек парами. По сигналу, который давал судья состязания, одна из групп бросалась в атаку: всадники пересекали арену галопом, бросая дротики в соперников, которые старались отразить их своими щитами, одновременно управляя лошастью так, чтобы избежать удара.⁵⁹³ Как только первая четверка покидала ристалище, ее сменяла следующая – бойцы выезжали с другой стороны, и игры продолжались без перерыва, пока все всадники с каждой стороны не принимали участие в борьбе. Генеральное сражение, в котором участвовали все эскадроны, завершало состязание. В конце побеждала та сторона, которой удалось поразить больше рыцарей противоположной команды. Участие в этом турнире показывало принадлежность ко двору и подтверждало высокий статус. Более того, обычно это был не только турнир, но и своего рода конный парад, где каждая группа демонстрировала своих лошадей. Обычно в игре принимало участие более 100 богато одетых рыцарей верхом на лошадях.

Такие представления становились грандиозным зрелищем, достойным короля и его приближенных, а также высокопоставленных гостей. В свое

⁵⁹¹ Gran Enciclopedia Cervantina. Vol. 2. Centro de Estudios Cervantinos. Editorial Castalla. Madrid, 2005. P. 1771.

⁵⁹² Дефурно М. Указ. соч. С. 79.

⁵⁹³ Там же.

время адмирал Ноттингем и английский посол Корнуоллис 31 мая 1605 г. были почетными зрителями корриды и турнира на дротиках. Принцу Карлу демонстрировали традиционные игры как минимум три раза – 4 мая, 1 июня и 21 августа. Подробнее всего в источниках описаны игры, показанные в конце пребывания Карла в Мадриде, 21 августа 1623 г. 20 августа шла активная подготовка главной площади. На следующий день после публичного обеда в два часа дня король и Его Высочества сели в карету и отправились на рыночную площадь. Филипп IV был одет по испанской моде в костюм черного цвета, в то время как Карл сиял в белом на английский манер.⁵⁹⁴ В процессии первыми шли алькальды, дворяне, английские представители, затем майордомы, гранды и члены королевской палаты.⁵⁹⁵ Следом шли самые почетные гости представления – король с братьями и принц Уэльский. Затем в качестве главного конюшего появился граф Оливарес и с ним герцог Бекингем. Его Величество и Их Высочества заняли свои балконы. Несколько позже прибыли королева и инфанта. В боях с быками участвовали знатные испанцы: герцог де Сеа, маркиз де Велада, граф де Вильямор, дон Ферандо де Исьендо, а также заместитель капитана королевской испанской гвардии, профессионал корриды – дон Кристоаль де Гавириа.⁵⁹⁶ В ходе состязания большинство быков были убиты.

Представления с быками длились недолго, потому что Филипп IV предпочитал турнир на дротиках. Он был более безопасным, поэтому позволял королю и его ближнему кругу лично участвовать в состязании, а также более зрелищным ввиду многочисленности игроков и демонстрации

⁵⁹⁴ Juan Antonio de la Penna. A Relation of the Royal Festivities and Juego de Cannas [A tournament of Darting with Reeds after the Manner of Spain] made by the King of Spain at Madrid, the 21st of August this present yeere 1623. To honour the Espousal Traties of the illustrious Prince of Wales with the Lady Infanta Maria of Austria, before the Departure of the Prince from his Court towards the Sea-Side, to take shipping for his Returne into England // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. C.533

⁵⁹⁵ Relacion de las fiestas reales de toros y cañas, que la Magestad Catolica, de el Rey nuestro señor, jugó en la villa de Madrid, en 21 de Augusto, por festejar los felicissimos, y dichosos desposorios del Serenissimo Principe de Gales, y la señora Infanta doña Maria. Sevilla, 1623.

⁵⁹⁶ Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments...

воинского искусства аристократии. Со стороны Имперской улицы (calle Imperial), то есть с южной стороны Главной площади, стали появляться участники игры. Первыми на площадь вышли королевские наездники, а с ними пажы, четыре конюха, 60 лошадей и 70 лакеев для их сопровождения. Кони были украшены бархатными попонами с вышивкой монограммы Филиппа IV.⁵⁹⁷ Следом шли участники игры с большим количеством лошадей, которые показывали их статус и степень значимости при дворе.⁵⁹⁸ Известно, что всего в игре и параде участвовали 523 лошади, 546 лакеев и 141 конюший.⁵⁹⁹ Только один выход продолжался около часа.

После торжественного появления Филипп IV и инфант дон Карлос покинули свои места на балконе. Они отправились к воротам, которые вели к улице Аточа (Calle de Atocha). Неподалеку находился дом графини Мирандас, которую заранее предупредили о том, что в ее доме будут готовиться к турниру сам король и инфант Карлос. Для них были специально подготовлены комнаты. Короля и инфанта сопровождали граф Оливарес, а также дон Хуан де Карденас (предположительно шут кардинала-инфанта Фернандо, который с 1632 г. стал служить непосредственно королю Филиппу и был больше известен как Хуан де Калабасас) и Диего Лопес де Аро Сотомайор Гусман и Сандоваль, пятый маркиз дель Карпио (стал грандом в 1640 г.).⁶⁰⁰ Переодевшись в оранжево-черные цвета своей группы, они направились к площади. На площади всадники появлялись парами: Филипп IV и граф Оливарес, инфант дон Карлос и маркиз дель Карпио. Затем вышел главный майордом герцог де Инфантадо с сыном маркизом де

⁵⁹⁷ Ibid.

⁵⁹⁸ За наездниками короля шли представители от Мадрида и вывели на площадь 24 лошади, отряд графа Мендосы насчитывал 40 лошадей, герцога Инфантадо - 40 лошадей, дона Педро де Толедо и части кастильских дворян - 30 лошадей, адмирала Кастилии - 62, графа Монтерей - 50 лошадей, герцога де Сесса - 34 лошади, герцога де Сеа - 24. - Juan Antonio de la Penna. A Relation of the Royal Festivities and Juego de Cannas...P. 536.

⁵⁹⁹ Ibid.

⁶⁰⁰ Ibid.

Мондехар и графом де Тендилья.⁶⁰¹ После них в черном с серебром шла группа генерала дона Педро де Толедо и адмирала Кастилии в черной ливрее, вышитой золотом. Майордом граф де Монтеррей был в паре с маркизом де Камараса и выступал в черном и серебряном цвете. Далее следовали группы вице-короля Сардинии маркиза де Кастель-Родриго в зелено-серебристых ливреях, герцога де Сесса в изумрудно-серебряных, и герцога де Сеа в серебристо-синих. Одними группами командовал король, другими – герцог де Сеа. В ходе игры победила команда короля.⁶⁰²

Испанская аристократия и сам король стремились показать английскому принцу всю роскошь испанской конницы, точность и ловкость участников в ходе выполнения маневров на лошадях, а также их владение искусством верховой езды. Все действия происходили под музыкальное сопровождение духовых и ударных инструментов. По окончании представления король и инфант Карлос вновь вернулись к графине Мирандас, чтобы освежиться и переодеться. Королева и инфанта возвратились во дворец в сопровождении кардинала-инфанта, а принц Карл дождался возвращения короля и отправился в Алькасар вместе с ним. Весь турнир был демонстрацией мужества и великолепия испанской знати, которая была символом мощи Испании – военной и политической.

В Испании известные по всей Европе развлечения, такие как охота и театральные представления сочетались с традиционными состязаниями, такими как коррида и турнир на дротиках. Участие принца в известных ему формах досуга показывало его навыки и предпочтения, а также формировало образ находчивого английского принца. Наблюдение за традиционными испанскими развлечениями давало возможность оценить не только сами игры, но и их символическое значение. Участниками корриды и турнира на

⁶⁰¹ Relacion de las fiestas reales de toros y cañas, que la Magestad Catolica, de el Rey nuestro señor, jugó en la villa de Madrid, en 21 de Augusto, por festejar los felicissimos, y dichosos desposorios del Serenissimo Principe de Gales, y la señora Infanta doña Maria. Sevilla, 1623. P. 2 – 3.

⁶⁰² Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments...P. 539.

дротиках были представители знати и даже сам король. Они демонстрировали силу и ловкость, умение действовать в сложных ситуациях и добиваться своей цели. Разнообразие лучших лошадей, эффективность оружия, красота костюмов — все это складывалось в единый образ великолепной Испании, который должен был впечатлить английского наследника. Участие в жизни испанского двора давало английскому принцу новый опыт, который способствовал пониманию особенностей формирования образа монарха посредством публичных мероприятий и связи с народной культурой.

Таким образом, в ходе англо-испанских переговоров Карл Стюарт попытался воспользоваться путешествием «инкогнито» для того, чтобы как можно быстрее добраться до столицы Испании. Отсутствие большой свиты и богатых даров давали возможность избежать больших затрат с английской стороны. Свобода перемещения и комфортные неформальные встречи с королем Филиппом IV казались принцу отличным способом притворить проект «испанского брака» в жизнь. Однако приезд принца Карла в Мадрид «инкогнито» стал настоящим потрясением для испанского двора. Процедура подобного приема не была разработана, а значит, необходимо было перевести переговоры в русло традиционного церемониала, который особенно чтили в Испании.

Ввиду прибытия «инкогнито» Карл не имел права на официальное посещение королевского Алькасара, поэтому первые встречи с Филиппом IV проходили тайно, в «маргинальных пространствах» города. В конечном итоге по настоянию Филиппа IV Карл совершил торжественный въезд в Мадрид по примеру испанских королей. Так он официально вошел в королевское пространство Габсбургов и все его передвижения с этого момента были подчинены их репрезентационной стратегии.

Жизнь во дворце Алькасар подразумевала участие принца в жизни двора: публичных обедах, праздниках и торжествах. Он также был свидетелем многих католических праздников и процессий, которые, по

мнению короля и его приближенных, должны были впечатлить Карла и способствовать его переходу в католичество. Сам принц остался равнодушен к вере испанцев, а в большей степени был увлечен их традиционными светскими развлечениями: охотой, театром, корридой и турнирами. Опыт пребывания при испанском дворе способствовал пониманию особенностей формирования образа монарха посредством публичных мероприятий. Роскошь и торжество церемониала создавали картину великолепной Испании, союз с которой может быть выгодным для Англии.

Глава 3. Условия «испанского брака» и дипломатический церемониал на завершающем этапе переговоров

Поездка, изначально задуманная принцем как быстрое путешествие «инкогнито», затянулась на семь месяцев. Обсуждение условий брака в Мадриде с английской стороны вели герцог Бекингем и граф Бристоль, а с испанской – граф Оливарес и граф Гондомар. Камнем преткновения в переговорах было негативное отношение к союзу со стороны папского нунция и самого папы Григория XV. Обе стороны старались разрешить эту проблему с помощью личной переписки и взаимных уступок.

3.1. Религиозный аспект переговоров в Мадриде и отношение папы римского к проекту «испанского брака»

Испанцы трактовали личное прибытие английского принца как желание стать католиком ради брака с инфантой Марией. Сам Карл в письме, написанном 17 марта 1623 г., на следующий день после торжественного въезда в Мадрид, писал своему отцу именно об этих ожиданиях испанского двора: «Что касается наших главных и неотложных дел, то по внешним проявлениям мы находим противоположную сторону столь же жаждущими, как мы сами, но они очень хотят обращения жениха в католическую веру; ибо они говорят, нет дружбы без союза в религии»⁶⁰³.

На тот момент короля Якова I волновало пребывание принца при католическом дворе и возможность исповедовать протестантскую веру во дворце Филиппа IV. По обсуждавшимся условиям договора о браке английский двор был готов на то, чтобы предоставить инфанте свободное исповедание католичества (ей даже начали строить часовню по проекту Иниго Джонса), поэтому было бы вполне справедливо предоставить Карлу те же возможности, пока он находится в Мадриде. Яков настаивает на том, что уступки должны быть одинаковыми с обеих сторон: «Как их религия

⁶⁰³ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 17 марта 1623. - The letters, speeches and proclamations of King Charles I / Ed. by C. Petrie. London: Cassel, 1968. P. 13.

ненавистна части населения здесь, так наша – там. И если они не уступят, тогда, мой дорогой мальчик, не стыдись показать свое вероисповедание и иди к дому моего посла и соверши свое богослужение там, чтобы Бог и люди могли видеть, что ты не стыдишься своей религии».⁶⁰⁴ По мнению английского короля, Карл должен показать твердую приверженность протестантской вере, но при этом проявить терпимость в отношении католиков. В свою очередь Яков отправил в Испанию двух капелланов, однако им было запрещено проводить протестантские церемонии во дворце Филиппа IV.

Кроме религиозного вопроса Якова беспокоили постоянные промедления с подписанием договора. Будучи изначально полностью уверенным в успехе дела, Яков удивлялся задержке, которая возникла, несмотря на личное присутствие в Мадриде его горячо любимого сына. Ожидание разрешения на брак от папы римского сильно тормозило переговоры. Карл в одном из своих первых писем отцу из Испании обращал внимание на действия папского нунция, который выступал противником брака: «Папский посланник работает против нас, так злонамеренно и так активно, как он может, но получает такие резкие ответы, что, мы надеемся, он скоро устанет»⁶⁰⁵. Подобное отношение нунция наверняка было связано с нежеланием римской курии давать разрешение на брак между католичкой и протестантом. Постепенно Яков I начинает сомневаться в возможности получения папского согласия на брак, без которого испанская сторона не решится на союз. Важность решения папы понимал и сам принц Карл. Он даже предлагал своему отцу признать за Григорием XV особую власть и его первенство в христианском мире.⁶⁰⁶ Яков в письме от 25 марта признал папу римского первым среди священнослужителей, но не среди светских

⁶⁰⁴ Ibid.

⁶⁰⁵ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 10 марта 1623 г. // The letters, speeches...P. 11.

⁶⁰⁶ «Мы практически уверены, что если вы будете согласны признать Папу главным после Христа, то брак будет заключён без него». - Ibid.

правителей: «Я бы от всего сердца дал согласие на то, что епископ Рима должен занимать первое место. Я, будучи западным королем, буду на стороне патриарха Запада. И я не буду оспаривать его [епископа] владения в Риме в период его правления».⁶⁰⁷ Сам Карл также пытался наладить отношения с папой Григорием XV и в письме от 20 апреля 1623 г. убеждал его в необходимости брака для утверждения христианского мира. Карл уверял Григория в добрых намерениях и благородных стремлениях своего отца Якова I⁶⁰⁸. Принц взывал к милости и мудрости⁶⁰⁹ папы, а также отстаивал серьезность своих намерений.⁶¹⁰

Сами испанцы все больше понимали, что союз с Англией несет не так много преимуществ. Ожидая разрешения папы, они втайне надеялись, что условия брака окажутся невыполнимыми для Англии. Так получится, что сами испанцы не откажутся от союза, а на то будет воля папы римского, против которого истинные католики пойти не могут.

Накануне прибытия посланника из Рима, 23 апреля, Карл писал в своем письме отцу о предполагаемых новых условиях со стороны католической церкви: «Ещё два года на образование детей [воспитание детей матерью]; никакой другой клятвы, которую давали бы римско-католические подданные, кроме той, которая дается инфанте, и чтобы они имели свободный доступ к

⁶⁰⁷ «I would with all my heart give my consent that the Bishop of Rome should have the first seat. I, being a western king, would go with the patriarch of the west. And for his temporal principality over the seignior of Rome, I do not quarrel it neither». - Король Яков - принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 25 марта 1623 г. // *Letters of King James VI and I* / Ed. with an introd. by G.P.V. Akrigg. Berkley etc.: Univ.of California press, 1984. P. 401.

⁶⁰⁸ «И к тому же расположенность моего господина короля и отца очень сильно меня вдохновляет, и горячее желание протянуть руку помощи в столь благочестивом деле, которым он воодушевлен, а также горесть, которая обрушивается на его королевское сердце, когда он взвешивает и обдумывает, какие жестокие боины, какие прискорбные бедствия возникли от раздоров христианских князей». - Принц Карл - Папе Римскому Григорию XV, 20 апреля 1623 г. // *The letters, speeches...* P. 16.

⁶⁰⁹ «Суждение, которое Ваше Святейшество вынесет о моем желании заключить брак и родственные связи с домом католического государя, является испытанием и Вашей милости и Вашей мудрости». - Ibid.

⁶¹⁰ «Ибо никогда ещё я не был так серьезен как сейчас, чтобы соединиться с особой, религию которой я ненавидел, и жить с ней в тесной и неразрывной связи». - Ibid.

ее церкви»⁶¹¹. Наконец, 24 апреля в Мадрид прибыл посланник из Рима с папским разрешением на брак Карла и Марии. Новые условия вызвали недовольство английской стороны. Некоторые из них были отвергнуты королем Яковом ранее. Как и предполагал принц, во-первых, по новым условиям возраст воспитания детей инфантой увеличивался до двенадцати лет. Во-вторых, требовалось, чтобы часовня инфанты в Англии была публичной и открытой для других католиков. И в-третьих, необходимым считалось, чтобы английские католики были свободны от клятвы верности королю, а взамен присоединялись к клятве, составленной папой.⁶¹² Карл понимал, что подобные уступки никогда не будут одобрены Яковом I, так как они сделали бы католическую партию при английском дворе слишком сильной. К тому же, клятва папе вместо клятвы королю со стороны английских католиков дискредитировала бы власть Якова внутри его государства. Претензии папы на возвращение влияния в Англии были опасны для личной власти короля и чреваты расколом в обществе.

Несмотря на то, что Карл принимал в переговорах непосредственное участие, функции английского резидентного посла при испанском дворе по-прежнему сохранялись. Джон Дигби, граф Бристоль участвовал в выработке приемлемых для Англии условий договора. Принц Карл скорее выполнял функции, схожие с обязанностями экстраординарного посла, который имел особые полномочия и конкретную задачу. Изначально Карл должен был согласовывать с Яковом любые изменения, связанные с договором о браке, то есть выступал в качестве посредника. Однако позднее принц Карл и герцог Бекингем писали Якову с просьбой о даровании принцу Карлу права представлять короля во время переговоров по пересмотру условий. Яков, разумеется, удовлетворил просьбу «своих дорогих мальчиков» и дал принцу

⁶¹¹ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 23 апреля 1623 г. // Ibid. P. 17.

⁶¹² Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the court of king James I. New York, 1967. P. 351.

необходимые полномочия.⁶¹³ Так принц Карл получил право выступать от лица Якова I напрямую. После долгого ожидания и явного усложнения процесса переговоров король Англии очень сомневался в разумности пребывания своего наследника в Испании и всё чаще в письмах настаивал на возвращении Карла и Бекингема.

Разрешение папы Григория XV стало ударом для короля Испании. Ожидая, что его условия будут более радикальными и сразу заставят англичан отказаться от идеи брака, Филипп IV получил совсем иное. Англичане не собирались отступать и боролись за уступки со стороны Испании. Более того, папа добавил к своему разрешению еще одно условие: король Испании должен гарантировать, что английский монарх выполнит условия брачного договора и воплотит в жизнь все уступки, касающиеся католиков. Если бы Филипп твердо хотел прекратить переговоры о браке, то ему стоило отказаться от обязанностей гаранта, возложенных на него папой. Однако это сразу привело бы к усложнению отношений с Англией, а этого король всячески хотел избежать. Для папы интересы католической церкви были явно выше интересов Испании. Григорий XV понимал, что, если он не даст согласие на брак Карла и инфанты, это вызовет гнев Якова I и негативно отразится на положении католиков в Англии.

Для того, чтобы понять, при каких условиях возможно выполнение роли гаранта со стороны Испании, Филипп IV собрал хунту испанских богословов. Они посоветовали королю назначить помолвку, а заключение брачного договора отложить на год. При этом брак будет устроен только при условии, что английские католики получают все привилегии, предусмотренные договором.⁶¹⁴ Филипп IV последовал совету хунты, поэтому был готов дать клятву папе, если англичане согласятся на данные условия. Весть о

⁶¹³ «Сейчас я отправляю вам, мой мальчик, заключенную в этом письме власть, которую вы хотели. Было странным полагать, что я обману моего единственного сына и моего лучшего слугу». - Король Яков - принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 11 мая 1623 г. // *Letters of King James VI and I...* P. 411.

⁶¹⁴ Akrigg G.P.V. *Jacobean Pageant...* P. 352.

необходимости отложить брак еще на год очень огорчила принца Карла. Бекингом и английские послы пытались добиться изменений в решении хунты на нескольких заседаниях.⁶¹⁵ Однако попытки были тщетны, поэтому им пришлось проинформировать Якова о новых обстоятельствах дела через секретаря принца Фрэнсиса Коттингтона.⁶¹⁶

Тем временем король Англии с нетерпением ждал новостей от Карла, чтобы отправить корабли в Испанию. В ответе на письмо Яков эмоционально выразил свое негодование и смятение: «Ваше письмо, доставленное Коттингтоном, смертельно поразило меня. Я боюсь, оно может сократить мои дни. Ещё больше я ошеломлён тем, что не знаю, как оправдать ожидания моего окружения, и также не знаю, что сообщить Совету, ведь флот, что стоит в море две недели (с лордом Ретлендом⁶¹⁷ и всеми [прочими] на борту), не должен простаивать, и не знаю, какой причиной я должен прикрываться, потакая этому»⁶¹⁸. Яков настаивал на возвращении⁶¹⁹ Карла и Бекингема, но те не желали уезжать без невесты.⁶²⁰

Филипп IV был готов пойти на уступки и уменьшить срок ожидания с года до восьми месяцев. Однако Карл не мог больше терпеть промедлений и

⁶¹⁵ Заседание 6 июля длилось 3 часа, а 7 июля – час. На нем присутствовали граф Оливарес, маркиз Бекингом, послы (Джон Дигби и Уолтер Эштон), а также испанские гранды – главный инквизитор и казначей. – *Mey F.F. Verdadera Relacion de la conclusion y remate del casamiento del Principe de Inglaterra con la Infanta de España de las ceremonias que hubo, y de las galas que al dar los parabienes se sacaron. Valencia, 1623. P. 2.*

⁶¹⁶ *Ibid.* P. 3.

⁶¹⁷ Френсис Мейнерс, граф Ретланд, командующий флота, который должен был привезти принца Карла домой.

⁶¹⁸ Король Яков - принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 14 июня 1623 г. // *Letters of King James VI and I...* P. 415.

⁶¹⁹ «Что же до моего совета и указаний, коих вы желаете, в случае если они не изменят своего решения, то, в двух словах, возвращайтесь поскорее, если сумеете получить разрешение, и прекращайте все переговоры; и это я говорю, не считаясь с какой-то охраной, которую они могут дать вам, если только вы не ищите более встречи со своим старым отцом, которого, боюсь, вы можете уже не увидеть, если не встретитесь до зимы». - *Ibid.*

⁶²⁰ «Самое долгое время, которое мы можем здесь оставаться – это месяц, и не более, если нам не удастся привезти с собой Инфанту». - Принц Карл и герцог Бекингом - королю Якову, 27 июня 1623 г. // *The letters, speeches...* P. 23.

заявил, что отправляется обратно в Англию.⁶²¹ Этот хитрый ход принца, не оказал воздействия на испанцев. В конце концов, Карл, имея полномочия выступать от лица Якова I, согласился на все условия. Филипп IV явно не ожидал подобного решения со стороны принца Уэльского. Теперь Испания не могла избежать брачного договора. Пока принц радовался успеху, Яков думал о том, как ему удастся добиться терпимости к католикам в парламенте, как он сможет допустить публичное использование католической часовни инфанты в Англии, как англичане-протестанты воспримут прибытие католического епископа и двадцати четырех капелланов инфанты. Со многими моментами в этом договоре Яков был не согласен, однако теперь его больше волновала личная безопасность Карла. Король начал опасаться, что его единственный наследник может остаться в заложниках. Яков мучился в сомнениях, но, к концу июля уступил. Договор был торжественно подписан английской стороной 20 июля в Королевской Капелле в Уайтхолле. Если бы Карл женился на инфанте немедленно (в июле), то получил бы ее в качестве жены только в марте. Яков был недоволен незапланированными убытками - для принца и инфанты придется снарядить две отдельные экспедиции в Испанию.⁶²² Карл всё еще надеялся на то, что инфанта отправится в Англию вместе с ним, так как для него «брак будет ничем, если она не поедет с ним»⁶²³. Тем временем, Яков подгонял Карла и Бекингема: «Теперь вам, ради Бога, остается только торопиться, торопиться, торопиться. <...> Если вы не

⁶²¹ Akrigg G.P.V. *Jacobean Pageant*...P. 354.

⁶²² «Поскольку это дело не может продвигаться лучше, я должен быть доволен; но это [дело] является для меня как позором, так и приводит к двойным расходам, если мне необходимо отправить две флотилии (дважды посылать флот) – но если они не отправят ее до марта, то я позволю им, во Имя Господа, отправить ее с их собственным флотом». - Из письма короля Якова принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 21 июля 1623 г. // *Letters of King James VI and I*...P. 417.

⁶²³ Принц Карл и герцог Бекингем - королю Якову, 29 июля 1623 г. // *The letters, speeches*...P. 27.

поторопитесь, то больше не получите от меня ни одного письма...»⁶²⁴. Принцу Карлу больше нельзя было оставаться в Мадриде.

3.2. Визит «инкогнито» и проблема обмена дарами

На завершающем этапе переговоров обе стороны вновь столкнулись с проблемой дипломатического церемониала. Подготовка принца к отъезду требовала соблюдения прощальных церемоний и организации официальной поездки к порту Сантандер.

Традиционный дипломатический церемониал приема иностранного посла имел чёткий регламент и соблюдался достаточно строго: после прибытия в другое государство и встречи в порту или в городе, посол ждал аудиенции короля в выделенном для пребывания дипломата доме. В день аудиенции торжественное шествие отправлялось к дворцу вместе со всеми привезёнными дарами. Обычно подарки королю и королеве преподносились на первой аудиенции у короля⁶²⁵, а посол получал памятные богатые дары уже при отъезде. В сложившихся обстоятельствах принца Карла принимали как особу королевского достоинства, а не как посла, поэтому многие дипломатические церемонии были изменены. Например, в источниках нет свидетельств о том, что во время первого приёма принца во дворце прошла традиционная церемония обмена дарами. Скорее всего, это связано именно с особенностями путешествия «инкогнито» и невозможностью проведения полноценной церемонии по приезду со стороны англичан. Только с подарками для инфанты принц не мог предстать перед королем Испании.

⁶²⁴ Король Яков - принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 10 августа 1623 г. // Letters of King James VI and I...P. 422.

⁶²⁵ Garcia Sierra M.J. El aposentamiento de personajes reales europeos y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII // Madrid en el contexto fe lo hispánico desde la época de los descubrimientos. Madrid, 1994. P. 741 – 756; Домнина Е.Г. Церемониал приема английских послов в Венеции в раннее Новое время // Средние века. Вып. 72. М., 2011. С. 214 – 224; Эхеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 205 – 209; Российские дипломаты в Испании / Отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016; Посольство П.И. Потёмкина в Испанию в 1667 – 1668 гг.: документы и материалы. / Составители В.А. Ведюшкин, Е.Е. Рычаловский. М.: Индрик, 2018.

Чтобы не усложнять ситуацию символическим «состязанием», обмен дарами был отложен на конец визита.

Яков I направил дипломатические дары к испанскому двору позднее. В своем письме от 17 марта он утверждал: «Я отправлю с флотом другие различные драгоценности в качестве подарков, чтобы сэкономить средства, в которых мы слишком нуждаемся; потому что до тех пор, пока мой мальчик не решит уехать, нет необходимости во вручении подарков кому-то, кроме нее [инфанты]». ⁶²⁶ Поскольку в знак уважения и благодарности по окончании визита было принято подносить прощальные дары, английский монарх направил их в Испанию с «флотом». Вероятно, под флотом имеются в виду корабли, которые отправились за принцем в августе 1623 г. и прибыли в Сантандер 1 сентября. ⁶²⁷

7 сентября принц Карл был приглашен в королевскую часть дворца и в присутствии королевы и инфанты получил от принимающей стороны прощальные дары. ⁶²⁸ Филипп IV подарил Карлу восемнадцать (или четырнадцать) ⁶²⁹ испанских верховых лошадей, шесть берберийских лошадей, шесть (двенадцать) породистых кобыл и двадцать (двадцать четыре жеребенка) жеребят. ⁶³⁰ Все они были украшены попонами тёмно-красного бархата – символа роскоши, благородства и королевского достоинства. Седла

⁶²⁶ «But I will send with the fleet divers others jewels for presents, for saving of charges whereof we have too much need; for till my baby's coming away there will be no need of giving of presents to any but her». - Король Яков - принцу Карлу и герцогу Бекингеу, 17 марта 1623 г. // Letters of King James VI and I...P. 399.

⁶²⁷ Finet J. Finetti Philoxenis: Som choice observations of Sr. John Finnet, knight, and master of the ceremonies to the two Kings, touching the reception, and precedence, the treatment and audience, the punctilios and contests of foreign ambassadors in England. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A85304.0001.001?rgn=main;view=fulltext> [accessed 18 December 2023].

⁶²⁸ Realcion de la salida que hizo de esta villa de Madrid, el serenissimo Principe de Gales a nueve de Setiembre deste año de 1623. P. 1.

⁶²⁹ В скобках приведены сведения из анонимного сообщения - Realcion de la salida que hizo de esta villa de Madrid, el serenissimo Principe de Gales a nueve de Setiembre deste año de 1623.

⁶³⁰ Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 542.

и сбруя были вышиты дорогим жемчугом. Из предметов вооружения принцу были подарены однозарядные пистолеты, арбалеты, сотня отборных шпаг. Из предметов роскоши он получил украшенные бриллиантами шпагу, стоимостью полторы тысячи дукатов, кинжал, портупей, ремень и позолоченный пистолет. Стоимость даров лично для принца оценена анонимом в шестнадцать тысяч дукатов.⁶³¹ Карлу их доставил первый конюший и «палатный дворянин» маркиз Флорес де Авила.⁶³² Герцогу Бекингеу были предназначены дары скромнее: двенадцать (десять) испанских и четыре берберийских коня, четыре (шесть кобыл) кобылы и десять (четыре жеребенка) жеребят, покрытые попонами из тёмно-красного бархата, украшенными золотой вышивкой, несколько шпаг и ручных пушек (кулеврин), а также пояс, украшенный бриллиантами ценой в тридцать тысяч крон⁶³³. Филипп IV не обделил вниманием и капитана охраны принца, барона Кенсингтона, подарив ему двести бриллиантовых пуговиц, четыре лошади с упряжью, а также украшения, оцененные позднее в пятьдесят тысяч дукатов. От лица королевы Карлу были подарены редкие шкуры молодых козлят, которые использовались для производства ценных кож, а также дорогие духи. Граф Оливарес помимо богатой домашней утвари подарил Карлу три ценные нагрудные цепи.⁶³⁴

Первыми дары вручила принимающая сторона как прощальный знак внимания хозяев гостям. По завершении посольских миссий послы иностранного государства всегда удостоивались даров за свою службу от принимавшей их стороны. В данной ситуации мы видим нечто похожее: в конце своей миссии принц получил дары, достойные его высочайшей особы. Дар всегда требует ответного шага — если не преподнести что-то сопоставимое в ответ, то появляются незримые отношения подчинения,

⁶³¹ Realcion de la salida...P. 2.

⁶³² Almansa-y-Mendoza A. Relacion de la partida del serenissimo Principe de Galia...P. 2.

⁶³³ Ibid.

⁶³⁴ Ibid. P. 544.

получатель оказывается в зависимости от дарителя.⁶³⁵ Теперь черёд был за английским наследником.

На следующий день, 8 сентября, в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы, были организованы прощальные церемонии.⁶³⁶ Около пяти часов вечера Филипп IV и Карл Стюарт публично появились при дворе. Королева и инфанта в окружении своих придворных дам также присутствовали на этой церемонии. Принцу тогда впервые удалось пообщаться с королевой Испании без переводчика на французском языке. С инфантой разговор проходил около получаса в присутствии переводчика. В знак прощания все английские лорды и рыцари поцеловали руки королевы и инфанты.⁶³⁷ В честь праздника принц Карл в сопровождении короля, его братьев, герцога Инфантадо, графа Оливареса, герцога Бекингема и графа Бристоля отправился в Дескальсас Реалес⁶³⁸, чтобы попрощаться с этим знаменитым местом. В этот же день Карл направил ответные дары.⁶³⁹

Карл не вручал ничего лично – дары передавали его приближённые. Филипп IV получил украшенную бриллиантами шпагу, которая считалась великолепным подарком, достойным короля, стоимостью в шестнадцать тысяч дукатов.⁶⁴⁰ Королеве был отправлен чистый бриллиант весом в двадцать карат, а также треугольный бриллиант, оцененный в двадцать четыре тысячи дукатов и серьги с бриллиантами размером с плод фасоли за двенадцать тысяч дукатов. Эти предметы были не только дорогими, но и особенно ценными ввиду искусной ювелирной работы. Их доставил хранитель гардероба принца Карла, получив за это три тысячи крон от

⁶³⁵ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 253.

⁶³⁶ Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure...P. 543.

⁶³⁷ Ibid.

⁶³⁸ Принц Карл трижды бывал в монастыре Дескальсас Реалес и, вероятно, виделся там с Маргаритой де ла Крус, которая принадлежала к дому Габсбургов и была двоюродной тетей Филиппа IV (так как была дочерью Марии Австрийской, сестры испанского короля Филиппа II).

⁶³⁹ Realcion de la salida...P. 2.

⁶⁴⁰ Ibid. P. 3.

королевы. Инфанта получила в подарок нить жемчуга колоссальной стоимости в двести тысяч дукатов из двухсот пятидесяти каплевидных жемчужин размером пять карат, которые отличались редкой безупречностью и совершенством, одна из жемчужин была украшена бриллиантом; серьги из жемчуга за двадцать тысяч дукатов и две красивые крупные жемчужины. Дары для инфанты были представлены в основном жемчужными украшениями, что, вероятно, символизировало добродетели невесты. По мнению принца, жемчужина как символ чистоты, невинности и совершенства очень подходила Марии. Брат короля дон Карлос получил кольцо с заострённым бриллиантом за пять тысяч дукатов, а кардинал-инфант Фернандо – «пектораль из бриллиантов с жемчужиной стоимостью в восемь тысяч дукатов»⁶⁴¹. По замечанию Мендосы, эта жемчужина «могла бы затмить своим великолепием Перегрину»⁶⁴²⁶⁴³. Мендоса сравнивает подаренное кардиналу-инфанту украшение с великолепием Перегрины и делает вывод о том, что подарок ничуть не уступает знаменитой жемчужине.

Граф Оливарес получил в подарок бриллиант Португальский, который «как говорят, принадлежал королю Себастьяну, с подвеской из жемчужин стоимостью шестнадцать тысяч дукатов»⁶⁴⁴. Имеется в виду король Португалии из Ависской династии – Себастьян, который погиб в 1578 г. в ходе борьбы с маврами. Гибель юного короля привела к пресечению Ависской династии и объединению Испании и Португалии под властью

⁶⁴¹ Memoria de los presentes que se se hicieron al Príncipe de Gales cuando partió de Madrid // Papeles varios de Felipe IV. . I BNE MSS/18175 P. 7.

⁶⁴² Жемчужина Перегрины, или «блуждающая жемчужина», считалась самой крупной в мире – её вес был около 10 граммов, что составляет 50,56 карат. Она была выловлена невольником на Жемчужных островах в середине XVI в. Испанский король Филипп II получил жемчужину от дона Диего Темеса и преподнёс в качестве подарка на помолвку своей невесте Марии Тюдор. Королева изображена со знаменитой жемчужиной на портрете 1554 г., написанном Антонисом Мором. После смерти Марии Филипп потребовал вернуть свой подарок. Испанские королевы нередко позировали для своих парадных портретов с этой жемчужиной. - Kunz G.F., Hugh C. The Book of the Pearl: Its History, Art, Science, and Industry. Dover publications, inc. Mineola, New York, 2011. P. 452.

⁶⁴³ A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts...P. 544.

⁶⁴⁴ Memoria de los presentes...P. 7.

Филиппа II. Подобный дар от принца Карла явно имел символический смысл: валидо Филиппа IV оказывал заметное влияние на государственные дела. Этот подарок был инициативой Карла, так как Яков I в письме сыну и герцогу в мае 1623 г. писал, что графу Оливаресу уже отправили из Англии лошадей, собак и ястребов, и настаивал, чтобы принц не дарил Оливаресу украшений⁶⁴⁵. Тем не менее, Карл послушался отца, так как за время своего пребывания в Испании принц понял, что внимание к персоне графа Оливареса необходимо для решения дел с Испанией. Семья Оливареса тоже не осталась без подарков: графиня получила великолепный крест, а их дочь – Мария де Гусман – кольцо с бриллиантами, которое оценивалось в три тысячи дукатов.

Принц одарил и других знатных дворян Филиппа IV. Например, главные придворные дамы – герцогиня Гандиа и графиня Лемос, и главные майордомы – герцог Инфантадо и граф Бенавенте, в благодарность за помощь и службу получили бриллиантовые украшения стоимостью в пять тысяч дукатов. Подобными же дарами были отмечены адмирал Кастилии Хуан Альфонсо Энрикес де Кабрера и маркиз дель Карпио. Украшения с бриллиантами получили герцог Ихар, маркиз Мондехар, духовник короля и епископ Сеговии. Кроме того, все «джентльмены двора» получили кольца с бриллиантами, а государственные советники – кольца с камнями вдвое большими по своему великолепию. Семнадцать драгоценных изделий было отправлено семнадцати придворным дамам, пажи короля получили драгоценные цепи, а охрана из лучников – четыре тысячи крон и кольцо каждому. Герцог Бекингем от себя преподнёс приближенным графа Оливареса – дону Родриго де Агиару и дону Педро Аресу – два полных костюма и украшенные бриллиантами кресты. Похожие дары получили дон Хуан де Сантакрус и дон Педро де Вега. Тринадцать пажей получили цепи,

⁶⁴⁵ Король Яков – принцу Карлу и герцогу Бекингеми, 14 июня 1623 г. // *Letters of King James VI...*1984. P. 415.

иностранные послы – большие суммы денег, а тем, кто доставил лошадей в качестве подарка, были вручены деньги и цепи.

Карл и Бекингем одарили всех главных лиц, имевших отношение к переговорам о браке и участвовавших в приеме принца. Исходя из сведений о том, кого одаривал принц, можно заключить, что во время пребывания при испанском дворе в его ближайшем окружении были граф Оливарес и его семейный круг, главные майордомы и некоторые представители аристократии, придворные дамы, священнослужители, иностранные послы – то есть лица высокого статуса. Этот факт говорит об особой значимости пребывания персоны Карла в Испании. Подобное отношение требовало от принца ответных шагов. Отметив каждого подарком, Карл закрепил установленную им систему связей при испанском дворе и выразил свое удовлетворение от приема. Тем не менее, подобные затраты явно превышали запланированные в рамках поездки «инкогнито» и превращали воплощение проекта «испанского брака» в еще более желанный для принца итог. Приняв от испанского короля дары, принц смог достойно ответить в рамках этого символического диалога. Традиция обмена дарами была соблюдена, хотя и несколько в изменённой форме, так как принц был гостем королевского достоинства.

3.3. Возвращение Карла Стюарта в Лондон

Путешествие принца Карла в Лондон вновь возвращает нас к проблеме итинерариев. Обратный путь принц должен был преодолеть, не скрывая своего статуса. Возможно, именно поэтому он избрал морское путешествие вместо сухопутной дороги через Францию. В связи с приемами, которые Карлу оказывали в городах и резиденциях, дорога до порта Сантандер оказалась более продолжительной. По приказу короля Якова, желавшего обеспечить принцу свиту для официального пребывания принца при испанском дворе, в Мадрид отправились английские аристократы. Их

маршрут представляется интересным для реконструкции обратного пути принца и понимания сложностей путешествий по Испании в XVII в.

Подробное сообщение о поездке в Испанию оставил один из джентльменов личных покоев Его Высочества, Ричард Уин.⁶⁴⁶ Вместе с ним в Мадрид отправились конюший лорд Андовер, хранитель гардероба лорд Комптон, камергер лорд Кэри, контролер лорд Воган, джентльмен королевской опочивальни сэр Роберт Карр, джентльмены привратники – Ньютон, Кери, Тирвит, а также джентльмены личных покоев – Уильям Говард, Эдмунд Верни, Уильям Крофтес, Ральф Клэр, Джон Сандилаус, Чарльз Глемхам, Фрэнсис Кэри, пять придворных слуг опочивальни, три пажа и два капеллана.⁶⁴⁷ На корабле «Adventure» («Приключение») они отправились из Портсмута во вторник, 3 апреля 1623 г. и меньше чем за пять дней прибыли в испанский порт Сантандер (какое-то время плыли вдоль побережья через Бильбао и Лоредо). В отличие от принца, они прибыли морем, однако, стоит заметить, что на обратном пути Карл последует их примеру и отправится к порту по той же дороге.

Как отмечает Ричард Уин, они пробыли в Сантандере неделю, затем отправились в путь на мулах, потому что никакие другие животные не могли преодолеть этот извилистый и тяжелый путь. Путешественники все время видели горы и скалы, но совсем не встречали городов. В скором времени путникам пришло письмо, в котором принц Карл просил своих земляков вернуться обратно в Англию. Они долго не могли поверить в этот приказ и с большим сожалением оценивали бессмысленность своего тяжелого пути, а кто-то и вовсе переживал за положение принца: «Это вызвало всеобщую грусть, в связи с чем около получаса мы не говорили друг другу ни слова, кто-то переживал за свое возвращение, кто-то боялся, что дело нашего

⁶⁴⁶ Sir Richard Wynn's Account of the journey of Prince Charles's servants into Spain in the year 1623 // *Historia vitae et regni Ricardi II*. Oxford, 1729. P. 297 – 241.

⁶⁴⁷ Ibid. P. 299.

принца идет плохо, кто-то сомневался в его безопасности».⁶⁴⁸ В итоге некоторые решили возвращаться в Англию через Францию, большая же часть вернулась обратно в порт Сантандер.

В скором времени Ричард Уин получил распоряжение отправиться в Мадрид вместе с Тирвитом, остальным же, действительно, следовало вернуться в Англию. Однако многие джентльмены решили поехать вместе с ними, потому что хотели выполнить поставленную королем задачу. По сведениям Ричарда Грэхэма, конюшего герцога Бекингема, путь от Сантандера до Мадрида составлял 75 лиг и занял у путешественников семь дней.⁶⁴⁹ Они отправились по уже знакомому пути – пересекли реку Эбро, останавливались в разных деревушках и наконец, прибыли в город Бургос (30 лиг от Сантандера прошли за 3 дня), который произвел на них положительное впечатление. Уин отмечает, что в городе много церквей, которые украшены богаче, чем в Англии, а на улицах можно встретить много карет и лошадей, что, безусловно, является признаком богатства горожан.

На следующий день они проехали семь лиг к городу Лерма, в котором прославленный герцог имел дворец, полностью построенный из камня.⁶⁵⁰ Ночью следующего дня путники прибыли в город герцога Инфантадо – Буитраго. Здесь у герцога был заброшенный дворец, о котором Уин пишет: «Если у этого герцога и первого человека Испании больше нет других дворцов, то джентльмен из Англии вряд ли променяет свое жилище на его»⁶⁵¹. Однако подобное состояние резиденции можно объяснить тем, что на тот момент она не относилась к числу главных у герцогов Инфантадо, поэтому ее приводили в порядок только перед визитами важных особ. От Буитраго им предстоял еще целый день до столицы. На этом пути им

⁶⁴⁸ Ibid. P. 305.

⁶⁴⁹ Letters and papers of The Verney Family down to the end of the 1639 / Ed. by J. Bruce. L.: the Camden society. 1908. P. 111.

⁶⁵⁰ Sir Richard Wynn's Account...P. 322.

⁶⁵¹ Ibid. P. 324.

встретилась деревня Сан Агустин, в шести лигах от Мадрида, которую также посетил и принц.

Между тремя и четырьмя часами дня 29 апреля Уин и его делегация прибыли в Мадрид. Первое, что они заметили – это немногочисленность зданий и садов в городе, а также низкие постройки. Однако улицы были полны людей и карет, балконы домов были богато украшены, а торговая площадь приводила в восторг своим строгим убранством.⁶⁵² По прибытии англичане остановились во дворце герцога Монтелеоне, откуда на следующее утро в карете, отправленной самим королем, поехали в королевский дворец Алькасар на встречу с принцем.

Алькасар показался англичанам простым и прочным зданием, построенным из камня с очень красивым фасадом. Однако ничего больше не показалось им примечательным. Принц был очень рад видеть соотечественников и подал каждому свою руку. В три часа дня он отправился в сад, который, по словам Уина, «едва заслуживает своего названия <...> фермеру в Англии было бы стыдно за такой сад...»⁶⁵³. Ричард Уин в своем сообщении выражает недовольство тем, что принцу приходится гулять в этом саду и сидеть в своих двух комнатах, отведенных ему, весь день. Эти сведения заставляют нас сомневаться в комфортном пребывании принца в Мадриде. Однако вряд ли испанский двор хотел себя дискредитировать недостойным обращением с английским наследником, поэтому возможно Ричард Уин несколько преувеличил скудность покоев принца. Он рисует образ принца-пленника, заключенного в крепости. Скорее всего, оценки Уина связаны с опасениями за свободу Карла, которую испанцы нарушали, затягивая переговоры.

В Мадриде англичане смогли побывать в королевских конюшнях, где находилось несколько десятков лошадей, самых статных и красивых, которых им доводилось когда-либо видеть. Вечером того же дня Ричард Уин

⁶⁵² Sir Richard Wynn's Account ... P. 328

⁶⁵³ Ibid.

направился с визитом к графу Бристолу, и на обратном пути заметил обилие карет, в которых ехали дамы, направлявшиеся на вечернюю прогулку. Он также обратил внимание на множество церквей и монастырей. Большинство англичан, приехавших в Мадрид, в основном проводили свое время за игрой в карты. Как отмечает Ричард Уин: «Честно говоря, больше здесь нечего было делать. Какой изнурительной была жизнь здесь для тех, кто долгое время жил в свободе, вы можете догадаться»⁶⁵⁴, предполагая, что и принцу Карлу было мучительно тяжело находиться в Испании столь долгое время. Через несколько дней все прибывшие вновь получили приказ вернуться в Англию, так как принц не мог разместить всех своих слуг в двух комнатах и не имел возможности дать им исполнить свои обязанности в полной мере. 9 мая англичане покинули Мадрид.

Карл Стюарт отправился в Лондон только спустя четыре месяца после отъезда своих подданных. Следуя их примеру, на этот раз принц и герцог избрали путь в Англию по морю. Продвигаясь к порту Сантандер, Карл побывал во многих знаменитых городах и резиденциях испанских Габсбургов, которые лучше всего было обустроены для размещения королевских особ и наилучшим образом демонстрировали величие правящего дома.

9 сентября король Филипп IV и его братья дон Карлос и дон Фернандо проводили принца и его спутников до великолепного дворца-резиденции Филиппа II, который был частью традиционного королевского маршрута. Эскориал называли «восьмым чудом света», поэтому испанцы охотно показывали его иностранным послам и гостям. Сам Карл не оставил в письмах отцу эмоциональных оценок и рассказов о его пребывании в Эскориале, однако подробное описание сделал Ричард Уин. Когда англичане по приказу принца отправилась обратно в Англию, все те, кто решил

⁶⁵⁴ Ibid. P. 332.

добираться по морю, побывали в знаменитом Эскориале, «месте, которое стоит того, чтобы его увидеть»⁶⁵⁵.

Сан-Лоренсо де Эль-Эскориал – величественный монастырь, дворец и резиденция короля Филиппа II. Он расположен в 45 километрах от Мадрида, в предгорьях Сьерра-де-Гвадаррама.⁶⁵⁶ История Эскориала началась 10 августа 1557 г., когда армия Филиппа II разбила французов в битве при Сен-Кантене в ходе восьмой Итальянской войны. В благодарность за эту победу король поклялся возвести памятник, посвященный Святому Лаврентию, день памяти которого приходился на 10 августа.⁶⁵⁷ Новый дворцовый комплекс олицетворял силу Испанской монархии, испанского оружия и абсолютной власти Габсбургов. Он был символом преемственности правящего дома.

Англичане осматривали Эскориал целый день: им оказались доступны монастырь, усыпальница испанских королей, часовня, библиотека, галереи и даже покои короля. После осмотра Уин заметил: «Я считаю, что это был не дворец короля, а самый красивый монастырь в мире». В действительности так и было. Считалось, что Филипп II хотел построить дворец для Бога и келью для короля.⁶⁵⁸ Англичан особенно впечатлила базилика и ее внутреннее убранство: «По меньшей мере 20 алтарей, сосуды из серебра, перед самым высоким алтарем стоит дюжина серебряных подсвечников, каждый из них с меня [Уина – П.К.] высотой. <...> Базилика устлана богатым мрамором, как и большая часть монастыря. В западной части церкви – часовня, в которой находятся орган и богослужебные книги. Там же хранятся облачения священников, самые богатые и роскошные из тех, что я видел.

⁶⁵⁵ Sir Richard Wynn's Account ... P. 334.

⁶⁵⁶ García Bustamante A. La octava maravilla del mundo: Estudio histórico sobre el Escorial de Felipe II. Madrid, 1994; Sancho J.L. The Royal Monastery of San Lorenzo de El Escorial. Reales sitios de España. Madrid: Patrimonio Nacional, 2002; Kamen H. The Escorial: Art and Power in the Renaissance. Yale University Press, 2010.

⁶⁵⁷ Lasnier J.-F. Palace of Faith // The Royal Monastery of San Lorenzo de el Escorial / Ed. by G. Boyer. Madrid, 2012. P. 7.

⁶⁵⁸ Sir Richard Wynn's Account ... P. 335.

Роспись в церкви, часовнях и всем монастыре стоила, по меньшей мере, 100 000 фунтов»⁶⁵⁹.

Приглашая гостя в Эскориал, Филипп IV показал, что он чтит наследие предков и, как и его прославленный дед, является главным покровителем католической церкви, наук и искусства. Не исключено, что, по мнению испанцев, Эскориал как воплощение победы при Сен-Кантене, должен был напомнить англичанам о том, что в этой битве они выступали против французов на стороне Филиппа II. С этой точки зрения предполагавшийся брак выглядел продолжением давних союзнических отношений Англии и Испании. Не случайно именно в Эскориале Карл дал письменное разрешение Филиппу IV быть его представителем во время брачной церемонии с инфантой. Документ о представительстве Филиппа был передан графу Бристолу.⁶⁶⁰

Существует мнение, что именно в Эскориале Карл в последний раз обсуждал с Филиппом IV возвращение Фридриху Палатината.⁶⁶¹ Король ответил, что восстановление Пфальца будет его свадебным подарком принцу, тем самым ничего не обещал твёрдо и уходил от ответа. Испанцам перемены были невыгодны, их вполне устраивала расстановка сил, как никогда усиливавшая влияние в Европе католической церкви. Граф Оливарес предлагал англичанам необычное решение Пфальцкого вопроса: Фридрих должен был заплатить определённую сумму и отправить своего старшего сына на воспитание в Вену, где ему было бы дано католическое образование.⁶⁶² По достижении совершеннолетия его восстановят в правах на Пфальц, и он женится на дочери императора. Оливарес предлагал вернуть права на Пфальц не Фридриху, а его потомкам. Карл же хотел

⁶⁵⁹ Ibid. P. 336.

⁶⁶⁰ Принц Карл и герцог Бекингем – королю Якову I, от 30 августа 1623 г. - The letters, speeches and proclamations of King Charles... P. 29.

⁶⁶¹ Pursell. B. The end of the Spanish match // The Historical Journal. Vol. 45. No. 4. Dec., 2002. P. 716.

⁶⁶² Ibid.

восстановления власти самого Фридриха и своей сестры Елизаветы. По итогам переговоров принц Карл и герцог Бекингем окончательно перестали верить в разрешение этого вопроса с помощью испанского брака. Тем не менее, на момент прощания с испанским королем Карл не высказал своих сомнений. Они расстались, выражая взаимное уважение и надежды на союз, близ Эскориала, в местечке Эль-Кампильо, где сохранилась старая королевская усадьба. В честь успешных переговоров и в знак пребывания английского принца Карла Стюарта в Испании на этом месте был установлен памятный камень.⁶⁶³

Обратный путь принца и герцога проходил через деревушку Гвадаррама и королевский дворец в местечке Вальсаин, расположенный в 75 километрах от Мадрида. Еще короли Кастилии обустроили в этих землях охотничий домик, поэтому это местечко имело символическое значение для новой династии как знак преемственности. Сам королевский дворец был построен между 1552 и 1556 годами для короля Филиппа II.

3 сентября Карл и его спутники около четырех часов дня вошли в Сеговию, где «столпилась вся округа, чтобы Его увидеть».⁶⁶⁴ Принца приветствовали артиллерийскими залпами у Алькасара. Во дворце Карла и его спутников встретил граф де Чинчон, алькальд королевского двора и казначей знаменитого монетного двора. В Сеговии была запланирована церемония «целования руки» принца, в знак уважения и приветствия его персоны – «Весь город по званию и порядку, с носителями булавы, пришел поцеловать Его руку». Однако, как и в монастыре Сан-Херонимо, Карл посчитал это привилегией, достойной только короля, и не согласился на подобную церемонию, но при этом выразил радость и удовлетворение от

⁶⁶³ Almansa-y-Mendoza A. Relacion de la partida del serenissimo Principe de Galia, que fue a nueve de Setiembre deste año 1623. Madrid, 1623. P. 6.

⁶⁶⁴ A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. L., 1809. P. 545.

проявленного внимания.⁶⁶⁵ Затем Карл посетил прославленный монетный двор, о котором также писал в своем сообщении Ричард Уин.⁶⁶⁶ Вернувшись во дворец, Карл увидел вокруг замка множество факелов, которые создавали торжественное освещение. Принца вновь встречали звуки залпов, колокольного звона, труб и других музыкальных инструментов, на которых играли большую часть вечера.⁶⁶⁷ Карл был доволен приемом в Сеговии, поэтому щедро одарил графа Чинчона и слуг дворца при отъезде.⁶⁶⁸

На следующий день в пять утра Карл и его сопровождающие отправились дальше. К обеду они добрались до знаменитого монастыря Санта-Мария-де-Ньева, который располагался на популярном среди паломников пути в Сантьяго-де-Компостела из Мадрида. На следующий день они достигли Ольмедо, в субботу обедали в местечке Вальдестильяс, а к двум часам этого же дня прибыли в Вальядолид. В городе принца приняли со всеми почестями. Его «развлекали лорды отважные и мужественные»⁶⁶⁹ — маркиз де лос Велес и граф де Альба де Алисте. Ему показали королевский дворец и сад, а также продемонстрировали работы Рафаэля и Микеланджело, находившиеся в местном собрании. В Паленсии Карла принимал епископ, «которому принц подарил великолепное украшение, а его лучшим слугам щедро раздал деньги»⁶⁷⁰. Далее они проезжали через Каррион-де-лос-Кондес,

⁶⁶⁵ «Afterwards the whole citie, in ranke and order, with mace-bearers, came to kiss his hand, whom he honoured, discovering himself to them, and, not permittind the ceremony of a kisse, hee imbraceth them with shew of great joy and contentment”. – Ibid. P. 546.

⁶⁶⁶ «В городе находится монетный двор, где чеканится самая красивая монета на всех королевских территориях, причем все это производится из золота, серебра и латуни» / «There is a Mint in this Town, where the handsomest coin in all the King’s Territories is made, being all done with a Mill, both Gold, Sylver and Brasse» - Sir Richard Wynn’s Account... P. 339.

⁶⁶⁷ A Relation of the Departure ...P. 546.

⁶⁶⁸ «Его Высочество подарил Чинчону украшение, стоящее 3000 крон; Он приказал оплатить работу служащих дворца и дать 200 крон мастерам артиллерии, и часть дону Хуану де Торресу, находчивому и остроумному поэту, который посвятил Ему несколько искусных и изысканных стихов, Андресу де Мендоса, автору этого сообщения, который поздравлял Его с счастливой помолвкой, на латинском языке, три тысячи реалов, с большой благодарностью и выражением удовлетворения». – Ibid.

⁶⁶⁹ Ibid. P. 546.

⁶⁷⁰ Ibid. P. 547.

а затем отправились во Фромисту, где принц был встречен с большим уважением коннетаблем Кастилии.

Стоит заметить, что на протяжении всего обратного пути Карла принимали с почестями, достойными короля. Обратно он возвращается не в статусе «инкогнито», поэтому передвижения по Испании занимают у него определенное время. Принц посещает известные «места силы» испанских правителей и наслаждается демонстрацией доброжелательного отношения. Перед отъездом Карла Филипп IV приказал всем провинциям, через которые будет проезжать знатный гость, оказать самый достойный прием: «Поскольку Светлейший принц Уэльский собирается отплыть из порта Сантандер, и я желаю, чтобы во всех городах, селениях и местечках моих королевств и владений, где бы он ни проезжал, его бы одаривали, принимали и встречали радушно как Меня самого, и чтобы все это было исполнено»⁶⁷¹.

Карл и его спутники прибыли в Сантандер 10 сентября 1623 г. В четыре часа дня принц официально вошел в город и был горячо встречен жителями. Первым желанием принца было в сопровождении испанских лордов посмотреть на «его флот»⁶⁷², направленный Яковом. Карл хотел продемонстрировать испанцам мощь и красоту английских кораблей в рамках собственной репрезентационной стратегии, однако разыгравшийся шторм не дал им оказаться на желанном корабле «Принц». На следующий день, в субботу, Карл все-таки направился к кораблю, а в воскресенье пригласил сопровождавших его испанских аристократов взойти на него и полюбоваться мощным английским флотом. 18 сентября принц Карл отправился обратно в Англию. 29 сентября разыгрался шторм, и кораблям пришлось пристать к архипелагу Силли. Только 3 октября им удалось продолжить путь и через два дня, 5 октября в воскресенье в девять часов утра добраться до Портсмута.

⁶⁷¹ Recivimiento de principe soberano extranjero // La Monarquía de Felipe II: La Casa del Rey / Dir. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Tomo II. Madrid, 2005. P. 962.

⁶⁷² Яков отправил за принцем восемь кораблей королевского флота и два пинаса. - A Relation of the Departure ... P.549.

Таким образом, появление Карла Стюарта и герцога Бекингема при испанском дворе было расценено как их готовность к любым условиям, в том числе к переходу в католичество. Когда испанцы убедились в том, что Карл не собирается менять вероисповедание, они стали настаивать на религиозной терпимости в Англии, что способствовало бы улучшению положения английских католиков. Папа римский, дав разрешение на брак, руками испанцев хотел усилить английских католиков и вернуть потерянное влияние римской курии в Англии. Яков I прекрасно понимал это и не мог позволить усилиться власти папы римского. Эта ситуация завела переговоры в тупик. Сам Карл долго колебался, но всё-таки решил принять последний вариант условий испанцев и папы, посчитав, что важность брачного договора для Англии, Пфальца и Европы стоит этих условий. Английской стороне пришлось идти на уступки: обещать ослабить гонения на католиков, сохранить вероисповедания инфанты и её будущих детей, смириться с возрастающим влиянием папы римского и обещать ослабить антикатолическое законодательство. Доминирование Испании в ходе переговоров было выражено и посредством даров – испанцы оказались очень щедры, поэтому принц был вынужден одарить испанцев так, чтобы символически остаться с ними на равных. С помощью богатых даров англичане поддержали свой престиж и достойно покинули Испанию, однако тем самым нарушили изначальные планы путешествия «инкогнито», не предполагавшего затрат на дары. Несмотря на колоссальные траты, «политика даров» способствовала установлению «вертикальных» и «горизонтальных» связей принца с испанской аристократией, видными придворными и представителями администрации на местах.

Возвращение Карла в Англию было замедлено его путешествием как публичного лица. Когда «инкогнито» было раскрыто, и испанская сторона восстановила контроль над ситуацией, принц оказался полностью вовлечен в публичное пространство двора и официального королевского церемониала. Все перемещения Карла всецело определяла испанская сторона, подчинив их

собственной репрезентационной стратегии. Сеть так называемых «королевских мест»⁶⁷³ охватывала всю Испанию, и тем самым объединяла множество территорий и королевств под властью Филиппа IV. Английских гостей познакомили с разнообразием провинций, входивших в состав королевства, и с представителями местной управленческой элиты, что имело важное политическое значение.

⁶⁷³ Hortal Muñoz J.E. Royal Sites as Core Element of Early Modern Monarchies: Social Integration in Seventeenth-Century Castile // *Royal Studies Journal*, 9:2, 2022. P. 170.

Глава 4. Художественные собрания и патронат: опыт знакомства Карла Стюарта с коллекциями испанских Габсбургов

В эпоху Ренессанса коллекционирование предметов искусства получило широкое распространение среди монархов Европы и представителей знати. В контексте публичной репрезентации власти все большее значение стало придаваться королевским коллекциям. Собрания предметов искусства, способы их демонстрации и патронат художникам становились важными составляющими не только придворной, но и политической культуры раннего Нового времени.

В историографии проблему монаршего патроната и коллекционирования стали изучать сравнительно недавно. Ученые обратились к социальной и политической функциям искусства, рассматривая на примере разных дворов Европы систему формирования коллекций, формы их публичной демонстрации, и их роль в создании образа монарха.⁶⁷⁴

В коллекционировании особенно преуспевали правители итальянских государств (род Медичи, герцоги Урбино, род Гонзага), римские папы, император Священной Римской империи Германской нации Рудольф II и король Испании Филипп II Габсбург. В Англии еще со времен Генриха VIII при дворе начинает формироваться королевская коллекция,⁶⁷⁵ однако она

⁶⁷⁴ Elliott J., Brown J. Philip IV and the Buen Retiro. New York and London, 1987; Baxandall M. Painting and Experience in Fifteenth Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. Oxford, 1988; Freeberg D. The power of images. Chicago and London, 1989; Lloyd C. The Queen's Pictures: Royal Collectors through the centuries. London, 1991; Art and patronage in the Caroline Courts. Essays in honour of Sir Oliver Millar. Ed. by D. Howarth. Cambridge, 1993; Hearn K. Dynasties: painting in Tudor and Jacobean England 1530 – 1630. London, 1995; Brown J. Kings and Connoisseurs: collecting Art in Seventeenth-Century Europe. Princeton, 1995; Howarth D. Images of rule: Art and politics in the English Renaissance, 1485-1649. Berkeley: University of California Press, 1997; Smuts R.M. Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999; The sale of the century: Artistic relations between Spain and Great Britain, 1604- 1655: [The catalogue for an exhibition held in the Museo del Prado, March 15- June 2, 2002] / Ed. by Brown J., Elliott J. H. New Haven, London: Yale University Press, 2002.

⁶⁷⁵ Ganz P. Henry VIII and his court painter, Hans Holbein // The Burlington magazine. Vol. 63, no. 367. 1933. P. 144 – 155; Auerbach E. Tudor Artists: A study of painters in the Royal Service and Portraiture on illuminated documents from the accession of Henry VIII to the Death of

была богата в основном картинами нидерландских мастеров и далека от традиций итальянского Ренессанса. Из выдающихся художников Генрих VIII смог привлечь к английскому двору только Ганса Гольбейна. Сама коллекция короля состояла из 150 картин, по большей части портретов и полотен на религиозные сюжеты с протестантским подтекстом, написанных немецкими мастерами.⁶⁷⁶ Елизавета Тюдор не проявляла большого интереса к коллекционированию, но ее придворные и фавориты – первый министр Уильям Сесил, лорд Берли, Кристофер Хэттон, графы Лейстер, Эссекс и Нортгэмптон были патронами художников и коллекционерами их работ.⁶⁷⁷ Наибольшую популярность приобрели миниатюры⁶⁷⁸ Николаса Хиллиарда⁶⁷⁹, чьим официальным покровителем был приближенный королевы Роберт Дадли, граф Лейстер.⁶⁸⁰ Сама Елизавета понимала важность репрезентации власти посредством парадного королевского портрета,⁶⁸¹ поэтому заказывала множество своих изображений английским и нидерландским художникам –

Elizabeth I. London, 1954; Holbein and the Court of Henry VIII. London, 1978; Foister S. Paintings and other works of Art in Sixteenth-Century English Inventories // Burlington Magazine, 123. 1981. P. 273 – 282; King J. Tudor Royal Iconography: literature and art in an age of religious crisis. Princeton, 1989; Anglo S. Images of Tudor Kingship, London, 1992; King J. The Royal Image, 1535 – 1603 // Tudor Political Culture / Ed. by D. Hoak. Cambridge, 1995; Howarth D. Images of Rule. Art and politics in English Renaissance, 1485 – 1649. London, 1997; Sharpe K. Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-century England. London, 2009; Henry VIII. Man and Monarch / Ed. by S. Doran. London, 2009; Scott J. The Royal Portrait. Image and Impact. London, 2010.

⁶⁷⁶ Taylor F.H. The taste of Angels. A History of Art collecting from Rameses to Napoleon. Boston, 1948. P. 205 – 206.

⁶⁷⁷ О патронате Роберта Дадли, графа Лейстера – Haynes A. The White Bear: The Elizabethan Earl of Leicester. London, 1987; Auerbach E. Nicholas Hilliard. London, 1961; О коллекции Уильяма Сесила, лорда Берли – Paintings and Sculpture at Hatfield House / Ed. by E. Auerbach, C.K. Adams. London, 1971; О коллекции Генри Говарда, графа Нортгэмптона – Peck L. Northampton: Patronage and Policy at the Court of James I. London, 1982.

⁶⁷⁸ Strong S. The English Renaissance Miniature. London, 1983; Coombs K. The Portrait Miniature in England, 2nd edition. London, 2005.

⁶⁷⁹ Coombs K. The portrait miniature in England. London, 1998.

⁶⁸⁰ Dynasties: Painting in Tudor and Jacobean England, 1530–1630 / Ed. by K. Hearn. New York, 1995.

⁶⁸¹ Strong R. The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and pageantry. London, 1977; Frye S. Elizabeth I: The Competition for Representation. Oxford, 1993; Cooper T. The Queen's visual presence // Elizabeth: The exhibition at the National Maritime Museum / Ed. by S. Doran, D. Starkey. London, 2003. P. 175 – 181; Doran S. Viginity, Divinity and Power: The portraits of Elizabeth I // The Myth of Elizabeth I / Ed. by S. Doran, T.S. Freeman. Basingstoke, 2003.

Джорджу Гауэру, Джону де Крицу, Левине Теерлинк, Николасу Хиллиарду, Корнелиусу Кетелю и др.⁶⁸² В елизаветинской живописи преобладало влияние фламандского маньеризма с присущей ему любовью к символическим деталям и скрытому аллегорическому подтексту.⁶⁸³ Из-за войны с Испанией и разрыва с Римом Англия оказалась изолирована от европейских стран, а значит, и от новых континентальных тенденций в искусстве. Англичане не могли активно путешествовать, особенно в католические страны, а иностранцы не стремились приезжать в Лондон. Политическая изоляция повлекла за собой определенную стагнацию в развитии художественных представлений в Англии.

Яков I Стюарт, как и его предшественница, не выражал большого интереса к собиранию предметов искусства. Королевскую коллекцию пополняли лишь статичные портреты монарха, написанные посредственными английскими или нидерландскими художниками.⁶⁸⁴ Изменения при дворе начались благодаря жене Якова, королеве Анне. Будучи уроженкой Дании, она имела перед собой пример роскошного двора ее брата, Кристиана IV, а также Рудольфа II⁶⁸⁵, императора Священной Римской империи. Анна покровительствовала английскому архитектору Иниго Джонсу, а также была патронессой французского ученого и инженера Соломона де Каусса, который создал итальянский сад с превосходными фонтанами для королевы.⁶⁸⁶ Под влиянием Анны Датской также начала расти королевская живописная

⁶⁸² Strong R. Portraits of Queen Elizabeth. Oxford, 1963. P. 7; Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered. 1520 – 1620 / Ed. By R. Strong, V.J. Murrell. London, 1983; Strong R. The Gloriana: portraits of Queen Elizabeth I. London, 1987.

⁶⁸³ Дмитриева О. «Золотой век» английского двора: эволюция придворной культуры от Генриха VIII до Карла I // «Золотой век» английского двора: от Генриха VIII до Карла I. М., 2012. С. 22 – 47.

⁶⁸⁴ Strong R. Tudor and Jacobean Portraits. London, 1969; Parry G. The iconography of James I // The Golden Age restor'd. The Culture of the Stuart Court, 1603 – 1642. Manchester, 1981.

⁶⁸⁵ Evans R.J.W. Rudolf and the fine arts // Rudolf II and his World. A Study in Intellectual History 1576 – 1612. London, 1997. P. 80 – 83.

⁶⁸⁶ Kurtz D. The concept of the classical past in Tudor and early Stuart England // Journal of the History of Collections. Vol.20, No. 2. 2008. P. 195; Strong R. The Renaissance Garden in England. London, 1998. P. 73 – 112.

коллекция.⁶⁸⁷ В ее резиденциях хранились собрания картин, которые включали не только портреты предков, членов семьи и друзей, выполненные в традициях елизаветинского двора, но и картины на мифологические, религиозные сюжеты.⁶⁸⁸ Неудивительно, что по примеру матери, идею значимости королевской коллекции усвоил старший сын, наследник английского престола, Генри, принц Уэльский.

С 1610 г. принц Генри начал формировать свой собственный ренессансный двор. Он привлекал художников, архитекторов, инженеров, граверов, ученых и антикваров, которые могли поддержать и осуществить его идеи. Близким соратником принца был известный патрон и коллекционер предметов искусства католик граф Эррандел, который побывал в Италии в 1590-х гг. и имел представления об уровне итальянского ренессансного искусства.⁶⁸⁹ Свою резиденцию в Англии он превратил в настоящую сокровищницу – начиная от сада и заканчивая галереями с шедеврами Рафаэля, Леонардо, Тициана, Тинторетто, Веронезе, а также немецких и голландских мастеров, за которыми ездил лично. По описи 1655 г. коллекция графа состояла из 200 скульптур и 600 картин, часть из которых не имела авторства, но была выполнена превосходно. Этот факт говорит об истинном вкусе владельца, а не желании обладать полотнами только знаменитых художников.⁶⁹⁰ Скорее всего, именно Эррандел способствовал созданию коллекции картин при дворе наследника. Благодаря зарубежным агентам – Филиппу Джейкобу, миниатюристу Исааку Оливеру и Филиппу Бурламаки, а также подаркам придворных, принц Генри стал обладателем картин итальянских, фламандских и немецких мастеров – Тинторетто, Беккафуми,

⁶⁸⁷ Payne M.T.W. An inventory of Queen Anne of Denmark's "ornaments, furniture, household stuffe, and other parcells" at Denmark House, 1619 // *Journal of the History of Collections*. Vol. 13. 2001. P. 23 – 44; Barroll L. *Anna of Denmark, Queen of England: a cultural biography*. Philadelphia, 2001.

⁶⁸⁸ Strong R. *Henry Prince of Wales and England's Lost Renaissance*. L., 2000. P. 141.

⁶⁸⁹ Hervey M.F.S. *The life, correspondence and collections of Thomas Howard, Earl of Arundel*. Cambridge, 1921.

⁶⁹⁰ Taylor F.H. *Op. cit.* P. 227.

Гольбейна, Врума⁶⁹¹, Гольциуса, Порселлиса⁶⁹² и др.⁶⁹³ Наследник также проявлял интерес к античности и приобщался к достижениям итальянского ренессанса и маньеризма в скульптуре. Особенно его привлекли бронзовые бюсты фламандского скульптора Джамболоньи, работавшего в Италии. В мае 1612 г. принц приобрел коллекцию из 15 скульптур. Эти бронзовые статуи стали для англичан первым опытом знакомства с итальянской скульптурой со времен разрыва с Римом.

Принца Генри также занимала репрезентация власти посредством строительства величественных архитектурных сооружений. Однако ему нужен был свежий взгляд и новый стиль. Главными соратниками принца в вопросах дизайна, конструкций и внешнего вида резиденций стали итальянский художник, скульптор, ландшафтный дизайнер и архитектор Констанцио де Серви, французский инженер Соломон де Каус и выдающийся английский архитектор Иниго Джонс.⁶⁹⁴ Все они работали над главной резиденцией принца – Ричмондским дворцом. Совершенствование садово-паркового ансамбля, строительство фонтанов и проведение водопровода стали важными достижениями в обустройстве дворца. Удивительно, но всего за два года Генри смог создать уникальный ренессансный двор, который стремился к приращению знаний и формированию новой эстетики.

Преемником идей принца Генри стал его младший брат, принц Карл. К моменту поездки в Мадрид он уже имел некие представления об искусстве Нидерландов и Италии, благодаря коллекциям своего брата, а также графа Эрандела⁶⁹⁵, графа Солсбери⁶⁹⁶, графа Сомерсета⁶⁹⁷ и маркиза Бекингема⁶⁹⁸.

⁶⁹¹ Хендрик Корнелиш Врум (ок. 1562 – похоронен 4 февраля 1640) был голландским художником Золотого века, которого считают основателем голландского морского искусства или морских пейзажей.

⁶⁹² Ян Порселлис (нидерл. Jan Porcellis; ок. 1584, Гент — 29 января 1632, Зутервауде) — голландский рисовальщик, живописец и гравёр, мастер офорта, пейзажист, маринист.

⁶⁹³ Strong R. Henry Prince of Wales... P. 148.

⁶⁹⁴ Ibid. P. 66.

⁶⁹⁵ Parry G. Thomas Howard, Earl of Arundel // The Golden Age restor'd. The Culture of the Stuart Court, 1603 – 1642 / Ed. by G. Parry. Manchester, 1981; Angelicoussis E. The collection of classical sculptures of the Earl of Arundel, "Father of Vertu in England." // Journal of the

Страсть к искусству вошла в XVII в. в понятие аристократического образа жизни и стала одним из атрибутов придворного круга.⁶⁹⁹ Предметы искусства, собранные Бекингом с помощью агентов и посредников, действовавших почти во всех европейских странах, известны нам по описям, составленным после его смерти.⁷⁰⁰ Коллекция герцога насчитывала около 215 картин, а также мраморные, бронзовые и алебастровые статуи, в основном расположенные в особняке Йорк-хаус.⁷⁰¹ Часть коллекции была куплена Бекингом в 1627 г. за 10 тысяч фунтов у Рубенса, который привез много шедевров из Италии.⁷⁰² Известно, что Карл I являлся одним из самых активных меценатов своего времени, однако менее известно, что эта склонность, согласно его собственному признанию, была развита в нем Бекингом. Сеть посредников и скупщиков произведений искусства, которую создал главный адмирал, в особенности после его смерти, оказала важный вклад в создание фантастической коллекции короля.⁷⁰³

Тем не менее, знакомство еще юного принца Карла с богатыми коллекциями испанских Габсбургов полностью перевернуло его представления о значении искусства для формирования образа королевской

History of Collections, 16 (2). P. 143–159; Vickers M. The Arundel and Pomfret Marbles. Oxford, 2006.

⁶⁹⁶ Croft P. Patronage, Culture and Power: The Early Cecils, 1558 – 1612. London, 2002.

⁶⁹⁷ Wilks T. The Picture Collection of Robert Carr, Earl of Somerset // Journal of the History of Collections. Vol. 1. 1989. P. 167 – 177; Braunmuller A. R. Robert Carr, Earl of Somerset, as collector and patron // The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991.

⁶⁹⁸ Parry G. The Duke of Buckingham as collector and patron // The Golden Age restor'd. The Culture of the Stuart Court, 1603 – 1642 / Ed. by G. Parry. Manchester, 1981; Mc Evansoneya Ph. Vertue, Walpole and the documentation of the Buckingham collection // Journal of the History of Collections. Vol. 8, Issue 1. 1996. P. 1–15.

⁶⁹⁹ Hill R. Ambassadors and art collecting in early Stuart Britain. The parallel careers of William Trumbull and Sir Dudley Carleton, 1609 – 1625 // Journal of the History of Collections. Vol. 15, No. 2. 2003. P. 211 – 228.

⁷⁰⁰ Fairfax B. A Catalogue of the curious collection of pictures of George Villiers, Duke of Buckingham : in which is included the valuable collection of Sir Peter Paul Rubens : with the life of George Villiers, Duke of Buckingham, the celebrated poet. London, 1758.

⁷⁰¹ 19 полотен Тициана, 17 — Тинторетто, 21 — Бассано, 13 — Веронезе, 13 — Рубенса, 8 — Пальмы, 3 — Леонардо да Винчи, 4 — Рафаэля, 3 — Джулио Романо, 3 — Гвидо Рени, 3 — Корреджо и т.д. - Cammell C.R. The Great Duke of Buckingham. London, 1939. P. 344

⁷⁰² Taylor F.H. Op. cit. P. 274.

⁷⁰³ Дюшен М. Герцог Бекингем // Жизнь замечательных людей. М., 2007. С. 299.

власти и этоса аристократии. К сожалению, впечатления самого Карла слабо представлены в его письмах и свидетельствах современников, однако, чтобы понять, что стимулировало его большой интерес к искусству после возвращения из Испании, необходимо выявить, какие шедевры он мог видеть в «королевских пространствах» Филиппа IV.

4.1. Коллекция Алькасара

Важным фактором в развитии художественного вкуса (равно как и политического опыта) юного принца Карла стало шестимесячное пребывание в 1623 году при дворе испанского короля. К 1665 г. коллекция Филиппа IV насчитывала 2 600 картин только в четырех главных резиденциях, а всего их было около 5 500.⁷⁰⁴ В Мадриде и окрестностях принц смог посетить самые значимые резиденции, монастырь Дескальсас Реалес и знаменитый Эскориал. Однако наиболее важным с точки зрения репрезентации власти был Алькасар.

Ввиду того, что принц во время своего визита в Мадрид жил в королевском Алькасаре, он имел возможность изучить шедевры живописи, представленные там. Как главная резиденция, Алькасар Мадрида был украшен картинами с политическим подтекстом, направленным на демонстрацию мощи и силы дома Габсбургов. Именно здесь хранилось большинство работ Тициана, которые Филипп IV, как и Карл I и Филипп II, особенно ценил за сочетание историзма и высокого художественного качества.⁷⁰⁵ В королевской коллекции внимание также уделялось картинам европейских мастеров XVI – начала XVII вв. Среди современных той эпохе художников испанского короля больше всего вдохновлял Питер Пауль Рубенс. Он лично бывал в Испании и покорила Филиппа особенностями стиля, сочетавшего в себе верность передаче портретного сходства, силе

⁷⁰⁴ Ibid. P. 124.

⁷⁰⁵ Известно, что к 1686 г. в Мадридском Алькасаре хранилось 77 работ Тициана // Burke M. B., Cherry P. Collections of paintings in Madrid. 1601 – 1755. Part 1 // Ed. by M. L. Gilbert. Los Angeles, 1997. P. 25.

пластического воображения и динамичности форм.⁷⁰⁶ Его картины доминировали в коллекции Алькасара, а к 1682 г. во дворце было выставлено около 60 работ.

Многие из шедевров королевской коллекции выставлялись в так называемом «зеркальном зале» Алькасара. По большей части там были представлены итальянские и фламандские работы. В зале висел конный портрет императора Карла V работы Тициана, символизирующий династическую преемственность и подчеркивающий роль испанского короля как защитника католической веры. Именно в «зеркальном зале» король часто принимал посольства, демонстрируя посредством коллекции свои богатства и формируя стойкий образ могущества Габсбургов.⁷⁰⁷

В 1603 г. по настоянию герцога Лермы была открыта школа для испанских художников, которые изначально копировали картины, хранившиеся в Эскориале. Придворными художниками Филиппа III были Винченцо Кардуччи и Эухенио Кахес, которые хотели основать академию искусств в Мадриде по примеру академии во Флоренции. Однако отсутствие единомышленников привело к тому, что идея так и осталась не реализованной. При Филиппе IV большую известность приобрел Диего Веласкес, который стал придворным живописцем как раз в 1623 г.

Разумеется, к 1623 г. коллекция Филиппа IV еще не имела столь ошеломляющих масштабов. Тем не менее, Карл смог увидеть работы выдающихся мастеров – Тициана, Тинторетто, Веронезе, Рафаэля и других представителей итальянской школы, испанских художников – Эль Греко и Хосе де Рибера, и, конечно же, первые работы Диего Веласкеса в качестве придворного художника. Существует мнение, что Веласкес даже написал

⁷⁰⁶ В своих письмах Рубенс делился впечатлениями об Испании. - The letters of Peter Paul Rubens. Cambridge, 1955.

⁷⁰⁷ Burke M. B., Cherry P. Collections of paintings in Madrid... P. 2.

портрет принца, который был выкуплен Карлом за 1100 реалов, но не сохранился до наших дней.⁷⁰⁸

4.2. Оружейная палата Мадрида – символ победоносной Испании

Из сообщения английского посла в Испании Джона Дигби, графа Бристоля, известно, что в первые дни своего пребывания в Алькасаре принц также побывал в королевской Оружейной палате, основанной Филиппом II.⁷⁰⁹ Сам Карл не оставил своих впечатлений о визите, однако обращение к коллекции позволит понять, что принц мог увидеть в сокровищнице Габсбургов.

Коллекция Арсенала была богата личным оружием королей Испании, военным оружием, трофеями, доспехами и дипломатическими дарами в виде gobelенов, картин и др. Здание палаты располагалось перед главным фасадом Алькасара, в комплексе королевских конюшен, построенных Гаспаром де Вега между 1556 и 1564 гг.⁷¹⁰ Филипп II приказал создать Арсенал не только для того, чтобы хранить личные доспехи и оружие почитаемого им отца, императора Карла V, но и с целью формирования образа сильной Испании и ее рыцарственных королей. Здание Оружейной палаты Мадрида было построено в 1565 г., а спустя год в нем была размещена коллекция, которая стала настоящим воплощением власти, так как сосредоточила в себе историческое наследие правителей, начиная с XV в.

На момент посещения Карлом Оружейной палаты Мадрида ядром коллекции было средневековое оружие из сокровищницы Алькасара

⁷⁰⁸ Brotton J. The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection. London, 2006. P. 101.

⁷⁰⁹ «Около четырех или пяти часов граф Оливарес подвел принца к окну во дворце и показал, как упражняются искусные фехтовальщики, а затем оттуда он отправился в королевскую Оружейную палату, где хранилось оружие императора Карла V и Франсиска I, короля Франции». – Digby J. A continuation of a former relation concerning the entertainment giuen to Prince His Highnesse by the King of Spaine in his court at Madrid. [Electronic resource] - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18477.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> [accessed 22 August 2023].

⁷¹⁰ Catálogo de la Real Armería. Madrid, 1849. P. 3.

Сеговии, огнестрельное оружие, доспехи Карла V и Филиппа II, детские доспехи принцев и инфантов Испании, дипломатические и семейные подарки, отправленные герцогом Мантуи Карлу V, правителем Японии Тоётоми Хидэёси Филиппу II, Карлом Эммануилом I, герцогом Савойским и Яковом I Английским – Филиппу III, инфантой Изабеллой Кларой Евгенией – Филиппу IV. Кроме того, в собрание вошло оружие, принадлежавшее Филиппу I Красивому и католическим королям Фердинанду и Изабелле.

Разумеется, особенно привлекали внимание доспехи Карла V и Филиппа II, изготовленные в период между 1519 и 1560 гг. Такие доспехи предназначались не для военных, а скорее для репрезентативных целей, так как использовались только на рыцарских турнирах и военных парадах. В Европе оружие и доспехи стали восприниматься как предметы искусства со времен императора Священной Римской империи Максимилиана I. Он активно поддерживал рыцарские идеалы и воплощал их в играх, турнирах и торжественных церемониях, на которых обязательным атрибутом становилось украшенное оружие, «говорящее на собственном символическом языке».⁷¹¹ Образ вооруженного монарха являлся отображением его божественной природы⁷¹² и рыцарственности⁷¹³. Эту идею воспринял и внук Максимилиана, Карл V Габсбург, а тот в свою очередь передал ее сыну – Филиппу II. Однако роскошное оружие и доспехи умели делать не повсеместно. Своими мастерами славились в основном немецкие города.

⁷¹¹ Soler del Campo A. The royal armory in the context of Spanish History from the XV to the XVII century // *The art of power. Royal Armory and portraits from Imperial Spain*. Washington, 2009. P. 33.

⁷¹² Kantorowicz E.H. Gods in uniform // *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 105, №4. 1961. P. 368 – 393.

⁷¹³ Настоящий ренессансный рыцарь должен был защищать христианство, охранять слабых, поступать справедливо. Образ рыцаря отчасти складывался через его внешний вид, детали которого имели важное символическое значение. Например, мифологические мотивы были аллюзией на политическую власть и личную добродетель, образ святого иметь династические и политические коннотации. Использование геральдики было одним из главных способов продемонстрировать статус владельца оружия. Применялись изображения династических гербов, знаков орденов, имперских символов (орел и корона). - Soler del Campo. *Armors as works of art and the image of power* // *The art of power. Royal Armory...* P. 78, 81, 88 – 89.

Принц Карл наверняка смог полюбоваться доспехами Карла V, выполненными оружейником Колманом Хельмшмидом из Аугсбурга во второй половине XVI века, а также великолепными по своей красоте и тонкости исполнения доспехами Филиппа II, созданными немецкими оружейниками Дезидериусом Хельмшмидом и Йоргом Сигманом в 1549 – 1552 гг. Довольно часто в XVI в. оружейники имели связи с художниками. Например, именно работы Колмана и Дезидериуса Хельмшмидов чаще всего изображал Тициан на парадных портретах Карла V и Филиппа II, чтобы подчеркнуть могущество монархов.⁷¹⁴ Придворные художники имели доступ к Оружейной палате, чтобы наиболее достоверно передать визуальный образ вооруженного правителя. Конные портреты и изображения в полный рост стали основными композиционными моделями для парадных портретов европейских правителей с середины XVI в. до конца XVII в.

Кроме немецких мастеров в чести были итальянские оружейники, например, Филиппо Негроли и его братья из Милана, Бернардо Кампи, Помпео делла Кьеза и др. В Арсенале хранился знаменитый шлем Карла V, выполненный Филиппо Негроли в 1533 г. по заказу самого императора. Антропоморфность шлема и греко-римские мотивы представляли Карла как классического античного героя, а лев на щите символизировал силу, смелость и благородство. В Оружейной палате Мадрида также хранились доспехи Карла V, выполненные в 1529 г. семьей Негроли.⁷¹⁵ Этот комплект считается самым полным из тех, что выполнил итальянский мастер первой половины XVI века. Религиозные темы были характерной особенностью украшения оружия, выполненного для испанских монархов. Так, в Арсенале хранился бургиньот Карла V 1545 г. в исполнении Негроли, на котором в центре представлен пленный турок со связанными руками, как символ победы христианства над исламом. В коллекции Карл также мог видеть щит

⁷¹⁴ Soler del Campo. The Royal Armory in Spanish Court Portraits // The art of power. Royal Armory... P. 158.

⁷¹⁵ Pyhrr S.W., Godoy J-A. Heroic armor of the Italian Renaissance - Filippo Negroli and his contemporaries. New York, 1999. P. 160.

императора с головой Медузы 1541 г. и еще одни доспехи 1550-1553 гг.⁷¹⁶ Из итальянских работ в собрании представлены доспехи, изготовленные Каремоло Модроне из Мантуи в 1536 г., и подаренный Карлу доспех в римском стиле, отлитый Бартоломео Кампи для Гвидобальдо II Делла Ровере, герцога Урбино.

Среди статусных экспонатов королевской коллекции Арсенала были папские мечи, известные как «благословенные», так как ими папа римский благословлял в день Рождества Христова. Эти мечи отправлялись в знак расположения к христианским государям, чтобы вдохновить их на укрепление католической веры и защиту Святого Престола.⁷¹⁷ Испания воспринималась в Европе как главная защитница и оплот католичества, поэтому не удивительно, что в Арсенале сохранилась большая коллекция⁷¹⁸ папских мечей как знак добрых отношений светской и церковной власти.

Несмотря на то, что в правление Филиппа IV, страстного коллекционера живописи, Арсенал потерял свою первостепенную важность, он имел большое символическое значение с точки зрения преемственности и репрезентации власти дома Габсбургов. Мемориальное оружие и доспехи стали предметом музейного интереса и служили прославлению исторических свершений нации.⁷¹⁹

4.3. Монастырь Дескальсас Реалес – благочестие и власть

Кроме Оружейной палаты Мадрида принц Карл трижды бывал в знаменитом женском монастыре босоногих кармелиток Дескальсас Реалес.⁷²⁰ Монастырь был основан Хуаной Австрийской, дочерью Карла V и Изабеллы

⁷¹⁶ Ibid. P. 179, 194.

⁷¹⁷ Soler del Campo A. The royal armory...P. 34.

⁷¹⁸ В королевском Арсенале хранится уникальная коллекция клинков папских мечей целого ряда глав католической Церкви, начиная с начала XV в.: Евгения IV (1431-1447), Каликста III (1455-1458), Павла III (1534-1549), Пия IV (1559-1565), Григория XIV (1590-1591), Климента VIII (1592-1605), Павла V (1605-1621). – Ibid. P. 47.

⁷¹⁹ Дмитриева О.В. Великое посольство в Европу – «Большой тур» Петра I // Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. М., 2019. С. 98.

⁷²⁰ Almansa-y-Mendoza A. Relacion de la partida del serenissimo Principe de Galia, que fue a nueve de Setiembre deste año 1623. Madrid, 1623. P. 3.

Португальской, в 1559 г. в самом центре Мадрида, недалеко от королевского Алькасара на нынешней площади Лас-Дескальсас, около площади Пуэрта-дель-Соль. Здание, выбранное для монастыря, изначально принадлежало казначею императора Карла V Алонсо Гутьерресу. В его резиденции часто бывала королевская семья, более того, сама Хуана родилась именно в этом доме.⁷²¹ После короткого брака с Жоаном Мануэлом Португальским Хуана вернулась в Испанию и стала регентом Кастилии в период с 1554 по 1559 гг., когда Филипп II бывал в Англии со своей второй женой Марией Тюдор. В 1555 г. Хуана выкупила дворец Гутьерреса для создания женского монастыря, который стал домом для знатных представительниц Испании, вошедших в орден Святой Клары.

По просьбе Хуаны дворец был перестроен Антонио Сильеро в период с 1556 по 1559 гг. В первую очередь большое внимание уделялось созданию сакральных мест (часовен, ораторий) и главной капеллы. Кроме того, в монастыре были предусмотрены королевские покои для представителей династии. Дескальсас Реалес должен был стать женским аналогом монастыря Сан-Херонимо, в котором были предусмотрены личные покои короля. Сама Хуана оставалась там во время важных религиозных праздников, но все-таки по большей части жила в Алькасаре.

Одной из главных причин, побудивших Хуану принять решение основать монастырь, было желание обеспечить непрестанную молитву за свою душу и души своих родственников. Насельницы монастыря, помимо искренности религиозных убеждений, отбирались с учетом благородства их происхождения и чистоты крови, что свидетельствует о желании сохранить статус монастыря как королевского, ввиду прямого патроната монарха и его семьи. Монастырь был местом уединения, освобождения от придворного церемониала и правил поведения для особ королевской крови. Именно поэтому некоторые представительницы династии жили в Дескальсас Реалес и

⁷²¹ Sánchez M.S. Where Palace and Convent Met: The Descalzas Reales in Madrid // The Sixteenth Century Journal, Vol. 46, No. 1. Spring, 2015. P. 59.

даже становились монахинями. Например, первой из рода Габсбургов, кто постоянно жил в Дескальсас стала сестра Хуаны, императрица Мария (вдова Максимилиана II и сестра Филиппа II), которая в 1581 г. прибыла из центральной Европы в Испанию вместе с дочерью Маргаритой. В 1586 г. Маргарита стала монахиней монастыря и жила там до своей смерти в 1633 г.⁷²² Однако линия представительниц династии Габсбургов в монастыре не пресекалась вплоть до XVIII в. В 1622 г. Каталина Д'Эсте, правнучка Филиппа II приняла постриг в Дескальсас Реалес, а в 1624 г. туда была отправлены Анна Доротея, незаконнорожденная дочь императора Рудольфа II. Позднее насельницами монастыря стали Мариана де ла Крус, незаконнорожденная дочь кардинала инфанта дона Фернандо, и Маргарита де ла Крус вторая, незаконнорожденная дочь дона Хуана Хосе Австрийского.

Несмотря на то, что изначально монастырь создавался как место уединенное, противопоставлявшееся пышности двора, он сохранял часть придворных атрибутов ввиду присутствия представителей королевской крови. Императрица Мария, находясь в монастыре, принимала гостей, устраивала аудиенции и имела около ста слуг. Ее дочь Маргарита также продолжала служить своей семье даже после принятия пострига – принимала нунциев, вела переписку с папой римским, а также заботилась о королевских детях, когда монархи были вдали от Мадрида. Например, дети Филиппа III и Филиппа IV часто навещали монастырь и свою тетюшку Маргариту. Монахини, жившие в Дескальсас Реалес, сохраняли свое привилегированное положение и имели особое влияние в обществе. Монастырь был своего рода духовной резиденцией испанских королей и знати, символизировавшей единение католической веры и правящей династии. Более того, Дескальсас

⁷²² Ibid.

стал местом, куда после кончины монарха мог удалиться наследник престола для бдения в ожидании интронизации.⁷²³

Еще одной важной составляющей принадлежности конвента к семье Габсбургов стала знаменитая коллекция портретов. Ее основу заложила Хуана Австрийская. 125 портретов ее собрания изображали португальских, испанских и немецких членов династии Габсбургов, а также их приближенных и государственных деятелей.⁷²⁴ В дальнейшем коллекция пополнялась, так как монастырю делали богатые пожертвования и преподносили ценные дары.

Большая часть портретов демонстрировалась в королевском зале и в «кандилоне» (в комнате с большой люстрой), находившихся на втором этаже дворца. В «кандилоне» представлены портреты инфантов дона Диего и дона Фелипе (1579), инфанты Изабеллы Клары Евгении и Каталины Микаэлы (1568 – 1569), инфанта Фернандо (1577), Иоанны Австрийской (вт. пол. XVI в.), Хуаны Австрийской (вт.пол. XVI в.) кисти испанского художника времен Филиппа II, Алонсо Санчеса Коэльо.⁷²⁵ Здесь можно было увидеть портрет Себастьяна Португальского (1565), сына Хуаны Австрийской, в возрасте 11 лет, автором которого был испанский художник Кристоаль де Моралес. Среди портретов были представлены изображения братьев и сестер императора Карла V: Фердинанда I, Элеоноры Австрийской, Каталины Португальской, Марии Португальской кисти нидерландского портретиста Антониса Мора.

В королевском зале, использовавшемся для аудиенций и официальных встреч, представлено еще большее разнообразие портретов. Среди них

⁷²³ Именно так поступил Филипп IV перед торжественным въездом в Мадрид в качестве короля. – *Relacion de las Honras del Rey Felipe Tercero que está en el cielo, y la solene entrada en Madrid del Rey Felipe Quarto, que Dios guarde*. Madrid, 1621.

⁷²⁴ García Sainz A.G., Ruiz Gómez L. *Linaje regio y monacal: la galería de retratos de las Descalzas Reales // El linaje del emperador: Iglesia de la Preciosa Sangre, Centro de Exposiciones San Jorge, Cáceres*. M., 2000. P. 143.

⁷²⁵ García Sanz A., Sánchez Hernández L. *Royal Convents of Madrid. Las Descalzas Reales and La Encarnación*. Madrid, 2014. P. 32.

портреты Карла V, Филиппа II и Хуаны Австрийской, а также портрет императрицы Марии, написанный испанским художником и официальным придворным портретистом Филиппа II и Филиппа III, Хуаном Пантохой де ла Крус, а также портрет эрцгерцога Эрнеста (1592), сына императрицы, кисти фламандского живописца Франса Пурбуса Младшего.⁷²⁶ Рядом – портреты Филиппа III и его жены Маргариты Австрийской, выполненные мастерской испанского художника Бартоломе Гонсалеса и портрет их дочери Анны Австрийской (1603) работы Пантохи де ла Крус и др.

Кроме того, можно выделить целую серию портретов, изображавших монахинь монастыря, среди которых наряду с Хуаной Австрийской, Марией Испанской и Маргаритой де ла Крус были и другие представительницы династии Габсбургов. Например, портрет Анны Доротеи (1628), написанный знаменитым Питером Паулем Рубенсом, портрет Марианы де ла Крус (вт. пол. XVII в.). В монастыре эти портреты служили сохранению семейной памяти, напоминанием о благодарности за Божье заступничество. Тем не менее, они были необходимы не только для молитвенных практик, но и для демонстрации королевского благочестия. Элементы придворной и монашеской культуры сосуществовали в стенах Дескальсас Реалес, а портретная галерея служила связующим звеном между этими мирами. Даже находясь в монастыре, представительницы дома Габсбургов чувствовали связь со своими великими предками, а гости монастыря могли увидеть преемственность и взаимное уважение разных ветвей могущественной династии.

Кроме портретов в Дескальсас Реалес были представлены и другие предметы искусства. Например, особенно выделяется комната с серией гобеленов, изображавших «Торжество Евхаристии». Эти полотна были вкладом испанской инфанты Изабеллы Клары Евгении. После смерти своего отца, Филиппа II, Изабелла семь месяцев пребывала в монастыре и молилась

⁷²⁶ Ibid. P. 37.

о его упокоении. Позже, из большой любви к этому месту в качестве подарка в 1627 г. она заказала Питеру Паулю Рубенсу серию картонов для создания гобеленов на тему прославления Святой Евхаристии. Гобелены были изготовлены на Брюссельской шпалерной мануфактуре в мастерской Яна Раеса Второго и представляли собой одиннадцать больших ковров примерно одинаковой высоты, но разной ширины, а также девять гобеленов меньшего размера. Серия включала композиции: «Триумф Церкви над Яростью, Раздором и Ненавистью», «Триумф веры», «Торжество Божественной любви», «Победа Истины над ересью», «Победа Евхаристии над идолопоклонством» и «Защитники Евхаристии», а также изображения ветхозаветных сюжетов: «Встреча Авраама и Мелхиседека», «Сбор манны», «Пророк Елисей получает пищу от Ангела» и «Ветхозаветная жертва» и др.⁷²⁷ Композиция «Триумф Церкви», вероятно, была одной из центральных, поскольку сохранившаяся шпалера является самой большой и отличается наибольшей сложностью. Рубенс написал сцены в широком диапазоне классической и христианской иконографии, где торжествовали традиционные аллегории борьбы добра со злом – противостояние католической церкви и ересей. Важной целью создания гобеленов было возвышение и укрепление католической церкви согласно идеологии Контрреформации, демонстрация ее силы и непобедимости.

Среди живописных богатств монастыря Дескальсас Реалес были представлены картины на христианские сюжеты фламандских, испанских и итальянских художников – Себастьяно дель Пьомбо, Франсиско де Солиса, Франсиско Сурбарана, Педро Орренте, Хорхе Мануэля Теотокóпули, сына знаменитого Эль Греко, и конечно же работы Тициана.⁷²⁸ Однако очевидно,

⁷²⁷ Ibid. P. 30.

⁷²⁸ «Святое семейство с ангелами» (школа Брюгге), «Мадонна с младенцем и Святой Франциск» (школа Рубенса), «Христос несущий Крест» Себастьяно дель Пьомбо (1520), «Святой Франциск» Франсиско Сурбарана, «Святой Себастьян» Педро Орренте (1606), «Святой Антоний» Хорхе Мануэля, «Динарий кесаря» Тициана (1516) и др. – Ibid. P. 39 – 43.

что большая часть живописных шедевров XVI-XVII вв. из коллекции королевской династии находились в Алькасаре и Эскориале.

Монастырь был инкорпорирован в церемониальную жизнь испанского двора, а демонстрация портретной галереи и других работ знаменитых художников была способом показать политическое влияние членов рода Габсбургов, даже тех, которые находились в стенах монастыря. Союз католической веры и абсолютной монархии ярко проявлялся именно в монастыре Дескальсас Реалес, поэтому совсем не удивительно, что принц Карл не раз бывал там с королем Филиппом IV. Монастырь был одним из важных церемониальных пространств Габсбургов, поэтому визит английского принца был вполне обоснованным. Более того, не исключено, что Карл бывал там на аудиенции у австрийской принцессы Маргариты де ла Крус, дочери императрицы Марии Испанской, которая была монахиней монастыря и жила там с 1576 г. К сожалению, доподлинно неизвестно, чем принца занимали в Дескальсас Реалес, однако факт неоднократных визитов Карла в монастырь отмечен у испанского публициста Альманса де Мендосы⁷²⁹, а также в сообщении английского посла графа Бристоля.⁷³⁰ В последний визит перед отъездом, принца и его спутников «встретили со слезами радости»⁷³¹. Более того, всем аристократам, чьи сестры или дочери жили в этом монастыре, было позволено пройти на его территорию вместе с принцем в качестве надежных сопровождающих. Такое внимание к принцу в католическом женском монастыре могло быть вызвано желанием склонить его к католицизму. На примере Дескальсас Реалес принц мог увидеть наивысшую степень католической набожности, которая была присуща роду

⁷²⁹ Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present year, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 543.

⁷³⁰ Bristol's Journal, transmitted to Secretary Conway // Memoirs of Spain during the reigns of Philip IV and Charles II from 1621 to 1700 by John Dunlop. Vol. I. Edinburgh, 1834. P. 75.

⁷³¹ Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure...P. 543.

Габсбургов, в сочетании с королевским достоинством и ярко выраженным почитанием предков.

4.4. «Восьмое чудо света» - Эскориал

Среди других значимых мест хранения коллекций в Испании, непременно следует упомянуть о знаменитом Эскориале. Он был настоящей сокровищницей Испании, поскольку Филипп II собрал во дворце большое количество работ испанских и европейских живописцев, а в библиотеке – ценные книги и рукописи. Эскориал впечатлял коллекцией работ самых известных художников - Тициана, Эль Греко, Сурбарана, Риберы, Тинторетто – всего около 1600 картин, а в библиотеке дворца можно было найти рукописи Святого Августина, Альфонсо Мудрого и св. Тересы.

Как уже отмечалось ранее, 30 августа 1623 г. Карл с Бекингом прибыли в Эскориал на обратном пути в Англию. Англичанам показали библиотеку, сады, монастырь, пантеон, и, конечно, собрание картин. В Зеркальном зале дворца были выставлены шедевры венецианских художников, которые имели программное политическое значение. Например, картина Тициана «Испания приходит на помощь Религии» (1575) была аллегорией битвы при Лепанто, которая знаменовала торжество Испании и Священной лиги над Турцией и символизировала важнейшую победу христианства над исламом. Филиппу II, как страстному коллекционеру Тициана, принадлежали знаменитые картины «Святая Маргарита и дракон» (1540-50), «Гефсиманское моление» (1556), «Отдых на пути в Египет» (1535), «Святой Иоанн Креститель» (1560), «Христос на Кресте» (1565), «Мученичество Святого Лаврентия» (1548-1559), «Благовещение» (1565), а также работы других итальянских художников – «Поклонение волхвов» (1570-е) Паоло Веронезе, «Поклонение пастухов» (1581) Якопо Тинторетто и др. В этом зале Эскориала была представлена большая часть приобретенных Филиппом II картин Иеронима Босха. Кроме работ венецианских и фламандских художников во дворце были представлены картины испанских

мастеров: Хуана Фернандеса де Наваррете, Хуана ван дер Амена, Хосе де Рибера, Франсиско де Сурбарана и др.⁷³² Итальянские художники, такие как Пеллегринио Тибальди, Федерико Цуккаро, Лука Камбиазо, Бартоломео Кардучи и др., выполнили большую часть росписей дворца, которые в основном имели религиозные сюжеты.⁷³³

Принцу Карлу наверняка довелось пройти по «Залу битв», который представляет собой галерею длиной 55 метров, полностью расписанную итальянцами Никколо Гранелло, Ладзаро Тавароне и Фабрицио Кастелло.⁷³⁴ Внимание приковывала масштабная фреска вдоль внутренней стены, изображавшая битву при Игеруэле в 1431 г., победу над маврами войск короля Хуана II близ Гранады. На другой стороне между окнами были изображены эпизоды сражений Филиппа II в Пикардии и две военные экспедиции на Азорские острова. Эти сюжеты на стенах галереи составляют единую программную декорацию, призванную прославить монарха и героические победы его нации.

Как и в Дескальсас Реалес, в Эскориале существовала портретная галерея. Именно в ней король принимал послов и важных лиц, поэтому можно совершенно уверенно утверждать, что Карл бывал в этой комнате и видел знаменитый портрет Филиппа II (1557) работы Антониса Мора, портрет Карла V в доспехе (1605) кисти Хуана Пантохи де ла Крус, портрет самого Филиппа IV (1612), выполненный Бартоломео Гонсалесом.⁷³⁵ Опыт знакомства с подобными шедеврами наверняка наводил Карла на мысли о важности формирования королевской коллекции, потому что он был впечатлен умением художников, в особенности венецианских, работать с

⁷³² Coignard J., Jover M., Lasnier J.-F. Exploring El Escorial // The Royal Monastery of San Lorenzo de El Escorial. Madrid, 2012. P. 47 – 48.

⁷³³ Каптерева Т.П. Эскориал // Грани творчества: Сборник научных статей: К 50-летию научной деятельности д-ра искусствоведения Т.П. Каптеревой М., 2003. С. 59.

⁷³⁴ Coignard J., Jover M., Lasnier J.-F. Exploring El Escorial...P. 40.

⁷³⁵ Sancho J. L. The Royal Monastery of San Lorenzo de El Escorial. Madrid: Patrimonio Nacional, 2002. P. 142.

цветом и создавать с помощью изображения образ могущественного правителя.⁷³⁶

Помимо живописи и фресок в Эскориале была широко представлена скульптура. Особое внимание обращают на себя скульптурные группы в главной капелле около алтаря. В нише слева представлены коленопреклоненные фигуры Карла V, императрицы Изабеллы Португальской, их дочери Марии и сестер императора инфант Марии и Леоноры, а справа – короля Филиппа II, его четвертой, третьей и первой супруг – Анны Австрийской, Изабеллы Валуа и Марии Португальской с сыном, инфантом доном Карлосом. Статуи в 4 метра были выполнены Помпео Леони⁷³⁷ в период с 1592 по 1600 гг. и отлиты в Мадриде при участии миланских мастеров.⁷³⁸ Эти скульптуры создавали иллюзию вечного присутствия царственных особ и их семей на происходящих в соборе мессах, подчеркивая религиозность правящего дома. Филипп II считал скульптуру необходимым выражением королевского величия. Он хотел выглядеть достойно в конкуренции с другими европейскими дворами XVI в. и подтвердить свой статус ренессансного правителя. Его отец, Карл V, оставил ему работы, заказанные Леони, а его тетя Мария Австрийская - свою коллекцию классических скульптур и античной бронзы. В правление Филиппа III (1578-1621) в основном создавали алтари и полихромные скульптуры из дерева для королевских монастырей и церквей. Особую популярность приобрели работы скульптора Грегорио Фернандеса, представителя барокко в испанской пластике. Скульптура пополняла коллекции монархов и знати в ходе процедуры обмена дарами и становилась важной составляющей великолепия европейского двора. Вероятно, принц

⁷³⁶ Не только Карл был поражен, но и вся Европа: творчество Тициана сильно повлияло на художников XVII в. - на Веласкеса, Рубенса, Ван Дейка и др. - Charles I. King and collector. London, 2018. P. 53.

⁷³⁷ Helmstutler Di Dio, K. The chief and perhaps only antiquarian in Spain. *Journal of the History of Collections*, 18(2). 2006. P. 137–167.

⁷³⁸ Каптерева Т.П. Указ. соч. С. 54.

Карл заметил эту тенденцию и помимо итальянской живописи обратил особое внимание на скульптурные изображения.

4.5. Приобретения принца Карла: покупки и подарки

Уже находясь в Мадриде, принц отдал приказ приобрести для него семь картонов знаменитого Рафаэля с изображениями Деяний апостолов, написанных для оформления Сикстинской капеллы. Эта покупка стала первым значительным вкладом в создание новой художественной программы принца. Для Стюартов апостольская традиция была основой власти короля как главы церкви, поэтому обращение к картонам с «Деяниями» транслировало идею преемственности между англиканской и раннехристианской церковью.⁷³⁹ Карл демонстрировал не только свое понимание значимости работ Рафаэля, но и идею общих религиозных корней. Кроме того, использование работ Рафаэля и создание больших гобеленов по его эскизам усиливало восприятие величия династии Стюартов и подкрепляло концепцию о божественном праве монарха.

Что касается испанского опыта Карла, то помимо королевской коллекции он имел дело с частными испанскими коллекционерами. Для организации этих визитов была создана специальная хунта, которая состояла из членов государственного совета – кардинала Сапата, маркиза де Айтона и графа Гондомара, секретарем был назначен Андрес де Прада, а майордомом – граф де Барахас. Граф Монтеррей, президент совета по делам Италии, стал личным помощником принца Уэльского.⁷⁴⁰

Известно, что Карл бывал у разных испанских коллекционеров. Например, несколько раз он посетил дона Херонимо Фуньес-и-Муньос, рыцаря ордена Сантьяго, «дворянина при трапезе» Его Величества, члена государственного совета по делам Италии и по совместительству

⁷³⁹ Wyld H. Charles I and Raphael's "acts of the apostles"// Charles I. King and collector. London, 2018. P. 196.

⁷⁴⁰ Schroth S. W. Charles, the duque de Lerma and Veronese's Edinburgh "Vars and Venus"// The Burlington Magazine, Vol. 139, No. 1133. Aug., 1997. P. 548.

знаменитого частного коллекционера.⁷⁴¹ Известно, что принц также посетил и других коллекционеров – Джованни Баттиста Кресченци, маркиза де ла Торре, герцога-графа Бенаvente и Хуана де Эспина.⁷⁴² В ходе изучения живописных сокровищ Испании принц лично приобрел две картины Тициана «Портрет девушки в мехах» (1535) и «Аллегория брака»⁷⁴³ (1530-1535), которые были совершенно новаторскими для английского общества ввиду большей откровенности. Карл был непосредственно знаком с некоторыми художниками. Например, он приобрел за две тысячи реалов картину «Тайная Вечеря» Эухенио Кахеса. С помощью художественного агента герцога Бекингема Бальтасара Жербье Карл купил бюсты Марка Аврелия и Аполлона. Известно, что принц также заинтересовался историей и приобрел за 136 реалов труд Антонио де Эрреры и Тордесильяс «Всеобщая история деяний кастильцев на Островах и Материке Моря Океана, называемых Западными Индиями», биографию Карла V в виде эпитомы за 4 реала и описание жизни Филиппа II за 33 реала, созданное испанским историком Луисом Кабрерой де Кордоба.⁷⁴⁴ По всей видимости, принца очень впечатлили достижения первых испанских Габсбургов, увековеченные в литературе, живописи и скульптуре XVI – XVII вв.

Интерес Карла к искусству и истории был замечен Филиппом IV. Помимо оружия и лошадей в качестве даров от короля принц получил

⁷⁴¹ Считается, что из его собрания Карл получил три картины в подарок: две из них принадлежали кисти Тициана, а третья – его ученику – Хуану Фернандесу де Наваретте. - Redworth G. The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 113. Однако в каталоге хранителя коллекции, Абрахама ван дер Дорта, нет конкретных сведений о названиях полученных в подарок картин. – Catalogue and Description of King Charles the First's Capital collection of pictures, limnings, statues, bronzes, medals and other curiosities. London, 1757.

⁷⁴² Brotton J. Op. cit. P. 95.

⁷⁴³ Тициан создал эту картину в 1531-1532 гг. по случаю бракосочетания итальянского кондотьера Альфонса д'Авалоса, маркиза Пескары и дель Васто с Марией Арагонской. На ней изображена Венера с обнаженной грудью и Марс в блестящих доспехах. На коленях Венеры находится сфера – знак власти, Купидон подносит новобрачным тяжелую связку фасций – античный символ согласия. То есть уже сам Карл оказался подвержен брачному символизму картин эпохи Ренессанса. - Назарова О. Любовь и страсть в искусстве Возрождения. Ренессанс в Италии. М., 2023. С. 171. С. 84 – 85.

⁷⁴⁴ Redworth G...P. 113.

несколько знаменитых картин. Одна из них – «Венера дель Пардо» была написана Тицианом во второй четверти XVI века по заказу Филиппа II.⁷⁴⁵ Эта работа стала самым большим по размеру полотном художника, написанным на мифологическую тему. Возможно, таким образом Филипп IV хотел особо подчеркнуть значение визита принца и сделать подарок, достойный его статуса. Более того, в работах ренессансных художников образ Венеры имел отношение к любовно-брачному символизму и интерпретировался как свадебное благопожелание, аллегория целомудренного и плодоносного брака.⁷⁴⁶ Подобным подарком Филипп IV явно выражал надежду на успех союза Карла и Марии. Особым жестом со стороны испанского короля, символизировавшим пропаганду величия династии, стало преподнесение принцу портрета Карла V с охотничьей собакой кисти Тициана 1530 г. К 1623 г. его картины были признаны шедеврами по всей Европе, а особая связь с династией Габсбургов была важным критерием авторитета художника.

Как известно из сообщения Андреса Альманса де Мендосы, на обратном пути принц и его спутники побывали в Вальядолиде, бывшей столице и городе знаменитого фаворита короля Филиппа III герцога Лермы.⁷⁴⁷ Во дворце Паласио-де-ла-Рибера на тот момент принц мог увидеть коллекцию герцога, насчитывающую 631 картину, среди которых были работы Рафаэля и Микеланджело.⁷⁴⁸ Герцог Лерма продал этот дворец вместе с коллекцией 11 июня 1606 г. Филиппу III, после смерти которого все перешло Филиппу IV. По прибытии, Карла и Бекингема встретили маркиз де лос Велес и граф де Альба де Алисте и оказали принцу самый радушный прием. В Вальядолиде Карл наслаждался коллекцией Лермы, а также получил

⁷⁴⁵ Realcion de la salida que hizo de esta villa de Madrid, el serenissimo Principe de Gales a nueve de Setiembre deste año de 1623. P. 2.

⁷⁴⁶ Назарова О. Любовь и страсть в искусстве Возрождения...С. 171.

⁷⁴⁷ Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 г. // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 546.

⁷⁴⁸ Schroth S. W. Op. cit. P. 548.

в подарок картину кисти Паоло Веронезе «Венера и Марс, связанные Амуром» (1570). Подобный подарок явно имел символический смысл, так как Венера и Марс считались идеалом союза, символизирующего триумф любви. Обращение к этим образам было выражением благосклонности богов к новобрачным, пожеланием счастья и многодетности. Один из купидонов связывает ноги Марса, облаченного в доспехи и обнаженную Венеру любовным узлом, а в это же время другой малыш Купидон привязывает коня Марса, знаменуя торжество любви над ратными делами.⁷⁴⁹ Картина с таким символическим содержанием была не только выражением надежды на удачный союз, но и стала откровением для английской публики: образы обнаженных античных богов открылись перед английским двором в своем символизме и эстетической ценности.⁷⁵⁰ Принц также получил в дар скульптуру «Самсон, убивающий филистимлянина» фламандского скульптура Джамболоны (ок. 1562 г.), который стал открытием для англичан в области скульптуры.⁷⁵¹ К началу XVII в. имена Веронезе и Джамболоны были широко известны, поэтому такие подарки могли быть лишь знаком уважения, благодарности и надежды на будущий союз Англии и Испании.

Вкусы Карла в живописи во многом определились тем, что он увидел в Испании: династические портреты, работы итальянских, в особенности венецианских, и фламандских художников. Итальянское искусство стало настоящей страстью Карла. Тициан и его полотна произвели особенно

⁷⁴⁹ Назарова О. Указ. соч. С. 87.

⁷⁵⁰ Идея публичного пространства, украшенного серией картин на мифологические сюжеты, объединенных одной темой, восходит к итальянским виллам и студиоло. Для достижения большего символизма представители итальянского светского искусства стали использовать обнаженную натуру. Еще Филипп II хорошо понимал потенциал такого рода циклов не только в качестве украшения монаршей резиденции, но и как средства создания образа правителя. Он заказал Тициану серию картин на основе любовных историй богов и Метаморфоз Овидия. Вероятно, принц Карл прочувствовал эту идею и решил привнести ее в жизнь английского двора. – Там же. С. 219.

⁷⁵¹ Sir Balthazar Gerbier // The Oxford Dictionary of National Biography / Ed. H.C.G. Matthew and Brian Harrison. XXI. Oxford, 2004. P. 948 – 951.

сильное впечатление на принца, как и работы современных ему фламандских художников – Рубенса и ван Дейка⁷⁵², выполненные в барочном стиле.⁷⁵³

Вскоре после возвращения из Испании в 1629 г. Карл заказал Рубенсу, с творчеством которого он впервые познакомился именно в Мадриде, серию монументальных росписей для Банкетного павильона дворца Уайтхолл.⁷⁵⁴ Композиции «Апофеоз Якова I», «Союз Англии и Шотландии», «Мирное правление Якова I» прославляли основателя династии Стюартов на английском престоле и отражали новое видение божественного и абсолютного характера его власти.

Карл обратил особое внимание на конные портреты испанских монархов и их приближенных (в частности, на конный портрет Карла V кисти Тициана и портрет герцога Лермы кисти Рубенса), в связи с чем заказал своему придворному художнику Антонису Ван Дейку подобное изображение. Знаменитый конный портрет короля Карла I со шталмейстером Сен-Антуаном 1635 г. и конный портрет Карла I 1637 – 1638 гг. стали настоящими шедеврами, олицетворением могущества монархической власти.

В Испании принц познакомился с опытом создания и коллекционирования скульптурных портретов, которые на тот момент практически не были распространены в Англии. Именно после поездки в Испанию, где он познакомился с программными скульптурными портретами Габсбургов работы Л. Леони и П. Леони, Карл загорелся идеей создания собственного скульптурного портрета, реализованного в 1635 г. итальянским

⁷⁵² Foister S. *Foreigners at court: Holbein, Van Dyck and the Painter-Stainers Company* // *Art and Patronage in the Caroline Courts. Essays in honour of Sir Oliver Millar*. Cambridge, 1993; *Van Dyck and Britain* / Ed. by K. Hearn. London, 2009.

⁷⁵³ Adamson J.S.A. *Chivalry and political culture in Caroline England* // *Culture and Politics in Early Stuart England* / Ed. by K. Sharpe, P. Lake. London, 1994; *The evolution of English Collecting: Receptions of Italian Art in the Tudor and Stuart Periods* / Ed. by E. Chaney. London, 2003.

⁷⁵⁴ Charlton J. *The Banqueting House. Whitehall. L., 1983. P. 7.*

скульптором Лоренцо Бернини⁷⁵⁵, а также конного монумента, который выполнил французский скульптор Юбер Ле Сьюер.⁷⁵⁶

Прямым следствием англо-испанских переговоров о браке и поездки принца в Мадрид стало строительство католической церкви, которая предназначалась для инфанты Марии. Часовня королевы была первой в пост-реформационной Англии, выполненной в палладианском стиле знаменитым английским архитектором Иниго Джонсом.⁷⁵⁷ Знакомство Карла с барочными архитектурными ансамблями и дворцово-парковыми комплексами в Испании способствовало строительству и обновлению английских королевских резиденций, часовен и парков в духе монументальной и величественной континентальной архитектуры.

В Мадриде принц Карл столкнулся с феноменом монаршего коллекционирования и патроната в сфере искусств. Художественные произведения в данном случае выполняли не только эстетические, но и репрезентативные функции, демонстрировали утонченный вкус, просвещенность и богатство испанских монархов. Коллекции короля выставлялись публично в доступных пространствах резиденций, и служили символическим инструментом власти.

Спутники Карла, Эндимион Портер и Фрэнсис Коттингтон, также увлеклись коллекционированием и стали агентами будущего короля в Европе, приобретавшими для него произведения искусства на художественном рынке. Впоследствии Карл I стал известен как самый крупный коллекционер в истории британской монархии. Несмотря на относительно короткий период своего увлечения — примерно с 1620-го до начала 1640-х годов, король собрал около двух тысяч картин и четырехсот

⁷⁵⁵ Brotton J. Op. cit. P. 166.

⁷⁵⁶ Avery C. Hubert Le Sueur, the “unworthy Praxiteles” of king Charles I // The Volume of the Walpole Society, 1980-1982. Vol. 82. P. 138; Esdaile K.A. The Busts and Statues of Charles I // The Burlington Magazine. Vol. 91, No. 550. Jan., 1949. P. 9.

⁷⁵⁷ Griffey E. On display: Henrietta Maria and the materials of magnificence at the Stuart court. London; New Haven: Yale univ. press, 2015. P. 64.

скульптур, которые изменили вкусы английского двора.⁷⁵⁸ При этом самые ценные полотна в его собрании были получены им в дар или приобретены в Мадриде («Портрет девушки в мехах», «Аллегория брака», «Венера дель Пардо» и др.).

⁷⁵⁸ Коллекция Карла состояла из настоящих шедевров европейских мастеров разных школ – флорентийской: Леонардо да Винчи – 1, Андреа дель Сарто – 3; римской: Рафаэль – 13, Джулио Романо – 27, Перино дель Вага – 1, Рафаэле Гарофало – 1; ломбардской: Бернардино Луини – 1, Антонио да Корреджо – 9, Франческо Пармиджанино – 11; венецианской: Джорджоне – 5, Тициан – 45, Джованни Антонио Порденоне – 4, Себастьяно дель Пьомбо – 1; Пальма иль Веккьо – 5, Паоло Веронезе – 4; болонской: Аннибале Карраччи – 2, Гвидо Рени – 4; немецкой: Альбрехт Дюрер – 3, Ганс Гольбейн – 11, Георг Пенц – 2; фламандской: Лукас ван Лейден – 7, Мабюз (Ян Госсарт) – 2, Рубенс – 6, Ван Дейк – 18 и др. - *Treasures of art in Great Britain: being an account of the chief collections of paintings, drawings, sculptures, illuminated mss. In 3 vols. Vol. 1. / by Dr. Waagen. L., 1854. P. 10.*

Глава 5. Итоги поездки принца Карла в Мадрид и реакция английского общества

Принц Карл вместе со своими спутниками вернулся в Англию 5 октября 1623 г. Они были встречены англичанами с восторгом.⁷⁵⁹ Торжества проходили не только в Лондоне, но и по всей Англии: с особым размахом в Грейт-Ярмуте, Оксфорде, Ковентри, Абердине и др. Благополучное прибытие наследника престола из казавшейся им враждебной Испании вызвало настоящий ажиотаж и всплеск радости среди англичан. Английский народ изначально неодобрительно относился к происпанской политике Якова, поэтому возвращение принца без испанской инфанты стало символом возвращения к прежнему направлению во внешней политике. Теперь угроза засилья католиков при английском дворе отступила. Англичане радовались безопасному возвращению принца и избавлению от влияния Испании.⁷⁶⁰

Встреча принца Карла с отцом произошла в Ройстоне, куда король Яков отправился, чтобы скорее увидеть своих «дорогих мальчиков». Как отмечает в своем письме Дадли Карлитону Джон Чемберлен: «Принц и герцог упали на колени, а король с нетерпением обнял их, и все они рыдали от счастья»⁷⁶¹. Яков был рад безопасному возвращению своего наследника и Бекингема, поэтому на тот момент его не интересовали последствия их действий в Испании.

Однако из-за отсутствия ясности относительно перспектив испанского брака в обществе нарастало недоумение: «Путешествие вызвало совершенно неожиданный эффект. Предполагалось, что оно принесет мир и единство, но,

⁷⁵⁹ Горожане выражали свой восторг, создавая праздничные костры из подручных средств: «Люди буквально сошли с ума от чрезмерной радости, поэтому если они встречали на пути деревянную повозку, то сжигали ее». - Джон Чемберлен - Дадли Карлитону, 11 октября 1623 г. // The court and times of James the First. Vol. 2. London, 1849. P. 422.

⁷⁶⁰ Taylor J. Prince Charles his welcome from Spain; who landed at Portsmouth on Sunday the 5th of October, and came safely to London on Monday the 6th of the same, 1623. With the triumphes of London for the same his happie arrival. And the relation of such Townes as are seitate in the wayes to take post horse at, from the Citie of London to Dover, and from Callice through all France and Spainem to Madrid, to the Spanish Court // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 551.

⁷⁶¹ Ibid.

кажется, что сейчас мы еще больше разделены и смотрим в разные стороны, чем прежде»⁷⁶². В этом Джон Чемберлен был прав. В ходе поездки в Испанию Карл и Бекингем поняли, что король Испании не желает помогать Фридриху Пфальцскому. С момента возвращения принц и герцог полностью поменяли внешнеполитическую риторику. Они стали продвигать идею войны, ранее высказанную еще в парламенте 1621 г. Мысль о том, что эта идея будет положительно встречена в английском обществе, только придавала им уверенности. Апелляция к петициям парламента 1621 г. о военном вмешательстве в дела Пфальца давала легитимную возможность начать действия в 1624 г. По плану принца и герцога нужно было созвать парламент и просить у него субсидий для ведения войны. Герцог понимал, что Англии не победить Испанию на море без союзников, поэтому необходимо было организовать союз с Голландией, немецкими князьями, Венецией, Савойей и Францией для свержения господства династии Габсбургов в Европе.⁷⁶³ Очевидным стал альянс с Голландией, которая вела войну с Испанией. Договор был подписан 6 июня 1624 г. Военный контингент графов Оксфорда, Эссекса и Саутгемптона отправился под голландское командование.⁷⁶⁴ Необходимо было заключить союз с Францией. Испанцы претендовали на Валльтелину, провинцию Италии, принадлежавшую Франции, поэтому англо-французский союз был вполне уместен. Оставалось договориться с королем Яковом и английским парламентом.

5.1. Диалог короля и парламента после неудавшегося «испанского брака»

При первой встрече с королем в Ройстоне, принц Карл и герцог Бекингем начали действовать по новому сценарию в отношении Испании.

⁷⁶² Джон Чемберлен - Дадли Карлитону, 25 октября 1623 г. // Ibid. P. 426.

⁷⁶³ Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the court of king James I. New York, 1967. P. 386; Ruigh R. E. The Parliament of 1624. Politics and Foreign Policy. Harvard, 1971.

⁷⁶⁴ Ibid. P. 387.

Считается, что рассказывая Якову о поездке, они начали обвинять испанцев в неуважении к английскому наследнику.⁷⁶⁵ Слухи об этом стали активно распространяться при дворе. 30 октября Карл и Бекингем прибыли в Лондон, чтобы лично объяснить все обстоятельства. На следующий день во дворце Сент-Джеймс собрались члены Тайного Совета, которым принц должен был рассказать свою «правду» о поездке. Большинство членов собрания уловили анти-испанский настрой Карла, и настаивали на необходимости созыва парламента.⁷⁶⁶ Король по-прежнему сомневался и обдумывал возможности переговоров с Испанией. Однако принц и герцог уже убедили совет отвергнуть новое предложение Испании о союзе и прекратить какие-либо переговоры.⁷⁶⁷ 21 декабря 1623 г. во дворце Теобальдс прошла встреча короля и представителей Тайного совета, а 24 декабря уже было обнародовано решение о созыве парламента.⁷⁶⁸

Сессия парламента была открыта 12 февраля 1624 г. Яков лично прибыл на заседание 19 февраля 1624 г. и заверил депутатов в своем желании достичь добрых отношений: «Я так хочу забыть все несчастья прошлого парламента <...> Я хочу закончить свою жизнь в общении между мной и моими людьми, создавая добрые законы, устраняя злоупотребления, о которых я могу узнать только в парламенте, сохраняя хорошее управление государством»⁷⁶⁹. Причиной созыва парламента стало желание Якова

⁷⁶⁵ Ruigh R. E. Op. cit. P. 24.

⁷⁶⁶ Секретарь Конвей был протестантом и соратником герцога Бекингема, граф Карлайл также был на стороне герцога и выступал за французский союз, граф Пемброк, герцог Ричмонд, маркиз Гамильтон и лорд Белфаст изначально были настроены против Испании. В свою очередь лорд хранитель Уильямс, лорд казначей Мидлсекс и граф-маршал Томас Говард, граф Эрандел были солидарны с королем Яковом в желании достичь мира и избежать войны с Испанией. Тем не менее, большая часть лиц присутствовавших на собраниях выступала за созыв парламента и начало военных действий.

⁷⁶⁷ Kennedy M.E. Legislation, foreign policy and the “proper business” of the Parliament of 1624 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 23. No. 1. Spring, 1991. P. 45.

⁷⁶⁸ Ruigh R. E. Op. cit. P. 34.

⁷⁶⁹ «I am so desirous to forget all rends in former Parliaments <...> I desire to end my life in that intercourse between me and my people for the making of good laws, reforming of such abuses as I cannot be well informed of but in Parliament, and maintaining the good government of the

получить совет от депутатов относительно отношений с Испанией.⁷⁷⁰ Теперь вмешательство парламента во внешнюю политику было личной просьбой короля, а значит, оно не будет нарушением его прерогатив. Один из парламентариев, друг известного члена оппозиции в парламенте 1621 г. Эдварда Кока, Джон Лоутер, в своем дневнике⁷⁷¹ комментировал речь короля и особенно обратил внимание на его просьбу заняться вопросом Пфальца без промедления.⁷⁷² Король был настроен оптимистично и не хотел повторения споров о прерогативах: «Бог мне свидетель, я так же жажду успеха этого парламента, как жаждущий воды в пустынях Аравии»⁷⁷³.

С 1621 г. анти-испанские настроения в парламенте только усилились. После неудавшихся переговоров о браке принца с инфантой к 1624 г. парламентское большинство выступало за войну с Испанией. Слухи и рассказы о пребывании принца и герцога в Испании и об унижениях, которые им якобы приходилось переносить,⁷⁷⁴ укрепили многих членов

commonwealth». - Constitutional documents of the reign of James I 1603 – 1625. Cambridge, 1930. P. 299.

⁷⁷⁰ Proceedings in Parliament 1624: The House of Commons [Official site]. - URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl/feb-19> [accessed 14 April 2021].

⁷⁷¹ В соответствии со своей привычкой вести дневниковые записи и тщательный учет, Лоутер вел парламентский дневник. Сохранились его записи о каждом парламенте, который он посещал, за исключением парламента 1625 года. Они представлены в виде небольшой записной книжки для каждой сессии. Один из томов также содержит списки юридических прецедентов, выдержки из статуты и другие памятные записки. Его дневник за 1624 год точно передает тон многих парламентских речей. – Lowther John I (1582-1637) - URL: <https://www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/lowther-john-i-1582-1637> [accessed 15 January 2024].

⁷⁷² «Он пожелал, чтобы мы придерживались наших соображений и не отвлекались на дела привилегий, и сказал, что не будет посягать на наши свободы до тех пор, пока мы будем держаться в пределах своих полномочий» / «He desired us to hold close to our [f. 2] considerations and not to be diverted with matters of privilege, with quirks, and said he would not infringe our liberties so long as we kept us within that we had warrant for». – Diary of John Lowther [Official site]. - URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl/feb-19> [accessed 14 April 2021].

⁷⁷³ «He said, as God judge me, I long as much for a good success of this Parliament as the thirsty man for the water in the deserts of Arabia». – Ibid.

⁷⁷⁴ По мнению Марка Кишлянски, Карл и Бекингем «рассказывали Якову сказки» о вероломстве испанцев: об их попытках убедить Карла перейти в католичество, об их отказе обсуждать дела Пфальца и об умышленном затягивании переговоров. - Kishlansky M. Charles I. An abbreviated life. L., 2014. P. 14 – 15.

парламента в решении разорвать отношения с Мадридом.⁷⁷⁵ Среди лордов сложилась коалиция «патриотов» во главе с принцем Карлом и герцогом Бекингемом.⁷⁷⁶ В эту коалицию вошли те, кто и ранее придерживался анти-испанских настроений: графы Эссекс, Саутемптон, Оксфорд, Пемброк, Уорик, и активные члены палаты общин – Эдвард Кок и Эдвин Сэндис.⁷⁷⁷ В дебатах палаты лордов заметно, что ее члены были на стороне принца. Более того, они изменили свое отношение к герцогу Бекингему, так как считали, что испанский брак не состоялся отчасти благодаря ему.⁷⁷⁸ В журнале палаты общин 27 февраля 1624 г. отмечалось, что «принц сейчас играет роль сына неба, будучи посредником между отцом и нами [палатой общин]»⁷⁷⁹.

На первых заседаниях делегаты обсуждали ситуацию, связанную с испанским браком и возвращением Пфальца. Палата лордов была разочарована действиями Испании, поэтому пришла к выводу, что не стоит надеяться на ее помощь. В рамках договора о союзе Англии и Испании посредством женитьбы принца на инфанте испанцы обещали оказать содействие в возвращении Пфальца Фридриху, однако на деле была заметна большая разница «в том, что обещали королю, и что они [испанцы] предприняли в итоге»⁷⁸⁰. Подобные настроения относительно союза с Испанией были и в палате общин. 1 марта 1624 г. там обсуждался вопрос о дальнейших переговорах с Испанией в сложившейся ситуации. Делегаты отмечали заслуги принца Карла в раскрытии коварных планов испанцев. В

⁷⁷⁵ Кондратьев С.В. Английская революция XVII в. М., 2010. С. 77. Kishlansky M. Charles I. An abbreviated life. L., 2014. P. 15.

⁷⁷⁶ Kishlansky M. A monarchy transformed Britain 1603 – 1714. L., 1997. P. 105.

⁷⁷⁷ Smith D.L. The Stuart Parliaments 1603 – 1689. London, 1999. P. 111.

⁷⁷⁸ Архиепископ Кентерберийский отметил: «Слава Богу, за прояснение, которое стало возможным, благодаря открытию принца. И благодаря Бекингему это стало известным. Да благословит Бог короля и принца и покажет свою благосклонность к Бекингему». - Notes of the Debates in the House of Lords in 1624 and 1626. Camden Society. 1879. P. 3.

⁷⁷⁹ «The Prince now played the part of the Son of Heaven by mediating between father and us». - Proceedings in Parliament 1624...[Official site]. - URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl/feb-27> [accessed 15 April 2021].

⁷⁸⁰ «Touching the Palatinate, observed what was promised before the King's coming, what they undertooke to perfourme and omytted». – Notes of the Debates in the House of Lords...P.7.

протоколах парламентских дебатов отмечена позиция уже известного нам представителя парламента, выступавшего против союза с Испанией, Роберта Филлипса: «Принц Уэльский, прибыв из Испании, привез с собой честь и победу, наше благополучие и безопасность. Прошлые длительные задержки в переговорах говорят о том, что они не будут так эффективны, как мы этого хотели»⁷⁸¹. Майлс Флитвуд, член палаты общин от Лонсестона, обличил планы испанцев: «Мы страдали из-за того, что Испания лишь притворялась заинтересованной браком, а вместо этого намеревалась завоевать Пфальц и Богемию»⁷⁸². Френсис Сеймур, депутат парламента от Мальборо и сторонник войны с Испанией, уверенно утверждал: «Не стоит заключать брачный договор с Испанией. Это нам не выгодно. Они считают нас еретиками. Следует прекратить переговоры и отправить домой испанских послов»⁷⁸³. Палата общин была настроена на войну, так как видела в ней наилучший способ решения проблем Фридриха, распространения протестантизма и сохранения авторитета Англии на международной арене. Ярый защитник свобод парламента Джон Элиот утверждал: «Только война защитит и восстановит нас. Нам необходимо обезопасить себя, подготовив и восстановив собственный флот, и таким образом наказать папистов»⁷⁸⁴.

2 марта на заседании палаты лордов лорд-хранитель сообщил, что палата общин согласна с их мнением относительно испанского брака и Пфальца, поэтому она приняла резолюцию о разрыве переговоров с Испанией. На что граф Саутгемптон решительно заявил: «Надежды на

⁷⁸¹ «Prince of Wales that came out of Spain, brought with him honour and victory; ours, security and safety. The long delays past show it will take no effect, though we desire it». - Proceedings in Parliament 1624...

⁷⁸² «We have suffered by the state of Spain pretending a marriage, but intending the gain of the Palatinate, Bohemia, etc., not the match». – Ibid.

⁷⁸³ «No match intended by Spain. Not beneficial to us. They hold us heretics, admit us not Christian burial <...> To end the treaty, to send home the Spanish ambassadors». – Ibid.

⁷⁸⁴ «War only will secure and repair us. To secure ourselves by preparing and setting out our own fleet; and to do this by those penalties the papists have already incurred». – Ibid.

мирное восстановление Пфальца больше нет, его нужно вернуть военным путем»⁷⁸⁵.

В связи с решением о разрыве с Испанией, в парламенте вновь была поднята тема отношения к рекузантам: большинство депутатов было настроено негативно и выступало за ужесточение законов. Палата общин также поддерживала эти идеи.⁷⁸⁶ Лорды, опасаясь вторжения испанцев в Англию, все активнее выступали за подготовку к войне: «Испания может нанести всякий вред, какой только возможен, нам и нашим союзникам, поэтому нужно обеспечить безопасность»⁷⁸⁷. Палата лордов приходит к осознанию того, что Англия – это пример для всех протестантских стран, поэтому она должна олицетворять силу и внушать страх врагам.⁷⁸⁸

Выслушав совет парламента 5 марта 1624 г., Яков пришел к выводу, что стоит завершить переговоры с Испанией. Однако одновременно с этим король запросил беспрецедентную сумму в пять субсидий на войну, а также потребовал ежегодной субсидии для короля.⁷⁸⁹ Подобное заявление Якова шокировало как принца Карла и герцога Бекингема, так и членов парламента. 20 марта палата общин приняла решение дать три субсидии, которые будут выплачены, когда «Его величество будет рад объявить о полном расторжении обоих договоров о браке и Пфальце»⁷⁹⁰. Переговоры с Испанией были прерваны, английский парламент с одобрения короля профинансировал экспедицию немецкого военачальника Мансфельда в Пфальц, однако она не

⁷⁸⁵ «Hoape of the Palatinate gon, the care rest to be recovered by warre». – Notes of the Debates in the House of Lords...P. 20.

⁷⁸⁶ На заседании 1 марта 1624 г. Френсис Сеймур заметил, что нужно «просить короля привести в исполнение законы против рекузантов и изгнать всех иезуитов» / «And to petition the King to put in execution the laws against recusants, and to banish all Jesuits». – Proceedings in Parliament 1624...

⁷⁸⁷ «Holde yt resolved that the potent enemy Spain wyll doe all the harme she can doe to us or our confederats. To provyde for safety». – Notes of the Debates in the House of Lords...P. 122.

⁷⁸⁸ Архиепископ Кентерберийский справедливо заметил «на этой сессии необходимо подготовить флот, так как сила в доме [в самой Англии] – воодушевление для наших друзей по всему миру» / «The meanes, nowe this season to sett out a fleete. Strength at home, encouragement to our friends abroad». – Ibid.

⁷⁸⁹ Kennedy M. E. Op. cit. P. 52.

⁷⁹⁰ Ibid. P. 55.

увенчалась успехом. Война Испании так и не была объявлена королем Яковом, так как его философия миротворца не позволила ему пойти на военный конфликт.

Считается, что парламент 1624 г. был самым удачным в истории правления Якова I.⁷⁹¹ Помимо обсуждения актуальных проблем внешней политики парламент выпустил семьдесят три статута и сто восемьдесят пять биллей.⁷⁹² Скорее всего, единение короля и парламента стало возможным благодаря сопротивлению общему врагу. Король постепенно понимал, что Испания в переговорах о браке преследовала собственные интересы и стремления римской католической церкви. Яков оценил функции парламента, проявил к нему уважение - попросил совета и прислушался к нему. Члены парламента 1624 г. вели себя более осторожно, выражая свои взгляды относительно внешней политики.⁷⁹³ По опыту прошлых сессий, Яков не стал поднимать спорные вопросы о прерогативах короля и парламента, поэтому в 1624 г. не было ярко выраженной оппозиции. Парламент завершил работу 29 мая 1624 г. Король планировал возобновить сессию осенью, однако проблемы со здоровьем помешали ему.

5.2. Реакция английского общества на несостоявшийся «испанский брак»

Сближение с Испанией и последующее расторжение отношений по-прежнему будоражили умы современников событий. Авторы памфлетов и драматурги, настроенные против Испании, не оставляли этот сюжет без внимания, потому что опасность новых переговоров все еще существовала даже после возвращения принца Карла в Лондон без невесты. Пропаганда посредством пьес и памфлетов оказывала большое влияние на англичан и настраивала их на решительное противостояние Испании.

⁷⁹¹ Kishlansky M. A monarchy transformed Britain...P. 106.

⁷⁹² Smith D.L. Op. cit. P. 111.

⁷⁹³ Kennedy M. E. Op. cit. P. 56.

Томас Скотт, прославившийся анти-испанскими памфлетами, но вынужденный бежать из Лондона после ужесточения цензуры в 1621 г., продолжил деятельность в Нидерландах. Вторая часть памфлета «*Vox populi*» была опубликована в 1624 г., уже после возвращения принца Карла из Мадрида. Как и первая, она имела пространное название: «Вторая часть гласа народа или появление Гондомара в качестве Макиавелли в испанском парламенте, где обсуждается его предательская и ловкая работа по разрушению, как Англии, так и Нидерландов. Честно переведенная с испанского языка копия, написанная доброжелателем Англии и Голландии»⁷⁹⁴. В самом названии прослеживается прямая отсылка к личности Гондомара, его деятельности в Англии и Нидерландах, направленной на ослабление этих государств и усиление влияния Испании. Посол сравнивается с Макиавелли в достижении своих целей: любые средства хороши для достижения триумфа испанского государства. В отличие от первой части, во второй мы видим посвящение в начале памфлета: он написан «для благородных и могущественных Фридриха и Елизаветы, милостью Божьей короля и королевы Богемии, правителей Пфальца на Рейне и для самого прославленного и победоносного Морица, принца Оранского, графа Нассауского»⁷⁹⁵. В посвящении памфлета Томас Скотт выражал благодарность Морицу Оранскому за приют, который тот предоставил ему после обнародования первой части памфлета. Кроме Морица автор посвятил памфлет Фридриху Пфальцскому и Елизавете Стюарт, которые на тот момент также находились в изгнании в Нидерландах. Большинство протестантов сопереживали трагедии Фридриха и Елизаветы и считали их

⁷⁹⁴ The Second Part of *Vox Populi*; or Gondomar appearing in the likeness of Matchiavell in a Spanish Parliament, wherein are discovered his treacherous and subtile practices to the ruin as well of England as the Netherlands. Faithfully translated out of the Spanish Copy or rather, written by a well-willer to England and Holland. [Official site]. - URL: <https://play.google.com/books/reader?id=fghlAAAcAAJ&hl=ru&pg=GBS.PP6> [accessed 18 February 2021].

⁷⁹⁵ To the high and mightie princes, Frederick and Elizabeth, by the Grace of God , King and Queene of Bohemia, Princes Pam latines of the Rhine and To the moft Illustrious and victorious, Maurice, Prince of Orenge, Count of Nifsan. – Ibid.

легитимными правителями Богемии и Пфальца, которым нужно помочь в борьбе с Габсбургами.

Вторая часть «*Vox populi*», носившая анти-испанский характер была проиллюстрирована гравюрами и таким образом стала отчасти и средством визуальной пропаганды. На титульной странице читателя встречает сатирическое изображение графа Гондомара в полный рост. Рядом с Гондомаром изображен стул с отверстием для того, чтобы указать на его физическую немощь.⁷⁹⁶ На заднем плане он изображен в карете, запряженной осликами. На портрете можно также увидеть две латинских надписи с явным издевательским подтекстом: «*Gentis Hispanae decus*» – «Гордость народа Испании» и «*Simul Complectar omnia*» – «Я одновременно приобрету все», изобличающие самоуверенность Гондомара и его желание достичь своих целей любой ценой.

Считается, что первым гравером, который создал образ Гондомара для печати, был голландец Вильям де Пасс. Он написал его портрет, который потом воспроизвел его брат, Симон.⁷⁹⁷ Это изображение попало на Лондонский рынок и превратилось в одно из самых узнаваемых. Гондомар стал единственным не принадлежащим к королевской фамилии испанцем, которого изображали в эпоху первых Стюартов. Это говорит об исключительном положении посла при английском дворе и в обществе.

В преамбуле к памфлету Томас Скотт вспоминает о своем прошлом труде, первой части «*Vox Populi*», о личности коварного испанца (Гондомара) и выражает надежду на то, «что всемогущий Бог откроет глаза всем христианским королям и принцам <...>, чтобы успешно противостоять

⁷⁹⁶ Гондомар страдал от проблем с фистулой прямой кишки, поэтому нуждался в таком приспособлении.

⁷⁹⁷ Oyarbide Magaña E. *Between Love and Hate: Thomas Scott's Puritan Propaganda and His Interest in Spanish Culture // Literary Hispanophobia and Hispanophilia in Britain and the Low Countries (1550-1850)*. Amsterdam, 2020. P. 102.

амбициозным замыслам»⁷⁹⁸. Текст памфлета предваряет иллюстрация, на которой изображено собрание представителей церкви и испанской знати. На этот раз они якобы собрались в Севилье после отъезда принца Карла из Мадрида в 1624 г., и организовали своего рода «испанский парламент»⁷⁹⁹. В центре гравюры, рядом с тронем короля находится фигура маленького улыбающегося дьявола. Он выглядывает из-за герба Якова I, на котором сверху представлены испанские территории, а снизу – европейские владения, принадлежащие испанцам. Такого рода гравюра напоминает читателю об универсалистских планах Испании, которые представляют опасность для европейских стран. В памфлете мы встречаем еще одно изображение – собрание католических священнослужителей и иезуитов, находившихся в Англии. Они обсуждали, как пережить сложные времена гонений, наступивших после разрыва Англии и Испании. Имена собравшихся католиков подписаны на самой гравюре и перечислены в тексте.⁸⁰⁰ Более того, в памфлете ярко показана их связь с Испанией, так как на изображении

⁷⁹⁸ «I truft Almighty God (as hee hath already begun) will open the eyes of all Chrifitian Kinges and Princes, in time not onely to prie into, but ef fectually to oppofe , thefe his immenfe and ambitious delignes» // The Second Part of Vox Populi...

⁷⁹⁹ Oyarbide Magaña. E. The myth of the black knight: subverting the image of count Gondomar in early modern England // Vides, 2014. P. 13.

⁸⁰⁰ D. Wright – имеется в виду Томас Райт (около 1561 – 1623 гг.) – римский католический священник, английский рекузант и религиозный полемист; D. Bristow – Ричард Бристоу (1538 – 1581 гг.) – английский католический полемист и библиист; F. Barlow – Эмброуз Барлоу (1585 – 1641 гг.) – английский бенедиктинский монах и мученик из числа сорока английских и уэльских мучеников, канонизированный папой Павлом VI; D. Bishop – Уильям Бишоп (около 1554 – 1624 гг.) – первый католический епископ в Англии после Реформации, апостольский викарий Англии; F. Pattison – Мэтью Паттенсон (умер в 1623 г.) – католический полемист; F. Porter – отец Портер – иезуит; D. Smith – Ричард Смит (1567 – 1655 гг.) – апостольский викарий Англии; F. Sweete – Джон Суит – иезуит; F. Ployden – отец Плауден – иезуит; F. Louett – Отец Ловет – священник римской католической церкви; F. Wothington – Томас Уортингтон (1548 – 1626 гг.) – римско-католический священник и библиист; F. Heybam – Джон Хейэм (около 1568 – 1634 гг.) – английский католический писатель, переводчик и печатник; F. Palmer – отец Палмер – иезуит; F. Fisher – Джон Перси (1569 – 1641 гг.) – английский священник-иезуит и полемист - The Second Part of Vox Populi...P. 54; Краткая информация о каждом персонаже представлена на сайте Национальной портретной галереи Лондона, где хранится оригинальная гравюра 1620-1624-х гг. - URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw129123/Priests-of-the-Church-of-Rome?LinkID=mp88569&role=sit&rNo=0>

и в тексте памфлета они знакомятся с письмом из Испании, в котором им даются советы относительно жизни в Англии в период осложнения отношений католиков и протестантов. Гравюры второй части «*Vox populi*» имеют важное пропагандистское значение. С их помощью памфлет приобрел большую убедительность и был направлен на более широкую аудиторию.

Памфлет написан в излюбленной манере Томаса Скотта – в форме диалога. Автор показывает некоторую растерянность испанской знати в связи с обострением отношений с Англией. В качестве целей на новом собрании в Севилье обсуждались планы по предотвращению войны, а также восстановлению репутации и доверия в мире после неудачных англо-испанских переговоров о браке. «Благодаря этому собранию мы сможем посоветоваться и определить между собой, какого курса нам лучше всего придерживаться в эти бурные времена, когда погода меняется, а яркие лучи наших надежд рассеиваются, мы со всех сторон должны ожидать бури и штормов»⁸⁰¹, – отмечал в своей речи герцог Медина-Сидония из Андалусии, обращая внимание на усложнение международных отношений. Участники собрания старались выявить причины негативного отношения к Испании со стороны стран Европы и пришли к некоторым выводам. Во-первых, Испания была сторонником и главным гарантом сохранения и распространения католической веры⁸⁰², что вызывало недовольство и сопротивление в протестантских странах. Во-вторых, испанцы были крайне заинтересованы в защите своих территорий⁸⁰³, и это заставляло их быть всегда готовыми к военным действиям. Наконец, система управления в Испании была

⁸⁰¹ «To give way to this our meeting and Parliamentary assembly, to confult and aduife among our felues, what courfe is most fitteft to be holden of vs, in thefe tempeftuous times, for the weather being changed, and the bright beames of our hopes ouer cast, we are from euery fide to expect rage and stormes». – Ibid. P. 3.

⁸⁰² «First, for the maintenance and advanceinent of the Catholique Religion, and holy Church». - Ibid. P. 3.

⁸⁰³ «Secondly, for the defence of his Maiefties Kingdomès and Territories». - Ibid. P. 4.

дискредитирована слухами о вымогательствах людей, занимающих публичные государственные должности.⁸⁰⁴

Гондомар замечает, что англичане и испанцы имеют разную сущность от природы, и это не позволяет им найти компромисс: «они живут на Севере, а мы – на юге, что ближе к солнцу, а, следовательно, жители [Юга] более хитрые, «политичные» и религиозные, вплоть до суеверий и идолопоклонства, напротив жители Севера (как бы они ни были хороши собой, с лучшими лицами и красивее нас самих из-за холодного климата, сохраняющего естественное тепло и влажность) просты, не религиозны, но совершенно презирают славные церемонии нашей Церкви»⁸⁰⁵. Сами испанские герцоги признают, что Испания к 1624 г. оказалась в упадке. Например, герцог Браганса с сожалением отмечает: «Мне жаль, что я дожил до дня, когда честь Испании, которая слепила глаза Европы своим нестерпимым ярким блеском, сейчас покрыта черным облаком позора...»⁸⁰⁶. Однако, как продолжает герцог, «нашей нации не стоит обижаться, так как нас почитают за умение справляться с неудачами на мировой арене»⁸⁰⁷. По мнению Скотта, испанцы находят себе оправдание, даже когда осознают свои ошибки.

В речи перед собранием Гондомар подробно останавливается на своей миссии и докладывает не только о своих достижениях, но и о состоянии английского флота и общественных настроениях. Например, ему удалось

⁸⁰⁴ «Thirdly, to hear the griuances of the people groaning under the heauy burchen of ex action and oppreffion, though the couetuoufnesle of publique offices». - Ibid.

⁸⁰⁵ «They living in the North, and we in the South; which being neerer to the Sunne, the inhabitants are more crafty, politique, and religious, euen to superstition and Idolatry, where as on the contrary, those of the North (howfoeuer goodlier in person, better faced, and more beautifull then our selues by reason of the coldneff of the climate, preferuing inwardly the naturall heate, and radicall moyfture,) are plaine simple, nothing to religious, contemners withall, of the glorious ceremonies of our Church». - Ibid. P. 12.

⁸⁰⁶ «I am sorry that I liue to see the day, that the Honor of Spaine which was wont to dazle the eye of Europe with the unsufferable splendor of its brightnesse, should now be ouer cast with the blacke cloud of disgrace...». - Ibid.

⁸⁰⁷ «Our Nation should not easily offend, we being esteemed the most close and referued to our selues in the world». - Ibid. P. 5.

изучить английские территории и составить чертежи для возможного вторжения⁸⁰⁸, выяснить религиозную принадлежность знатных людей Англии, распространить новости о брачных переговорах, и использовать английских католиков в своих целях⁸⁰⁹. Более того, Гондомар подкупал чиновников, чтобы подготовить почву для возможного нападения.⁸¹⁰ Томас Скотт показывает, что испанцы провели хорошую подготовительную работу по усилению своего влияния, находясь в Англии, и это заметно усложняет ситуацию внутри государства. Автор памфлета своими обличительными речами успешно противостоит Гондомару, демонстрируя его коварство и лживость.

Вторая часть памфлета «*Vox populi*» не оставляет без внимания личный приезд Карла Стюарта в Испанию, так как именно после отъезда принца международная обстановка изменилась. Томас Скотт объясняет неожиданное возвращение принца Карла в Англию без невесты тем, что он понял – испанцы не собирались заключать брак, а переговоры были инструментом для достижения сразу нескольких целей: удержания Англии от участия в Тридцатилетней войне на стороне Евангелической унии, обращения принца Уэльского в католичество и улучшения положения английских католиков. В раскрытии этих планов в памфлете обвиняется граф Оливарес, который будто бы открыл герцогу Бекингеми содержание последней воли короля Филиппа III: «Где он предупредил нас [испанцев] не подписывать брачный

⁸⁰⁸ «За время своего пребывания в Англии и жизни в Лондоне я получил отличные знания о всех землях государства: там нет укреплений, портов на побережье, но я все описал в чертежах <...> Я узнал глубину каналов, я был знаком с песками, горами и реками...» / «I would take vew of the countrie had perfect knowledge of the estate of the whole Land: for there was no Fortification, Hauen, Crecke, or Landing place about the Coaft of England, but I got a platforme and draught thereof; I learned the depth of all their Channels; I was acquainted with all Sands, Shelues, Rocks, Riuers that might impeach or make for inuasion». - Ibid. P. 15.

⁸⁰⁹ «I got out of English Catholiques to mine own use». - Ibid. P. 17.

⁸¹⁰ Cogswell T. The Blessed revolution: English politics and the coming of war, 1621 – 1624. Cambridge, 1989. P. 291.

договор с Англией, но лучше заключить договор с ними [представителями Священной Римской Империи], отдав инфанту Марию сыну императора»⁸¹¹.

После разрыва с Англией испанцы стали больше опасаться объединения англичан и голландцев, поэтому во второй части памфлета Скотт напрямую высказывает мысли о необходимости войны объединенных европейских протестантских сил против Испании.⁸¹² Он отмечает, что на тот момент испанцы были не готовы к военному конфликту, поэтому хотели уладить дело мирным путем.⁸¹³ В памфлете эта идея высказывается герцогом де Сесса: «По моему мнению, лучше всего – установить мирные отношения с Англией до тех пор, пока мы не бросим все наши силы против Голландии, что, я надеюсь, его католическое Величество, наш правитель, сделает летом»⁸¹⁴. Испанцы планировали удерживать англичан переговорами о браке, а в свою очередь хотели решить проблемы с Соединенными Провинциями и сохранить территории Южных Нидерландов во владении испанских Габсбургов. Однако их план стал известен англичанам. Памфлет завершается на неутешительной для испанцев и английских католиков ноте.

Таким образом, вторая часть «*Vox populi*» была направлена на более широкую европейскую аудиторию, так как Томас Скотт обращался в нем не только к англичанам, но также к голландцам, французам и чехам. Памфлет полон рассуждений о коварстве и хитрости испанцев, которые с помощью переговоров с Англией, хотели добиться нескольких целей одновременно: распространить католичество, доминировать в Европе, сохранить свои территории. Томасу Скотту удалось соединить правду и вымысел:

⁸¹¹ «Wherein he charged vs not to match with England, But rather to hold a faire Treaty with them, hauing as you all know bequeathed Maria the Infanta to the Emperours Sonne». - The Second Part of Vox Populi... P.24.

⁸¹² Dorsers W. "To bite" and "Too bee bitten". Thomas Scott as "public issues maker" at the beginning of the Thirty Years War. Amsterdam, 2013 – 2014. P. 28.

⁸¹³ «Сейчас не подходящее время думать о наступательной войне с Англией, к которой мы не готовы» / «We shall finde it no time to thinke of an offensive warre with England, for which we are not in case». - The Second Part of Vox Populi... P. 44.

⁸¹⁴ «Therefore in my opinion, it is best to make faire weather with England, in any case so long at the left, till wee haue tried the vetermoft of our strength againft Holland which I hope his Catholicke Maiefty our Maifter will do this Summer». - Ibid. P. 45.

представленные люди действительно олицетворяли испанскую знать, тем не менее, само заседание в Севилье было выдумкой. Скотт еще больше укрепил анти-испанские настроения в Англии и в мире и сделал весомый вклад в поддержание “черной легенды” об испанцах.

5.3. «Игра в шахматы» Томаса Мидлтона – политическая аллегория на англо-испанские отношения в период правления Якова I

Анти-испанские памфлеты вдохновляли драматургов на создание ярких пьес, укреплявших патриотические чувства в обществе. В Англии XVI – начала XVII вв. театр был одним из инструментов формирования общественного мнения и продвижения политических идей. Пьесы были доступны большинству людей, и поэтому стали одним из способов визуальной пропаганды. Одним из самых успешных драматургов начала XVII в. был Томас Мидлтон. В своем творчестве он умело реагировал на современные события и проблемы. Проект «испанского брака» стал поводом для создания на шумевшей пьесы «Игра в шахматы», которая была отражением реакции общества на англо-испанские отношения 1620-х гг.

Пьеса «Игра в шахматы» (“A Game at Chess”) была опубликована в 1624 г. и стала для драматурга впечатляющим сценическим успехом. Она произвела политический фурор в обществе, являясь открытым выражением негативного мнения относительно сближения с Испанией. Подобная пьеса стала весьма актуальной ввиду несостоявшегося «испанского брака» и желания парламента вступить в войну. Для того, чтобы представить две противоположные стороны – Англию и Испанию, Мидлтон использует аллереорию шахмат. Белая сторона – английская, черная – испанская. Все герои пьесы соответствуют шахматным фигурам и в некоторых из них можно усмотреть отсылки к реальным историческим персонажам. Под фигурой белого короля подразумевается Яков I, черного – Филипп IV. Роль белого коня играет принц Карл, черного – испанский посол Гондомар, роль белой ладьи – герцог Бекингем. Определение прототипов других персонажей

является более спорным вопросом, к которому ранее обращался ряд исследователей: Т. Ховард – Хилл, Дж. Сарджент, Н. Бокат и др.⁸¹⁵ Приняв во внимание трактовки историков, можно утверждать, что в роли пешки белой королевы выступает собирательный образ благочестивой английской леди, за фигурой пешки черной королевы скрывается иезуитка (она сама идентифицирует себя в тексте пьесы), а в качестве пешки черного слона представлен агент иезуитов в Англии, Генри Флойд. Белая королева представляет образ англиканской, а черная – католической церковей. В качестве черной ладьи выступает граф Оливарес, в образе белого слона – архиепископ Кентерберийский, а в виде черного слона – генерал иезуитов Муцио Вителлески.

Сюжет пьесы последовательно показывает на театральной сцене ход англо-испанских переговоров во времена правления Якова I. В прологе появляются два героя, которые существуют вне основного действия пьесы: это основатель и первый генерал ордена иезуитов Игнатий Лойола и аллегория Греха. Игнатий Лойола в диалоге с Грехом жалуется на своих преемников, обвиняя их в том, что те до сих пор не смогли добиться доминирования католической веры в мире: «Я думал, что к этому времени они распространят наши идеи, покроют всю землю и сделают ее черной».⁸¹⁶ Дух Лойолы утверждает, что монархия испанцев все еще не идеальна только потому, что те не смогли распространить католичество в должной мере. Уже во вступлении Мидлтон, как и его предшественник Томас Скотт, демонстрирует универсалистские стремления Испании и католической церкви. Более того, драматург ставит Лойолу-католика в один ряд с Грехом,

⁸¹⁵ Sargent J. R. Theme and Structure in Middleton's "A Game at Chess" // The Modern Language Review. Vol. 66. No. 4. Oct. 1971. P. 721 – 730; Bawcutt N.W. Thomas Middleton a Puritan Dramatist? // The Modern Language Review. Vol. 94. 1999. No. 4. P. 925 – 939; Howard – Hill T.H. Political Interpretations of Middleton's "A Game at Chess" // The Yearbook of English Studies. Vol. 21. Politics, Patronage and Literature in England 1558 – 1658, Special Number. 1991. P. 274 – 285.

⁸¹⁶ Middleton T. The Game at Chess // The works of Thomas Middleton / Ed. by A.H. Bullen. Vol. 7. London, 1896. P. 9.

так как они вместе находятся на стороне испанского черного дома. Именно здесь объявляется суть игры: борьба между черной и белой сторонами, между Испанией и Англией, между католичеством и англиканством, пороком и добродетелью, властолюбием и справедливостью. Мидлтон ясно дает понять, с какой стороной он связывает грех, а с какой безгрешность.

В побочной линии сюжета главными героями являются: пешка белой королевы (добродетельная английская леди), пешка черного слона (Генри Флойд, иезуит) и пешка черной королевы (иезуитка). В первом акте пешка белой королевы находится в сложной ситуации: близость к черным пешкам заставляет ее задуматься о переходе на их сторону. С помощью притворной дружбы черная сторона убеждает английскую леди перейти в католический лагерь. Однако пешка не дает себя легко переубедить, она понимает, что «ни правде, ни миру, в которых убеждает Черный Дом, нельзя верить...».⁸¹⁷ Тем не менее, чтобы освободиться из этой ловушки, она решается встретиться с пешкой черного слона. Его речи полны тех же идей, что и речи пешки черной королевы: белая сторона полна грехов, пребывание на ней погубит душу. К концу первого акта белая пешка все еще непреклонна, но черная не отступает от цели. Иезуиту удалось вовлечь благочестивую англичанку в игру, и он намерен обратить ее в католичество. Скорее всего, этот мотив стоит трактовать как отсылку к действиям испанцев по переходу обычных англичан и правящего дома из англиканства в католичество.

Во втором акте пешка белой королевы оказывается под впечатлением от обольстительных речей пешки черного слона. Кажется, что она уже готова подчиниться, чтобы сохранить свою чистоту и безгрешность: «Во имя добродетели, приказывайте мне что угодно, испытайте мое повиновение в любом деле, и, если вы поверите в мое подчинение, позже будете доверять ему еще больше»⁸¹⁸. Однако после дерзких попыток иезуита совратить ее, английская леди осознала всю порочность и греховность его намерений.

⁸¹⁷ Ibid. P. 24.

⁸¹⁸ Ibid. P. 32.

Мидлтон хочет показать лживость и лицемерие католической церкви и самих испанцев. Черная пешка убеждала белую в любви и добрых намерениях, в то время как сама лишь хотела завладеть ей. Так же, по мнению автора пьесы, случалось и с честными англичанами, которых обманом и сладкими речами старались обратить в католичество. В большей степени подобному соблазну подвергались именно знатные англичанки. В пост-реформационный период женщины играли особенно важную роль в жизни конфессионального сообщества. В условиях гонений на католичество они брали на себя те роли, которые раньше были свойственны лишь мужчинам.⁸¹⁹ С начала XVII в. именно женщины переходили в католичество, уходили в монастырь, образовывали школы и проповедовали.⁸²⁰ Им было свойственно благочестие, которое приводило к сомнениям в истинности учения Англиканской церкви. По агиографическим канонам биографий знатных католичек начала XVII в., написанных мужчинами, именно мужчины-католики оказывали влияние на решение английских дам становиться католичками.⁸²¹ Мидлтон, следуя принятым представлениям об обращении женщин в католичество, проиллюстрировал в пьесе сценарий возможного перехода белой пешки на черную сторону.

Желанию белой пешки разоблачить замыслы черных препятствуют более сильные фигуры, которые выходят на игровое поле. Главным девизом черной стороны становится фраза их коня: «*Qui caute, caste*» – «кто осторожен, тот чист».⁸²² Именно во втором акте ярко начинают показывать себя два главных отрицательных героя пьесы – черный конь, за фигурой

⁸¹⁹ Серегина А.Ю. Женские голоса в английском католическом сообществе XVI – первой половины XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 25. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 189.

⁸²⁰ Серегина А.Ю. Между Лондоном, Мадридом и Брюсселем: женские монастыри, аристократический патронат и английское католическое сообщество XVI - XVII вв. // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени. М., 2015. С. 105.

⁸²¹ Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI-XVII вв. М., СПб, 2021. С. 60.

⁸²² Middleton T. The Game at Chess...P. 38.

которого стоит граф Гондомар и толстый епископ - Архиепископ Сплита и Салоны Марк Антонио де Доминис. Мидлтон представляет Гондомара в пьесе как главного злодея-макиавеллиста, который готов прибегнуть к любым средствам для достижения цели. Эту идею Мидлтон заимствует из памфлетов «*Vox populi*» протестантского полемиста Томаса Скотта. Мидлтон изображает его как циничного политика, желавшего подчинения Англии как в религиозной, так и в политической сфере. Начиная с первого действия, черный конь утверждает: «Дело всемирной монархии сейчас идет хорошо. Великий котел должен постоянно кипеть, поддерживаемый огнем сведений, поступающих из всех христианских королевств».⁸²³ Властолюбие и коварство становятся главными характеристиками Гондомара в пьесе.

Что касается личности Марка Антонио де Доминиса, то он отличался неоднозначностью убеждений, жаждой власти и выгоды. Он был членом ордена иезуитов и занимал пост архиепископа Сплита и Салоны и примаса Далмации. Однако в 1616 г. де Доминис оставил сан архиепископа, покинул Хорватию и отправился в Англию, где был встречен с большим уважением королем Яковом I и духовенством англиканской церкви. Около пяти лет он жил при дворе английского короля. Увлеченный желанием реформ церкви, он начал писать труды об идеальной «церковной республике», в которой будет восстановлено единство западного христианства. В пьесе говорится о теологических трудах толстого слона и о его желании завладеть властью сначала в черном доме, а затем в белом, играя на обеих сторонах.⁸²⁴ По мнению Мидлтона, де Доминис отрекся от своих убеждений и вернулся в лоно католической Испании ради собственного блага и процветания.

⁸²³ Ibid. P. 25.

⁸²⁴ «Напечатана ли моя последняя книга, направленная против черного дома?», то есть он будто бы выступает на стороне белых, критикуя черных. Однако вместе с тем он говорит: «Как же он [Белый король] сильно жалит и отравляет кровь черного противника; сейчас мне стыдно, что когда-то я был на его стороне...», что обличает его стремление вернуться на черную сторону. - Ibid. P. 44, 50.

Все герои появляются в последней сцене второго акта, чтобы разобраться в конфликте пешек белой королевы и черного слона. Белая пешка жалуется своему королю на то, что над ее честью надругались и пытались овладеть силой. Черный слон отрицал вину своей пешки и уверял, что она не могла находиться рядом с пешкой белой королевы. В защиту черной пешки выступил и черный конь. Его речь начинается с выражения почтения белой стороне, в особенности белому коню и белой ладье: он убеждает их в преданности и уверяет, что этот инцидент не должен стать преградой для добрых отношений. Здесь Мидлтон напоминает о дипломатическом таланте Гондомара, который активно убеждал принца Карла и герцога Бекингема в дружеских намерениях испанской стороны.

Уже во втором акте пьесы мы видим отсылки к истории о поездке принца Карла в Мадрид. Гондомар был одним из инициаторов этого проекта, поэтому и в пьесе черный конь убеждает представителей белого дома в добрых намерениях черной стороны. Затем в своей речи конь возвращается к конфликту пешек. По его убеждению пешка черного слона отсутствовала на поле около десяти дней, чему свидетельствуют ее письма. Белый король, впечатленный яркой речью черного коня, доверяет его доказательствам и отдает пешку белой королевы для наказания за клевету на черную сторону. Однако доблестный белый конь и белая ладья не верят в виновность белой пешки и обещают добиться правды. В этой сцене можно заметить легковерность и некоторую наивность фигуры короля, то есть Якова I. Он доверял черному коню – Гондомару – больше, чем белой пешке – добродетельной английской леди, в которой можно видеть воплощение Англии. Тем не менее, на белой стороне доски были персонажи, которые не желали так легко терять свои фигуры, белый конь и белая ладья – принц Карл и герцог Бекингем, которые постарались оказать сопротивление и добиться правды хитростью.

В третьем акте Мидлтон вновь обращает внимание на намерения черного коня. Вспоминая свои заслуги, он говорит: «Не я ли добился от

Белого короля драгоценной охраны, чтобы обезопасить наши берега».⁸²⁵ Действительно, Гондомар убедил Якова I в 1620 г. оказать помощь испанцам против турок в защите их границ. Он также упоминает об успехах переговоров об испанском браке принца Карла и о своих заслугах в освобождении Яковом I многих заключенных священников и иезуитов в рамках политики терпимости к католикам в Англии. О целях в игре черный конь говорит следующее: «Если бы мы захватили ее [пешку белой королевы], то игра быстро стала бы нашей», так как она является приманкой для более крупных фигур: «Моя цель – завлечь в ловушку белого коня, а ладья последует за ним».⁸²⁶ Так Мидлтон старается обличить губительные для Англии планы графа Гондомара по ее подчинению в политическом и религиозном отношении. В пьесе планы черного коня были нарушены: благодаря белому коню и белой ладье стало известно, что письма пешки черного слона – фальшивка. На поле появляются все белые фигуры с требованием вернуть невинную белую пешку. Белый король теряет доверие к черному коню, так как «тот сможет научить самого дьявола лгать».⁸²⁷ Вдохновленные успехом, белый конь и белая ладья решили разоблачить лживость всей черной стороны (как принц Карл и герцог Бекингем, побывавшие в Мадриде в 1623 г. и после возвращения в Лондон задумавшие войну против Испании).

В первых сценах четвертого акта внимание вновь обращено на белую пешку. Черная убеждает ее в необходимости обрести покровителя и показывает будущего избранника через волшебное зеркало. Когда белая пешка позже встречает эту фигуру, она соглашается стать его женой, думая, что этот союз предопределен судьбой. Однако той самой фигурой оказывается переодетая пешка черного слона. В данном случае брак – символ перехода из англиканства в католическую веру, которого желали иезуиты для

⁸²⁵ Ibid. P. 64.

⁸²⁶ Ibid. P. 73.

⁸²⁷ Ibid. P. 70.

англичан. Белая сторона снова оказывается обманутой. Позднее (во второй сцене пятого акта) обман черной пешки будет раскрыт: белая пешка узнает в черной своего обидчика и откажется от союза с ним. Коварный иезуит будет повержен добродетелью английской леди.

Тем временем Гондомар признается, что внимательно следил за белой стороной: «Какова сила Белого королевства? Там нет ни укреплений, ни гавани, ни бухты, ни причала к берегу».⁸²⁸ Миддлтон отмечает, что испанский посол преуспел в накоплении стратегически важной информации и отлично знал английское общество: кто был пуританином, а кто католиком, кто среди католиков был на испанской стороне, кто против, и кто безразличен. Сам черный конь в пьесе говорит: «Я завлек в ловушку Белого короля и с притворным обаянием переманил его к Черному дому».⁸²⁹ Однако после подобного признания черный конь не оставляет своих коварных планов, а наоборот добивается появления белого коня и белой ладьи на черном поле: «Игра наша. Я написал Белому рыцарю и его отважному герцогу, мы ждем приезда их обоих».⁸³⁰

С четвертой сцены четвертого акта на поле черных появляются белый конь и белая ладья, что является аллюзией на поездку принца Карла и герцога Бекингема в Мадрид в 1623 г. «инкогнито». Их встречает черный конь – Гондомар – и убеждает Карла в дружеских намерениях. Однако, как мы помним, после случая с белой пешкой, белый конь и белая ладья стремились разоблачить черную сторону и одержать победу. Этим Миддлтон оправдывает их появление на черном поле, и именно так он объясняет народу цель приезда принца Карла в Мадрид.

В первой сцене пятого акта белые фигуры встречают черных короля и королеву, которые выражали в своих репликах любовь и почтение к белому

⁸²⁸ Весь этот пассаж Томас Миддлтон заимствует из второй части памфлета «*Vox populi*» Томаса Скотта [Р. 15]. Это в лишний раз показывает, что драматург опирался в своей пьесе на уже популярные в обществе анти-испанские труды.

⁸²⁹ Middleton T. *The Game at Chess*...Р. 99.

⁸³⁰ Ibid. Р. 102.

дому. В третьей сцене черный конь продолжает убеждать белого коня перейти на черную сторону. В свою очередь белый конь и белая ладья якобы согласились присоединиться к черному дому и начали вести себя так, как не принято на черной стороне. Они специально приписывали себе пороки, которых не имели, проверяя терпение черной стороны. Например, белый конь утверждал, что ему невозможно угодить в еде⁸³¹, а также он жаден⁸³² и лицемерен⁸³³. Однако черный конь, так долго желавший их прибытия, убеждает белого коня в том, что именно эти качества необходимы для приобщения к черной стороне. Тем самым черный конь признает, что такие пороки как разборчивость, жадность и лицемерие присущи черной стороне.

С помощью аллегории Мидлтон объясняет поездку принца и герцога: они хотели показать истинные намерения испанцев королю Якову, который, желая достичь мира между христианами, был слишком доверчив. В свою очередь Гондомар и Филипп IV требовали перехода принца Карла в католичество для возвращения Англии в лоно католической церкви. Испания была движима идеями универсальной монархии, в которой господство Испании возможно при подчинении Англии и ослаблении англиканства. В ходе «игры» в последний момент белому коню и белой ладье удастся обличить настоящие мотивы гостеприимства черного дома: обманом он желал заполучить белые фигуры, перевести их на черную сторону и добиться этого для всей белой стороны. Черной стороне был поставлен мат. Белый конь, обращаясь к черному, говорит: «Значит вы лжете, игра принадлежит нам, мы делаем шах и мат королем, самой знатной фигурой».⁸³⁴ То есть принцу Карлу и герцогу Бекингему, по Мидлтону, удастся убедить короля Якова в обмане со стороны испанцев. Когда условия договора о браке были уже обговорены и утверждены, английская сторона, казалось бы, так долго

⁸³¹ «Вы вряд ли найдете такую еду, которая доставить мне удовольствие». — Ibid. P. 126.

⁸³² «Я жаден как бесплодное чрево, могила или то, что еще более алчно». — Ibid. P. 127.

⁸³³ «Этот порок несет в себе самый скрытый яд, самый соблазнительный яд; Я архи-лицемер, сэр». — Ibid. P. 130.

⁸³⁴ Ibid. P. 131.

желавшая этого брака, отказалась от союза, и тем самым поставила мат Испании.

В эпилоге пешка белой королевы обращается к соратникам своей королевы, благодаря которым восторжествовала справедливость. Твердая приверженность белых фигур – Англии и англиканской церкви, не позволила победить черной стороне – испанцам. Им не удалось добиться доминирования в игре и обратить протестантов в католиков. Мидлтон представляет в пьесе мир как игру, победа в которой ведет к преобладанию на политической арене и сохранению религиозных ценностей победителя. В «Игре в шахматы» полную победу он отдает Англии, которая осталась несломленной пребыванием принца в Испании, переговорами об испанском браке и готовящимися уступками для католиков.

Однако возникает вполне уместный и очевидный вопрос: почему Томас Мидлтон решился создать пьесу такого содержания? Был ли это чей-то политический заказ? Кто был патроном Мидлтона, заинтересованным в подобном анти-испанском и антикатолическом труде? Пьеса была написана и сыграна в 1624 г. после возвращения принца Карла и герцога Бекингема в Англию из Испании. По мнению М. Хейнман, главным патроном драматурга мог быть Уильям Герберт, граф Пемброк, так как он был лордом-камергером, в обязанности которого входили цензорские функции и ответственность за выдачу лицензий на публичные театральные постановки.⁸³⁵ Кроме того, Пемброки были наследственными покровителями театра и в то же время ревнителями пуританского благочестия. Они помогали писателям пуританам и поддерживали антикатолическую публицистику. Граф Пемброк принадлежал к пуританской оппозиции в парламенте, которая выражала недовольство абсолютистскими тенденциями короля и его стремлением к миру с историческим врагом – Испанией. Эта часть парламента хотела убедить знать и народ в том, что мир с испанцами опасен и король

⁸³⁵ Heinemann M. Puritanism and Theatre. Cambridge, 1980. P. 264.

ошибается, делая такой выбор. Сам Томас Мидлтон был весьма влиятельным драматургом начала XVII в, поэтому он вполне мог позволить себе написать пьесу подобного содержания. Он не только вращался в литературных кругах и был соавтором Д. Уэбстера и Т. Деккера, но и общался с лицами, приближенными ко двору и имевшими власть в городе. В его окружении были и некоторые члены парламента: Хью, Роберт и Томас Мидлтоны (Томас был также лордом-мэром Лондона), выступавшие за войну с Испанией, Роберт Ламлейс (в будущем член долгого парламента) и др. Будучи официальным хронистом Лондона Мидлтон был в хороших отношениях с лордами-мэрами города, среди которых кроме Томаса Мидлтона можно назвать Уильяма Кокейни (лорд-мэр 1619 – 1620 гг.), Эварда Баркхама (лорд-мэр 1621 г.), Питера Проби (1622 г.), Катберта Хакета (1626 г.).⁸³⁶ Многие из них, в прошлом торговцы, стали влиятельными людьми в Лондоне. Они выступали против политики короля по сближению с Испанией и пользовались услугами Мидлтона в создании спектаклей назидательного содержания. В окружении драматурга насчитывалось большое количество влиятельных людей, которым были близки его идеи, отраженные в пьесе «Игра в шахматы». Лорды-мэры Лондона заказывали у него пьесы, а граф Пемброк, будучи лордом-камергером, позволял их постановку. Однако, Мидлтон и актеры, игравшие пьесу «Игра в шахматы» на сцене, были осуждены, поэтому не удивительно, что имена патронов постарались сохранить в тайне.

Пьеса Т. Мидлтона «Игра в шахматы» оказалась крайне актуальной для англичан начала XVII в. Ее идеи полностью совпадали с мнением большей части общества относительно происпанской политики Якова I: испанцы представлялись злом, Гондомар – главным злодеем, а католическая церковь – инструментом злодеяний. Написанная в форме аллегии, пьеса давала возможность людям мыслить образами и провести параллели с событиями,

⁸³⁶ Ibid. P. 259.

современниками которых они являлись. В виде шахматных фигур были представлены как реальные исторические персонажи, так и абстрактные понятия: грех, религия – католичество и англиканство, добродетель и порок. Подобный прием дает возможность драматургу на глазах зрителей осветить несколько волнующих его тем одновременно и связать их всех на поле одной шахматной доски. Кроме аллегии в качестве приема Мидлтон использует риторику Провидения. Вмешательство Бога в пьесе направлено на помощь белой стороне, которая ввиду своей искренности и прямодушия оказывается в опасных ситуациях, подстроенных коварной черной стороной. Тем не менее, белая сторона выходит победителем, так как такой исход предопределен свыше. Примерами подобных триумфов истинной веры могут служить победа над Армадой, раскрытие Порохового заговора и т.п. Несмотря на то, что пьеса спустя девять дней показа была запрещена, она имела большой успех. Противоречивые действия Якова I были непонятны обществу. С помощью публичного показа подобной пьесы поездка принца Карла в Мадрид получила оправдание, а король был представлен как главный миротворец, которого пытались жестоко обмануть испанцы, жаждущие господства в христианском мире.

К 1624 г. в обществе был сформирован позитивный образ короля. С помощью памфлетов и пьес подогревалось негативное отношение к Испании, а Яков представлялся лишь наивной жертвой, желавшей достичь мира. Последний парламент также показал, что отношения короля и парламента менялись к лучшему. В 1624 г. стороны уже не противостояли друг другу, а старались объединиться ради защиты интересов англичан. Однако недоверие между королем и парламентом не исчезло, так как в итоге оказалось, что Яков зря многие годы не прислушивался к мнению палаты общин. Даже после разоблачения испанцев он избегал объявления войны, несмотря на то, что сам говорил о ней и призывал готовиться. Король так и не исполнил свое обещание перед парламентом, ввиду чего королевская власть отчасти была дискредитирована. Недоверие к Якову I переросло в недоверие к будущему

королю Карлу I. Палата общин, используя в качестве рычага власти субсидии, покушалась на королевские prerogatives и создавала условия для будущего конфликта. Лишив Карла финансовой поддержки, парламент заставил его обратиться к Франции и начать переговоры уже об англо-французском союзе, который был закреплен браком с сестрой Людовика XIII, Генриеттой Марией.

В апреле 1624 г. Карл открыто начал переговоры о браке с французской принцессой. Генриетта, как и инфанта, была католичкой, а значит, религиозные противоречия не исчезли. Парламент вновь был недоволен, так как выступал против сближения с католиками. Несмотря на это, 10 ноября 1624 г. брачный договор был подписан в Париже, а 12 декабря Яков ратифицировал его в Кембридже. Союз с Испанией был заменен на союз с другой сильной европейской державой – Францией.

Таким образом, переговоры с Испанией были прекращены Яковом I ввиду решения обеих палат парламента. Изначально отвергавшие идею англо-испанского союза депутаты укрепились в своем мнении из-за негативных впечатлений принца Карла от пребывания при испанском дворе. Анти-испанские настроения в обществе поддерживались посредством пропаганды – памфлетов и пьес. В них английский король был представлен как главный миротворец, которого пытались жестоко обмануть испанцы, жаждущие господства в христианском мире. В конечном итоге миротворческая стратегия английского короля в отношении Испании провалилась. Оставалась надежда на решение дела Пфальца и ограничение влияния Габсбургов в Европе только с помощью оружия.

Заключение

Вопреки оценкам историков XVIII и XIX вв., личное сватовство принца Карла не являлось спонтанной и необдуманной эскападой. Поездка принца в Мадрид была частью происпанской линии внешней политики Якова I, которую он проводил в течение всего своего правления. В свою очередь сближение с Испанией стало важной составляющей миротворческой стратегии английского короля в контексте «большой политики». В 1604 г. Яков I заключил мирный договор с Испанией и был готов закрепить его посредством брака наследников – принца Генри и инфанты Анны, идею которого активно лоббировала испанская сторона. На первом этапе переговоров союз представлялся Якову способом решить собственные финансовые проблемы с помощью богатого приданого испанской инфанты и возможностью стать союзниками с доминирующей силой Европы – династией Габсбургов. Тем не менее, активные переговоры об «испанском браке» начались только с 1618 г., когда зять Якова, Фридрих Пфальцский, принял корону Чехии. Дальнейшее развитие общеевропейского конфликта, вошедшего в историю как Тридцатилетняя война, привело к утрате Фридрихом не только чешских территорий, но и наследных земель Пфальца. На втором этапе переговоров, когда речь шла уже о браке принца Карла и инфанты Марии-Анны, сближение с испанскими Габсбургами казалось единственным шансом урегулировать проблему Пфальца мирным путем и удержаться от втягивания Англии в военный конфликт.

В ходе англо-испанских переговоров ярко проявилась роль личностного фактора в политике и международных отношениях. Желание Карла ускорить ход переговоров и достичь результата повлекло за собой личную поездку принца в Мадрид, что стало первым в Англии выездом за границу особы королевской крови со времен Генриха VIII. Этот визит казался удачным инструментом дипломатии, и в то же время стал

эффективной формой знакомства английского принца с испанской политической культурой.

Карл решился на визит «инкогнито», который в качестве нового способа ведения переговоров имел целый ряд преимуществ для английской стороны. Принц смог быстро добраться до столицы Испании, а отсутствие большой свиты и богатых даров дали ему возможность избежать больших затрат. Пребывание в Мадриде в качестве частного лица давало свободу от придворного церемониала, и обеспечивало неформальные встречи с королем Филиппом IV. Опыт такого рода был новым для эпохи раннего Нового времени. Прибытие принца Карла в Мадрид «инкогнито» противоречило нормам церемониала испанского двора. Процедура приема для подобного случая не была детально разработана, а значит, необходимо было перевести переговоры в русло традиционного церемониала и в публичное «пространство власти» испанских Габсбургов. В отношении «инкогнито» французский двор продемонстрировал гибкость, разрешив Карлу сохранить выбранный статус, в то время как испанский двор придерживался традиций. Испанская сторона, приверженная строгому придворному церемониалу и не заинтересованная в скорейшем завершении переговоров, быстро восстановила контроль над ситуацией, переведя визит в статус официального. В связи с этим принцу и герцогу вдогонку были посланы дары, свита, парадные облачения Ордена Подвязки. Якову I пришлось дважды отправлять свой флот к берегам Испании, чтобы доставить необходимое во время официального пребывания принца при испанском дворе, а также для его возвращения в Англию. Неспособность сохранить статус «инкогнито» заставила английскую сторону пойти на дополнительные, ранее незапланированные, траты.

Карл был вынужден совершить торжественный въезд в город, по примеру испанских королей. Путь от монастыря Сан-Херонимо до королевского Алькасара Карл прошел вместе с королем Филиппом IV в сопровождении множества слуг. Семантика традиционных церемоний, и в

том числе обряда освобождения заключенных, говорила о высоком статусе гостя и ожиданиях на процветание, связанных с его появлением при испанском дворе.

Первая официальная аудиенция состоялась сразу же после вступления принца в Мадрид в сопровождении короля, однако в ее ходе не была проведена церемония обмена дарами, традиционная для посольских миссий. Ввиду неординарности ситуации и отсутствия регламента приема иностранного принца при испанском дворе был применен порядок, соединивший в модифицированном виде коронационные церемонии и правила приема иностранного посла. Впоследствии испанцы осмыслили прецедент и добавили его в нормы этикета 1647 г., сделав случай с Карлом моделью для приема «суверенного иностранного принца» при испанском дворе.

После того, как английский принц официально вступил в «королевское пространство» Габсбургов, все его передвижения и действия контролировались испанцами. В рамках сближения с Англией Испания в первую очередь была заинтересована в сохранении ее нейтралитета на фоне растущих антигабсбургских настроений в Европе, а также в улучшении положения английских католиков. Подчеркнуто доброжелательный прием демонстрировал стремление испанцев к союзу, но в то же время они постоянно затягивали переговоры в попытках добиться бóльших уступок от Англии или в надежде получить запрет на брак протестанта Карла и католички Марии от папы римского Григория XV. Все публичные церемонии (торжественные въезд в город, публичные обеды, театральные постановки и др.) представляли принца публике как жениха и были нацелены на поддержание иллюзии потенциального брака.

Роскошь и торжество церемониала, продемонстрированные принцу, а также итинерарии Карла по «местам силы» испанских Габсбургов (дворцам, резиденциям, монастырям) создавали впечатление великолепия и мощи Испании, союз с которой необходим Англии. Филипп IV старался

познакомить Карла с различными формами официальной католической культуры. Принц был свидетелем многих католических праздников и торжеств, которые, по мнению короля и его приближенных, должны были впечатлить Карла и способствовать его переходу в католичество. Однако ожидания испанцев не оправдались.

В большей степени Карл заинтересовался опытом испанских монархов в области визуальной пропаганды, коллекционирования предметов искусства и использования монарших коллекций в целях репрезентации власти. Он убедился, насколько эффективными могут быть средства визуальной пропаганды в формировании образа власти и прославлении монарха. Обращение к опыту Филиппа IV и династии Габсбургов сформировало у принца ясные представления о важности официального портрета (в том числе скульптурного) и необходимости сознательного формирования собственного публичного образа. Коллекция Габсбургов оказала огромное влияние на складывание художественных вкусов принца, превратившегося в активного коллекционера итальянского и фламандского искусства, а также повлияла на распространение в Англии эстетики континентального маньеризма и барокко. Приобретенные в Испании и полученные в подарок шедевры стали жемчужинами будущей знаменитой коллекции Карла Стюарта. Важным следствием знакомства Карла с программными работами итальянских, фламандских и испанских мастеров стали заказы монументальных росписей Банкетного павильона Уайтхолла П.-П. Рубенсу, парадных портретов А. Ван Дейку, конного монумента и портретного бюста, отражавших идею божественной природы и абсолютной власти английского монарха. Благодаря Карлу придворная культура Англии шире открылась континентальным веяниям, усваивая барочные вкусы в живописи, архитектуре и скульптуре.

Кульминацией «встречной репрезентации» принца стал организованный им публичный обед 24 апреля, в день Святого Георгия, на котором он продемонстрировал стойкую приверженность английским

национальным традициям, необходимым для поддержания престижа. Пребывание Карла при испанском дворе потребовало от английской стороны направить ему парадные одежды Ордена Подвязки, а также исторические драгоценности. Актом саморепрезентации также была демонстрация мощи и красоты английского «флота» сопровождавшим принца испанцам в порт Сантандер.

В ходе переговоров Карл стремился достичь консенсуса в отношении условий брака, в то время как испанская сторона сознательно затягивала обсуждение и надеялась на отказ папы римского. В конечном итоге английской стороне пришлось идти на беспрецедентные уступки: обещать ослабить гонения на католиков, сохранить вероисповедание инфанты и её будущих детей, смириться с возрастающим влиянием папы римского и отказаться от антикатолического законодательства. На этом этапе переговоров король Испании уже не был сторонником брака, потому что не хотел терять выигрышные позиции на Рейне. Однако готовность Англии пойти на все условия не дала испанцам повода для отказа от брака.

Прибытие принца в статусе «инкогнито» вносило дополнительную неопределенность с дипломатической точки зрения. С одной стороны, он выступал от собственного лица, как наследный принц и потенциальный жених, с другой – был представителем Якова I на переговорах при наличии резидентного посла в Мадриде графа Бристоля. На заключительном этапе переговоров, при подписании договора Яков делегировал Карлу свои полномочия подписать договор от своего имени. В августе 1623 г. были подписаны условия договора, на само заключение брака и ратификация договора откладывались на год. Англичане должны были выполнить все условия, прежде чем инфанта Мария отправится в Лондон.

На завершающем этапе переговоров стороны, наконец, совершили процедуру обмена дарами, которая была важным элементом дипломатического протокола. Дары испанцев были очень щедрыми, принцу было необходимо соответствовать контрагентам в символическом общении

на «языке даров». С помощью богатых даров англичане поддерживали свой престиж и достойно покинули Испанию. Благодаря «политике даров» Карл установил систему не только «вертикальных», но и «горизонтальных» связей с широким кругом испанских политических деятелей, придворных и представителей знати, которые были в его окружении на протяжении пребывания в Мадриде. В данном случае дары выступали как средство коммуникации, индикатор влиятельности и могущества государств, а также как способ самопрезентации, в рамках которой стороны стремились показать себя в лучшем свете.

Ключевым условием матримониального союза для англичан было посредничество испанской стороны в возвращении земель Пфальца зятю Якова Фридриху. Однако испанцы не давали гарантий в этом вопросе, чем в конечном итоге вызвали отказ принца от «испанского брака».

Английское общество разделяло анти-испанский настрой Карла. Еще до поездки принца в Испанию парламент, в отличие от короля и его ближайшего окружения, был критически настроен в отношении перспективы брака. Дискуссии на эту тему актуализировали проблему привилегий парламентариев. Депутаты выражали опасения относительно «испанского брака», на что король крайне резко реагировал на сессиях парламентов 1614 и 1621 гг., считая обсуждения его матримониальной политики нарушением прерогатив короля. В свою очередь парламентарии обвиняли Якова в нарушении свободы слова и привилегий парламента. Именно дебаты об «испанском браке» стали важной составляющей политического кризиса 1621 г.

Возвращение принца из Мадрида в октябре 1623 г. повлекло за собой смену дискурса со стороны короны – принц оказался главным противником Испании и выступал за необходимость военных действий. Анти-испанские настроения были поддержаны депутатами парламента, публицистами и драматургами, выразившими мнение широких слоев общества. Неожиданный финал поездки Карла Стюарта в Мадрид стал отправной

точкой нового противостояния между Англией и Испанией. Посредством памфлетов и пьес в обществе транслировались анти-испанские идеи, которые вносили значительный вклад в формирование «черной легенды» об испанцах.

Миротворческая стратегия Якова I провалилась. Европа все больше «скатывалась» к продолжительному религиозно-политическому конфликту. В марте 1624 г. длительные переговоры с Испанией были прерваны официально. Уже в апреле 1624 г. Карл открыто начал претворять в жизнь новый «проект» брака, на этот раз с французской принцессой Генриеттой Марией. Переговоры оказались удачными, брачный договор был подписан 10 ноября 1624 г. в Париже, а 12 декабря ратифицирован Яковом I в Кембридже. Появилась надежда на ограничение влияния Габсбургов в Европе при содействии французской стороны, а также на возвращение земель Пфальца Фридриху и сохранение баланса сил посредством оружия, а не дипломатии.

Таким образом, визит английского принца Карла в Мадрид «инкогнито» в 1623 г. демонстрирует, что в практике европейских дворов (английского, французского) появляются новые дипломатические приемы. Испанский двор придерживался традиционного способа ведения переговоров, так как незыблемость церемониала была свойством политической ментальности испанцев. Тем не менее, английский, французский и испанский дворы используют единый символический язык, проявлявшийся в порядке церемоний и их семантике, а также в визуальной пропаганде образа правителя, системе властной коммуникации и способах выражения общественного мнения. Несмотря на то, что поездка Карла Стюарта в Мадрид «инкогнито» была отклонением от принятых правил дипломатического и придворного церемониала, она демонстрировала общепринятые составляющие европейской политической культуры эпохи раннего Нового времени, и в то же время способствовала формированию новых норм, которые будут актуальны в период работы над условиями

Вестфальского мира и станут привычными во второй половине XVII – XVIII вв.

Список источников и литературы

Список источников:

1. Оливье де Ла Марш. Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый / перевод, статьи и примечания Е.И. Носовой, К.В. Сергейчева. СПб.: Евразия, 2023. 320 с.
2. A treaty of Guaranty by James I for the Treaty between the Archduke and Archduchess Albert and Isabella and the States-general of the United Provinces // A general collection of treatys manifesto's, contracts of marriage, renunciation and other Publick Papers from the year 1495 to the year 1712. Vol. 2. London, 1732. P. 157 – 160.
3. A Treaty of perpetual peace and alliance between Philip III, King of Spain and the Archduke and Archduchess Albert and Isabella on the one side and James I, King of England on the other side // A general collection of treatys manifesto's, contracts of marriage, renunciation and other Publick Papers from the year 1495 to the year 1712. Vol. 2. London, 1732. P. 131 – 146.
4. A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and magnificent Entertainment given to the high and mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in his Court at Madrid // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 524 – 531.
5. Almansa y Mendoza A. A Relation of the Departure of the most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this present yeare, 1623 // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 540 – 550.
6. Almansa y Mendoza A. Relacion de la partida del serenissimo Principe de Galia, que fue a nueve de Setiembre deste año 1623. Madrid, 1623. 8 p.
7. Almansa y Mendoza A. Two royall entertainments, lately giuen to the most illustrious Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the high and mighty Philip the fourth King of Spaine, &c. At the feasts of Easter and Pentecost. Translated out of the Spanish originals printed at Madrid. - URL:

<https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18907.0001.001/1:3.4?rgn=div2;view=fulltext>.

8. Bristol's Journal, transmitted to Secretary Conway // Memoirs of Spain during the reigns of Philip IV and Charles II from 1621 to 1700 / Ed. by J. Dunlop. Vol. I. Edinburgh, 1834. P. 75 – 78.
9. Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice, Volume 17, 1621-1623 / Ed. Allen B Hinds. London, 1911. - British History Online – URL: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/venice/vol17>.
10. Cartas de Andres de Almansa y Mendoza. Novedades de esta corte y avisos recibidos de otras partes 1621 – 1626. Madrid: Imprenta de Miguel Ginesta, 1886. 428 p.
11. Constitutional documents of the reign of James I 1603 – 1625 / Ed. by J. R. Tanner. Cambridge. 1930. 389 p.
12. Diary of John Lowther [Official site]. - URL: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl/feb-19>.
13. Digby J. A continuation of a former relation concerning the entertainment giuen to Prince His Highnesse by the King of Spaine in his court at Madrid.
- URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18477.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>.
14. Digby J. A continuation of a former relation concerning the entertainment giuen to Prince His Highnesse by the King of Spaine in his court at Madrid.
[Electronic resource] - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A18477.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>.
15. El hecho de los tratados del matrimonio pretendido por el Principe de Gales con la serenissima Infante de España Maria, tomado desde sus principios para maior demostracion de la verdad, y ajustado con los papeles originales desde consta por el maestro F. Francisco de Jesus, predicador del rey nuestro

- señor. // Narrative of the Spanish marriage treaty / Ed. and transl. by S. R. Gardiner. London, 1869. 349 p.
16. Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647. // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Tomo II. Madrid, 2005. P. 835 – 999.
 17. Etiquetas y ordenanzas de Felipe IV (1621 – 1665) / J. E. Hortal Muñoz, F. Labrador Arroyo (dirs.) // La Corte de Felipe IV (1621-1665) Reconfiguración de la Monarquía católica. Tomo 2. Madrid, 2015. 738 p.
 18. Finet J. Finetti Philoxenis: Some choice observations of Sr. John Finnet, knight, and master of the ceremonies to the two Kings, touching the reception, and precedence, the treatment and audience, the punctilios and contests of foreign ambassadors in England. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A85304.0001.001?rgn=main;view=fulltext>.
 19. Gondomar to Buckingham, September 1622 // Redworth G. The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 171 – 173.
 20. González Davila G. Entrada que hizo en la Corte de Rey de las Españas D. Filipe Quarto el Serenissimo don Carlos Principe de Gales, jurado Rey de Escocia, hijo unico y heredero de los Reynos y Dominios de Jacobo Rey de la gran Britania, Escocia y Irlanda // Teatro de las grandezas de la Villa de Madrid: Corte de los Reyes Católicos de España, al muy poderoso señor Rey Don Felipe IV. Madrid, 1623. P. 195 – 197.
 21. Howell J. Epistolae Ho-Elanae: The Familiar Letters of James Howell. Vol. 1. L., 1892. 349 p.
 22. Instructions for our trusty and well-beloved Sir Charles Cornwallis Knight sent as ambassador, to reside with our good Brother the King of Spain // Memorials of affairs of State in the Reigns of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol. II. London, 1725. P. 64 – 67.

23. Instructions for the Earl of Nottingham Lord High Admiral of England, employed by his Majesty to the King of Spain, for taking his Oath for Observation of the Peace // Memorials of affairs of State in the Reigns of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol II. London, 1725. P. 62 – 64.
24. Juan Antonio de la Penna. A Relation of the Royal Festivities and Juego de Cannas [A tournament of Darting with Reeds after the Manner of Spain] made by the King of Spain at Madrid, the 21st of August this present yeere 1623. To honour the Espousal Traties of the illustrious Prince of Wales with the Lady Infanta Maria of Austria, before the Departure of the Prince from his Court towards the Sea-Side, to take shipping for his Returne into England // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 531 – 540.
25. Letter II. Charles to Gondomar, September 1622 // Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal. Vol. 27. No. 2, Jun., 1994. P. 408.
26. Letter III. Charles to Gondomar, October 1622 // Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal. Vol. 27. No. 2. Jun., 1994. P. 409.
27. Letters and papers of The Verney Family down to the end of the 1639 / Ed. by J. Bruce. L.: the Camden society. 1853. 308 p.
28. Letters of King James VI and I / Ed. with an introduction by G.P.V. Akrigg. Berkley etc.: Univ. of California press, 1984. 546 p.
29. Letters to Olivia // Fonblanque E. Lives of the Lords Strangford. London, 1877. 320 p.
30. Letters to Olivia // Townshend D. Life and letters of Endymion Porter. London, 1897. 290 p.

31. Malmesbury J.H. Diaries and correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury, cont. his account of his missions at the court of Madrid, to Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of his special missions to Berlin, Brunswick, and the French republic. / Ed. by his grandson, the third earl. 2nd ed. Vol.1. L.: Bentley, 1845. 528 p.
32. Memoria de los presentes que se hicieron al Príncipe de Gales cuando partió de Madrid // Papeles varios de Felipe IV [Manuscrito] I BNE MSS/18175 P. 6 – 9.
33. Memorials of affairs of State in the Reign of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol. II. London, 1725. 517 p.
34. Middleton T. The Game at Chess // The works of Thomas Middleton / Ed. by A.H. Bullen. Vol. 7. London, 1896. P. 1 – 136.
35. Notes of the Debates in the House of Lords. 1621 / Ed. by S.R. Gardiner. London, 1870. 172 p.
36. Notes of the Debates in the House of Lords. 1624 and 1626 / Ed. by S.R. Gardiner. London, 1879. 233 p.
37. Papers relative to the Spanish match // Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols. / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 399 – 473.
38. Proceedings and debates of the House of Commons in 1620 and 1621. Vol. 1. Oxford. 1767. 375 p.
39. Proceedings and debates of the House of Commons in 1620 and 1621. Vol. 2. Oxford. 1767. 382 p.
40. Proceedings in Parliament 1614 (House of Commons) / Ed. by M. Jansson. Philadelphia. 1988. 560 p.
41. Proceedings in Parliament 1624: The House of Commons / Ed. Philip Baker [Official site]. - URL: www.british-history.ac.uk/no-series/proceedings-1624-parl.

42. Realcion de la salida que hizo de esta villa de Madrid, el serenissimo Principe de Gales a nueve de Setiembre deste año de 1623. 4 p.
43. Reglamento del Ceremonial. - URL: <https://www.protocolo.org/ceremonial/protocolo-diplomatico/reglamento-del-ceremonial.html>.
44. Relacion de las fiestas reales de toros y cañas, que la Magestad Catolica, de el Rey nuestro señor, jugó en la villa de Madrid, en 21 de Augusto, por festejar los felicissimos, y dichosos desposorios del Serenissimo Principe de Gales, y la señora Infanta doña Maria. Sevilla, 1623. 4 p.
45. Relacion de las Honras del Rey Felipe Tercero que está en el cielo, y la solene entrada en Madrid del Rey Felipe Quarto, que Dios guarde. Madrid, 1621. 4 p.
46. Rosa Hispani Anglica seu Malum Punicum Angl'Hispanicum. 1622. - URL: https://archive.org/details/bub_gb_MLOvM4BbKkMC.
47. Sarmiento de Acuña D. (conde de Gondomar) Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 1: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 30 de março 1616-28 junio 1618. 1936. 382 p.
48. Sarmiento de Acuña D. (conde de Gondomar) Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 2: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 29 de junio 1618 - 22 de mayo 1620. 1943. 357 p.
49. Sarmiento de Acuña D. (conde de Gondomar) Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura, conde de Gamazo [y. o.]. T. 3: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar (1613-1614). 1944. 323 p.
50. Sarmiento de Acuña D. (conde de Gondomar) Documentos inéditos para la historia de España / Publ. por los señores duque de Alba, duque de Maura,

- conde de Gamazo [y. o.]. T. 4: Correspondencia oficial de don Diego Sarmiento de Acuña, conde de Gondomar, 17 de marzo 1614 - 28 de agosto 1614. 1945. 303 p.
51. Sir Cornwallis to the Lords of the Council // Memorials of affairs of State in the Reigns of Queen Elizabeth and King James I // Original papers of the Right Honorable Sir Ralph Winwood. Vol II. London, 1725. P. 67 – 74.
 52. Sir Richard Wynn's Account of the journey of Prince Charles's servants into Spain in the year 1623 // *Historia vitae et regni Ricardi II*. Oxford, 1729. P. 297 – 341.
 53. Taylor J. Prince Charles his welcome from Spain; who landed at Portsmouth on Sunday the 5th of October, and came safely to London on Monday the 6th of the same, 1623. With the triumphes of London for the same his happie arrival. And the relation of such Townes as are seituete in the wayes to take post horse at, from the Citie of London to Dover, and from Callice through all France and Spainem to Madrid, to the Spanish Court // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 550 – 555.
 54. The court and times of James the First. Vol. 2. London, 1849. 510 p.
 55. The journey of the Queen's ambassadors unto Rome, anno 1555 // *Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols.* / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 62 – 103.
 56. The letters of Peter Paul Rubens. Cambridge, 1955. 542 p.
 57. The letters, speeches and proclamations of King Charles I / Ed. by C. Petrie. London: Cassel, 1968. 320 p.
 58. The life of Edward lord Herbert, of Cherbury (written by himself). Edinburgh, 1809. 281 p.
 59. The progresses, processions and magnificent festivities of king James the first, his royal consort, family and court collected from original manuscripts, scarce pamphlets, corporation records, etc. / Ed. by J. Nichols. Vol. IV. L., 1828. 602 p.

60. The Second Part of Vox Populi; or Gondomar appearing in the likenes of Matchiavell in a Spanish Parliament, wherein are discovered his treacherous&subtile practises to the ruine as well of Englande as the Netherlandes. Faithfully translated out of the Spanish Coppie or rather, written by a well-willer to England and Holland [Official site]. - URL: <https://play.google.com/books/reader?id=fghlAAAACAAJ&hl=ru&pg=GBS.PP6>.
61. The Spanish match continued. The earl of Bristol's letters // Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols. / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778. P. 473 – 523.
62. Tixall letters or the correspondence of the Aston family and their friends during the 17th century. Vol. I. London, 1815. 204 p.
63. Treswell R. A relation of such things as were obserued to happen in the iourney of the right Honourable Charles Earle of Nottingham, L. High Admirall of England, his highnesse ambassadour to the King of Spaine being sent thither to take the oath of the sayd King for the maintenance of peace betweene the two famous kings of Great Brittain and Spaine: according to the seuerall articles formerly concluded on by the constable of Castilla in England in the moneth of August, 1604. Set forth by authoritie. - URL: <http://name.umdl.umich.edu/A13959.0001.001>.
64. Verdadera relación de la entrada del principe don Carlos de Inglaterra en la Corte de Madrid. 1623. 4 p.
65. Vox Populi, or Newes from Spain, translated according to the Spanish copy , which may serve to forewarn both England and the United Provinces how far to trust to Spanish pretenses // A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. London, 1809. P. 508 – 524.
66. Wotton H. A short view of life and death of George Villiers, Duke of Buckingham. - URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67129.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>.

Список литературы:

- 67.Аверинцев С.С. Христианская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 598 – 604.
- 68.Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961. 226 с.
- 69.Асейнов Р.М. При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века / отв. ред. Ю.П. Крылова. М., 2019. 432 с.
- 70.Бакуневич А.Н. Проблема «испанского брака» во внешней политике Англии 20-х годов 17 века // Религия и политика. От античности к эпохе Просвещения. Смоленск, 1997. С. 52 – 58.
- 71.Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. 550 с.
- 72.Бойцов М.А. Каким московские послы увидели двор Максимилиана I в 1517 г., да и увидели ли они его? // От текста к реальности: (не)возможности исторических реконструкций / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2012. С. 162 – 193.
- 73.Бойцов М.А. Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576 г. // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2015. С. 327 – 364.
- 74.Брандт М.Ю. Союз Шотландии и Англии в европейских международных отношениях конца XVI–начала XVII века. // Англия в эпоху феодализма. М., 1988. С. 61 – 82.
- 75.Буров С.В. Испанская фракция английского двора накануне гражданских войн // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. СПб., 2009. С. 195 – 200.
- 76.Буров С.В. Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых – тридцатых годах XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. 20 с.

77. Варьяш О.И. Культура стран Пиренейского полуострова в конце XV – начале XVII вв. // Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. М.: Мосгорархив, 1996. С. 248 – 276.
78. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И.В. Лобанова. М., 2015. 571 с.
79. Ведюшкин В.А. Система государственного управления в Испании в раннее Новое время (конец XV–XVII вв.) // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 436 – 456.
80. Ведюшкин В.А. В поисках контактов: Россия и Испания в международных отношениях XVII в. // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М., 2018. С. 38 – 42.
81. Ведюшкин В.А. Двор Филиппа III глазами современников // Новый филологический вестник. № 2 (29). М., 2014. С. 129 – 139.
82. Виноградов П.Г. Господство права. М., 1911. 35 с.
83. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. 313 с.
84. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. 600 с.
85. Воробьева Е.Д. Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта 1603 – 1625 годы. Автореф. дис. канд. истор. наук. М., 1962. 12 с.
86. Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200-1250). М., 2008. 559 с.
87. Вуд Д., Сарре Ж. Дипломатический церемониал и протокол. М., 1974. 240 с.
88. Гардинер. С.Р. Пуритане и Стюарты 1603 – 1660 гг. / Пер. с англ. и предисл. А.В. Каменского. М., 2008. 190 с.

89. Горлова О.Г. Сэр Джеффри Р. Элтон и его взгляды на развитие исторического процесса // История и историки в контексте времени. Вып. 1. Краснодар, 2003. С. 202 – 215.
90. Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. 328 с.
91. Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
92. Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2001. 352 с.
93. Девятков А.В., Кондратьев С.В., Макарычев А.С., Чувильская Е.А. Проблематика образов в международных отношениях: методологические подходы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Философия / Ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. № 10. С. 24 – 30.
94. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века / перевод Т.А. Михайлова. М.: Молодая гвардия, 2004. 314 с.
95. Дмитриева О.В. «Золотой век» английского двора: эволюция придворной культуры от Генриха VIII до Карла I // «Золотой век» английского двора: от Генриха VIII до Карла I. М., 2012. С. 22 – 47.
96. Дмитриева О.В. Великое посольство в Европу – «Большой тур» Петра I // Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. М., 2019. С. 90 – 103.
97. Дмитриева О.В. Елизавета Тюдор. М., 2012. 308 с.
98. Дмитриева О.В. Корона и парламент: политика ритуала // Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021. С. 113 – 215.
99. Дмитриева О.В. Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевском застолье Елизаветинской Англии // Одиссей. Человек в истории. М., 1999. С. 85 – 91.

100. Дмитриева О.В. Яков I – вождь краснокожих. Британский имперский проект и церемонии символического утверждения суверенитета англичан в Новом Свете // Поблекшее сияние власти / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2006. С. 84 – 107.
101. Домнина Е.Г. Англия и герцогство Урбино в 1474 – 1509 гг.: частный случай использования ордена Подвязки как орудия дипломатии // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 200 – 218.
102. Домнина Е.Г. Дипломатия в эпоху перемен: Тюдоры и римская курия (1485-1558). СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 240 с.
103. Домнина Е.Г. Церемониал приема английских послов в Венеции в раннее Новое время // Средние века. Вып. 72. М., 2011. С. 214 – 224.
104. Дюшен М. Герцог Бекингем // Жизнь замечательных людей. М., 2007. 368 с.
105. Егоров А.М. Внешнеполитический курс Испании в начальный период Тридцатилетней войны // Проблемы истории и культуры зарубежного и отечественного Средневековья: материалы межвузовской научной конференции. М., 1993. С. 27 – 33.
106. Ерохин В.Н. Характеристика положения католиков в Англии в XVI – первой половине XVII вв. в современной британской историографии // Европа. Вып. IV. Тюмень, 2004. С. 41 – 55.
107. Ефимов С.В. Европейская охота и охотничье оружие в XVI – XVIII веках. СПб, 2012. 116 с.
108. Заллет Р. Дипломатическая служба. Ее история и организация во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах. М., 1956. 382 с.
109. Золотой век европейской монархии. Политическая культура Средневековья и раннего Нового времени / Под ред. И.И. Варьяш, А.Ю. Серегиной. СПб., 2019. 288 с.
110. Ивонин Ю.Е. От Вены до Санкт-Петербурга через Могилев и Смоленск (путешествие императора Священной Римской империи

- Иосифа II в Россию в 1780 г. По его письмам Марии Терезии) // Вестник ТГУ. 2013. №10 (126). С. 98 – 102.
111. Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Университетское, 1989. 200 с.
 112. Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени. Минск, 1984. 160 с.
 113. Ивонина Л.И. Англия и начало Тридцатилетней войны // Англия XVII века: идеология, политика, культура. СПб., 1992. С. 55 – 60.
 114. Ивонина Л.И. Дипломатия и революция: две Английские революции и европейская политика XVII в. Смоленск, 1998. 277 с.
 115. Ивонина Л.И. Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016. 320 с.
 116. Ивонина Л.И. Прокопьев А.Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. Смоленск, 1996. 246 с.
 117. Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб.: Алетейя, 2007. 512 с.
 118. История дипломатии / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959. 566 с.
 119. История Испании / отв. ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. Том 1. М.: Индрик, 2012. 696 с.
 120. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке. СПб: Наука, 2017. 590 с.
 121. Калмыкова Е.В. Самый куртуазный орден // Мир истории: Н. 5. М., 2001. С. 44 – 49.
 122. Каптерева Т.П. Эскориал // Грани творчества: Сборник научных статей: К 50-летию научной деятельности д-ра искусствоведения Т.П. Каптеревой М., 2003. С. 29 – 71.
 123. Караваева Е.Э. Власть, дипломатия и культура при дворе Генриха VIII Тюдора. М., 2018. 323 с.

124. Кареев Н.И. Две английские революции XVII в. Пг., 1924. 270 с.
125. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб., 1908. 438 с.
126. Кирьянова Е.А. «Зримый образ Бога»: Королевская власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного» правления Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 71. №3-4. 2010. С. 225 – 242.
127. Кирьянова Е.А. Образы Карла I Стюарта в политической полемике начального периода Английской революции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011. 36 с.
128. Кирьянова Е.А. Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 69 (4). М., 2008. С. 92 – 119.
129. Ковалев В.А. «Возрожденный Соломон». Религиозный церемониал при Якове I // Из истории и культуры средних веков и раннего Нового времени: сб. статей. СПб., 2006. С.74 – 82.
130. Ковалев В.А. Зло из-за моря: образы испанцев в памфлетной войне 1623–1624 гг. // Стратегии визуализации и вербализации социокультурных практик. Казань: Информационно-издательский центр «Культура», 2012. С. 85 – 110.
131. Ковалев В.А. Королевские выезды в правление Якова I Стюарта (1603–1625). Организация и финансы // Университетский историк: альманах / под ред. А.Ю. Дворниченко. Вып. 4. СПб., 2005. С. 72 – 84.
132. Ковалев В.А. От театра к ритуалу: символические образы королевской власти в придворном театре Якова I Стюарта, трехчастная модель и формирование мифологии династии // Проблемы социальной

- истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 9. СПб., 2012. С. 162 – 187.
133. Ковалев В.А. Придворные маски в правление Якова I: репрезентация власти и создание династической мифологии // Власть, общество и индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 527 – 553.
 134. Кондратьев С.В. Английская революция XVII в. М., 2010. 192 с.
 135. Кондратьев С.В. Идея порядка в политическом и правовом дискурсе предреволюционной Англии // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Философия / главный редактор Г.Ф. Шафранов-Куцев. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. № 10. С. 29 – 37.
 136. Кондратьев С.В. Над правдою слезами обольюсь, или маргиналии на полях последних книг о судьбах отечественной исторической науки // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2011. С. 210 – 217.
 137. Кондратьев С.В. Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Тюмень, 2015. Т.1. №1(1). С. 137 – 144;
 138. Кондратьев С.В. Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии: стереотипный образ // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 419. С. 138 – 142.
 139. Королевский двор в Англии XV–XVII веков / Под ред. С.Е. Федорова. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Том 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 386 с.
 140. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2004. 540 с.

141. Кошелева П.Ю. «Игра в шахматы» Томаса Мидлтона и англо-испанские отношения в период правления Якова I // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 2. С. 61 – 73.
142. Кошелева П.Ю. Итинерарий английского "инкогнито": принц Карл Стюарт в Мадриде (1623) // Средние века. 2023. Вып. 84(4). С. 150 – 173.
143. Кошелева П.Ю. Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами // Вестник МГИМО-Университета. № 16 (1). М., 2023. С. 29 – 51.
144. Кошелева П.Ю. Памфлеты «Vox populi» Томаса Скотта как средство анти-испанской пропаганды в Англии начала XVII века // Клио. Том 12, № 204. СПб., 2023. С. 51-58. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_12_51.
145. Кривенкова О.С. Политика Якова I Стюарта в первые годы Тридцатилетней войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Выпуск 3. СПб., 2007. С. 165 – 170.
146. Крылова Ю.П. Порядки и беспорядки при дворе бургундских герцогов и не только // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Под ред. О.С. Воскобойникова и О.И. Тогоевой. М., 2021. С. 175 – 189.
147. Куликов А.В. Обязанности секретарей испанских посольств в первой половине XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 2. 2009. С. 81 – 96.
148. Лихоманов К.В. Средневековая культура "обмена дарами" в интерпретации А. Я. Гуревича // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: N. 7 (69) Часть 1. Тамбов, 2016. С. 71 – 74.
149. Лучицкий И. В. Максимилиан I и его реформы в Австрийских землях // Киевские университетские известия. 1887. №4. С. 1 – 48.

150. Меделец К.И. Испанская политика Якова I Стюарта и критика ее в парламентских дебатах (1603 – 1625 гг.). Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Ленинград, 1950. 14 с.
151. Меднис С.С. «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-sfer-reglament-koronatsionnogo-pira-elizavety-tyudor> (дата обращения: 22.09.2023).
152. Моисеев И.Г. Орден Подвязки в конце XVI – начале XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2011. 20 с.
153. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
154. На языке даров: правила символической коммуникации в Европе, 1000 – 1700 гг. / Под ред. Г. Альтхофа и М. Бойцова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. 263 с.
155. Назарова О. Любовь и страсть в искусстве Возрождения. Ренессанс в Италии. М., 2023. 232 с.
156. Носова Е.И. В поисках уникального: бургундский двор и его французский прототип // Электронный научно-образовательный журнал История. Издательство ООО Интеграция: Образование и Наука. Том 7. Вып. 6 (50). М., 2016. URL: <https://history.jes.su/s207987840001525-6-1/>.
157. Носова Е.И. Трактат Оливье де ла Марша «Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу смелый»: обстоятельства создания, рукописная традиция и издания // Оливье де Ла Марш. Описание двора герцога Карла Бургундского, по прозвищу Смелый» / перевод, статьи и примечания Е.И. Носовой, К.В. Сергейчева. СПб.: Евразия, 2023. С. 46 – 69.

158. Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008. 443 с.
159. Палтусова И.Н. Королевская охота // Королевские игры. Западноевропейское оружие и доспехи позднего Ренессанса в собрании Исторического музея / авт.-сост. А.А. Герасимова. М., 2016. С. 296 – 307.
160. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. Гл. 5. М., 1937. С. 146 – 222.
161. Полишенский Й. «Чешский вопрос» и политические взаимоотношения Западной и Восточной Европы в первый период Тридцатилетней войны // Средние века. Выпуск 24. М., 1963. С. 240 – 258.
162. Польская С.А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Алетейя, 2001. С. 235 – 245.
163. Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства: АН СССР. Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 1976. 434 с.
164. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М.: Индрик, 2018. 424 с.
165. Потехин А.А. Очерки из истории борьбы англиканства с пуританством при Тюдорах. Казань, 1894. 919 с.
166. Придворная культура эпохи Возрождения / Отв. редакторы Л.М. Брагина, В.М. Володарский. М., 2014. 301 с.
167. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола, 1555 – 1648. СПб, 2002; Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020. 483 с.

168. Российские дипломаты в Испании / Отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2016. 672 с.
169. Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000. 536 с.
170. Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М. 2006. 484 с.
171. Селянинов О.П. Тетради по дипломатической службе государств (история и современность). М., 1998. 148 с.
172. Сердов Д.Ю. Этикет как средство управления двором во Франции и Испании в XVI–XVII вв. // Сетевой научный журнал «Administrative Consulting». № 2(12). СПб: СЗИУ РАНХиГС, 2020. С. 29 – 35.
173. Серегина А.Ю. Путешествие в Рим Томаса Норта (1555): от итинерария к мемуарам путешественника // Шаги / Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 185 – 205.
174. Серегина А.Ю. Англичане или католики?: католические памфлетисты XVI - XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Вып. 34. М., 2011. С. 61 – 73.
175. Серегина А.Ю. Веротерпимость и конфессиональные традиции: английская религиозно - политическая полемика на рубеже XVI - XVII веков // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: Материалы науч. конф., 20-22 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 74 – 79.
176. Серегина А.Ю. Война, престолонаследие и придворные развлечения: летнее путешествие Елизаветы I в 1591 г. // Шаги / Steps. 2022. №1. С. 200 – 218.
177. Серегина А.Ю. Женские голоса в английском католическом сообществе XVI – первой половины XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 25. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 189 – 206.
178. Серегина А.Ю. Между Лондоном, Мадридом и Брюсселем: женские монастыри, аристократический патронат и английское католическое сообщество XVI - XVII вв. // Моделирование социальной

- среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени. М., 2015. С. 97 – 128.
179. Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI-XVII вв. М., СПб, 2021. 288 с.
 180. Серегина А.Ю. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI - начала XVII в. // Социальная идентичность средневекового человека: [сборник] М., 2007. С. 213 – 225.
 181. Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв. СПб, 2006. 296 с.
 182. Силюнас В. Стил жизни и стили искусства (испанский театр маньеризма и барокко). СПб., 2000. 467 с.
 183. Силюнас В. Тайны сценического языка испанского классического театра. М., 2018. 368 с.
 184. Таубер В.А. Религия и политика в королевских путешествиях раннего Нового времени: визит королевы Елизаветы в Кент в 1573 году // Genesis: исторические исследования. 2022. № 9. С. 65 – 78.
 185. Терещенко А.Ю. Флорентийская дипломатия в первые десятилетия XVI в. (на материале посольств во Францию) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. №6. М., 2003. С. 139 – 160.
 186. Третьякова М.В. "Английская тема" в донесениях венецианских послов в Испании в конце XVI - начале XVII вв. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии: Межвуз. сб. науч. тр. Арзамас, 2001. С. 93 – 99.
 187. Третьякова М.В. К вопросу о дипломатической миссии венецианского посла Джованни Соранцо при дворе Филиппа II в 60-х годах XVI века: дом короля Испании // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. №3 (52). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-diplomaticheskoy-missii->

- venetsianskogo-posla-dzhovanni-sorantso-pri-dvore-filippa-ii-v-60-h-godah-xvi-veka-dom-korolya-ispanii (дата обращения: 19.06.2022).
188. Федоров С.Е. Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 1996. № 1. С. 89 – 99.
 189. Федоров С.Е. Бытовое поведение стюартовской аристократии // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. № 10. С. 146 – 161.
 190. Федоров С.Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб., 2018. 269 с.
 191. Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып.1. М.; СПб., 2001. С. 121 – 136.
 192. Хачатурян Н.А. Королевский Двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Электронный научно-образовательный журнал История. Т.11. 2020.
 193. Хачатурян Н.А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет Фазана» герцога Бургундского в XV в.// Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 177 – 199.
 194. Хачатурян Н.А. Современная историография по проблеме королевской власти в средневековом обществе // Средние века. Т. 58. М., 1995. С. 144 – 149.
 195. Хачатурян Н.А. Тема Королевского Двора в исследованиях отечественных медиевистов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда №3/36. М., 2004. С. 106 – 118.
 196. Шикуло М.И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. М., 2016. 277 с.

197. Шишкин В.В. Итинерарии Маргариты де Валуа (по письмам из Российской национальной библиотеки) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Т. 24, № 1. Екатеринбург, 2022. С. 87 – 101.
198. Шишкин В.В. Церемониал двора королевы Франции в эпоху Возрождения // Исторический журнал: научные исследования. 2017. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseremonial-dvora-korolevy-frantsii-v-epohu-vozhrozhdeniya> (дата обращения: 19.09.2023).
199. Шишкин В.В. Королевские итинерарии во французских источниках и исследованиях // Диалог со временем 79. М.: Аквилон, 2022. С. 183 – 194.
200. Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004. 292 с.
201. Шишкин В.В. Сравнительные итинерарии Карла IX Валуа и Екатерины Медичи в 1561-1574 гг. // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 83 (2). М.: Изд.-во «Наука», 2022. С. 108 – 126.
202. Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI в. СПб., 2018. 544 с.
203. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 366 с.
204. Эхеа Фернандес М.А. Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 205 – 209
205. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т.1 / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2001. 563 с.

206. Юрчик Е.Э. Сопроводители послов при дворе Карла II // Электронный научно-образовательный журнал История. Общество с ограниченной ответственностью «Интеграция: Образование и Наука» (ООО «Интеграция: ОН»), 2016. Выпуск 8 (52) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001578-4-1> (дата обращения: 31.12.2016). DOI: 10.18254/S0001578-4-1.
207. Adams S.L. Foreign policy and the Parliaments of 1621 and 1624 // *Faction and parliament. Essays on Early Stuart History*. Oxford. 1978. P. 139 – 173.
208. Adamson J.S.A. Chivalry and political culture in Caroline England // *Culture and Politics in Early Stuart England* / Ed. by K. Sharpe, P. Lake. London, 1994. 382 p.
209. Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the court of king James I. New York, 1967. 431 p.
210. Allen G. The rise of the Ambassadors: English ambassadorial wives and early modern diplomatic culture // *The Historical Journal*, 62, 3. Cambridge, 2019. P. 617 – 638.
211. Álvarez Recio L. Opposing the Spanish Match: Thomas Scott's "Vox populi" (1620) // *Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies* 19. 2009. P. 5 – 22.
212. Álvarez Recio L. Pamphlet Literature and the Anglo-Spanish Match: Thomas Scott's "Vox Populi" (1620) // *Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies* 19. 2009. P. 5 – 22.
213. Álvarez Recio L. Pro-match literature and royal supremacy: The case of Michael Du Val's *The Spanish English Rose* (1622) // *Sederi* 22. 2012. P. 7 – 27.
214. Anderson M.S. *The rise of modern diplomacy, 1450 – 1919*. London, New York, 1993. 330 p.

215. Anderson R. Marginal diplomatic spaces during the Jacobean Era, 1603 – 1625 // *Early Modern Diplomacy, Theatre and Soft Power, Early Modern Literature in History*. 2016. P. 163 – 182.
216. Angelicoussis E. The collection of classical sculptures of the Earl of Arundel, “Father of Vertu in England.” // *Journal of the History of Collections*, 16 (2). P. 143 – 159.
217. Anglo S. *Images of Tudor Kingship*, London, 1992. 154 p.
218. Armstrong. C.A.J. The golden age of Burgundy. Dukes that outdid kings // *The courts of Europe. Politics, patronage and royalty, 1400 – 1800* / Ed. by A.G. Dickens. London: Thames and Hudson, 1977. P. 55 – 75.
219. Art and patronage in the Caroline Courts. Essays in honour of Sir Oliver Millar / Ed. by D. Howarth. Cambridge, 1993. 303 p.
220. Artists of the Tudor Court: The Portrait Miniature Rediscovered, 1520 – 1620 / Ed. By R. Strong, V.J. Murrell. London, 1983. 168 p.
221. Ashmole E. *The History of the Most Noble Order of the Garter*. L., 1726. 565 p.
222. Auerbach E. *Nicholas Hilliard*. London, 1961. 352 p.
223. Auerbach E. *Tudor Artists: A study of painters in the Royal Service and Portraiture on illuminated documents from the accession of Henry VIII to the Death of Elizabeth I*. London, 1954. 222 p.
224. Auwers M. The gift of Rubens: rethinking the concept of gift-giving in Early Modern Diplomacy // *European History Quarterly*, 43, 2013. P. 421 – 441.
225. Aveling J.C.H. *Northern Catholics: the catholic recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558 – 1790*. L., 1966. 477 p.
226. Avery C. *Giambologna: The complete sculpture*. London, 1993. 288 p.
227. Barrios F. Los Consejos de la Monarquía Hispánica en las Etiquetas Generales de 1651 // *Homenaje al profesor Alfonso García Gallo*. T. II, Vol. II. Madrid, 1996. P. 43 – 62.

228. Barrios F. *Práctica diplomática de la Corte de España. Notas a un reglamento de Ceremonial de 1717* // *Revista de Estudios políticos*, № 62. 1988. P. 163 – 183.
229. Barroll L. *Anna of Denmark, Queen of England: a cultural biography*. Philadelphia, 2001. 226 p.
230. Bawcutt N.W. *Thomas Middleton a Puritan Dramatist?* // *The Modern Language Review*. Vol. 94. No. 4. 1999. P. 925 – 939.
231. Baxandall M. *Painting and Experience in Fifteenth Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style*. Oxford, 1988. 183 p.
232. Begent P.J., Chesshyre H. *The Most Noble Order of the Garter. 650 Years*. London, 1999. 469 p.
233. Behrens B. *The Office of the English Resident Ambassador: Its Evolution as Illustrated by the Career of Sir Thomas Spinelly, 1509-22* // *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 16, 1933, P. 161 – 195.
234. Bell G.M. *John Man: The Last Elizabethan Resident Ambassador in Spain* // *The Sixteenth Century Journal*. Vol. 7, No. 2, 1976, P. 75 – 93.
235. Bell G.M.A. *Handlist of British Diplomatic Representatives, 1509 – 1688*. L., 1990. 306 p.
236. Beltz G. *Memorials of the most noble Order of the Garter*. London, 1841. 439 p.
237. Bevan B. *King James VI of Scotland and I of England*. London, 1996. 216 p.
238. Bingham C. *The making of a king*. New York: Doubleday, 1969. 250 p.
239. Bischoff C. *Complicated exchanges: the handling of authorized and unauthorized gifts* // *The Court Historian: gift-giving in eighteenth-century courts*. Vol. 14. № 2. Boston, 2009. P. 133 – 148.
240. Bloom G. *Chess: performative history and dynastic marriage* // *Gaming the stage*. University of Michigan Press, 2018. P. 143 – 176.

241. Bossy J. The English Catholic Community, 1570 – 1850. L., 1975. 446 p.
242. Braunmuller A.R. Robert Carr, Earl of Somerset, as collector and patron // The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 1991. P. 230 – 250.
243. Brotton J. Buying the Renaissance: Prince Charles's Art Purchases in Madrid, 1623 // The Spanish Match: Prince Charles's Journey to Madrid, 1623 / Ed. by A. Samson. Aldershot and Burlington, 2006. P. 9 – 26.
244. Brotton J. The Sale of the Late King's Goods: Charles I and his Art collection. 2006. 436 p.
245. Brown J., Elliott J.H. A palace for a king. The Buen Retiro and the Court of Philip IV. New Heaven and London: Yale university press, 1980. 296 p.
246. Bryant L.M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Geneva. 1986. 310 p.
247. Burgess, G. On Revisionism: An Analysis of Early Stuart Historiography in the 1970s and 1980s // The Historical Journal Vol. 33. No. 3. 1990. P. 609 – 627.
248. Burke M.B., Cherry P. Collections of paintings in Madrid. 1601 – 1755. Part 1 / Ed. by M. L. Gilbert. Los Angeles, 1997. 1067 p.
249. Burke P. Popular culture in Early Modern Europe. New York, 1978. 406 p.
250. Butters S. The uses and abuses of gifts in the World of Ferdinando de Medici (1549 - 1609) // I Tatti Studies: Essays in the Renaissance. Vol. 11. 2007. P. 243 – 354.
251. Cammell C.R. The Great Duke of Buckingham. London, 1939. 390 p.
252. Campbell T.P. Collectors and Connoisseurs: The status of perception of Tapestry, 1600 – 1660. New York, 2007. 563 p.

253. Carlson C.M. The Rhetoric of Providence: Thomas Middleton's *A Game at Chess* (1624) and Seventeenth-Century Political Engraving // *Renaissance Quarterly*. Vol. 67. No. 4. 2014. P. 1224 – 1261.
254. Carrier I. *James VI and I. King of Great Britain*. 1998. 153 p.
255. Chaney E. *The evolution of English collecting: receptions of Italian art in the Tudor and Stuart periods*. New Heaven and London, 2003. 506 p.
256. Chaney E., Wilks T. *The Jacobean Grand Tour. Early Stuart Travellers in Europe*. London, 2014. 318 p.
257. Charles I. *King and collector*. London, 2018. 267 p.
258. Cogswell T. *England and the Spanish Match // Conflict in Early Stuart England. Studies in Religion and Politics 1603 – 1642 / Edited by R. Cust and A. Hughes*. L., 1989. P. 107 – 133.
259. Cogswell T. *The Blessed revolution: English politics and the coming of war, 1621 – 1624*. Cambridge, 1989. 349 p.
260. Cogswell T. *Thomas Middleton and the Court, 1624: "A Game at Chess" in Context // Huntington Library Quarterly*. Vol. 47. No. 4. Autumn, 1984. P. 273 – 288.
261. Coignard J., Jover M., Lasnier J.-F. *Exploring El Escorial // The Royal Monastery of San Lorenzo de El Escorial*. Madrid, 2012. P. 20 – 66.
262. Collins H. *The Order of the Garter, 1348-1461: chivalry and politics in late medieval England*. Oxford, 2000. 327 p.
263. *Conflict in Early Stuart England / Ed. by R. Cust and A. Hughes*. Harlow, 1989. 271 p.
264. Coombs K. *The portrait miniature in England*. London, 1998. 128 p.
265. Cooper T. *The Queen's visual presence // Elizabeth: The exhibition at the National Maritime Museum / Ed. by S. Doran, D. Starkey*. London, 2003. P. 175 – 181.
266. Cowan E.J. *The Union of the Crowns and the crisis of the Constitution in 17th century Scotland // The Satellite State in the 17th and 18th Centuries*

- / Ed. by S. Dyrvik, K. Mykland and J. Oldervoll. Bergen; Oslo, 1979. P. 121 – 140.
267. Croft P. King James. Basingstoke. 2003. 214 p.
268. Croft P. Parliament, purveyance and the City of London, 1598 – 1608 // PH, IV. 1985. P. 9 – 34.
269. Croft P. Patronage, Culture and Power: The Early Cecils, 1558 – 1612. London, 2002. 320 p.
270. Cruickshank D.W. Calderón's Amor, honor y poder and the Prince of Wales, 1623 // Bulletin of Hispanic Studies. Vol. 77 (1). 2000. P. 75 – 99.
271. Cuddy N. Anglo-Scottish Union and the Court of James I. 1603-1625. The Alexander Prize Essay Proxime Accessit // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1989. P. 107 – 124.
272. Cummins J. The Hound and the Hawk. The art of Medieval Hunting. New York, 1988. 306 p.
273. Davies R. An Inventory of the Duke of Buckingham's Pictures, etc, at York House in 1635 // Burlington Magazine, 10, 1906 -1907. P. 376 – 382.
274. Demetriou E. Michael Du Val and Count Gondomar: an approximation towards the authorship of the Spanish-English Rose or the English-Spanish Pomgranet (c. 1623) // Sederi: Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies, 14, 2004. P. 53 – 64.
275. Doelman J. King James I and the religious culture of England. Cambridge. 2000. 184 p.
276. Doran S. Viginity, Divinity and Power: The portraits of Elizabeth I // The Myth of Elizabeth I / Ed. by S. Doran, T.S. Freeman. Basingstoke, 2003. P. 171 – 199.
277. Dorsers W. "To bite" and "Too bee bitten". Thomas Scott as "public issues maker" at the beginning of the Thirty Years War. Amsterdam, 2013 – 2014. 38 p.
278. Dures A. English Catholicism, 1558 – 1642. Burnt Mill, Harlow, Essex, 1983. 164 p.

279. Dynasties: painting in Tudor and Jacobean England 1530 – 1630 / Ed. by K. Hearn. London, 1995. 256 p.
280. Elliott J.H. Imperial Spain, 1469 – 1716. London: Edward Arnold publishers, 1963. 406 p.
281. Elliott J.H. Philip IV of Spain: Prisoner of the Ceremony // The Courts of Europe: Politics, patronage and royalty / Ed. by A. G. Dickens. L., 1977. P. 169 – 189.
282. Elliott J.H. Spain and its World, 1500–1700. Selected Essays. New Haven, London, 1989. 295 p.
283. Elliott J.H. The Court of Spanish Habsburgs: a Peculiar Institution?/ Politics and Culture in Early Modern Europe: Essays in Honour of H. G. Koenigsbergerfed. / Ed. by Ph. Mack and M.C. Jacob. Cambridge, 1987. P. 5 – 24.
284. Elton G.R. A High Road to Civil War? // Studies in Tudor and Stuart politics and government: papers and reviews. Cambridge, 1974. Vol. 2. P. 146 – 182.
285. Elton G.R. Political history: principles and practice. L., 1970. 184 p.
286. Elton G.R. Studies in Tudor and Stuart Politics and government. Vol. 2. Cambridge, 1974. 267 p.
287. Espejo-Cala C. Andrés de Almansa y Mendoza y el círculo de los Duques de Medina Sidonia. La identidad del destinatario de las “Cartas” // Memoria y civilización 22. 2019. P. 1 – 21.
288. Ettinghausen H. Periodismo de moda en la España de principios del siglo XVII. Andrés de Almansa y Mendoza y el viaje a Madrid del principe Carlos de Inglaterra // Vestir a la Española en las cortes europeas (siglos XVI y XVII). Vol. I / Dir. por J. Luis Colomer, A. Descalzo. Madrid, 2014. P. 419 – 447.
289. Ettinghausen H. Phenomenal Figures: The best-selling first newsletter attributed to Andres de Almansa y Mendoza // Bulletin of Spanish Studies. Vol. LXXXI, Numbers 7 – 8. 2004. P. 1051 – 1070.

290. Evans J.A. History of jewelry 1100 – 1870. Faber and Faber. L., 1953. 224 p.
291. Evans R.J.W. The making of the Habsburg monarchy, 1550 – 1700. Oxford. 1979. 556 p.
292. Faction and parliament essays on Earle Stuart History / Ed. by K. Sharpe. Oxford, 1978. 292 p.
293. Fernández Suárez J.R. La Embajada inglesa en Madrid y la española en Londres (1607-1614) // ES: Revista de filología inglesa, Nº6. 1976. P. 81 – 138.
294. Fernández Suárez R. Francis Cottington su correspondencia inédita con el Conde de Gondomar (1616-1619) // ES: Revista de filología inglesa. Nº. 7. 1977, P. 69 – 116.
295. Finlayson J. Jacobean Foreign Policy, London's Civic Polity, and John Squire's Lord Mayor's Show, "The Tryumphs of Peace" // Studies in Philology. Vol. 110. No. 3. Summer, 2013. P. 584 – 610.
296. Fleay F.G.A Biographical Chronicle of the English Drama, 1559-1642. London, 1891. 405 p.
297. Flemion J.S. The nature of Opposition in the House of Lords in the early Seventeenth century: a Revaluation // Peers, politics and power: the House of Lords, 1603 – 1911 / Ed. by C. Jones and D.L. Jones. L., 1986. P. 5 – 23.
298. Foister S. Paintings and other works of Art in Sixteenth-Century English Inventories // Burlington Magazine, 123. 1981. P. 273 – 282.
299. Fraser A. King James VI of Scotland and I of England. London, 1974. 224 p.
300. Freedberg D. The power of images: Studies in the History and Theory of Response Chicago and London, 1989. 534 p.
301. Frye S. Elizabeth I: The Competition for Representation. Oxford, 1993. 240 p.

302. Gajda A. The Earl of Essex and Late Elizabethan Political Culture. Oxford, 2012. 308 p.
303. Galloway B. The Union of England and Scotland, 1603- 1608. Edinburgh, 1986. 197 p.
304. Ganz P. Henry VIII and his court painter, Hans Holbein // The Burlington magazine. Vol. 63, No. 367. 1933. P. 144 – 155.
305. García Sanz A., Sánchez Hernández L. Royal Convents of Madrid. Las Descalzas Reales and La Encarnación. Madrid, 2014. 102 p.
306. Garcia Sierra M.J. El aposentamiento de personajes reales europeas y embajadores extraordinarios en la Corte de España en el siglo XVII // Madrid en el contexto de lo hispánico desde la época de los descubrimientos. Madrid, 1994. P. 741 – 756.
307. Gardiner S.R. Prince Charles and the Spanish marriage: 1617-1623: a chapter of English history, founded principally upon unpublished documents in this country, and in the archives of Simancas, Venice, and Brussels. Vol. 1. London: Hurst and Blackett, 1869. 476 p.
308. Gardiner S.R. Prince Charles and the Spanish marriage: 1617-1623: a chapter of English history, founded principally upon unpublished documents in this country, and in the archives of Simancas, Venice, and Brussels. Vol. 2. London: Hurst and Blackett, 1869. 488 p.
309. Gherasim G.C. Fundamentals of Diplomatic Protocol // Studia ubb. Europaea, LXIV, 2, 2019. P. 359 – 373.
310. Gillespie J. Richard II's knights chivalry and patronage // Journal of Medieval History. Vol. 13. №2. 1987. P. 143 – 159.
311. Gómez-Centurión Juménez C. La herencia de Borgoña: el ceremonial real y las casas reales en la España de los Austrias (1548-1700) // Las sociedades ibéricas y el mar a finales del siglo XVI. Tomo I: La Corte. Centro e imagen del poder. Madrid, 1998. P. 11 – 31.
312. Goodwin R. Spain. The Centre of the World, 1519 – 1682. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2015. 608 p.

313. Griffin E. Copying “the Anti-Spaniard”: Post-Armada Hispanophobia and English Renaissance Drama // Representing Imperial Rivalry in the Early Modern Mediterranean. 2015. P. 191 – 216.
314. Guthrie W.P. Battles of the Thirty Years War: from White Mountain to Nordlingen, 1618 – 1635. London, 2002. 335 p.
315. Gutmann M.P. The Origins of the Thirty Years War // The Origins and Prevention of Major Wars. Cambridge, 1989. P. 177 – 199.
316. Harris E. Velázquez and Charles I: antique busts and modern paintings from Spain for the Royal Collection // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 30, 1967. P. 414 – 420.; reprinted in Estudios completos sobre Velázquez, Madrid, 2006. P. 85 – 96.
317. Hart V. Inigo Jones: the architect of kings. London, 2011. 336 p.
318. Haskell F. The King’s pictures: the formation and dispersal of the collection of Charles I and his courtiers / Ed. by K. Serres. London, 2013. 260 p.
319. Haynes A. The White Bear: The Elizabethan Earl of Leicester. London, 1987. 240 p.
320. Heinemann M. Puritanism and Theatre. Cambridge, 1980. 312 p.
321. Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 297 p.
322. Hennings J. The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I’s Visit to Vienna in 1698 // The International History Review, Vol.30. No. 3. Sep., 2008. P. 515 – 544.
323. Henry VIII. Man and Monarch / Ed. by S. Doran. London, 2009. 288 p.
324. Hervey M.F.S. The life, correspondence and collections of Thomas Howard, Earl of Arundel. Cambridge, 1921. 562 p.
325. Hill C. Puritanism and Revolution. Studies in Interpretation of the English Revolution of 17th century. L., 1958. 402 p.

326. Hill C. *The Century of Revolution, 1603 – 1714*. L., 1961. 296 p.
327. Hill C. *The English Revolution 1640: three essays*. L., 1949. 135 p.
328. Hill R. Ambassadors and art collecting in early Stuart Britain. The parallel careers of William Trumbull and Sir Dudley Carleton, 1609 – 1625 // *Journal of the History of Collections*. Vol. 15, No. 2. 2003. P. 211 – 228.
329. *Holbein and the Court of Henry VIII*. London, 1978. 159 p.
330. Holmes D. M. *The art of Thomas Middleton*. Clarendon Press. Oxford, 1970; Sargent J. R. Theme and Structure in Middleton's "A Game at Chess" // *The Modern Language Review*. Vol. 66. No. 4. Oct. 1971. P. 721 – 730.
331. Hortal Muñoz J.E. La integración de los Sitios Reales en el sistema de Corte durante el reinado de Felipe IV // *Libros de la Corte*, 8. Spring-Summer 2014. P. 27 – 47.
332. Hortal Muñoz J.E. Religión, política y sociedad: el personal religioso de los Sitios Reales en los territorios de la Monarquía Hispánica durante el siglo XVII // *La Iglesia en Palacio. Los eclesiásticos en las cortes hispánicas (siglos XVI-XVII)* / Ed. by R. Valladares. Rome, Viella, 2019. P. 73 – 90.
333. Hortal Muñoz J.E. Royal Sites as Core Element of Early Modern Monarchies: Social Integration in Seventeenth-Century Castile // *Royal Studies Journal*, 9:2, 2022. P. 162 – 181.
334. Hortal Muñoz J.E. The Regulation of Private Spaces: The Codification of the Royal Chamber of the Spanish Monarchy in the Seventeenth Century // *The Court Historian*. Vol. 28 (1), 2023, P. 18 – 31.
335. Hortal Muñoz J.E. The role of dynastic households at early modern courts // *Virtus. Journal of Nobility Studies*, 21. 2014. P. 213 – 218.
336. Howard – Hill T.H. Political Interpretations of Middleton's "A Game at Chess" // *The Yearbook of English Studies*. Vol. 21. Politics, Patronage and Literature in England 1558 – 1658, Special Number. 1991. P. 274 – 285.
337. Howarth D. *Images of Rule. Art and politics in English Renaissance, 1485 – 1649*. London, 1997. 306 p.

338. Howat G.M.D. Stuart and Cromwellian foreign policy: London: Black, 1974. 191 p.
339. Hume M. The Court of Philip IV. London, 1907. 572 p.
340. Hutchings M. Diplomacy Narratives as Documents of Performance // Exile, Diplomacy and Texts: Exchanges between Iberia and the British Isles, 1500–1767. Brill, 2021. P. 208 – 227.
341. Huxley G. Endymion Porter: The Life of a Courtier, 1587–1649. London: Chatto and Windus, 1959. 343 p.
342. Jansson M. Incognito and the New Diplomacy: The case of Tsar Peter // Вестник МГИМО-университета. №6 (63). М., 2018. С. 13 – 34.
343. Jansson M. Measured Reciprocity: English Ambassadorial Gift Exchange in the 17th and 18th Centuries // Journal of Early Modern History. Vol. 9. №3. 2005. P. 348 – 370.
344. Judson M. A. The crisis of the constitution: an essay in constitutional and political thought in England, 1603 – 1645. New Brunswick, NJ. 1949. 444 p.
345. Kantorowicz E.H. The king's Two Bodies. A Study in Medieval political Theology. Princeton, 1997. 568 p.
346. Kantorowicz E.H. Gods in uniform // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 105, №4. 1961. P. 368 – 393.
347. Kennedy M.E. Legislation, foreign policy and the “proper business” of the Parliament of 1624 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 23. No. 1. Spring, 1991. P. 41 – 60.
348. King J. The Royal Image, 1535 – 1603 // Tudor Political Culture / Ed. by D. Hoak. Cambridge, 1995. P. 104 – 132.
349. King J. Tudor Royal Iconography: literature and art in an age of religious crisis. Princeton, 1989. 286 p.
350. Kipling G. The Triumph of Honour: Burgundian Origins of the Elizabethan Renaissance. Leiden, 1977. 188 p.

351. Kisby F. Kingship and the royal itinerary. A study of the Peripatetic Household of the Early Tudor kings, 1485 – 1547 // *The Court Historian* / Ed. by Ph. Mansel. Vol 4, 1. London, 1999. P. 29 – 39.
352. Kishlansky M. A monarchy transformed Britain 1603 – 1714. L., 1997. 386 p.
353. Kishlansky M. Charles I. An abbreviated life. L., 2014. 120 p.
354. Kleber Monod P. The power of kings. Monarchy and religion in Europe, 1589 – 1715. New Heaven, 1999. 419 p.
355. Kunz G.F., Hugh C. The Book of the Pearl: Its History, Art, Science, and Industry. Dover publications, inc. Mineola, New York, 2011. 672 p.
356. Kurtz D. The concept of the classical past in Tudor and early Stuart England // *Journal of the History of Collections*. Vol.20, No. 2. 2008. P. 189 – 204.
357. La corte de Carlos V / Dir. J. Martínez Millán. Madrid, 2000. 486 p.
358. La Corte de Felipe IV (1621-1665). Reconfiguración de la Monarquía Católica / J. Martínez Millán, J.E. Hortal Muñoz (dirs.). Madrid, 2013. 3 vols. 2544 p.
359. La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Madrid, 2005. 2 vols. 945 y 999 p.
360. La Monarquía de Felipe III / Dirs. J. Martínez Millá y M.A. Visceglia. Madrid: Fundación MAPFRE, 2008. 2 vols. 1326 y 989 p.
361. Labradór Arroyo F. La formación de las Etiquetas Generales de Palacio en tiempos de Felipe IV: la Junta de Etiquetas, reformas y cambios en la Casa Real // *La Casa de Borgoña: la Casa del rey de España*. Leuven: Leuven University press, 2014. P. 99 – 128.
362. Labrador Arroyo F. La influencia de la Casa de Castilla en la organización de la Casa de las Reinas hispanas // *Evolución y estructura de la Casa Real de Castilla*. Vol. I. Madrid, Polifemo, 2010. P. 1 – 35.

363. Lake P.G. Constitutional Consensus and Puritan Opposition in the 1620s: Thomas Scott and the Spanish Match // *The Historical Journal*. Vol. 25. No. 4. Cambridge, 1982. P. 805 – 825.
364. Lasnier J.-F. Palace of Faith // *The Royal Monastery of San Lorenzo de el Escorial* / Ed. by G. Boyer. Madrid, 2012. P. 4 – 17.
365. Lee M. Great Britain's Solomon. Urbana: Chicago Univ. of Illinois press, 1990. 332 p.
366. Lee M. James I and the Historians: Not a Bad King after All? // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Boone, 1984. Vol. 16. №. 2. P. 151 – 164.
367. Lee M. The Jacobean diplomatic service // *The American Historical Review*, Jul., Vol. 72, No. 4. 1967. P. 1264 – 1282.
368. Lemée E. The Language of Incognito in Late Seventeenth-Century Diplomacy // *Legatio: The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies* 4(4):15. 2020. P. 15 – 36.
369. Lockyer R. The Early Stuarts: a political history of England, 1603 – 1642. New York, 1989. 411 p.
370. Lockyer R. Tudor and Stuart Britain, 1471 – 1714. London, 1964. 484 p.
371. Loftis J. Renaissance Drama in England and Spain: Topical Allusion and History Plays. Princeton, NJ: Princeton U. P., 1987. 282 p.
372. Loomie A.J. Spain and the Early Stuarts, 1585-1655. Aldershot, Brookfield: Variorum, Variorum, 1996. 421 p.
373. Lyon F.H. Diego de Sarmiento de Acuña, Conde de Gondomar. Oxford, 1910. 118 p.
374. MacGregor A. King Charles I: a renaissance collector? // *Seventeenth Century*, II, 1996. P. 141 – 160.
375. Magee B. The English Recusants. L., 1938. 230 p.
376. Maitland F.W. The Constitutional History of England. Cambridge, 1908. 547 p.

377. Maltby W.S. The black legend in England. The development of anti-Spanish sentiment, 1558 – 1660. Durham, 1971. 180 p.
378. Martin J.H. Caroline Courtier: The Life of Lord Cottington. London: Macmillan, 1973. 232 p.
379. Martínez Millán J. La corte de la monarquía Hispánica // *Studia historica. Historia moderna*, Nº 28, 2006. P. 17 – 61.
380. Martínez Millán J. The Triumph of the Burgundian Household in the Monarchy of Spain // Werner Paravicini (Hg.): *La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un mode`le culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, avec le concours de Torsten Hiltmann et Frank Viltart*. Ostfildern, 2013. P. 745 – 771.
381. Mateos Royo J.A. All the town is a stage: civic ceremonies and religious festivities in Spain during the golden age // *Urban history*, August, Vol. 26. № 2. 1999. P. 165 – 189.
382. Mattingly G. Renaissance diplomacy. Baltimore, 1955. 323 p.
383. Mc Evansoneya Ph. Vertue, Walpole and the documentation of the Buckingham collection // *Journal of the History of Collections*. Vol. 8, Issue 1. 1996. P. 1 – 15.
384. McCoy R. Old English honour in an evil time: aristocratic principle in the 1620s // *The Stuart court and Europe. Essays in politics and political culture* / Ed. by R. Malcolm Smuts. Cambridge. 1996. P. 133 – 156.
385. McIlvain Ch.H. The High Court of Parliament and its Supremacy. New Heaven, 1910. 409 p.
386. Moir T.L. The addled Parliament of 1614. Oxford, 1958. 212 p.
387. Morrill J. The Oxford illustrated history of Tudor and Stuart Britain. Oxford. 1996. 512 p.
388. Mortimer G. War by Contract, credit and contribution: The Thirty Years War // *Early Modern Military History, 1450-1815* / Ed. by G. Mortimer. New York, 2004. P. 101 – 118.

389. Muir E. *Ritual in Early Modern Europe*. Cambridge, N.Y., 1997. 291 p.
390. Nader H. *Habsburg Ceremony in Spain: The Reality of the Myth // Historical Reflections, Culture, Society and Religion in Early Modern Europe: Essays by the Students and colleagues of William J. Bouwsma*. Vol. 15. No. 1. Spring, 1988. P. 293 – 309.
391. *Negotiating the gift. Pre-modern figurations of exchange / Ed. by G. Algazi, V. Groebner, B. Jussen*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. 418 p.
392. Noel C.H. *La etiqueta borgoñona en la Corte de España (1547-1800) // Manuscripts*, 22. 2004. P. 139 – 158.
393. Normore Ch. *A Feast for the Eyes: Art, Performance, and the Late Medieval Banquet*. Chicago : University of Chicago Press, 2015. 261 p.
394. Notestein W. *The House of Commons 1604 – 1610*. New Heaven and London. 1971. 598 p.
395. O’Callaghan M. *Thomas Middleton, Renaissance Dramatist*. Edinburgh, 2009. 190 p.
396. Oggins R.S. *The Kings and Their Hawks: Falconry in Medieval England*. Yale University Press, 2004. 282 p.
397. Oyarbide Magaña E. *Between Love and Hate: Thomas Scott’s Puritan Propaganda and His Interest in Spanish Culture // Literary Hispanophobia and Hispanophilia in Britain and the Low Countries (1550-1850)*. Amsterdam, 2020. P. 93 – 114.
398. Oyarbide Magaña. E. *The myth of the black knight: subverting the image of count Gondomar in early modern England // Vides*, 2014. P. 11 – 17.
399. *Paintings and Sculpture at Hatfield House / Ed. by E. Auerbach, C.K. Adams*. London, 1971. 319 p.
400. Palgrave F. *The Rise and Progress of the English Commonwealth*. Vol. 2. L., 1832. 475 p.

401. Paravicini W. The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe? // *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age* / Ed. by A. Birke et al. Oxford, 1991. P. 69 – 102.
402. Parker G. Global crisis: war, climate change and catastrophe in the seventeenth century. New Haven: Yale University Press, 2014. 871 p.
403. Parliament and liberty from the reign of Elizabeth to the English Civil War / Ed. by J.H. Hexter. Stanford, 1992. 333 p.
404. Parry G. The Golden Age Restored: The culture of the Stuart Court, 1603 – 1642. Manchester, 1981. 276 p.
405. Patterson W.P. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997. 409 p.
406. Payne M.T.W. An inventory of Queen Anne of Denmark's "ornaments, furniture, household stuffe, and other parcells" at Denmark House, 1619 // *Journal of the History of Collections*. Vol. 13. 2001. P. 23 – 44.
407. Peck L.L. "For a King Not to be Bountiful Were a Fault": Perspectives on Court Patronage in Early Stuart England // *Journal of British Studies*. Vol. 25. №1. Chicago, 1986. P. 31 – 61.
408. Peck L.L. Consuming Splendour: society and culture in 17th century England. Cambridge, 2005. 431 p.
409. Peck L.L. Northampton: Patronage and Policy at the Court of James I. London, 1982. 277 p.
410. Peck L.L. The Mental World of the Jacobean Court. Cambridge, 2005. 401 p.
411. Pena Sueiro N. El título de las Relaciones de sucesos // *La fiesta. Actas del II Seminario de Relaciones de sucesos* (A Coruña, 13-15 de julio de 1998). Sociedad de Cultura Valle Inclán, 1999. P. 293 – 302.
412. Pena Sueiro N. Los autores de relaciones de sucesos: primeras precisiones // *La invención de las noticias. Las relaciones de sucesos entre la*

- literatura y la información (siglos XVI-XVIII). Università degli Studi di Trento, 2017. P. 491 – 507.
413. Philip I.G. Balthasar Gerbier and the Duke of Buckingham's pictures // *Burlington Magazine*, 99, 1957. P. 155 – 156.
414. Pugh F. Monmouth Recusants un the Reigns of Elizabeth and James I // *South Wales and Monmouthshire Record Society Publications*. 1957. № 4. P. 59 – 110.
415. Pursell. B. The end of the Spanish match // *The Historical Journal*. Vol. 45. No. 4. Dec., 2002. P. 699 – 726.
416. Puyuelo y Salinas C. Carlos de Inglaterra en España: un príncipe de Gales busca novia en Madrid. Madrid, 1962. 274 p.
417. Pyhrr S.W., Godoy J-A. Heroic armor of the Italian Renaissance - Filippo Negroli and his contemporaries. New York, 1999. 357 p.
418. Queller D.E. The office of ambassador in the middle ages. Princeton, New Jersey, 1967. 251 p.
419. Quiles Albero D. El estudio de la corte y el estilo de vida cortesano en la Educación Secundaria // *La Historia Moderna en la Enseñanza Secundaria. Contenidos, métodos y representaciones* / F. García Gonzalez, C.J. Gómez Carrasco, R. Cózar Gutiérrez, P. Martínez Gómez. Cuenca, 2020. P. 579 – 588.
420. Raeymaekers D., Derks S. Reportoires of Access in Princely Courts, 1400 – 1750 // *New perspectives on Power and political representation from ancient history to the present day* / Ed. by H. Kaal, D. Slootjes. Boston, 2009. P. 78 – 93.
421. Raymond J. Pamphlets and pamphleteering in early modern Britain. Cambridge. 2003. 410 p.
422. Redondo A. Fiesta y literatura en Madrid durante la estancia del Príncipe de Gales // *Edad de Oro*, XVII. 1998. P. 119 – 136.

423. Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // *The Historical Journal*. Vol. 27. No. 2. 1994. P. 401 – 409.
424. Redworth G. *The prince and the Infanta: The cultural politics of the Spanish match*. New Haven: Yale University Press, 2003. 200 p.
425. Redworth G., Checa F. The kingdoms of Spain, the courts of the Spanish Habsburgs 1500 – 1700 // *The princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500 – 1750* / Ed. by J. Adamson. London: Seven Dials, Cassel & Co, 1999. P. 43 – 65.
426. Reeve J. Britain or Europe? The context of Earle Modern English History: Political and Cultural, Economic and Social, Naval and Military // *The New British History*. London, 1999. 331 p.
427. Rivero M. *La España del Siglo de Oro*. Madrid, 2023. 473 p.
428. Rivero M. *Olivares: Reforma y revolución en España (1622-1643)*. Arzalia, Madrid, 2023. 319 p.
429. Rodríguez Villa A. *Etiquetas de la Casa de Austria*. Madrid: Medina y Navarro, 1875. 247 p.
430. Roosen W. Early Modern Diplomatic Ceremonial: a System approach // *The Journal of Modern History*. Vol. 52. №3. 1980. P. 452 – 476.
431. Ruigh R.E. *The Parliament of 1624. Politics and Foreign Policy*. Harvard, 1971. 434 p.
432. Ruiz Astriz J., Pena Sueiro N. Presentación. Las relaciones de sucesos: producto y género editorial en la Monarquía Hispánica // *Memoria y civilización* №22, 2019. P. 378 – 379.
433. Ruiz Fernández O.A. *England and Spain in the Early Modern Era. Royal Love, Diplomacy, Trade and Naval Relations, 1604 – 1625*. L., 2020. 296 p.
434. Russell C. *Parliaments and English Politics 1621 – 1629*. Oxford, 1979. 453 p.

435. Russell C. The Addled Parliament of 1614: the limits of revision. Reading. 1992. 26 p.
436. Russell C. The crisis of Parliaments. English history 1509 – 1660. Oxford. 1971. 440 p.
437. Sainz A.G., Ruiz Gómez L. Linaje regio y monacal: la galería de retratos de las Descalzas Reales // El linaje del emperador: Iglesia de la Preciosa Sangre, Centro de Exposiciones San Jorge. Cáceres. M., 2000. P. 135 – 158.
438. Salzman P. Travelling or Staying In: Spain and the Picaresque in the Early 1620s // The Yearbook of English Studies. Travel and Prose Fiction in Early Modern England. Vol. 41. No. 1. 2011. P. 141 – 155.
439. Samper P., Palmer S. Estilo de servir a príncipes. La cocina y la mesa de un grande de Espaca en el Siglo de Oro // Trocadero. Revista de Historia Moderna y Contemporánea 12-13. 2000-2001. P. 315 – 360.
440. Sánchez M.S. Where Palace and Convent Met: The Descalzas Reales in Madrid // The Sixteenth Century Journal, Vol. 46, No. 1. Spring, 2015. P. 53 – 82.
441. Sánchez Sánchez M. Etiquetas de Corte: estado actual de la cuestión // Manuscr. Cao 3. Madrid, 1990. P. 61 – 77.
442. Sancho J.L. The Royal Monastery of San Lorenzo de El Escorial. Madrid: Patrimonio Nacional, 2002. 207 p.
443. Sancho J.L. The Royal palace of Madrid. Madrid, 2017. 67 p.
444. Sanz Camañes P. Diplomacia hispano-inglesa en el siglo XVII. Razón de Estado y relaciones de poder durante la Guerra de los Treinta Años, 1618-1648. Cuenca, 2002. 260 p.
445. Sanz Camañes P. Las instrucciones diplomáticas de los embajadores españoles en Inglaterra durante Pael siglo XVII // Revista de Historia moderna. №3, 2015. P. 11 – 31.
446. Sargent J.R. Theme and Structure in Middleton's "A Game at Chess" // The Modern Language Review. Vol. 66. No. 4. Oct. 1971. P. 721 – 730.

447. Schroth S.W. Charles, the duque de Lerma and Veronese's Edinburgh "Vars and Venus" // *The Burlington Magazine*, Vol. 139, No. 1133. Aug., 1997. P. 548 – 550.
448. Scott J. *The Royal Portrait. Image and Impact*. London, 2010. 200 p.
449. Sharpe K. *Politics and Ideals in Early Stuart England: Essays and Studies*. L., 1989. 415 p.
450. Sharpe K. *Remapping Early Modern England. The Culture of Seventeenth-century Politics*. Cambridge, 2000. 496 p.
451. Sharpe K. *Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-century England*. London, 2009. 588 p.
452. Sharpe K. *Sir Robert Cotton, 1586 – 1631. History and politics in Early Modern England*. Oxford, 1979. 293 p.
453. Sharpe K. *The personal rule of Charles the First*. New Heaven, 1992. 983 p.
454. Sims R. *Handbook to the library of the British museum*. London, 1854. 418 p.
455. Smith D.L. *The Stuart Parliaments 1603 – 1689*. London, 1999. 260 p.
456. Smuts R.M. *Art and the material culture of majesty in Early Stuart England // The Stuart court and Europe: essays in politics and political culture / Ed. by M. Smuts*. Cambridge, 1996. P. 86 – 112.
457. Smuts R.M. *Court culture and the origins of a royalist tradition in early Stuart England*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1987. 322 p.
458. Smuts R.M. *Public Ceremony and Royal Charisma: The English Royal Entry in London, 1485-1642 // The First Modern Society. Essays in English History in Honor of Lawrence Stone. / Ed. by A. L. Beier, D. Cannadine, J. M. Rosenheim*. Cambridge, 1989. P. 65 – 93.
459. Smuts R.M. *The structure of the court and the roles of the artist and poet under Charles I // The Court Historian*, 9, 2004. P. 103 – 117.

460. Soler del Campo A. The art of power. Royal Armory and portraits from Imperial Spain. Washington, 2009. 300 p.
461. Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558-1641. Oxford: Clarendon Press, 1965. 841 p.
462. Stoye J. English travellers abroad, 1604-1667: Their influence in English soc. and politics. New Haven; London: Yale University Press, 1989. 382 p.
463. Strong R. Art and power: renaissance festivals 1450 – 1650. Woodbridge, 1984. 227 p.
464. Strong R. Henry Prince of Wales and England's Lost Renaissance. L., 2000. 208 p.
465. Strong R. Portraits of Queen Elizabeth. Oxford, 1963. 173 p.
466. Strong R. Saint George for England: the Order of the Garter // The cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and Pageantry. London: Thames & Hudson, 1977. P. 164 – 186.
467. Strong R. The Cult of Elizabeth: Elizabethan Portraiture and pageantry. London, 1977. 227 p.
468. Strong R. The English Renaissance Miniature. London, 1983. 208 p.
469. Strong R. The Gloriana: portraits of Queen Elizabeth I. London, 1987. 180 p.
470. Strong R. The Renaissance Garden in England. London, 1998. P. 73 – 112.
471. Strong R. Three royal jewels: the Three Brothers, the Mirror of Great Britain and the Feather // The Burlington Magazine. Jul., Vol. 108. No. 760. 1966. P. 350 – 353.
472. Strong R. Tudor and Jacobean Portraits. London, 1969. 415 p.
473. Stubbs W. The Constitutional History of England. Vol. 1. Oxford, 1874. 638 p.
474. Stubbs W. The Constitutional History of England. Vol. 2. Oxford, 1875. 670 p.

475. Stubbs W. The Constitutional History of England. Vol. 3. Oxford, 1878. 660 p.
476. Tawney R. Business and Politics under James I: Lionel Cranfield as Merchant and Minister. Cambridge, 1958. 324 p.
477. Taylor F.H. The taste of Angels. A History of Art collecting from Rameses to Napoleon. Boston, 1948. 661 p.
478. The Court Historian. Gift-giving in eighteenth-century courts. Vol. 14, No. 2. London, 2009. 248 p.
479. The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. Harlow, 1987. 273 p.
480. The evolution of English Collecting: Receptions of Italian Art in the Tudor and Stuart Periods / Ed. by E. Chaney. New Haven, 2003. 484 p.
481. The late King's goods: collection, possessions and patronage of Charles I in the Light of the Commonwealth Sale Inventories / Ed. by A. MacGregor. London and Oxford, 1989. 432 p.
482. The royal image: representation of Charles I / Ed. by T.N. Corns. Cambridge, 1999. 316 p.
483. The sale of the century: Artistic relations between Spain and Great Britain, 1604- 1655: [The catalogue for an exhibition held in the Museo del Prado, March 15- June 2, 2002] / Ed. by J. Brown and J.H. Elliott. New Haven, London: Yale University Press, 2002. 315 p.
484. The Spanish Match: Prince's Charles journey to Madrid, 1623 / Ed. by A. Samson. New York, 2006. 254 p.
485. The Thirty years war / Ed. By G. Parker. London, New York, 1997. 316 p.
486. Thompson C. Parliamentary history in the 1620s: in or out of perspective? Wivenhoe, Essex. 1986. 27 p.
487. Thrush A. The personal rule of James I, 1611 – 1620 // Politics, religion and popularity / Ed. by T. Cogswell, R. Cust, P. Lake. Cambridge. 2002. P. 84 – 102.

488. Trapaga Monchet K. La transformación institucional de la Cámara Real de la Monarquía hispana durante el siglo XVII // La reconfiguración de la Monarquía Católica: el reinado de Felipe IV (1621-1665) / Dir. por J. Martínez Millán y J. E. Hortal Muñoz. Madrid, 2015. P. 317 – 439.
489. Trevelyan G.M. England under the Stuarts. L., 1904. 546 p.
490. Tyacke N. Wroth, Cecil and the Parliamentary Session of 1604 // BIHR, L., 1977. P. 120 – 124.
491. Vale J. Edward III and Chivalry Chivalric Society and its Context, 1270-1350. Woodbridge, 1982. 207 p.
492. Van Dyck and Britain / Ed. by K. Hearn. London, 2009. 240 p.
493. Vázquez Manassero M. A. Coleccionar «sciencia» en la corte española durante el siglo XVII: entre el conocimiento, el entretenimiento y la representación del poder // Espacios del coleccionismo en la Casa de Austria (ss XVI y XVII) / Ed. F. C. Cremades. Madrid, P. 139 – 162.
494. Vickers M. The Arundel and Pomfret Marbles. Oxford, 2006. 96 p.
495. Vila Carneiro Z. Amor, honor y poder: reflejos y miradas de lo inglés en el Teatro del Siglo de Oro // Del verbo al espejo Reflejos y miradas de la literatura hispánica / Edición de P.Caballero-Alías, F. Ernesto Chávez y B. Ripoll Sintés. Barcelona, 2011. P. 103 – 110.
496. Werner H. The Hector of Germanie, or The Palsgrave, Prime Elector and Anglo-German relations of early Stuart England: the view from the popular stage // The Stuart court and Europe...Cambridge. 1996. P. 113 – 132.
497. Weston C.C., Greenberg J. R. Subjects and sovereigns: the Grand Controversy over Legal Sovereignty in Stuart England. Cambridge, 1981. 440 p.
498. White J.C. Militant Protestants: British Identity in the Jacobean Period, 1603–1625 // History, Vol. 94. No. 2. 2009. P. 154 – 175.

499. Wiethoff W.E. A Machiavellian Paradigm for Diplomatic Communication // The Journal of Politics, Nov., 1981, Vol. 43, No. 4. P. 1090 – 1104.
500. Wilks T. Art collecting at the English court from the death of Henry, Prince of Wales to the death of Anne of Denmark // Journal of the History of collection. Vol. 9, No. 1. 1997. P. 31 – 48.
501. Wilks T. The Picture Collection of Robert Carr, Earl of Somerset // Journal of the History of Collections. Vol. 1. 1989. P. 167 – 177.
502. Wormald J. James VI and the Identity of Britain // The British Problem, c. 1534 – 1707: State Formation in the Atlantic Archipelago / Ed. by B. Beadshaw and J. Morrill. 1996. P. 148 – 171.
503. Wormald J. One king, two kingdoms // Uniting the Kingdom? The Making of British History / Ed. by A. Grant and K.J. Stringer. 1995. P. 123 – 132.
504. Wright. L.B. Propaganda against James I's "Appeasement" of Spain // Huntington Library Quarterly. Vol. 6. No. 2. Feb., 1943. P. 149 – 172.
505. Wyld H. Charles I and Raphael's "acts of the apostles" // Charles I. King and collector. London, 2018. P. 190 – 197.
506. Yachnin P. A Game at Chess and Chess Allegory // Studies in English Literature, 1500 – 1900. Vol. 22. No. 2. Spring, 1982. P. 317 – 330.
507. Zafra Molina R. Los autos sacramentales en Palacio: algo más que una fiesta // Teatro, fiesta y ritual en España y sus virreinos americanos (siglos XVI - XVII) // Rilce. Revista de Filología Hispánica / Ed. by M. Zugasti. Vol. 32.3. Pamplona, 2016. P. 803 – 832.
508. Zaller R. The parliament of 1621. Berkley and Los Angeles. 1971. 242 p.

Приложение 1

Испанский оригинал	Русский перевод
«Recivimiento de príncipe soberano extranjero que viene a esta corte»⁸³⁷	«Прием суверенного иностранного принца, что пребывает к этому Двору»
Para dar forma a esta función, se pone por ejemplar el recibimiento y demostraciones que S. M. hizo con el Príncipe de Gales, hijo del Rey de la Gran Bretaña, que llegó a esta Corte viernes a 15 de Marzo del año 1623, con tanto secreto, que ni en Inglaterra ni en España se supo esta resolución.	Дабы сообщить о порядке такового действия примером являются церемонии, которые Его Величество организовал для принца Уэльского, сына короля Великой Британии, который прибыл ко двору в пятницу 15 марта 1623 г. с такой секретностью, что ни в Англии, ни в Испании не знали об этой поездке.
Venía acompañado del Marqués de Buckingham, del Consejo de Estado del Rey y Caballerizo Mayor del Príncipe. Apeóse en la casa del Conde Bristol, Embajador Extraordinario de su Padre, que posaba en las casas donde hoy es el Convento de las monjas de Calatrava.	Он прибыл в сопровождении маркиза Бекингема, государственного советника короля и главного конюшего принца. Он остановился в доме графа Бристоля, чрезвычайного посла его отца, который проживал в домах, где сейчас Женский монастырь Калатравы.
Avisó luego al Conde de Gondomar, que había sido Embajador Extraordinario en Inglaterra.	Затем [о прибытии принца] сообщил [герцог Бекингем] графу Гондомару, который служил чрезвычайным послом в Англии.

⁸³⁷ Перевод выполнен по изданию - Recivimiento de príncipe soberano extranjero que viene a esta corte // Etiquetas de palacio ordenadas por el año de 1562 y reformadas el de 1647 [AHN. CS, libro 1189, ff. 1r. – 298r.] // La Monarquía de Felipe II: La casa del rey / Dirs. J. Martínez Millán y S. Fernández Conti. Tomo II. Madrid, 2005. P. 960 – 962.

El día siguiente visitó el Conde Duque de Olivares, de parte de S. M., al Príncipe.	На следующий день [принца] навестил граф-герцог де Оливарес от лица Его Величества.
Domingo a 19 del mes visitó S. M. al Príncipe en secreto, asistiendo el Conde de Olivares, Marqués de Buckingham y los Condes de Gondomar y Bristol, con grandes demostraciones y cortesías de parte de S. M., que dio al Príncipe siempre la mano derecha.	Во вторник, 19 марта, Его Величество в тайне посетил принца в присутствии графа Оливареса, маркиза Бекингема, графов де Гондомар и Бристоля, с проявлением великого почтения и любезности со своей, Его Величества, стороны и всегда подавал принцу правую руку.
Suspendiéronse las pragmáticas de traje y soltárouse los presos de las cárceles que no tenían parte.	Были приостановлены законы против роскоши и из тюрем были освобождены заключенные, которым не было предъявлено обвинение.
Resolvió S. M. en consulta del Consejo de Estado que la entrada del Príncipe fuese pública, y señaló para ello el día 27 de Marzo.	Посоветовавшись с государственным советом Его Величество принял решение о том, что въезд будет публичным и назначил его на 27 марта.
Fueron por la mañana por el Príncipe a la casa del Conde Bristol cuatro Consejeros de Estado y le llevaron al Cuarto Real del Convento de San Jerónimo, donde comió, siviéndole la casa, que se le puso en forma de criados de S. M., y asistido de los mismos	Утром в дом графа Бристоля за принцем приехали четыре государственных советника и привезли в королевские покои монастыря Сан-Херонимо, где он отобедал, по обычаю королевского двора, за трапезой ему прислуживали

Consejeros.	слуги Его Величества. На трапезе также присутствовали советники.
Fuéronle a visitar los Consejeros y la Villa en la forma que cuando reciben a los Señores Reyes de Castilla cuando entran heredados.	Его навестили государственные советники и городской совет таким же образом, как принимают королей Кастилии, когда они совершают торжественный въезд, унаследовав трон.
Lleváronse los caballos para S. M. y el Príncipe desde la Caballeriza en la forma que se acostumbra.	Туда же, по обычаю, привезли лошадей для Его Величества и принца из королевской конюшни.
Llegó S. M. después al Cuarto de San Jerónimo acompañado del Conde de Olivares, Duque del Infantado y algunos Caballeros de la Cámara.	Его Величество прибыл в покои монастыря Сан-Херонимо в сопровождении графа де Оливарес, герцога де Инфантадо и членов Кастильской Палаты.
Salió el Príncipe a recibirle hasta el pórtico, y haciéndose grandes cortesías sin sentarse ni entrar en ninguna parte, subieron a caballo, dándole S. M. siempre la mano derecha y el primer lugar en todo.	Принц вышел, чтобы встретить его на крыльце, проявляя большую вежливость. И не присев и не заходя никуда, они сели на коней, а Его Величество всегда подавал принцу правую руку и пропускал его вперед.
El acompañamiento fué grande y de mucho lucimiento. Los Maceros y Reyes de armas llevaban su lugar y a pié, como se acostumbra.	Сопровождение было большим и блистательным. Герольды и гербовые короли шли пешком на своих местах, согласно обычаю.
El primer Caballerizo y un Gentil-hombre de la Cámara sirviendo al Príncipe en este oficio, los Caballerizos,	Старший конюший и палатный дворянин служили принцу, а также конюхи, пажи, офицеры охраны и

Pajes, Tenientes de las guardias y Oficiales de la Caballeriza.	служащие конюшни.
Detrás de S. M. y el Príncipe iban el Conde de Olivares y el Duque de Buckingham, los dos Embajadores ordinario y extraordinario de Inglaterra y Consejero de Estado.	Позади Его Величества и принца ехали граф де Оливарес и герцог Бекингем, два английских посла – ординарный и чрезвычайный и член Государственного Совета.
Las guardias española y alemana iban en dos hileras, y la de Archeros a caballo, con lanzas, jabalinas, pistolas de arzón, bandas rojas y muchas plumas, cerraban el acompañamiento en rueda desde los caballos de S. M. y A.	Испанская и немецкая гвардии шли двумя рядами, конные лучники с копьями и рогатинами, а арбалетчики верхом с кремневыми пистолетами, убранные красными лентами и в плюмажах, окружали коней Его Величества и Высочества.
La Villa con el palio, vestidos el Corregidor y Regidores con ropones de tela, aguardaron cerca de los Clérigos menores.	Городской совет с балдахинном, причем коррехидор и рехидоры (члены муниципального городского совета) в мантиях ожидали рядом с францисканцами.
Llegó el acompañamiento a Palacio, y S. M. y A. se apearon en el zaguán, haciendo a este tiempo los Archeros salvas con las pistolas.	Кортеж прибыл во Дворец, Его Величество и Высочество спешили в парадной подъездной галерее, а в это время арбалетчики салютовали из пистолей.
Subieron al cuarto de la Reina Nuestra Señora, que los salió a recibir a la puerta de la sala, y habiéndose hecho las cortesías y dado la bienvenida al Príncipe, entraron a la pieza del dosel,	Они поднялись в покои нашей госпожи, которая вышла их встретить у дверей Зала комедий и поприветствовала принца. Они вошли в комнату, где был установлен

debajo del cual había tres sillas; sentóse la Reina Nuestra Señora en la del medio, a su mano derecha el Príncipe y a la otra S. M.	балдахин, под которым стояло три кресла. На средний села королева, по правую руку от нее – принц, а по другую – Его Величество.
Acabada la visita, S. M. llevó al Príncipe al cuarto que le estaba prevenido, que era el bajo que tiene las ventanas al Mediodía y las espaldas al jardín de la Reina; salieron por las escaleras y patio grande.	Закончив визит, Его Величество провел принца в отведенные ему покои, которые находились внизу (под Залом) с окнами на юг, а противоположная сторона выходила на сад королевы. Они вышли, спустившись по лестнице и пройдя через большой двор.
A cosa de veinte pasos antes de llegar al cuarto estaban los Señores Infantes Don Carlos y Don Fernando a recibirle y darle la bienvenida, y juntos acompañáronle hasta su Cámara, donde se despidieron; y aunque el Príncipe quiso volver acompañando a Su Majestad, no le permitió que saliese de allí.	На расстоянии примерно двадцати шагов до входа в комнату принца стояли господа инфанты дон Карлос и дон Фернандо, пришедшие чтобы встретить и поприветствовать его. Вместе они проводили принца до его покоев, где попрощались; и хотя принц хотел вернуться и проводить Его Величество, тот не позволил ему выходить оттуда.
Su Majestad escribió a los Prelados y Grandes del Reino pidiéndoles encomendasen a Dios los negocios y ayudasen a las demostraciones de solemnidad.	Его Величество написал прелатам и грандам королевства и просил уповать на Бога в переговорах и содействовать в проведении торжественных церемоний.
Señaló algunos Grandes, Consejeros de Estado y otros Caballeros que con	Он выделил нескольких грандов, членов Государственного совета и

particularidad le asistiesen e hiciesen cortejo en su cuarto.	других дворян, дабы те составили его общество и служили ему.
A los Presidentes y Consejeros mandó ofreciesen al Príncipe que todo lo que S.A. mandase en negocios de gracia se haría, que lo tuviesen entendido para que ordenase lo que fuese servido.	Его Величество приказал председателям и членам Королевских Советов, дабы они обещали принцу, что все, что Его Высочество прикажет относительно переговоров, будет немедленно исполнено, и чтобы они помнили о том и распорядились соответственно.
Su Santidad el Pontífice Gregorio XV expidió un Breve en Roma, a 20 de Abril de este año, exhortando al Príncipe a la reconciliación de la Religión Católica.	Его Святейшество папа Григорий XV издал декрет (бреве) в Риме 20 апреля этого года, призывая принца к примирению с католической верой.
Celebróse la venida del Príncipe con fiestas de toros y cañas, y Su Majestad las corrió en 21 de Agosto de 1623. Hubo comedias y otras fiestas muy particulares.	Приезд принца отмечали корридой и турнирами на дротиках, Его Величество устроил их 21 августа 1623 г. Были представлены комедии и устроены иные знаменательные празднества.
Comió algunas veces en público para más solemnidad, sirviéndole los Gentiles-hombres de boca, y usando de las demás ceremonias con que se sirve a S. M. en semejantes días, y en las comidas ordinarias le daba la toalla algún Grande, si se hallaba presente, y de continuo el Conde de la Puebla del	Несколько раз [принц] обедал публично для большей торжественности визита. Ему прислуживали дворяне при трапезе короля и, соблюдая другие церемонии, с которыми прислуживали Его Величеству в подобные дни, и на обычных обедах,

Maestre, Mayordomo de S. M., que le asistía en su oficio.	салфетку подавал ему гранд, буде он в присутствии. А граф де ла Пуэбл дель Маэстре (Лоренсо де Карденас дель Валье-и-Сарате) постоянно это делал по должности как майордом Его Величества.
Llegó la armada, a donde se había de embarcar, a Santander, y S. M. salió acompañándole hasta San Lorenzo el Real, y se despidió de él junto al Campillo, donde después se puso una piedra en memoria de este día.	Флот прибыл в Сантандер, потому что там принц должен был взойти на борт. Его Величество отправился сопровождать его [принца] до Сан Лоренсо-Эль-Реаль, и попрощался с ним в Кампильо, где позже был установлен камень в память об этом дне.
Fuéle sirviendo la casa, hospedándole y sirviéndole el gasto, hasta que se embarcó, por Mayordomo el Conde de Barajas, y asistiéndole una Junta que S. M. nombró para ello, la cual llevaba cédula de S. M. para todo lo que se ofreciese, cuya copia es como sigue:	Майордом граф де Барахас отвечал за обслуживание и содержание его дома, равно как и за его расходы при содействии назначенной Его Величеством хунты, у которой имелся указ Его Величества, с распоряжением обо всем [вышесказанном], и его копия такова:
El Rey.	Король
Por cuanto el Sermo. Príncipe de Gales se va a embarcar al puerto de Santander, y es Mi voluntad que en todas las ciudades, villas y lugares de estos mis Reinos y Señoríos por donde quiera que pasare se le haga todo el regalo,	Поскольку Светлейший принц Уэльский собирается отплыть из порта Сантандер, и я желаю, чтобы во всех городах, селениях и местечках моих королевств и владений, где бы он ни проезжал, его

recibimiento y buena acogida que Mi propia Persona, y para que así lo haga ejecutar.	бы одаривали, принимали и встречали радушно как Меня самого, и чтобы все это было исполнено.
He nombrado una Junta que le acompañe y asista hasta el embarcadero, la cual dé para ello las órdenes que convenga, despachadas y firmadas por Don Andrés de Losada y Prada, Mi Secretario.	Я назначил хунту, которая будет его сопровождать и обслуживать по пути до пристани, для чего я отдал необходимые распоряжения, отправленные и записанные доном Андресом де Лосада-и-Прада, моим секретарем.
Por tanto, en virtud de la presente, encargo y mando a todos los Oficiales de Mi Casa y Corte que van con el dicho Serenísimo Príncipe, a Mi Presidente y Oidores de Mi Cancillería, que reside en Valladolid, y a todos los Corregidores, Alcaldes Mayores y sus Tenientes, Alcaldes ordinarios y otros cualesquiera Jueces y Justicias, así Realengas como de Señorío, de todas las ciudades, villas y lugares de estos dichos mis Reinos y Señoríos, y a todos los demás Ministros y Oficiales de guerra y Justicia y otras cualesquiera personas de cualquier estado y condición que sean, que cumplan y obedezcan las órdenes que por acuerdo y mandado de la dicha Junta les diere el dicho Mi Secretario, así de palabra como por escrito, sin ir ni	Таким образом, настоящим я поручаю и приказываю всем должностным лицам моего Дома и Двора, которые сопровождают названного светлейшего принца, председателю и судьям моей канцелярии, расположенной в Вальядолиде, а также всем коррехидорам, главным алькальдам и их заместителям — ординарным алькальдам и иным судьям и членам суда, как королевских, так и сеньориальных владений, во всех городах, селениях и местечках моих королевств и владений, и всем иным министрам, гражданским и военным должностным лицам и другим лицам любого сословия и состояния, выполнять и подчиняться приказам,

venir contra ello en manera alguna, que tal es Mi voluntad; y que los que en contrario hicieren incurran en las penas en que caen e incurren los que contravienen a los mandatos de sus Reyes y Señores naturales y en las demás á mi arbitrio reservadas.	которые по соглашению и распоряжению названной Хунты мой секретарь передаст им устно на словах, так и письменно, никак от них не отклоняясь, поскольку такова моя воля; и пусть тех, кто поступят иначе, постигнут наказания, что постигают тех, кто нарушает повеления своих королей и природных сеньоров, а в остальных случаях – по моему усмотрению понесут ответственность.
Dada en Madrid a seis días del mes de Setiembre de mil seiscientos veintitrés.	Дано в Мадриде в шестой день месяца сентября тысяча шестьсот двадцать третьего года.
Yo el Rey. Juan de Ciriza.	Я, король. [заверено] Хуан де Сириса.